Б. А. Литвинский,
А. В. Седов

ТЕПАИ-ШАХ

Культура и связи кушанской Бактрии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. А. Литвинский,
А. В. Седов

ТЕПАИ-ШАХ

Культура и связи кушанской Бактрии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Л 64

В книге освещаются результаты археологических исследований, проведенных на юге Таджикистана. Публикуются различные вещественные материалы и приводится детальное описание раскопанных памятников. В книге дается историко-культурное истолкование найденных памятников и раскрываются связи кушанской Бактрии с Индией, Парфией и эллинистическо-римским Средиземноморьем.

Для историков, археологов, историков культуры.

Л $\frac{0504010000\text{-}062}{013(02)\text{-}83}$ 221-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На юго-западе Таджикской ССР, в низовьях р. Кафирниган, находится Кобадианский оазис [1]. На самом юге этого оазиса, на берегу Амударьи, к востоку от впадения в нее р. Кафирниган, высится скалистый останец, известный у местного населения под названием Уштур-мулло [2], а в старой русской литературе как «Верблюжья горка». Местность к северу и к северо-востоку от Уштур-мулло — это оазис Шах (см. рис. 1).

Впервые памятники оазиса Шах стали известны сто лет назад, в 1879 г. Тогда в Средней Азии работала Самарская ученая экспедиция, целью которой было изучение бассейна Амударьи и выбор возможного направления для проведения железной дороги [3]. По словам П. П. Семенова-Тянь-шанского, «во второй части путешествия экспедиция проходила страны, до тех пор весьма мало известные. Южная часть Бухары, западная часть Гиссарского края, система притоков Амударьи в верхнем и среднем ее течении посещались до того редко. . .» [Семенов, с. 816]. Одним из участников экспедиции был Николай Александрович Маев (1835—1896). Боевой офицер, после Крымской кампании он вышел в отставку, окончил физико-математический факультет Петербургского университета, затем служил в Туркестанском крае, с 1870 по 1892 г. был редактором «Туркестанских ведомостей». Активнейший краевед, он был одним из организаторов Краеведческого музея и публичной библиотеки в Ташкенте, краеведческих сборников, выставок и т. д. Его интересовали география, история, археология, нумизматика и этнография Туркестана [Лунин, с. 223—229]. В Байсуне Н. А. Маев отделился от основного состава экспедиции и «совершил смелое путешествие» (по словам Б. В. Лунина) по Сурхандарьинской области и Южному Таджикистану. В Южном Таджикистане он побывал в Гиссарской долине, проехал вдоль Вахша и Кафирнигана. Детальная характеристика археологических наблюдений Н. А. Маева, сделанных во время этой экспедиции, была опубликована Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймалем. Н. А. Маев сообщил сведения и собрал легенды о развалинах близ Бальджуана, о крепости Лагман и Тахти-Куваде [Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., с. 41—44].

В данной связи существенно, что от впадения Вахша в Пяндж, от городища Тахти-Кувада, Н. А. Маев проехал вниз, к впадению в Амударью Кафирнигана. Об этой поездке он писал следующее: «Берега Аму от Тахти-Кувата вниз, по течению, поражают своим безлюдием и каким-то унылым, мертвенным видом. Нигде ни признака оседлости. . . Только в 24 верстах от Тахти-Кувата встречались на правом берегу развалины древней крепости Мулла Хуштор. . .» [4]. В опубликованном перечне пунктов, пройденных в 1879 г., значится «древняя крепость», «развалины» Мулла Хуштор, на этот раз в 17 верстах западнее слияния Вахша с Пянджем.

Следующий эпизод дореволюционного изучения оазиса Шах, который имел непосредственное продолжение в советское время, связан с находкой памятников в районе «Верблюжьей горки» — Уштур-мулло.

В 1926—1927 гг. А. С. Стрелков, участвовавший в экспедиции Музея восточных культур и занимавшийся домусульманскими памятниками Термеза и Термезского района, изучал буддийскую скульптуру, найденную в Термезе. В примечании к одной из своих статей он писал: «Полную ана-

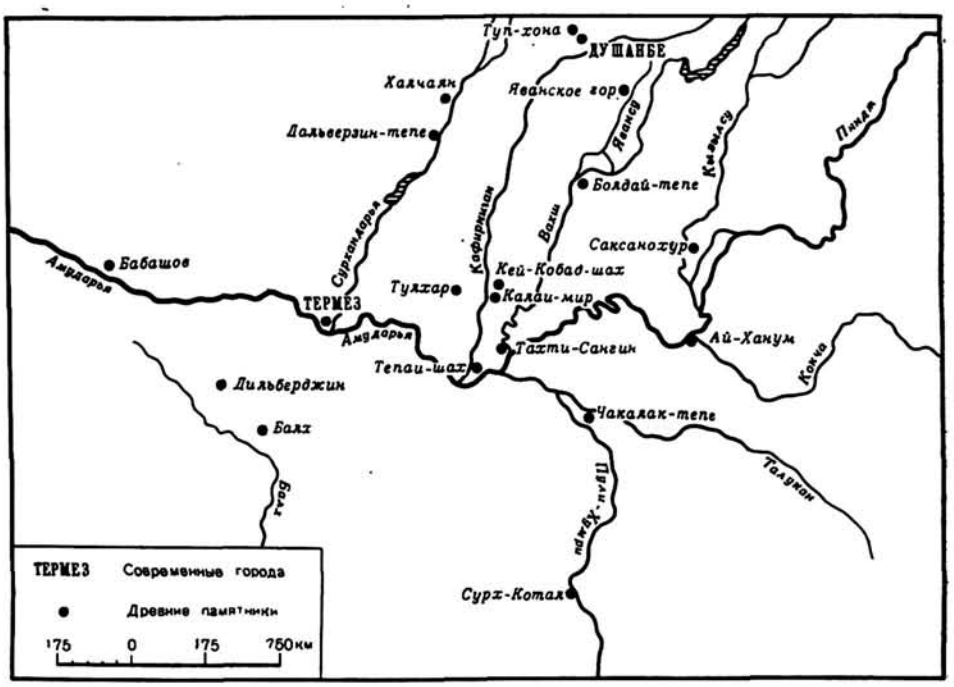

Рис. 1. Карта-схема расположения основных кушанских памятников Южного Таджикистана, Южного Узбекистана и Северного Афганистана.

логию как в смысле материала, так и техники к описываемым памятникам представляют архитектурные детали и торс статуэтки Devata, найденные на так называемой Верблюжьей горе к юго-востоку (около 10 верст) от Айваджа в 1913 году одним из участников почвоведной экспедиции, обследовавшей эту часть горной Бухары. Часть названных памятников (неудобоперевозимая) была оставлена на месте и сфотографирована, часть вывезена нашедшим в Москву, где в настоящее время и находится. Необходимо отметить, что на так называемой Верблюжьей горе были найдены фрагменты керамики (в настоящее время переданные Музею восточных культур), совершенно схожие с теми, что дал Чингиз-тепе» [Стрелков, с. 47, прим. 6].

Начало систематическому археологическому изучению низовьев р. Кафирниган было положено в 1946—1947 гг. В эти и последующие годы (особенно в 1950—1951 гг.) отряды Таджикской археологической экспедиции, возглавляемые А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым, проводили разведки на территории Кобадианского оазиса, а отряд М. М. Дьяконова начал раскопочные работы, увенчавшиеся, как известно, большим успехом [5].

В 1955—1959 гг. А. М. Мандельштам осуществил систематические раскопки могильников Бишкентской долины, а также шурфовку на некоторых расположенных там городищах. Одновременно он проводил разведки как в собственно Кобадианском оазисе, так и в низовьях Вахша и осуществил небольшие раскопки на расположенном близ его устья Каменном городище [6].

Параллельно там же проводились работы отрядов и групп, возглавляемых А. П. Окладниковым и В. А. Рановым, по изучению памятников каменного века.

Несмотря на длительные и систематические рекогносцировки, ряд крупных территорий, входящих в состав Кобадианского оазиса, оставался вне сферы сколько-либо детальных археологических разведок. Одной из таких территорий являлась полоса вдоль Амударьи, от устья р. Кафирни-

ган, на его левобережье, и далее на восток до хребтика Тешикташ, ограничивающего здесь с востока долину Кафирнигана. Вместе с тем литературные данные, приведенные выше, а также поступающие с этой территории отдельные находки (вроде «туалетного диска» из местности Уштур-мулло [7]) с непреложностью свидетельствовали о том, что в этой местности, особенно в окрестностях горки Уштур-мулло, необходимо проведение детальной разведки.

Именно поэтому Сектор археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР по предложению Б. А. Литвинского (в то время возглавлявшего этот сектор) в 1966 г. организовал специальный разведывательный отряд для изучения не обследованных ранее территорий Шаартузского района. Начальником отряда был назначен опытный археолог Х. Ю. Мухитдинов. Отряд обнаружил в окрестностях Уштур-мулло городища Хишт-тепе и Тепаи-шах.

В 1972 г. в этом районе начались совместные археологические исследования, организованные Институтом востоковедения АН СССР и АН Таджикской ССР. Работы проводились в два сезона. В весеннем сезоне (март—апрель) разведочная группа Южно-Таджикистанского археологического отряда (начальник отряда Б. А. Литвинский, в группу входили археолог Х. Ю. Мухитдинов и археолог-реставратор П. В. Турлыгин) помимо детального обследования района провела пробные раскопки городища Тепаи-шах. Был заложен шурф и проведены раскопки в северо-восточном и юго-западном углах городища. При этом был получен интересный вещественный материал, в частности мелкие фрагменты алебастровой скульптуры. Было решено осенью развернуть на этом городище раскопки в большем масштабе.

В осеннем сезоне (октябрь—ноябрь) Южно-Таджикистанский отряд работал в следующем составе: Б. А. Литвинский — начальник отряда, А. А. Абдуллаев — заместитель начальника отряда, Д. Абдуллаев, Е. В. Антонова, А. Р. Вяткин, Д. Давутов, В. А. Жуков, И. Я. Качалова, Т. К. Лебедь, И. Н. Медведская, Х. Ю. Мухитдинов, Д. С. Раевский, А. В. Седов, В. С. Соловьев — археологи; Н. В. Турлыгин — реставратор, А. М. Барщ — архитектор; Т. П. Удыма, Ф. С. Асанова — художники. Отдельные раскопочные объекты вели А. А. Абдуллаев, Е. В. Антонова, И. Н. Медведская, Д. С. Раевский, А. В. Седов, П. В. Турлыгин при участии и под руководством Б. А. Литвинского. Топографические работы осуществлял А. В. Седов, архитектурные обмеры — А. М. Барщ. Был детально изучен весь район оазиса Шах; проведены большие по масштабу раскопки на Тепаи-шах; небольшие — в группе памятников Хирман-тепе; пробные — на Кызлар-кале и Хишт-тепе. Неподалеку от Кызлар-калы проведены раскопки двух могил эпохи бронзы. Характерно, что эти захоронения находятся в непосредственной близости от Амударьи. Кроме того, отряд провел разведки и в нижней части правобережья Вахша.

Вещественный материал, полученный во время раскопок 1972 г., был тогда же обработан и сдан в фонд Сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, где и хранится. Краткий предварительный отчет о раскопках был написан в 1973 г. и впоследствии опубликован [Литвинский, 1976, 1977а].

Данная книга содержит детальную характеристику результатов всех проведенных в оазисе Шах работ и полученных в процессе их материалов в контексте кушанской археологии Центральной Азии. В частности, А. В. Седов рассмотрел керамику из раскопок в оазисе Шах, сопоставив ее с керамикой из других памятников Южного Таджикистана, Южного Узбекистана и Северного Афганистана, и попытался определить место тепаишахского комплекса в системе комплексов кушанского времени и выявить некоторые закономерности.

Б. А. Литвинским рассмотрены и некоторые более общие проблемы истории культуры и религии древней Средней Азии, причем в качестве источника были привлечены не только результаты раскопок в оазисе Шах,

но и вся совокупность материалов, полученных советскими учеными на территории Средней Азии [8]. Речь идет прежде всего о характере погребального обряда в кушанской Бактрии; об отражении в этом обряде зороастрийских верований и зороастризме в Бактрии кушанского времени; о некоторых направлениях бактрийско-парфянских взаимоотношений; о соотношении и параллелях между древним среднеазиатским и индийским городом. Необходимость анализа и научная важность этих проблем очевидны. В имеющихся сводных трудах в силу неразработанности этих проблем на них до сих пор останавливались предельно кратко, ограничиваясь лишь иногда их упоминанием [Гафуров, с. 141—176], или же уклонялись от рассмотрения некоторых из них, а другим давали схематически упрощенную, в отдельных случаях — неадекватную интерпретацию [Ставиский, 1977].

Б. А. Литвинскому принадлежат предисловие, разделы 1б, 2а, 3е, з и 4 в главе I «Археологические памятники оазиса Шах»; глава II «Некрополь Тепаи-шах и проблемы бактрийско-кушанских погребальных верований и обрядности»; глава III «Город в Средней Азии и Северной Индии кушанского времени (параллели)». А. В. Седовым написаны разделы Iа, в; 3а—д, ж в главе I «Археологические памятники оазиса Шах». Часть 2б главы I написана совместно.

Подробное описание керамики и всего вещественного материала, полученного при раскопках городища и некрополя Тепаи-шах, вынесено в Приложение I (Каталог 1 — А. В. Седов; Каталоги 2, 3 — Б. А. Литвинский). В Приложении II, принадлежащем Е. В. Зеймалю, дано детальное описание монет, найденных во время работ Южно-Таджикистанского отряда («Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. Реестр»). В разделе, предпосланном реестру, Е. В. Зеймаль попытался всесторонне проанализировать независимые датировочные возможности монет предкушанского и кушанского чеканов. Иллюстрации к книге выполнены Т. П. Удымой.

ГЛАВА I

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОАЗИСА ШАХ

С востока и севера естественными границами оазиса Шах являются пески Куджала-кум. Обилие разновременных памятников (см. Предисловие) свидетельствует о раннем земледельческом освоении этой части Кобадиана (погребения у городища Кызлар-кала, относящиеся ко II—началу I тысячелетия до н. э.). Судя по результатам археологических разведок, наиболее интенсивное освоение приходится на кушанскую эпоху (городище и некрополь Тепаи-шах (рис. 2), нижние слои поселений Хишт-тепе и Амир-бобо, усадьба Хирман-тепе и др.) [1].

Некоторое территориальное обособление оазиса Шах от собственно Кобадиана обусловило и создание автономной ирригационной системы. Магистральный канал Нахри-калон, являвшийся, судя по всему, основой ирригационной системы левобережья древнего Кобадиана [2], иссякает примерно в 10 км севернее оазиса. Оросительная система последнего, видимо, базировалась на небольшом канале, выводившемся из р. Кафирниган где-то в районе кишлака Шах (интенсивным ирригационным строительством последних лет русло древнего канала уничтожено, однако, судя по расположению памятников, его трасса, по-видимому, в основном совпадала с трассой современного канала).

1. ГОРОДИЩЕ ТЕПАИ-ШАХ

Городище Тепаи-шах расположено в 13 км к югу от центральной усадьбы совхоза «Таджикистан», в 1 км юго-западнее возвышенности Уштур-мулло. Оно находится на краю первой надпойменной террасы Амударьи, которая здесь отмечена 1,5—3-метровым уступом, очень покатым и размытым. Центральная часть городища расположена на небольшом «островке» упомянутой террасы, окруженном с севера своеобразным «рвом», видимо, естественного происхождения. Эта часть городища (рис. 3) подквадратной формы (80×80 м) ориентирована углами по странам света (с отклонением северо-восточного угла к югу, юго-западного — к северу). Городище имеет обвалованные края, возвышающиеся на 2—3,5 м над окружающей местностью. Верхняя площадка с большим чашевидным углублением, с покатом на запад. В центре западной стороны обвалованность сходит на нет, высота городища минимальная, судя по всему, здесь находился въезд. Обвалованные края городища неодинаковы по высоте. Так, по северной стороне прослеживается постепенное, довольно значительное повышение на восток, которое достигает наибольшей высоты в северо-восточном углу. Южная же стена имеет максимальное возвышение примерно посередине. Значительно ниже восточная стена. Раскопками выявлено наличие угловых башен (см. ниже); возможно, имелись башни и по серединам сторон.

К описанному выше холму укрепленной центральной части поселения примыкают другие его части, находившиеся, видимо, за пределами стен. Частично по верхней площадке террасы, особенно на северо-восток

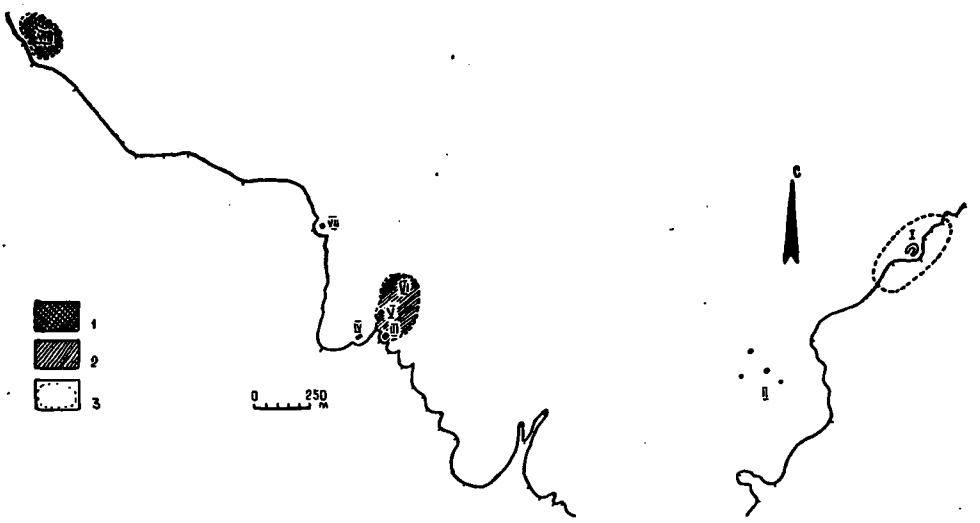

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников в районе городища Тепаи-шах:

I — городище Тепаи-шах; *II* — некрополь Тепаи-шах; *III* — усадьба Хирман-тепе; *IV* — обжигательная печь; *V—VI* — «свалка» ахеменидской керамики; *VII* — поселение Патта-тепе; *VIII* — позднесредневековое поселение; *1* — площадь распространения позднесредневековой керамики; *2* — площадь распространения ахеменидской керамики; *3* — площадь распространения кушанской керамики.

(на 200 м) и по нижнему уступу — на запад (на 300 м) тянутся полосы интенсивного обживания. Здесь очень много керамики, терракот, архитектурных деталей. Встречаются куски шлаков, ошлакованной обмазки, что, возможно, свидетельствует о наличии гончарных печей. В результате дефляции образовались котловины выдува, на дне которых стоят in situ днища хумов (следовательно, здесь поверхность опустилась примерно на 1,5 м).

а. ОПИСАНИЕ РАСКОПОВ

В центральной части городища был заложен шурф и три раскопа [3]. Шурф (у северо-восточной стены) дал представление о стратиграфии, более детально выявленной в процессе последующих раскопок, поэтому на его описании мы не останавливаемся [4].

Раскоп 1

Располагается в северо-восточной части центрального холма городища, вдоль северо-западной обводной стены (рис. 4); размеры 38×9 м. Раскопками вскрыто полностью или частично 23 помещения; выявлено наличие двух строительных периодов. Помещения XIII_1, XV—XVIII относятся к нижнему, первому, строительному периоду. Полы помещений расположены непосредственно на материке, на уровне середины V яруса [5].

Основная часть вскрытых помещений (помещения I—XIV и XIX—XXI) относятся к верхнему, второму, строительному периоду. Стены сохранились на высоту 1,2—0,2 м, причем наибольшая высота в северо-восточном углу раскопа. Помещения, как правило, располагаются над помещениями первого периода, уровень первоначальных полов — граница III—IV ярусов, либо верхняя часть IV яруса. Часто над первоначальным полом — второй пол. Уровень полов помещений XIX—XXI, имеющих общие стены с помещениями IV, V, VIII—X, XI и XII ниже на 40 см (конец IV яруса). Под ними — материковый грунт (остатков первого строительного периода нет).

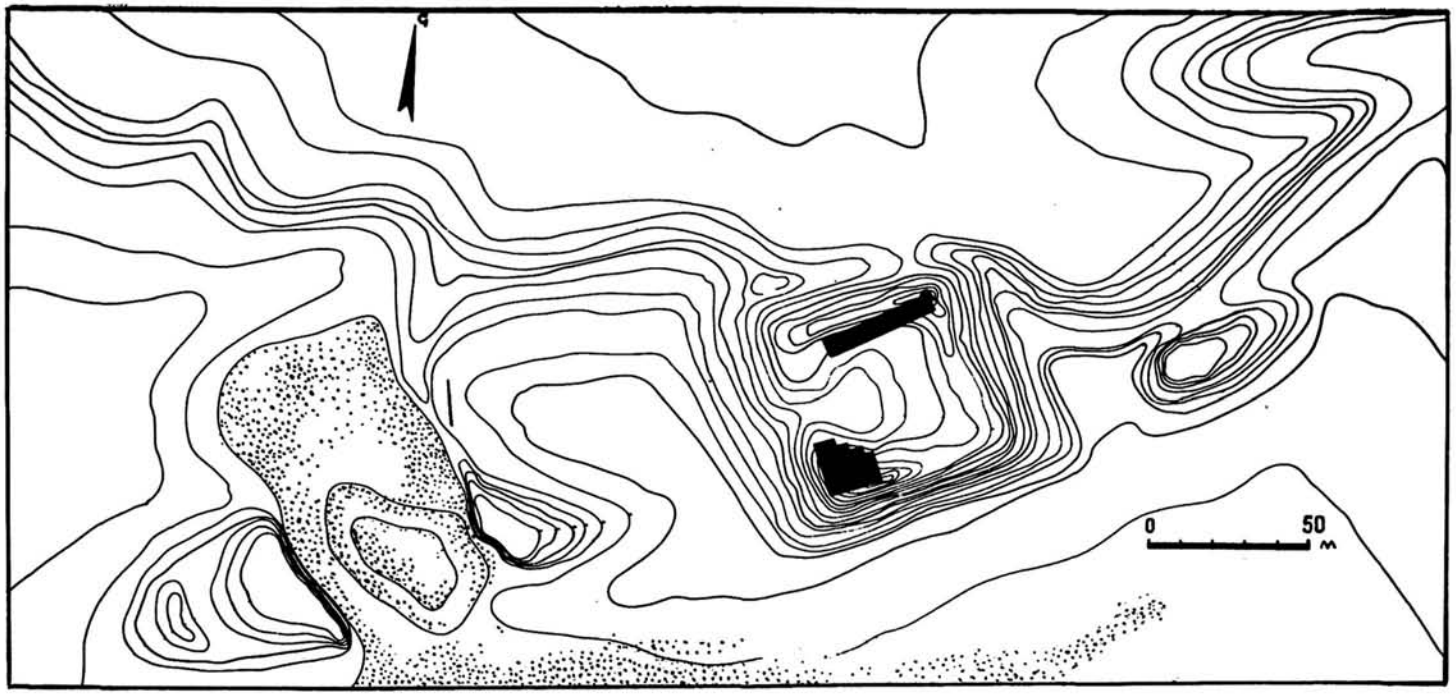

Рис. 3. Городище Тепан-шах. Топографический план.

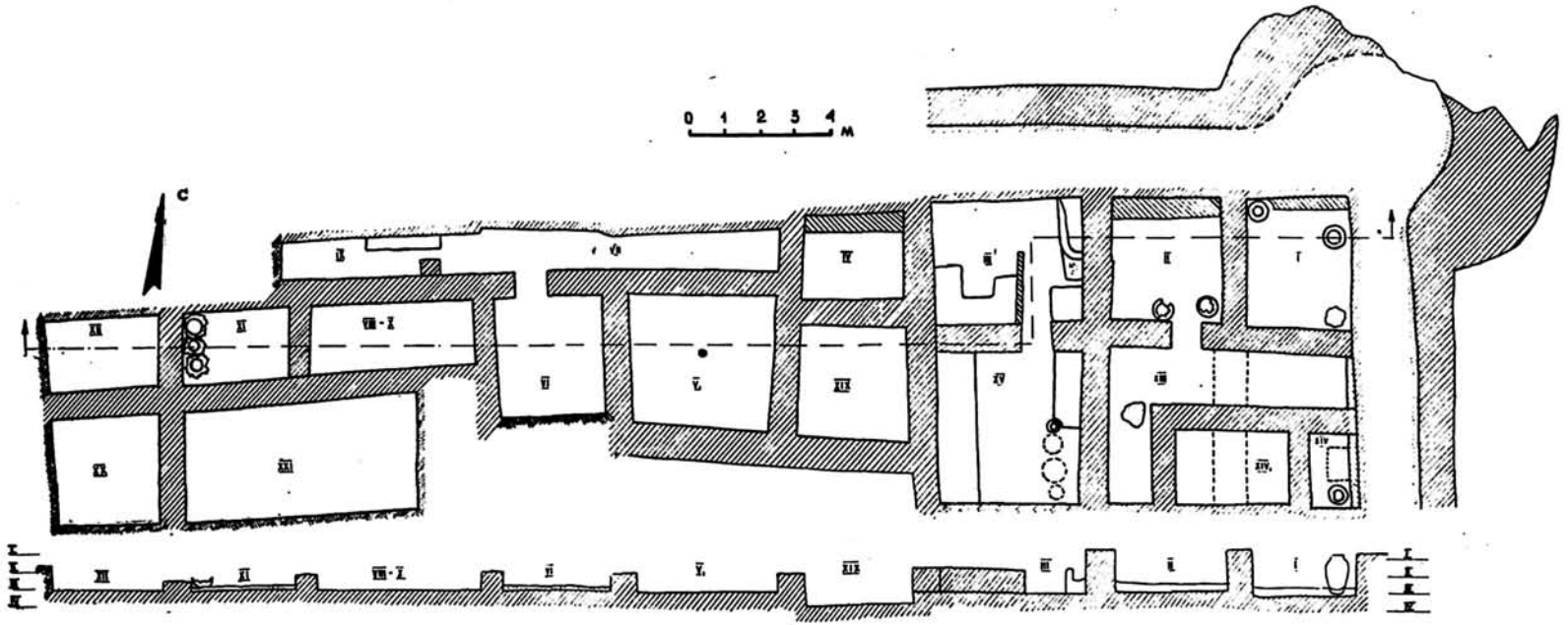

Рис. 4. Городище Тепан-шах. Раскоп 1. План и разрез.

Помещения первого строительного периода

Помещение XIII_1. Расположено в юго-восточной части раскопа, непосредственно под полом северного колена помещения XIII второго строительного периода, в его западной части. Вскрыто не полностью (не обнаружена западная стена). Помещение предположительно прямоугольной формы шириной 1,6 м. Восточная стена (шириной 0,8 м) сложена из пахсовых блоков (80×70×70 см) и находится в трех метрах к западу от северо-восточной обводной стены городища. Возможно, под полом восточной части северного колена помещения XIII второго строительного периода располагается еще одно невскрытое помещение первого периода, примыкающее к обводной стене городища. Стены покрыты штукатуркой толщиной около 1,5 см. Заполнение помещения — плотная глипяная забутовка (для нее брался и материковый грунт.)

Помещение XV. Расположено в юго-восточной части раскопа, к западу от помещения XIII_1. Имеет в плане прямоугольные очертания, предположительные размеры 4,15×2,90 м (южная стена не обнаружена). Северная, западная и восточная стены кирпичные, очень плохой сохранности. Проход в северной стене (ширина 1,1 м) функционировал и во втором строительном периоде (см. описание). В юго-восточном углу помещения, вдоль восточной стены — три врытых хума, венчиками выходящие на уровень пола. Два из них закрыты жженными кирпичами (размером (33,5×33,5×3 см), третий — круглой алебастровой крышкой диаметром 48 см.

Заполнение между полами нижнего и верхнего строительных периодов — довольно плотная глиняная забутовка с фрагментами керамики.

Помещение XVI. Расположено в юго-восточном углу раскопа, примыкает к внешней стене городища. Очертанием и размерами (2,20× ×1,10 м) совпадает с помещением XIV второго строительного периода. Стены выведены с пола, покрыты двумя слоями саманной штукатурки. К восточной стене приложен кирпичный выступ (1,0×0,65 м), также опирающийся своим основанием на пол, причем при его пристройке оказался разрушенным врытый в пол небольшой хум. Юго-восточный угол помещения занимала яма, вырытая в материке, дно которой — на уровне нижней части VIII яруса. Судя по ее очертаниям, яма предназначалась для двух хумов, врытых в пол помещения, максимальный диаметр которых был, вероятно, около 70 см. Яма заполнена рыхлым песком. Заполнение помещения — плотная забутовка из глины, обломков пахсы и сырцовых кирпичей с небольшим количеством фрагментов керамики.

Помещение XVII. Расположено к западу от помещения XVI, под полом восточной части помещения XIV_1 второго строительного периода. Помещение прямоугольное, размерами 2,15×1,20 м. Северная стена расположена непосредственно под южной стеной помещения XIII второго строительного периода. Западная и восточная стены помещения — кирпичные, причем первая имеет цоколь в нижней части шириной 15 см, высотой 12 см. На северной и восточной стенах местами сохранилась саманная штукатурка. В северо-западном углу, на полу — скопление горелой глины и обожженных черепков хумов: вероятно, развал очага или выброс из него. Заполнение помещения — рыхлый лесс с золой и фрагментами керамики.

Помещение XVIII. Расположено к западу от помещения XVII, под полом западной части помещения XIV_1 второго строительного периода, частично заходит и под южную часть помещения XIII. Помещение прямоугольное, размерами 2,60×2,15 м. Стены сложены из кирпича; восточная стена, общая с помещением XVII, имеет точно такой же цоколь в нижней части. Южная стена помещения повреждена «поздней» мусорной ямой. На полу помещения — плотная глиняная забутовка с фрагментами пахсы и обломками керамики.

Помещения второго строительного периода

Помещение I. Расположено в северо-восточном углу городища, непосредственно примыкает к угловой оборонительной башне. Помещение почти квадратной в плане формы размерами 3,40×3,60 м. Северная и восточная стены (пахсовые) являются внешними обводными стенами городища, сохранились на высоту около 1,2 м. Южная и западная стены (толщиной 0,9 м) — кирпичные, сложены из квадратного кирпича (34×34×14 см и 40×40×14 см), в растворе — фрагменты керамики и камешки. Сохранились на высоту 1,1 и 0,9 м. Стены покрыты двумя слоями саманной штукатурки, в завале попадаются куски алебастровой штукатурки. Над первоначальным полом — мощный зольник толщиной около 20 см, с фрагментами керамики, зернотерок, углями, костями животных. Поверх зольника — второй пол. На него, к северной стене помещения приставлена ремонтная пахсовая стенка толщиной 35 см, в западной части которой имеется вырубка под хум. В северо-западном, юго-восточном и северо-восточном (у ремонтной стены) углах помещения на верхнем полу — хумы (см. табл. I, рис. 2, 4), стоящие на подсыпке из черной земли (от хума в юго-восточном углу сохранилась только нижняя часть). Около хумов обнаружены виноградные косточки.

Прохода нет. Заполнение помещения — завал из сильно разложившихся строительных остатков (по-видимому, остатки рухнувших стен помещения), обломки жженых кирпичей, фрагменты керамики. В зольнике между полами — терракотовая фигурка мужчины.

Помещение II. Расположено к западу от помещения I, примыкает к северо-западной обводной стене городища (северная стена помещения) и к западной стене помещения I (восточная стена помещения). Помещение квадратной в плане формы размерами 3,40×3,40 м. Все стены, кроме северной, пахсовой, — кирпичные, толщиной 0,9 м; сохранились на высоту около 1 м. Покрыты несколькими слоями довольно толстой саманной штукатурки.

На 40 см выше первоначального пола — второй пол. Полы ровные, промазаны глиной. По-видимому, по верхнему полу к северной стене была приставлена ремонтная пахсовая стенка толщиной 0,80 м, что уменьшило первоначальную площадь помещения. К середине западной стены пристроена небольшая суфа (?).

В южной стене на высоте примерно 10—12 см от верхнего пола обнаружен проход в помещение XIII (ширина прохода 0,85 м, смещен к юго-западному углу). Там же, у южной стены, по обе стороны от прохода, на верхнем полу — донца двух хумов.

Помещение III. Расположено к западу от помещения II, примыкает к северо-западной обводной стене городища (северная стена помещения) и к западной стене помещения II (восточная стена помещения). Помещение прямоугольной в плане формы, размерами 4,60×3,60 м, вытянуто вдоль обводной стены городища. Западная стена кирпичная, толщиной 0,9 м, сохранилась на высоту около 0,7 м. Южная стена также кирпичная, очень плохой сохранности, однако прослеживается проход (ширина 0,8 м) в помещение XV, расположенный примерно в середине южной стены. В северо-восточном углу — корытообразное сооружение из пахсы размерами 0,75×1,9 м. К югу от него, у восточной стены помещения — очаг на небольшой глиняной платформе (0,55×0,70 м). К южной стене, у западной щеки прохода, приставлена перпендикулярная стенка (длиной 2,15 м, толщиной 15 см) таким образом, что она отгораживает юго-западный угол помещения. Вдоль части западной и южной стен (до «перегородки») сооружена пахсовая невысокая (20 см) Г-образная суфа шириной 0,85 м, у перегородки имеющая небольшой выступ (0,55×0,70 м). На суфе у южной стены — еще один очаг. В юго-восточном углу помещения — какое-то сооружение в форме неправильного куба размерами 1,35×0.90 м, высотой около 25 см, имеющее кирпичное основание, покрытое алебастром

и облицованное поверх него пахсой. По всей видимости, оно служило подставкой под какой-то крупный сосуд.

Помещение несколько раз ремонтировалось и частично перестраивалось, о чем свидетельствуют неоднократные промазки пола, несколько слоев штукатурки на стенах, один из которых (внутренний) — алебастровый, а также пристройка суфы в юго-западном углу и «перегородки» у южной стены к уже оштукатуренным стенам.

В заполнении помещения встречаются фрагменты жженого кирпича, лепных сосудов, хумов. Непосредственно над полом и на нем — фрагменты красноглиняных бокалов, мисок, кувшинов. В завале над полом и над суфой у западной стены найдены медные монеты (см. Приложение II. Реестр, 18—22, 24). На полу прохода — еще одна монета (см. Приложение II. Реестр, 23).

Помещение IV. Расположено к западу от помещения III, примыкает к обводной стене городища (северная стена помещения) и к западной стене помещения III (восточная стена помещения). Помещение прямоугольной в плане формы, первоначальные размеры 3,20×2,60 м. Южная и восточная стены — кирпичные, сохранились крайне плохо, на небольшую высоту. Первоначальный пол отделен от второго завалом из полностью разложившихся строительных остатков (мощностью 20—25 см). Видимо, с верхним полом связан ремонт северной стены: к ней приставлена довольно неаккуратная пахсовая стенка толщиной 0,60 м. Проход не найден.

Находки: глиняная статуэтка лошади и фрагмент матрицы для изготовления женской статуэтки — в завале над верхним полом. На первоначальном полу — каменное пряслице.

Помещение V—VII. Коридорообразное помещение, вытянутое вдоль северо-западной стены городища, к западу от помещения IV. Его размеры 10,20×1,30 м. Южная стена шириной 0,8 м сложена из квадратных сырцовых кирпичей (формат 34×34×12 см и 40×40×14 см), покрыта саманной штукатуркой. В ней имеется проход шириной 1,0 м в помещение VI. На первоначальном полу — зольник толщиной до 20 см; поверх него сооружен второй пол. Заполнение помещения — завал из сильно разложившихся строительных остатков с большим количеством жженого кирпича, кампей и керамики. В завале над верхним полом — медная монета (см. Приложение II. Реестр, 25).

Помещение V_1. Расположено к югу от коридорообразного помещения V—VII и к западу от помещения XIX. Помещение прямоугольное размерами 4,45×3,50 м. Стены кирпичные, сохранились на высоту 50—60 см, толщина штукатурки до 5 см. В основании южной стены (ширина 0,9 м) — крупные камни. Проход из-за плохой сохранности стен не прослеживается. На полу — зольник с костями животных, фрагментами керамики. Поверх зольника — мощные натечные слои. В них, у северной стены помещения, найден фрагментированный череп человека.

Помещение VI. Расположено к югу от помещения V—VII, соединено с ним проходом в северной стене (смещен к северо-западному углу) шириной 1,0 м. Южная стена помещения не обнаружена, предположительные размеры помещения 3,50×3,40 см. Стены кирпичные, сохранились на небольшую высоту (40—50 см), в южной части выклиниваются. Формат кирпичей: 35×35×11—12 см и 40×40×13—14 см.

Два уровня пола: верхний отделен от первоначального зольником. Заполнение помещения — плотный завал из кусков пахсы и обломков сырцовых кирпичей, встречаются фрагменты керамики и зернотерок.

Помещение VIII—X. Прямоугольное помещение размерами 4,80×1,80 м, расположено к западу от помещения VI. Стены кирпичные, кое-где сохранились следы их обмазки. Проход не найден.

Помещение IX. Является продолжением помещения V—VII и первоначально, видимо, составляло с ним единый коридор вдоль северо-западной обводной стены городища. Стены очень плохой сохранности,

западная не найдена, предположительные размеры 4,0×1,0 м. От помещения V—VII отделяется выступом-лопаткой шириной 60 см, напротив которого к северной стене городища пристроена суфа длиной 2,30 м. Над полом — плотный завал из обломков сырцовых кирпичей и кусков пахсы.

Помещение XI. Небольшое прямоугольное помещение размерами 3,80×3,0 м, расположено к западу от помещения VIII—X. Стены сложены из сырцовых кирпичей, сохранились на высоту около 20 см. Проход не найден. Поверх первоначального пола — зольник и второй пол. В западной части помещения, на верхнем полу, сохранились нижние части трех хумов, стоявших вдоль западной стены.

Помещение XII. Расположено к западу от помещения XI. Стены кирпичные, восточная стена — общая с помещением XI. Помещение прямоугольной в плане формы размерами 3,40×2,0 м. Проход не найден. Первоначальный пол на том же уровне, что и в помещении XI, поверх него, возможно, был второй пол. В заполнении помещения найдена фрагментированная терракотовая статуэтка (см. Приложение I. Каталог 2,8).

Помещение XIII. Узкое Г-образное помещение к югу от помещений I и II. Восточный торец упирается в северо-восточную обводную стену городища, к которой приставлена пахсовая ремонтная стенка толщиной около 30 см. Северная и западная стены являются общими со стенами помещений I, II и XV. Формат кирпича в кладке южной стены 37×39×13 см (ширина ее 0,9 м, сохранившаяся высота 40 см). На их нижней постели — прочерченный пальцем круг. Размеры северного колена помещения 7,12×1,60 м, западного колена — 4,70×1,47 м. Возможно существование двух проходов — в северной стене в помещение II и в западной стене в помещение XV.

Пол глиняный, хорошо промазанный, на нем — слой золы и гумуса с большим количеством керамики. У поворота южной стены, на полу — круглый глиняный очаг (диаметр 70 см, толщина стенок 12 см, высота — 15 см). Под очага выложен фрагментами стенок хумов. Поверх зольника, видимо, имелся второй пол. Над ним — плотный завал разрушившихся строительных остатков, выше — довольно рыхлое глиняное заполнение.

Помещение XIV. Прямоугольной в плане формы, расположено к югу от помещения XIII. Примыкает к северо-восточной обводной стене городища, к которой, так же как и в помещении XIII, приставлена ремонтная пахсовая стенка шириной около 30 см. Размеры помещения 2,20× ×1,10 м. Проход не найден. В юго-восточном углу — врытый по плечики в пол хум (диаметр венчика 39 см). В заполнении над полом найдены фрагмент глиняной фигурки лошади и головка терракотовой статуэтки (см. Приложение I. Каталог 2,9).

Помещение XIV_1. Расположено к западу от помещения XIV. Помещение прямоугольных очертаний, размеры 3,50×2,20 м. Стены кирпичные, очень плохой сохранности, проход не найден. Заполнение рыхлое, с большим количеством фрагментов керамики.

Помещение XV. Расположено к югу от помещения III, соединено с ним проходом в северной стене. Функционировало на протяжении двух строительных периодов (см. описание помещений первого строительного периода) и во втором было подвергнуто некоторой перепланировке. К западной стене, на всю ее длину, пристроили широкую (1,24 м) кирпичную суфу высотой 0,4 м. В северо-восточном углу помещения была сооружена еще одна суфа, доходившая примерно до середины восточной стены (размеры суфы 1,52×0,78 м). Южный ее торец был подрублен при установке двуручной хумчи, врытой в пол, который в северной части помещения имел вымостку из шлаковидной породы и перекрывал венчики хумов, врытых в юго-восточном углу. Заполнение помещения рыхлое, с золой и песком, фрагментами керамики. На полу найден обломок жженого кирпича с оттиском печати (см. Приложение I. Каталог 2,57).

Помещение XIX. Расположено к югу от помещения IV, между помещениями V, и XV. Помещение прямоугольной в плане формы разме-

рами 3,30×3,20 м. Южная стена прослеживается плохо, однако ясно, что она является продолжением южной стены помещения V_1 и также имеет в основании крупные камни. Проход не найден. В завале над полом, на уровне III яруса — медная монета (см. Приложение II. Реестр, 26), на полу — бронзовая пуговица и каменное пряслице (см. Приложение I. Каталог 2,23).

Помещение XX. Расположено в западной части раскопа, к югу от помещения XII. Южная и западная стена не обнаружены, предположительные размеры 3,20×3,00 м. В юго-западный угол врезается «поздняя» яма диаметром около 1,0 м. Проход не найден. Пол перекрыт натечными слоями.

Помещение XXI. Расположено к югу от помещения XI и VIII—X и имеет с ним общую стену. Помещение прямоугольной в плане формы размерами 7,0×3,0 м. Стены (кроме северной) очень плохой сохранности. Проход не обнаружен. Поверх пола — натечные слои. На полу найдены: задняя часть глиняной фигурки лошади, стеклянная бусина, бронзовый предмет (см. Приложение I. Каталог 2,49, 63).

Раскоп 2

Расположен в юго-западном углу центральной части городища, вдоль юго-западной и юго-восточной оборонительных стен (рис. 5). Его размеры 20×21 м. В целом планировка вскрытых построек очень сложная, в ряде случаев (практически, во всей восточной части раскопа) удалось лишь проследить последовательность возведения стен, отнюдь не всегда ограничивающих помещения. Так же, как и в раскопе 1, выявлено наличие двух основных строительных периодов. Уровень полов нижнего, первого, строительного периода находится на глубине середины VI яруса; ниже — материк, представленный здесь очень плотным глинистым слоем зеленоватого цвета с желтыми вкраплениями [6]. Полы второго строительного периода зафиксированы на уровне середины III яруса (т. е. практически совпадают с уровнем полов второго строительного периода в раскопе 1).

Высота стен первого периода в центре раскопа достигает 1,7 м; к северу (т. е. к центру холма) — резкое понижение, практически выклинивание. Стены второго периода сохранились на высоту 0,5—0,3 м.

Кроме того, на раскопе 2 прослежен еще один период обживания городища. К нему относятся две хозяйственные ямы, которые врезаются в стены помещения Va второго строительного периода с какого-то верхнего, несохранившегося уровня. Данное обстоятельство указывает на то, что после того, как помещения второго строительного периода перестали функционировать, территория городища еще была обжита.

Помещения первого строительного периода

Помещение Ia. Расположено в юго-восточной части раскопа, прямоугольной в плане формы, вытянуто вдоль обводной стены, размеры 5,6×3,9 м. Стены, кроме юго-восточной, пахсовой,— кирпичные; сохранилась саманная штукатурка толщиной 4—5 см. В восточной части помещения и в его юго-восточном углу — вкопанные в пол хумы. Заполнение помещения — довольно плотный завал из полностью разложившихся строительных остатков.

Помещение IXa. Расположено в северо-восточной части раскопа. Коридорообразное помещение вскрыто не полностью (не найдена его северо-восточная стена). Длина раскопанной части 11,8 м, ширина 1,95 м. Примерно в средней части помещения к северо-западной стене приставлена кирпичная стенка, вероятно, ремонтного характера, длиной 5,7 м, шириной 0,6 м. Вследствие этого ширина «коридора» сократилась в центральной части до 1,3 м. Юго-восточный угол помещения нарушен хозяйственной ямой № 2. С середины V яруса по всей площади помеще-

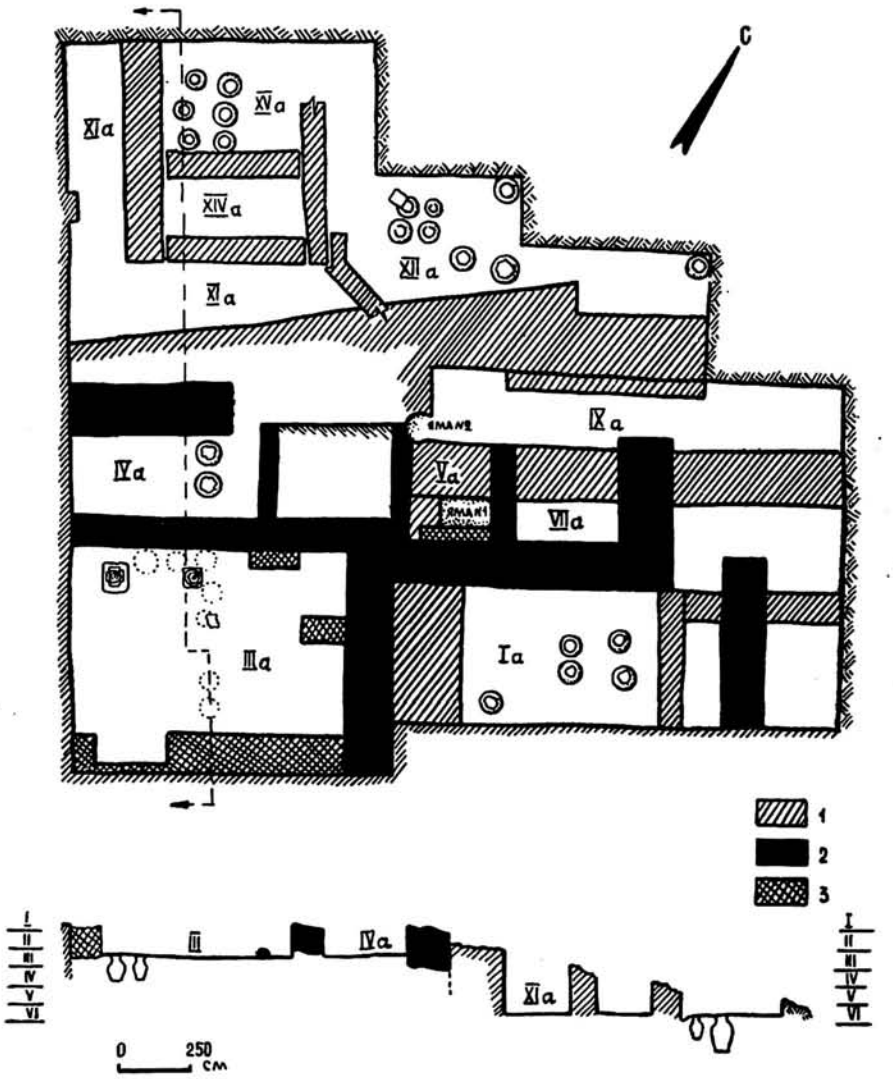

Рис. 5. Тепаи-шах. Раскоп 2. План и разрез:

1 — стены помещений первого строительного периода; *2* — стены помещений второго строительного периода; *3* — пристройки второго периода.

ния прослежен мощный зольник (мощностью около 45 см), обильно насыщенный фрагментами керамики. Зольник уходит под юго-восточную стену, что ставит под сомнение правильность определения постройки как «коридорообразного помещения». Возможно, это просто незастроенное пространство между двумя строительными комплексами, более поздними, чем сам зольник. В таком случае северо-западная приставная кирпичная стенка могла играть роль контрфорса.

Помещение XIa. Расположено в северо-западном углу раскопа. Первоначально, вероятно, представляло собой коленчатый коридор вокруг комплекса построек (помещения XIVa и XVa). Помещение раскопано не полностью — не найдена северо-западная торцовая стена. Длина раскопанной части северо-западного колена около 9 м, ширина 1,40 м. Длина юго-восточного колена, имеющего трапециевидные в плане очертания, около 8 м, ширина в западной части 2,2 м, в восточной — 1,3 м. Стены сложены вперевязку из кирпичей (формат 32×32×14 см, на юго-

восточной стене очень толстые швы — до 5—6 см), кое-где сохранилась саманная штукатурка толщиной до 5 см.

Помещение подвергалось некоторой перестройке. Юго-восточное колено коридора было перегорожено косой секущей стенкой толщиной около 0,5 м (формат кирпичей 32×32×12 см), врубленной в юго-восточную стену, и забутовано небольшими пахсовыми блоками, тогда как северо-западное колено, видимо, продолжало некоторое время функционировать как самостоятельное помещение. Его заполнение — довольно рыхлый завал из кусков пахсы и обломков сырцовых кирпичей.

Помещение XIIa. Расположено в северо-восточной части раскопа. Название «помещение» — условное, скорее всего — это часть двора или большого айвана, в пол которого вкопано множество хумов. Вскрыты восемь хумов, некоторые из них закрыты целыми жженными кирпичами или их обломками.

Помещение XIVa. Небольшое прямоугольное помещение, 3,8×1,6 м, в северо-западной части раскопа. Проход не найден, возможно, он был в северо-восточной стене, впоследствии заложен. Формат кирпича стен 32×32×14 см.

Помещение XVa. Примыкает с северо-запада к помещению XIVa. Раскопано не полностью (не найдена северо-восточная стена). Юго-восточная стена плохой сохранности, прослежена на длину 1,3 м. Ширина помещения 3,8 м, длина раскопанной части около 3 м. Вдоль северо-западной стены помещения — шесть вкопанных попарно в пол хумов.

Помещения второго строительного периода

Помещение IIIa. Расположено в юго-западном углу раскопа, образованном оборонительными стенами. Помещение прямоугольной формы размерами 6,1×7,5 м. Стены кирпичные, очень плохой сохранности (практически сохранились на высоту всего 25—30 см), покрыты двумя слоями саманной, а поверх них — алебастровой штукатуркой. Место дверного проема не установлено. Выступы у северо-западной (0,4×1,3 м) и северо-восточной (1,3×0,5 м) стен как бы отделяют небольшой прямоугольный отсек, размерами 1,8×1,3 м, в северо-восточном углу помещения.

К юго-восточной стене, являющейся обводной стеной городища, видимо, была приставлена какая-то ремонтная пахсовая стенка толщиной около 1,0 м, уменьшившая размеры помещения до 5,1×7,5 м. В этой ремонтной стенке, в 0,65 м от юго-западного угла помещения, вырублена широкая прямоугольная ниша (длина 2,3 м, глубина 0,65 м). Напротив ниши вдоль противоположной (северо-западной) стены помещения, в 0,8 м от нее, найдены две каменные базы колонн (расстояние между ними 1,9 м) (см. табл. II, рис. 2). Одна из них (с крестовидным основанием) располагалась в 0,8 м от юго-западной стены помещения и была установлена на глиняном основании, покрытом жженными кирпичами, в результате чего она оказалась приподнятой на 20 см над уровнем пола. Вторая база колонны (см. табл. III, рис. 1а—в) стояла на лессовой подсыпке толщиной 2—3 см.

Первоначальный пол фиксируется у юго-западной стены помещения. С этого уровня было врыто несколько хумов, три из которых расположены вдоль северо-западной стены, а еще четыре — в середине помещения, по линии сз-юв. Некоторые из хумов закрыты обломками жженых кирпичей. Второй пол, на котором и были установлены базы колонн, сооружен на 5—6 см выше первоначального и перекрывал венчики вкопанных хумов.

В юго-восточном углу помещения, вдоль его северо-восточной стены, выявлены остатки еще четырех врытых хумов. Они также относятся, вероятно, к первому периоду функционирования помещения, так как были разрушены и частично перекрыты при возведении ремонтной юго-восточ-

ной стенки и выступа у северо-восточной стены, связанных, по всей видимости, с верхним полом помещения.

На верхнем полу, у основания одной из баз колонн, найдена медная монета (см. Приложение II. Реестр, 28), а в прямоугольном «отсеке», в северо-восточном углу помещения — фрагменты глиняной и алебастровой скульптуры (см. Приложение I. Каталог 2,6).

Помещение IVa. Примыкает к северо-западной стене помещения IIIa. Помещение прямоугольных очертаний, размеры 5,2×2,3 м. В его северо-восточном углу удалось проследить проход шириной 0,8 м. Около него в пол помещения по плечики были вкопаны два хума (верх сломан). В завале над полом — две медные монеты (см. Приложение II. Реестр, 29—30).

Помещение Va. Расположено в центральной части раскопа. Помещение прямоугольной в плане формы, размеры 2,7×2,2 м. Стены кирпичные, покрыты саманной штукатуркой. Северо-восточная стена очень плохой сохранности, в северо-западном углу нарушена хозяйственной ямой № 2 конусовидной формы (диаметр хозяйственной ямы по уровню пола помещения 1 м), уходящей в материк (дно ямы — на уровне нижней части VI яруса). Проход не найден; возможно, он был в разрушенной северо-восточной стене. Юго-восточный угол помещения нарушен еще одной хозяйственной ямой (№ 1) прямоугольной формы (1,5×0,9 м), доходящей до середины V яруса. В юго-западном углу помещения, в его юго-восточной стене — небольшая прямоугольная ниша, размеры 30×23 см.

Помещение заполнено плотным завалом из кусков пахсы и сырцового кирпича. Заполнение хозяйственных ям — рыхлый гумус с большим количеством обломков жженых кирпичей и керамики. На дне хозяйственной ямы № 1 найден стоящий красноглиняный бокал колоколовидной формы, внутри него — куриное яйцо и несколько астрагалов.

Помещение VIIa. Примыкает к северо-восточной стене помещения Va. Помещение прямоугольных очертаний, размеры 3,2×2,7 м. Возможно, первоначально составляло одно целое с помещением Va, впоследствии было отделено перегородкой толщиной 0,7 м (юго-западная стена помещения). Стены кирпичные, местами прослеживается саманная штукатурка. Проход не найден; возможно, находился, так же как и в помещении Va, в очень плохо сохранившейся северо-восточной стене. Заполнение помещения — плотный завал из кусков пахсы и сырцового кирпича с небольшим количеством фрагментов керамики.

Раскоп 3

Судя по рельефу, центральная часть городища была укреплена мощными оборонительными стенами с башнями по углам и, возможно, по серединам сторон. В северо-восточной части занятого городищем холма, непосредственно за помещением I второго строительного периода, было проведено исследование остатков угловой оборонительной башни и части северо-западной и северо-восточной стен городища (внешний фас стен обнажен на 11 и 12 м). Башня подверглась сильному разрушению, и при раскопках удалось выявить лишь часть ее основания (рис. 6). Тем не менее выявлены остатки двух строительных периодов.

Башня и стены первого строительного периода

Первоначальная башня имела правильную круглую форму и примерно на $^1/_3$ своего диаметра выступала за внешний фас примыкавших к ней стен городища. Ядро башни составляет довольно правильная прямоугольная площадка, выложенная квадратными кирпичами (40×40 см). Стороны площадки ориентированы параллельно внешним стенам городища. Кладка имеет по линии, параллельной северо-восточной стене, шесть кирпичей,

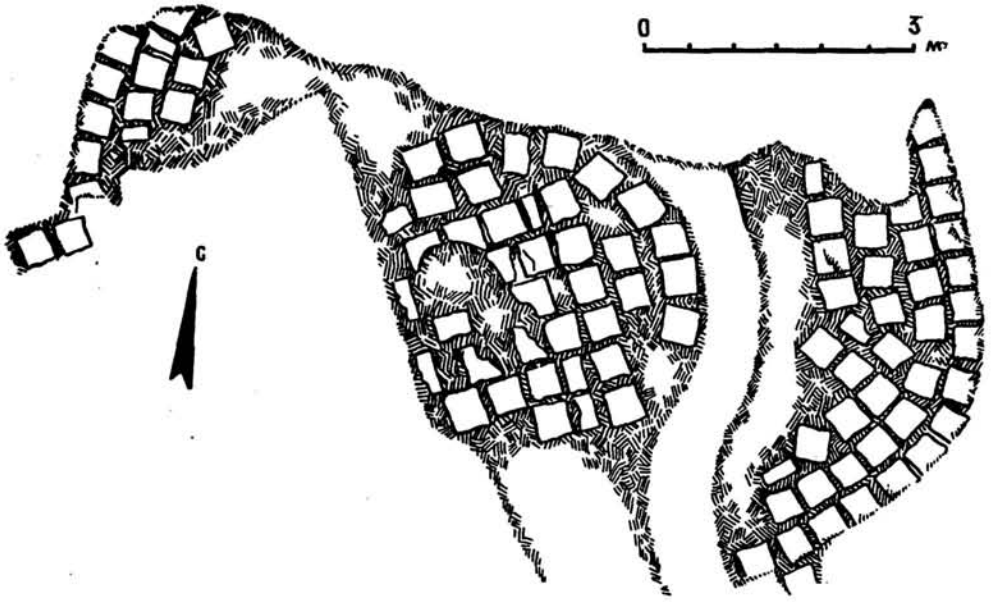

Рис. 6. Городище Тепан-шах. Раскоп 3. План.

северо-западной — $4^1/_2$ кирпича. Примерно у середины северо-восточной и северо-западной сторон площадки приложено еще по два кирпича. Полученная таким образом крестообразная фигура описана рядом таких же кирпичей, положенных по кругу, причем швы между ними расширяются к наружной стороне башни. В некоторых местах кирпичи внешнего кольца несколько смещены к центру башни, а образовавшиеся при этом западины, так же как и углы крестообразной фигуры в центре башни, заполнены плотным глиняным раствором, таким же, на котором сложены и кирпичи центральной части. Таким образом, кладка образует правильную окружность радиусом около 2,20 м.

Снаружи это круглое сооружение опоясано пахсовым поясом шириной 0,68—0,70 м, переходящим в юго-восточной части во внешний панцирь северо-восточной стены городища. Сама эта стена первоначально имела ширину около двух метров и довольно интересную структуру. Ее внутренний панцирь, обращенный к помещению I, сложен из пахсовых блоков размерами 35—40×70 см. Наружный панцирь стены образует уже описанный выше пахсовый пояс, единый с внешним поясом башни первого периода, а пространство между поясами, т. е. сердцевина стены, забутовано глиной, перемешанной с мелкой щебенкой, в которую местами вкраплены довольно крупные камни. Ширина этого бутового пояса около 1 м.

Структуру связи башни первого строительного периода с северо-западной стеной, к сожалению, выявить не удалось, однако можно предполагать, что она была такой же.

Башня и стены второго строительного периода

Во втором строительном периоде угловую башню по наружному фасу укрепили дополнительным панцирем. Структура дополнительного панциря следующая: по внешнему фасу башни идут аккуратно положенные два, местами три ряда кирпичей, выложенные по неправильной окружности. Пространство между внешним фасом башни первого периода и рядами кирпича, образующими внешний панцирь второго периода, частично заложено кирпичами, положенными нерегулярно, частично (в большей части) заполнено глиной и обломками кирпичей, образующими

своеобразную забутовку (см. табл. I, рис. 3). Формат кирпича 38×38×14 см. В целом утолщение панциря башни во втором строительном периоде составило около 2,50 м.

У места смыкания с северо-восточной стеной, которое отстоит по радиусу от центра башни на 4,57 м, дополнительный панцирь почти перпендикулярен стене. Затем он довольно круто заворачивает на север. В месте поворота лицо панциря отстоит по радиусу от центра башни на 5,47 м. Высота сохранившейся части башни у места смыкания с северо-восточной стеной 0,60 м. По периметру панцирь сохранился от угла на 6,10 м, а затем теряется (на склоне холма он полностью смыт). Продолжение дополнительного панциря удалось выявить лишь в месте смыкания с северо-западной стеной городища. Его угол с этой стеной отстоит по радиусу от центра башни на 4,90 м. По периметру от этого угла панцирь башни сохранился на 2,30 м.

Общее впечатление таково, что если угловая башня первого строительного периода имела довольно правильную круглую форму, то укрепление ее дополнительным панцирем во втором строительном периоде придало ей форму скорее прямоугольника с сильно скругленными углами.

Одновременно с укреплением угловой башни происходило и утолщение примыкающих к ней стен городища. По внешнему фасу они также были обнесены дополнительным панцирем, который у северо-восточной стены имеет толщину в 2,5 кирпича (в целом около 1 м). Формат кирпича 38×38×14 см. С панцирем, опоясывающим башню, панцири стен сложены вперевязку. Подошва дополнительного панциря северо-восточной стены лежит на глубине 1,60 м от репера (IV ярус). Сама стена у места смыкания ее с башней сохранилась на высоту 0,90 м и стоит непосредственно на материковом слое. Подошва панциря башни в этом месте лежит несколько выше, на глубине 1,40 м от репера (III ярус), и опирается на кирпичный завал, который, в свою очередь, лежит на материковом грунте. Видимо, завал образовался при частичном разрушении башни первого периода, после чего и была произведена перестройка башни. В северо-западной части подошва дополнительного панциря башни, как и панциря северо-западной стены городища, лежит на глубине 0,75 м от репера (II ярус) и также стоит на материковом слое. Значительная разница уровней между северо-западным и северо-восточным участками объясняется поднятием материкового слоя вдоль северо-западной стены городища. Дальше к юго-западу уровень подошвы северо-западной стены городища понижается, что соответствует общему рельефу холма.

Таким образом, перестройка башни и прилегающих к ней оборонительных стен во втором строительном периоде привела к некоторому изменению формы башни, резкому увеличению ее площади, значительному увеличению выступания башни за внешний фас примыкающих к ней оборонительных стен и к утолщению самих стен городища. Так, если в первом периоде выступание башни было примерно около 1,50 м, то во втором периоде оно увеличилось до 2,50 м. Толщина северо-западной и северо-восточной стен городища во втором периоде составляет соответственно 3,20 и 3,00 м.

Водосток

Около стыка угловой башни с северо-западной стеной городища обнаружена узкая длинная канава, прорубленная в материковом слое. По всей вероятности, она являлась водостоком, выводившим сточные воды за пределы городища. Общее направление водостока — север-юг, причем он имеет несколько изгибов. Его южный конец уходит под северо-западную стену городища, а северный — к подножию холма. Длина водостока около 3 м, ширина от 30 до 60 см, наибольшая глубина достигает 80 см от поверхности плотного материкового слоя. В заполнении водостока найден обильный керамический (см. Приложение I. Каталог 1) и вещественный материал (см. Приложение I. Каталог 2.65).

* * *

Результаты раскопок городища [7] Тепаи-шах позволили выявить стратиграфию его центральной части и общую планировочную схему. Во всех трех раскопах, так же как и в предварительном шурфе, установлено наличие двух основных строительных периодов. Хозяйственные ямы в раскопе 2, прорезавшие стены помещений второго строительного периода, видимо, свидетельствуют о частичном обживании центральной части городища после того, как жизнь на нем в основном замерла.

Выявленные периоды, видимо, укладываются в довольно ограниченные временные рамки. Срезанные стены помещений нижнего периода часто служили фундаментами стен помещений верхнего периода, сами же помещения забутовывались. Иногда нижние стены продолжали использоваться во втором периоде. Так, например, помещение XV (раскоп 1) вообще не перестраивалось на протяжении всей жизни на поселении. Оно подверглось лишь незначительной перепланировке и «косметическим» ремонтам.

Избранный для форта выступ надпойменной террасы был, видимо, первоначально снивелирован, и снятая земля образовывала нечто вроде вала вокруг площадки. Оборонительные стены поставлены именно на этом валу. Возможно, этим объясняется высокий уровень подошвы оборонительных стен и башни по сравнению с полами помещений первого периода. Стены и угловая башня были монолитными, видимо с боевыми площадками поверху. Интересна техника кладки: пахсовые блоки (35—40×70 см) с внутренней стороны, пахсовый пояс с внешней, в середине — утрамбованная глина с щебенкой и крупными камнями.

Центром планировочной схемы являлся большой, видимо прямоугольный, двор. Постройки располагались вокруг него, вдоль стен. Помещения, вскрытые в раскопе 1, имели явно хозяйственное назначение. Обычно прямоугольные в плане, глухие, без выхода на открытое пространство, иногда объединенные в группы, они представляли собой, скорее всего, подполья (цокольные этажи), куда попадали из несохранившихся верхних помещений. Площадь основной массы вскрытых помещений сравнительно небольшая — 8—13 кв. м. Встречаются как более крупные — 16 кв. м и даже 21 кв. м, так и совсем крохотные — 3—5 кв. м. Аналогичные конструкции известны на Яванском городище, на поселении Мирзакултепа [Пидаев, 1978, с. 98].

Стены помещений обычно выкладывались вперевязку из сырцового кирпича, форматом 32×32×12—14 и 40×40×14 см (первый период); 34—35×34—35×11—12 и 40×40×13—14 см (второй период). На нижней поверхности кирпичей часто имелся прочерченный круг. Иногда использовались пахсовые блоки размером 80×70×70 см (помещение XIII_1). Толщина стен не превышала одного метра, обычно 0,8—0,9 м. Зафиксировано наличие цоколя и каменной кладки в основании. Проходы шириной около метра располагались смещенно к одному из углов помещения.

Внутри помещений стены покрывались саманной штукатуркой (толщина около 5 см) в два-три слоя. Изредка поверх саманного было еще и алебастровое покрытие. Вдоль стен иногда устраивались суфы. Полы глиняные, хорошо утрамбованные. В одном случае (помещение XV) расчищена вымостка (частичная) из шлаковидной породы. Видимо, находил применение и жженый кирпич (формат 33,5×33,5×3 см), находки которого как в обломках, так и в целом виде довольно многочисленны. Очаги в помещениях открытого типа иногда располагались на суфах.

Иной характер имели, видимо, помещения, вскрытые в раскопе 2. Судя по обилию врытых хумов, здесь могли располагаться какие-то хранилища. Как по площади (около 46 кв. м), так и по интерьеру (широкая ниша, колонны) выделяется помещение IIIа — на последнем этапе явно

парадного назначения. Находки фрагментов скульптуры буддийского облика в его северо-восточном изолированном отсеке дают основания видеть здесь небольшую домашнюю молельню.

6. О ФРАГМЕНТАХ СКУЛЬПТУРЫ И ТЕРРАКОТАХ С ГОРОДИЩА ТЕПАИ-ШАХ

1. В помещении IIIа были найдены фрагменты скульптурной фигуры (описание см. Приложение I. Каталог 2,6). В интерпретации этой скульптуры Б. А. Литвинский первоначально склонялся к мнению, что она должна была изображать аскета Сумедху, бросающего цветы к ногам Будды Дипанкары. В буддийской легенде указано то же самое количество цветов — пять [8].

В буддийских преданиях (Dīpaṅkara-jātaka) рассказывается о Будде Дипанкаре — наиболее раннем из двадцати четырех предшественников Будды. Когда Дипанкара объявил о своем намерении посетить один город, его правитель собрал все цветы для торжественной встречи гостя. Юный аскет Сумедха, хотевший также поднести цветы, нигде не мог их найти. Наконец, он встретил девушку, у которой было несколько лотосов. Она отдала аскету пять цветов, но с условием, что во всех будущих воплощениях она будет его женой. С цветами аскет Сумедха приблизился к Будде Дипанкаре и бросил цветы к его ногам, но цветы не упали на землю, а образовали венок вокруг головы Дипанкары. Будда предсказал аскету, что в одном из своих будущих рождений тот станет Буддой Гаутамой [9].

Эта сцена входила в основной репертуар гандхарского искусства (по Аккерман — уже со второй половины I в. н. э.) [10] и была популярной и значительно позже, в частности в восточнотуркестанской живописи [11].

Если исходить из того, что тепаишахская скульптура изображала Сумедху, бросающего цветы к ногам Будды Дипанкары, то следует иметь в виду следующую закономерность, установленную для буддийского искусства Центральной Азии в целом. Темы, связанные с предыдущими воплощениями Будды Шакьямуни, были источником, вдохновлявшим художников Центральной Азии в тех областях и в то время, когда господствовала хинаяна. Когда стала преобладать махаяна, они исчезают из иконографического репертуара.

В искусстве Мирана и других ранних художественных центров Восточного Туркестана, как и Гандхары, сюжеты на темы Dīpaṅkara-jātaka были излюбленными [Gaulier, Jera-Bezard, Maillard, p. 5—6].

Однако отождествление этого персонажа с Сумедхой имеет и уязвимые места, в частности такой атрибуции противоречит наличие браслетов. Как правило, Сумедху, следуя легенде, изображали аскетом, без каких-либо украшений [12]. Может быть, поэтому столь же вероятно другое предположение — скульптура изображает донатора, жертвующего цветы буддийской святыне.

О подношении цветов ступе речь идет чуть ли не во всех буддийских источниках, причем это и просто цветы и свитые из них гирлянды. В «Винайе» махасангхиков приводится даже классификация подносимых цветов: они могут быть садовыми и лесными (цветы манго, мирта, бамбук, жасмин и др.) или расти в прудах (красный, белый и голубой лотос, кувшинки и др.). Подносились и искусственные цветы: из золота, олова, оловянно-свинцового сплава, из дерева, ткани, лент. Упоминаются и гирлянды из золотых и серебряных цветов.

Указывается место, куда следовало помещать цветы: в специальное укрытие, имеющееся в основании ступы, на барьере (ее окружающем?), на столбе; прикрепляли их на бечевке к кровле ступы, чтобы они свешивались к окружающим ступу столбам. В некоторых источниках содержится предписание вешать гирлянды цветов на специальные подставки из слоновой кости, а не класть непосредственно на ступу или на статуи вокруг нее. Наконец, высохшие и увядшие цветы следовало убирать [Bareau, p. 242—243].

Как сообщается в одном хотано-сакском документе VIII—X вв., царю Канишке было передано пророчество Будды, что если он выстроит сангхараму вместе со ступой, то каждый, кто бросит к этой ступе даже один цветок, в будущем возродится среди богов [Bailey, 1965]. По свидетельству Фа-Сяня, правитель Хотана сам участвовал в буддийской церемонии, зажигая курильницы перед священными буддийскими изображениями и возлагая к ним цветы [Fa-Hsien, p. 19] [13]. Этот же паломник сообщает, что в области Таксилы царь, министры и народ соперничают друг с другом в разбрасывании цветов и возжигании светильников перед имевшимися там ступами (там же, p. 27). Сходные данные он приводит и о других местах Индии [14].

В связи с обилием цветов, которые подносились буддийским святыням, в Kullavagga (V, 18, I) содержится специальное разрешение бхикшу принимать цветы, складывая их в определенном месте в вихаре (Vinaya, p. 116) [15].

Изображения адорантов с цветами весьма многочисленны. Ограничимся указанием на скульптурные изображения из Хадды [Barthoux, pl. 96, a], Тумшука [Toumchouq, pl. XCVI, 149—152] и др. В Шорчуке у таких фигур (А. Лекок называет их деватами) цветы зажаты между поднятыми перед грудью ладонями [16]. У одной фигуры в правой руке, в раскрытой ладони — семь цветков, причем и здесь рука охвачена двумя браслетами [Le Coq, Taf. 31, a].

Такие скульптурные изображения известны не только в Тепаи-шах, но и в других центрах буддийского искусства Средней Азии. По словам Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургунова, в буддийском святилище Дальверзин-тепе «деватам и адорантам принадлежали отдельные кисти рук, сжимающие концы гирлянд и сами гирлянды, точно заполненные пятилепестковыми розетками...» [Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 93—94]. К сожалению, эти фрагменты пока не опубликованы. По технике изготовления (там же, с. 93) они иные, чем тепаишахская «рука».

Своеобразие трактовки края одежды на руке, характер складок тепаишахской скульптуры находят аналогию в скульптуре Хадды, например в фигурах двух юных монахов из Музея Гиме [Hallade, pl. 108]. Со скульптурой Фаяз-тепе ее роднит применение накладной золотой фольги [Альбаум, 1976, с. 44] [17].

По технике изготовления скульптура Тепаи-шах, насколько можно судить по фрагментам, сходна со скульптурой Дальверзин-тепе, Фаяз-тепе и Кара-тепе, где при изготовлении глино-алебастровых скульптур применялась тканевая прокладка. Эта техника является развитием техники, применявшейся при изготовлении скульптуры уже на Ай-Ханум [18].

Датировка скульптуры Тепаи-шах должна, помимо аналогий, основываться прежде всего на стратиграфических данных — она относится к последнему периоду существования городища Тепаи-шах, т. е., видимо, к III — началу IV в. н. э.

2. В одном из помещений городища Тепаи-шах была найдена терракотовая фигурка (см. Приложение I. Каталог 2,8). Фигурки нагих богинь неоднократно находили на памятниках Северной Бактрии, но иконографически они резко отличаются от тепаишахской статуэтки.

Однако тепаишахская статуэтка не изолированное явление в бактрийской коропластике.

Аналогичная статуэтка была найдена в свое время Л. И. Альбаумом на Зар-тепе в Сурхандарьинской области (см. табл. IV, рис. 3). Голова и ноги ниже колен у этой статуэтки отбиты. Руки вытянуты вдоль туловища и, судя по рисунку, слегка отведены от него. Над локтями «... какие-то украшения в виде браслетов с круглыми бляхами с наружной стороны». На плечи, судя по штрихам, ниспадали прямые волосы. «С шеи к животу спускается длинная лента с подвешенным на ней украшением. Бедра охватывают восемь лент (по четыре с каждой стороны), сходящиеся в нижней части живота. Форма туловища передана правильно. Размеры

фрагмента — 8,5×5,5×2,5 см». По мнению Л. И. Альбаума, терракота, по-видимому, изображает танцовщицу [Альбаум, 1960, с. 32—33, рис. 17].

Обе фигурки практически обнажены. Пропорции их близки, но не идентичны: у тепаишахской фигурки более широкие бедра и несколько более укороченный корпус. Руки у тепаишахской статуэтки прижаты к бедрам, у зартепинской — отведены. Схема расположения украшений одинакова; аналогично свисающее между грудей ожерелье — оно завершается внизу квадратным медальоном. Различно оформление лент, опоясывающих чресла: одиночная лента на тепаишахской фигурке и строенная, собранная в центре, на зартепинской, но к той и другой в центре прикреплен отходящий вниз полулист. Зартепинская фигурка, кроме того, была несколько крупнее. Но все это детали. В целом же сходство необычайно велико.

На территории Южного Таджикистана известны находки еще двух обнаженных женских статуэток: на Калаишодмон [19] и на Чим-кургане [20].

За пределами Средней Азии наибольшую близость обнаруживает статуэтка из Сиркапа (голубой сланец) высотой 18,4 см [Marshall J., 1951, II, p. 701; III, pl. 211, 4a—b]. Это известное произведение неоднократно издавалось и воспроизводилось (см. табл. IV, рис. 2). Она найдена в слое III (конец I в. до н. э.— середина I в. н. э.).

Общая иконографическая схема тела сиркапской и бактрийских статуэток очень близка. Однако заметны некоторые отличия в позе и пропорциях. На сиркапской статуэтке ноги плотно сведены, руки столь же плотно прижаты ладонями к бедрам. Бедра на сиркапской статуэтке более широкие, ноги относительно короче. По-иному распределены украшения.

Голова на бактрийских статуэтках не сохранилась. На голове сиркапской статуэтки прическа, сзади спускалась длинная коса, а на плечи — косички. В этой связи обращает на себя внимание рельефный клин с продольными линиями у излома левого плеча тепаишахской статуэтки — возможно это след косы.

В отношении опоясывающей чресла ленты большую близость показывают другие таксильские статуэтки, в частности те, что происходят из слоя II. Одна из этих статуэток [Ingholt, p. 149—150, fig. 355—356] подсказывает, что косые штрихи на запястьях тепаишахской статуэтки не браслеты, как предположительно сказано в ее описании, а складки гиматия (или сари). Но это только предположение.

Как отмечает В. Доббинз, в слоях Сиркап V—II были распространены статуэтки, изображающие женское божество плодородия, причем наряду со статуэтками, оттиснутыми в одностворчатой форме, были и изготовленные в двустворчатой. Когда производство таких статуэток с помощью двустворчатой формы достигло в период Сиркапа III своего пика, появились и каменные фигурки женских божеств плодородия, сделанные в виде круглой скульптуры.

Согласно Д. Гордону и В. Доббинзу, упомянутая выше сиркапская каменная статуэтка — точная копия терракотовой модели [Gordon, p. 74; Dobbins, p. 283—284]. Г. Ингхольт полагает, что в разбираемой статуэтке «нет ни намека на гандхарский стиль» [Ingholt, p. 149, fig. 353—354], а Л. Бахофер писал, что она «парфянская по форме и мотивам» (p. 225—226).

Однако можно указать на находку более ранней статуэтки — плакетки из слоя 27 Сонкха (начало I в. до н. э.). Здесь мы видим тот же статуарный тип, что и в Сиркапе: фронтально стоящую, обнаженную женщину с правой рукой на бедре и левой, поднятой. На бедрах — широкий пояс, между грудей спускается длинное, сдвоенное (или строенное) ожерелье, над запястьями — многочисленные браслеты [Härtel, fig. 15] [21].

Если правильны хронологические определения сиркапского и сонкхского изделий, то сиркапский тип нагого женского божества, вопреки приведенным выше мнениям Г. Ингхольта и Л. Бахофера, должен иметь местный генезис, может быть с некоторым иноземным влиянием.

Исследователи проследили распространение изображений нагих богинь плодородия от Средиземноморья до долины Инда [22].

В Бактрии на рубеже и в первые века новой эры, по-видимому, существовали три группы таких изображений-статуэток: 1) развивающие какую-то местную традицию; 2) восходящие к греко-эллинистической традиции; 3) отражающие сплав местной и индийской традиций. К последним относятся зартепинская и тепаишахская статуэтки.

Самый сложный вопрос — соотношение бактрийских нагих богинь в их третьем варианте с сиркапской каменной статуэткой. Бактрийская коропластика еще столь мало изучена, что любое предположение о генезисе и развитии здесь образа нагой богини было бы явно преждевременным.

Тепаишахская и, вероятно, зартепинская статуэтки относятся ко времени, заведомо более позднему, чем сиркапская. Однако не исключено, что развитие этих статуарных образов протекало параллельно, не без воздействия восточноэллинистических эталонов [23].

В этом отношении особое значение приобретает парфянская коропластика.

В маргианской терракоте (см. табл. IV, рис. 5) представлен образ обнаженной «маргианской богини», стоящей с перекрещенными ногами [Пугаченкова, 1962, с. 123—124, рис. 3]. На одной из статуэток, из Джинтепе (см. табл. IV, рис. 4), датируемой не позже I в. до н. э., на груди — перевязь, которая особенно характерна для иконографии Атаргатис. На основании этого Г. А. Кошеленко высказал предположение «. . . о влиянии иконографии Атаргатис на формирование образа великого женского божества Маргианы». Вместе с тем, как осторожно считал этот исследователь, «нельзя исключать возможность и влияния в данном случае некоторых индийских образов типа Якши» [1966, с. 108—109, рис. 1].

Действительно, сходство с образом Якши очень велико. Отличия от двух бактрийских статуэток бесспорны (поза, положение рук, украшения), но есть и несомненные моменты сходства в общей трактовке тела. Учитывая, что хронологически джинтепинская статуэтка предшествует рассматриваемым бактрийским, можно предположить, что этот тип маргианских статуэток мог, вероятно, оказать некоторое (отнюдь не доминирующее) воздействие на сложение образа, являющегося предметом исследования.

Отметим, что набор украшений на тепаишахской и зартепинской статуэтках в целом безусловно индийского облика. Ожерелье, опущенное вниз, проходящее между грудей и завершающееся внизу прямоугольным медальоном, как известно, было широко распространено в парфянское время; вместе с тем такие ожерелья, судя по иконографическим источникам, — непременная принадлежность индийского женского наряда с рубежа новой эры и в первые века новой эры. Ожерелья на бактрийских статуэтках (по рисунку и наличию внизу медальона) имеют наиболее близкие соответствия в памятниках Санчи, Карли, Матхуры, во втором и третьем периодах Амаравати, хронологически относящихся к концу I в. до н. э. по II в. н. э. [Loth, pl. 19,3; 21,2; 22,5; 23,4; 26,1) [24].

Браслеты из двух рядов прямоугольников, подобные тем, что на тепаишахской статуэтке, представлены на скульптуре Бхархута (II в. н. э.) [там же, pl. 49, 11]. Одинарный поясок тепаишахской скульптуры может в упрощенной форме отражать тип, представленный в матхурской скульптуре II в. н. э. и на беграмской резной кости (I—II или II в. н. э.) [там же, pl. 38,2; 42,1]. Поясок зартепинской статуэтки (из трех лент, собранных в центре с помощью пряжки) находит абсолютно точные аналогии на беграмской резной кости и в скульптуре Нагарджунаконды (конец II—III в. н. э.) (там же, pl. XIV, 1; 41,1—3; 44,2).

Приведенные выше соображения и аналогии отнюдь не означают, что мы рассматриваем эти статуэтки в качестве индийского импорта. Напротив, они несомненно бактрийского происхождения, но свидетельствуют о знакомстве с индийскими прототипами и об использовании их в Бактрии.

Две изданные Г. А. Пугаченковой статуэтки нагой богини из Баратепе [Пугаченкова, 1979, с. 178—179] показывают дальнейшее развитие этого типа и утрату многих его характерных черт. Издательница датирует эти статуэтки III—II вв. до н. э. Нам кажется, что они типологически и хронологически должны следовать за тепаишахской и зартепинской.

3. На городище Тепаи-шах была собрана небольшая коллекция миниатюрных баз (см. Приложение I. Каталог 2, 1—5). Они входят в обширную серию таких баз, обнаруженных на территории Бактрии. Наиболее ранние из них происходят из Ай-Ханум. При раскопках объекта XIX в 1968 г. (Б. А. Литвинский, И. Т. Кругликова) была найдена микробаза из мергелистого известняка. Она торовидная, на двухступенчатом плинте с доминирующей нижней ступенькой, незначительно суживающейся вверх. Над валом — нечетко выраженная шейка (плинт 16,5×16,5 см, высота 9—9,1 см). База из мергелистого известняка, обработка очень небрежная. Вторая такая база найдена в храме (плинт 15×15 см, высота 10,5 см). Здесь же обнаружены миниатюрные базы аттического профиля; интересны базы, основание которых имеет снизу широкий продольный вырез; узкие торцы боковых полос с двух сторон выступают и имеют фигурное очертание, на основании — тор. Все это напоминает стилизованное животное. Наконец, есть базы в виде вытянутого и слегка расширяющегося в основании цилиндра; базы, состоящие из простого плинта, суживающегося вверх цилиндрического элемента и тора. При раскопках храма было найдено четыре десятка этих микробаз [Bernard, 1969, p. 337 и сл., fig. 29—30].

Много таких баз найдено в Южном Таджикистане. Изданы сведения о находке семи миниатюрных баз на поселении вблизи Пянджа в Пархарском районе [Литвинский, 1954, с. 142], одна база найдена в Богараке (все — Кулябская область). В 1980 г. сильно фрагментированная микробаза аттического профиля была поднята вблизи Безымянного городища (Бишкентская долина). При раскопках на Кей-Кобад-шахе найдены две микробазы. Их нижняя плоскость рассечена продольным желобком, на параллельных ему боковых поверхностях плинта центральная часть вырезана [Дьяконов М. М., 1953, с. 285, рис. 20]. Известны и другие находки, например в Гиссарской долине.

Пожалуй, еще больше таких микробаз происходит с территории Сурхадарьинской области (Узбекская ССР). Известны их находки в Термезе [Пугаченкова, 1945, с. 75, рис. 12]. В Айртаме и Куль-тепе они имеют аттический и торовидный профиль. У торовидной базы из Илан-тепе продольный вырез в основании и фигурный профиль боковин — «пилончиков» плинта. На Хатын-Рабате обнаружено множество микробаз различного размера и профилировки [Пугаченкова, 1973б, с. 88, рис. 7, 9].

Типология упомянутых выше микробаз отражает, может быть в неполной форме, общую типологию бактрийских баз. Торовидные микробазы бывают с тором, водруженным на одно-, двух-, трехступенчатый пьедестал. Одна база из Тепаи-шах относится к первому типу (двухступенчатый вариант), но имеет над мощным тором высокую суживающуюся вверх шейку. У другой микробазы оттуда же (одноступенчатый вариант) тор очень низкий. Значительная часть баз относится к аттическому типу. В Кей-Кобад-шахе, как указывалось, встречены базы с одноступенчатым плинтом и тором, оформленные так же, как базы, напоминающие стилизованное животное из Ай-Ханум. Еще одна такая база найдена в Илантепе, близ Шурчи. К числу специфических относятся базы, состоящие из плинта, невысокого пояска и вала (Тепаи-шах).

Особенностью некоторых баз первого типа (торовидных) является рельефный бортик вдоль края верхней поверхности тора; он имеется на одной микробазе второго типа (Тепаи-шах). На нижней поверхности некоторых баз имеются гнезда, в одном случае (база из Тепаи-шах) — прямоугольное гнездо (2,7×3,5 см при глубине 4,2 см), а в верхней плоскости — круглое коническое (диаметр 1,0, глубина 1,5 см).

О назначении микробаз высказано несколько догадок, но все они не основываются на сколько-нибудь твердых положениях.

в. ДАТИРОВКА ТЕПАИ-ШАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ КУШАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ — ТОХАРИСТАНА

Как это обычно бывает при раскопках кушанских поселений и городищ, на Тепаи-шах получены довольно скудные материалы для определения абсолютной даты памятника. Анализ так называемых мелких находок не позволяет сколько-нибудь точно установить хронологические рамки городища. При использовании для этих целей других категорий находок — монет и керамики — также возникают труднопреодолимые моменты.

Монеты. Монетные находки с городища Тепаи-шах можно разделить на две группы: находки на поверхности (подъем) и находки в раскопках, причем среди последних наиболее важны монеты, найденные непосредственно на полах помещений.

Коллекция подъемных монет довольно многочисленна и разнообразна (см. Приложение II. Реестр, 1—17). В ее составе имеется монета греко-бактрийского царя Эвтидема I, два обола «Герая», девять медных монет кушанских царей от «сотера мегаса» до Канишки III и четыре монеты — подражания монетам кушанских царей (одна монета из-за плохой сохранности не поддается определению). Для датировки собственно городища все перечисленные выше монеты обладают ограниченной ценностью. Видимо, любые подъемные материалы, даже достаточно обильные, вряд ли могут дать что-либо большее, чем факт отнесения памятника к той или иной исторической эпохе (в широком смысле). Иное дело — материалы непосредственно из раскопок.

В раскопе 1, в завале над полами, найдено семь медных монет: шесть экземпляров — подражания монетам Хувишки (см. Приложение II. Реестр, 18—22, 26) и один — подражание монетам Канишки III (см. Приложение II. Реестр, 25). На полах помещений найдены только две монеты — подражания Хувишке (см. Приложение II. Реестр, 23—24). В раскопе 2 из трех имеющихся монет (четвертая монета фактически подъемная, см. Приложение II. Реестр, 27) две найдены в завале над полами («сотер мегас» и подражание монетам Хувишки) и одна происходит с пола помещения IIIа («сотер мегас», см. Приложение II. Реестр, 29—30, 28). Как видим, нумизматический материал достаточно однородный. Все монеты относятся к последнему, второму, периоду жизни на городище, более того, датируют лишь верхние полы. Если к материалу подходить строго, то при определении даты памятника следует опираться лишь на монеты, происходящие с полов помещений. В данном случае это подражания монетам Хувишки и монета «сотера мегаса».

Прежде чем говорить о дате памятника, несколько слов о датировочных возможностях самих найденных монет (более подробно об этом см. Приложение II).

Безымянный «царь царей, великий спаситель» («сотер мегас»). Дата выпуска этих монет целиком и полностью зависит от решения проблемы кушанской абсолютной хронологии и тесно связанной с ней проблемы НДК («начальной даты Канишки») [25]. Даже если принимать уравнение «сотер мегас»=Куджула Кадфиз [Массон М. Е., 1950, с. 11—49; Пугаченкова, 1966а] (что, кстати сказать, так и остается всего лишь недоказанной гипотезой [Зеймаль Е. В., 1960; 1965]), единичные находки этих монет не могут быть использованы для определения и относительной даты комплекса или памятника. Известны многочисленные случаи находок этих монет вместе с заведомо более поздними кушанскими монетами [26] и даже в слоях более поздних памятников. Кроме того, монеты «безымянного царя», так же как и другие кушанские монеты, не знали принудительного изъятия из обращения.

Подражания монетам Хувишки. Данная группа монет выделяется Е. В. Зеймалем впервые. Абсолютная датировка их неясна

и также непосредственно зависит от кушанских дат. Несколько лучше обстоит дело с относительным хронологическим определением. Коль скоро подражания следуют иконографии монет Хувишки, начало их выпуска может частично совпадать либо приходиться на время сразу после чекана этого кушанского царя. Видимо, данная группа — одна из локальных разновидностей подражаний монетам кушанских царей, находимых в Южном Таджикистане, Южном Узбекистане и Северном Афганистане [27], которые начинают выпускаться, возможно, в связи с сокращением притока собственно кушанской меди (подробнее см. Приложение II).

Итак, относительную дату второго строительного периода городища Тепаи-шах можно определить достаточно твердо — это конец кушанского периода (так называемый позднекушанский период).

Керамика. Для первого строительного периода Тепаи-шах монетные находки, к сожалению, отсутствуют. Однако, насколько позволяют судить материалы раскопок, разница во времени между первым и вторым периодами вряд ли была значительной. В пользу этого предположения свидетельствуют как стратиграфические наблюдения (см. выше), так и наблюдения над эволюцией керамики. По существу, и в первом и во втором периодах мы имеем тот же набор керамических форм, те же приемы и особенности изготовления и декора посуды. Различия очень незначительные: как правило, это изменения деталей профиля (изгиб венчика или стенки), наличие либо отсутствие того или иного вида лощения. Из значительных изменений для второго периода можно отметить лишь следующее: для столовой керамики — появление новой формы (кружек); для тарной керамики — исчезновение одного из типов тагора (тип 2); для кухонной — появление новых типов венчиков у горшков. Вот и все различия комплексов. (Подробнее см. Приложение I. Каталог I.)

По-видимому, керамику городища Тепаи-шах можно рассматривать как единый керамический комплекс с выделением в нем двух групп — ранней и поздней.

Что касается керамики из водостока, то мы далее отметили предполагаемое своеобразие в формировании этого комплекса (см. Приложение I. Каталог I). Некоторое его отличие от комплекса собственно городища может быть объяснено недостаточно представительной выборкой для последнего. Отсутствующие в основном комплексе формы очень немногочисленны. Видимо, вполне оправданным будет предположение, что они не представлены в основном комплексе из-за недостаточной площади раскопок.

Для определения абсолютной даты комплекса Тепаи-шах необходимо провести сравнительный анализ керамики [28]. Однако, прежде чем перейти к нему, надо остановиться еще на одном вопросе.

При датировке любого комплекса керамики кушанского времени [29] в первую очередь сталкиваются с проблемой так называемой «стратиграфической колонки» и в основном с ее хронологическим аспектом. Наличие достаточно полного обзора истории изучения керамики кушанской Северной Бактрии [Сычева, 1970] избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Ниже мы рассмотрим лишь основные из предложенных стратиграфических схем.

Более тридцати лет назад М. М. Дьяконовым была разработана схема эволюции керамики Северной Бактрии на основе материалов из Кобадиана и могильника Туп-хона [Дьяконов М. М., 1953, с. 272—293, табл. XII]. Предложенная в то время, когда археологическое изучение кушанских памятников в Средней Азии фактически только начиналось, «к о б а д и а н с к а я к о л о н к а» оказала огромное влияние на работы последующих лет [30]. Правда, обоснованные критические замечания в ее адрес раздались уже вскоре после ее опубликования [Заднепровский, Массон В. М.]. В 1966 г. А. М. Мандельштам на основе своих работ в Бишкентской долине (раскопки курганных могильников и поселений) и в низовьях р. Вахш (Каменное городище) предложил дополнения к схеме

М. М. Дьяконова [1966, с. 137—159]. В 1968—1969 гг. с кардинальным пересмотром кобадианской схемы выступила Т. И. Зеймаль [1969а, с. 5; 1975, с. 267—268]. И наконец, совсем недавно Г. А. Пугаченкова предложила «принципиальное изменение датировки керамики Кобадиан II» [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 160]. Верно подметив, что керамика, выделенная М. М. Дьяконовым как относящаяся к периоду КБ-II, не имеет ничего общего с айханумским комплексом, достаточно надежно датированным [Fouilles, p. 105—111, 121—188] [31], она предложила отнести период КБ-II к концу II—I в. до н. э. и сопоставить керамику этого периода с «аналогичной керамикой могильника Тупхона» [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 160]. Однако к этому же времени в Кобадиане относится и Тулхарский могильник [Мандельштам, 1966, с. 158], датировка которого сомнений у исследователей пока не вызывала [Заднепровский, с. 15]. При датировке могильника А. М. Мандельштам указывал, что схема М. М. Дьяконова «нуждается в значительном дополнении и исправлении» именно потому, что керамика Тулхара не находит в ней места. В его работе довольно большой раздел посвящен этому несоответствию [с. 137—159]. Дата Тулхарского могильника — последняя треть II в. до н. э.— начало I в. н. э.; Кобадиан II — после Тулхара, т. е., как минимум, после рубежа новой эры. Предложенное Г. А. Пугаченковой «принципиальное изменение датировки» — фактически шаг назад (и историографически, и буквально) по сравнению с тем, что предлагали А. М. Мандельштам и Т. И. Зеймаль.

Обычно, когда речь идет об изменении датировки «кобадианской колонки», имеется в виду передатировка **слоев,** выделенных в раскопах на городище Кей-Кобад-шах и Калаи-мир. Т. И. Зеймаль впервые обоснованно подвергла сомнению сам факт **наличия** слоев Кобадиан II—IV [1975, с. 267—268]. Нам кажется, что именно такой кардинальный пересмотр и передатировка кобадианской схемы наиболее соответствуют новым археологическим материалам из древнего оазиса на юге Таджикистана [32]. Небезынтересно отметить, что при публикации результатов последующих работ на том же раскопе I А ни о каких «периодах» речь уже не шла [Мандельштам и Певзнер, с. 290—310].

К сожалению, самого городища Кей-Кобад-шах в настоящее время уже не существует. Представление о времени его действительного возникновения и существования, с учетом предложенной Т. И. Зеймаль передатировки, могут дать, на наш взгляд, материалы из раскопок его оборонительной стены и прилегавшего внутреннего пространства, где были найдены монеты «сотера мегаса» и Кадфиза II [там же, с. 290—297], а также материалы из раскопа I Б с монетами Кадфиза II, Васудевы и позднекушанской [Дьяконов М. М., 1953, с. 278—279].

По результатам работ в Халчаяне Г. А. Пугаченкова предложила свой вариант стратиграфической колонки для памятников долины р. Сурхандарья и памятников Северной Бактрии в целом [1966, с. 30—108]. Однако неоправданно ранние даты халчаянских слоев, а в некоторых случаях и выделение самих слоев вызывают серьезные сомнения [33]. Остановимся на стратиграфии Халчаяна подробнее.

Основной материал получен из шурфа во дворце (раскоп Х-1). Раскопы на территории западного (раскоп Х-2) и юго-западного (раскоп Х-3) домов, а также на Карабагтепа носили вспомогательный характер и не дали датированных стратиграфических комплексов.

Небольшой шурф (2,7×1,5 м) был заложен около одной из каменных колонн дворца, причем начиная с XIII яруса, т. е. для слоев Ш-I—III, площадь шурфа была уменьшена до 2,0×1,0 м. Мощность культурных напластований под полом дворца составляла около 4,7 м. В них выделено «четыре четко расчлененных стратиграфических слоя» [Пугаченкова, 1966, с. 30].

Слой Ш-I (датировка по Г. А. Пугаченковой — IV—III вв. до н. э. [там же, с. 30, 33, рис. 10, 11]). Самый нижний слой, выявленный в шурфе

мощностью 1,2 м, представляет собой «завал земли с примесью гальки и болотных глин», с многочисленными включениями угольков, костей животных, фрагментов керамики. К сожалению, керамическая выборка из-за небольшой площади шурфа очень незначительная (как и для последующих слоев). Главным аргументом для отнесения слоя к IV—III вв. до н. э. является наличие фрагментов сосудов с подкошенными донышками, «столь типичных для древнебактрийских поселений». Однако сама же Г. А. Пугаченкова отмечает «несколько иную форму подкоса» у халчаянских сосудов, что объясняется ею «порой изживания и замены данного профиля иными посудными формами». Наличие же сосудов с «подкосом» в керамическом комплексе Ай-Ханум [Fouilles, p. 132—133] свидетельствует, что на их основании нельзя делать вывод о столь ранней дате, какая предложена для Халчаяна.

Еще одним датировочным аргументом является утверждение об отсутствии в слое бокалов, появление которых в среднеазиатской (?) керамике, по Г. А. Пугаченковой, относится к III—II вв. до н. э. Однако бокалы отсутствуют в том же айханумском комплексе [там же, p. 121—188], а в недавней работе сама Г. А. Пугаченкова относит появление этой формы уже ко времени не ранее I в. до н. э. [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 112].

Слой Ш-II (дата по Г. А. Пугаченковой — III в. до н. э. [1966, с. 33—36, рис. 10, 12—14]). Этот слой мощностью около 1,0 м не отделен горизонтальным уровнем от нижележащего. Судя по описанию, он мало чем отличается от последнего (отсутствуют только «болотные глины» и галька), иными словами, для их разделения стратиграфических оснований как будто бы нет. Комплекс керамики из слоя (насколько позволяют судить описание и таблицы) очень близок предыдущему (сходный набор форм, одинаковые ангобное покрытие и цвет черепка). Отмечено лишь появление единичных фрагментов сероглиняной керамики и венчика бокала (?). Основания для датировки — отсутствие керамики «с подкосом» (следовательно, позже комплекса Ш-I), аналогии с Кобадианом II и материалами из Хорезма (территориально далекая аналогия). Надо заметить, что само по себе «отсутствие» не может служить аргументом для даты. В целом же, учитывая очень непредставительную выборку, столь узкая датировка слоя (один век) вряд ли правомерна. Более того, не исключена возможность (во всяком случае, стратиграфических противопоказаний, судя по публикации, к этому нет), что слои Ш-I и Ш-II составляют единый комплекс.

Слой Ш-III (дата по Г. А. Пугаченковой — II в. до н. э. [там же, с. 36—37, рис. 10, 15]). Толщина слоя 1,25 м. Четко отделен горизонтальными уровнями от нижележащего (зеленоватая прослойка) и вышележащего (пол здания) слоев. В этом слое, так же как и в предыдущих, отсутствуют конструктивные строительные остатки. Керамика претерпевает заметную эволюцию: увеличивается ассортимент форм (появляются бокалы), изменяется цвет черепка и ангобного покрытия, количественно увеличивается сероглиняная и черноангобированная керамика. Дата слоя (в качестве аналогий керамике привлекается только Кобадиан II) обосновывается датировкой вышележащего и нижележащего слоев (заполняется временно́й «пробел»). Отметим практическое отсутствие различий в керамическом комплексе слоев Ш-III и Ш-IV.

Слой Ш-IV (дата по Г. А. Пугаченковой — II—I вв. до н. э. [там же, с. 37—45, рис. 10, 16—22]). Выявлен не только в стратиграфическом шурфе, но и в зондажах под полами других помещений дворца. Его толщина колеблется в пределах 1,3—1,8 м. Слой разделен как бы на два уровня: остатки какой-то постройки из сырцового кирпича (формат 35×35×12 см) и перекрывающие их «рыхлые хозяйственные отвалы». Комплекс керамики происходит в основном из «хозяйственных отвалов», т. е. относится, видимо, к заключительному этапу формирования слоя.

Датировка обосновывается несколькими моментами: якобы точная дата терракотовой статуэтки обнаженной богини — III—II вв. до н. э.[34]; аналогии керамике; дата каменной базы из слоя. Общеизвестно, что хронологическая схема каменных баз колонн Средней Азии не разработана настолько (если разработана вообще), чтобы находка единичной базы позволяла бы так точно датировать археологический слой. При анализе керамического комплекса основной упор делается опять-таки на кобадианскую схему. Кроме того, в качестве датирующей аналогии привлекаются бокалы Тулхарского могильника. Нелишне еще раз напомнить, что, по заключению А. М. Мандельштама, керамика Тулхара не находит себе места в схеме М. М. Дьяконова [1966, с. 137], что вынудило его использовать для датировки могильника иные материалы (в частности, монеты) [там же, с. 137—159]. В силу этого вряд ли правомерно равноправное привлечение для датировки одного слоя двух явно разновременных памятников. Нельзя не отметить и тот факт, что практически форма всех халчаянских бокалов (см. [Пугаченкова, 1966, рис. 16—17, 20]) графически р е к о н с т р у и р о в а н а и им всем приданы выпуклоконические очертания (по классификации А. М. Мандельштама), что вызывает известные сомнения.

С л о й Ш-V (дата по Г. А. Пугаченковой — I в. до н. э.—III—IV вв. н. э. [1966, с. 45—70, 125—239; рис. 9, 10, 23—42]). Следуя логике изложения, само дворцовое здание можно обозначить как слой Ш-V. Выявлены два основных периода обживания здания, связанные с двумя уровнями полов. Как отмечено самой Г. А. Пугаченковой, между зданием из слоя Ш-IV и дворцом существовал временной перерыв. Последний должен был быть довольно значительным, коль скоро здание Ш-IV успело превратиться в руины, а потом уже его забросали «хозяйственными отвалами». Фундаменты стен дворца «впущены» именно в эти «отвалы».

По Г. А. Пугаченковой, Халчаян (т. е. в первую очередь сам дворец) надежно датирован всем комплексом находок (археологические данные, монеты, анализ скульптуры, живописи, архитектуры, мелкой пластики и т. д.) [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 160, прим. 90]. Как нам кажется, материал все-таки не дает оснований к подобному категорическому заключению. Попытаемся проанализировать перечисленные датировочные аргументы.

А р х е о л о г и ч е с к и е д а н н ы е. Для определения времени возведения дворцового здания (I в. до н. э.) привлечены несколько железных наконечников стрел, найденных в смазке пола первого периода. Однако их дата не может служить опорной, поскольку сомнительна их принадлежность данному слою. Лесс, являвшийся основным строительным материалом (в том числе и для обмазки полов), безусловно брался на месте, поэтому возможность попадания некоторых предметов из нижних слоев (в данном случае — наконечников стрел) в кирпич, раствор и т. д. вышележащего здания отнюдь не может быть исключена. Подобное явление обычно для многослойных памятников. Что касается фрагментов керамики из смазки полов, то они «типологически почти идентичны извлеченным из-под полов» [Пугаченкова, 1966, с. 57], т. е. безусловно случайно попали в обмазку и также не могут служить датировочным аргументом.

Для датировки первого периода дворца привлечены находки импортных вещей (фрагменты стеклянных чаш и др.) из слоя между полами. Хронологически они, по заключению Г. А. Пугаченковой, относятся к I в. до н. э.—II в. н. э., коими пределами и ограничен основной период функционирования дворца. Почему? Вряд ли импортные вещи (в частности, александрийские) попадали на территорию к северу от Амударьи сразу же после изготовления. Более вероятно, что между временем изготовления и временем их попадания в слой был довольно значительный временной промежуток. Другими словами, импорт может свидетельствовать только об одном: ремонт и частичная перестройка дворца не могли быть осуществлены ранее II в. н. э.

Относительную (но не абсолютную) дату второго периода дает медная монета Васудевы из верха «утоптанного слоя с керамикой» (VIII ярус) из помещения 6. Что касается керамики верхнего периода (фактически лишь этот комплекс и может быть связан с дворцовым зданием), отметим ее довольно значительное отличие от нижележащей [там же, с. 65—68, р. 39—40], что лишний раз свидетельствует о временном перерыве между слоями.

Архитектура. Вряд ли на основе анализа архитектурных данных можно констатировать что-либо иное, кроме принадлежности постройки ко времени кушан (в широком смысле).

Живопись. Сохранилось очень небольшое количество фрагментов, которые не дают обоснованных дат. Ссылки на сходство с первым помпеянским стилем, фаюмским портретом, как и восточнотуркестанские аналогии, не меняют существа дела, коль скоро мы имеем «общность художественного образа, но не художественной манеры» [там же, с. 152].

Мелкая пластика. При описании археологических слоев терракоты использованы для их датировки, как якобы имеющие дату по их стилистическим особенностям. В разделе же, посвященном самим терракотам, отмечается, что часть из них «извлечена из археологически датированных слоев» [там же, с. 217; ср. с. 60 и с. 221—222]. Намеченная схема эволюции кушанских терракот Северной Бактрии, мягко говоря, довольно своеобразна. Все женские статуэтки определяются как изображения Великой богини-матери; наиболее ранними считаются обнаженные фигурки; постепенно происходит одевание: сначала появляются браслеты и пояса стыдливости, а затем и все остальное. Следуя логике изложения, чем больше одежд и они «плотнее», тем более позднюю дату имеет терракота.

Не менее своеобразен и способ датировки мужской обнаженной фигурки, определенной как изображение Аполлона, правда «при отсутствии головы вопрос о тождественности ее (терракоты. — *А. С.*) с Аполлоном нельзя считать окончательно разрешенным» [там же, с. 227]. Один из главных аргументов для установления ранней даты фигурки, а следовательно, и слоя, из которого она происходит, — «цвет и качество терракоты» [там же, с. 227].

Скульптура. На основании сходства голов некоторых статуй с изображениями на монетах «Герая» делается вывод о прокламативном характере реконструированного фриза зофора (изображены «Гераичи», скульптурные композиции служат прославлению «Гераева рода»). Коль скоро это «портреты конкретных лиц, сделанные мастерами явно с натуры» [там же, с. 190] (т. е., видимо, правителя «Герая» и его «родственников»), то дата создания скульптуры и соответственно время сооружения дворца приходятся на вторую—третью четверть I в. до н. э. (дата монет по А. Н. Зографу). Далее делаются далеко идущие выводы о Халчаяне, как резиденции «царя Герая», сложении первоначальной кушанской государственности в долине р. Сурхандарья со столицей Ходзо-Дальверзинтепе и т. д., и т. п.

Не вдаваясь в подробный анализ предложенной реконструкции скульптурного фриза и его интерпретации, отметим несколько спорных моментов. Бакенбард, которые увидела Г. А. Пугаченкова, на монетных изображениях нет [35]. «Правитель в „скифском клобуке“» [там же, табл. XIX], т. е. главный персонаж центральной сцены зофора, имеет очень мало общего с монетным «Гераем». От главного персонажа северного фриза («правитель на троне») сохранилось только туловище: «От его головы дошла лишь теменная часть, но скульптор Х. Хуснутдинходжаев, исходя из этнического типа Гераичей, попытался воссоздать в реконструкции и лицо» [Пугаченкова, 1979, примеч. 170]. Почему именно лицо «Герая»? Среди скульптурных изображений имеются и персонажи иного этнического облика. Таким образом, «Гераичами» остаются лишь несколько второстепенных персонажей предложенной реконструкции [36]. Нельзя не учитывать и

то обстоятельство, что, несмотря на обильные монетные находки, на средней Сурхандарье до сих пор не найдено ни одной монеты «Герая» [37].

Остановимся еще на двух моментах. Крайне сомнителен тезис Г. А. Пугаченковой о портретах «конкретных лиц, сделанных. . . с натуры». Уже высказывалось мнение, что это скорее «живо и реалистично переданные образы людей той эпохи и определенного социального круга, но не портреты» [38]. Мало того, ряд исследователей считает, что вообще «одной из самых характерных черт архаического и средневекового художественного творчества является отсутствие индивидуальных, портретных черт изображаемого персонажа» [Шукуров, с. 144]. Подобное мы имеем, например, в сасанидском официальном искусстве, носящем прокламативный характер (т. е. то же, что и в Халчаяне), где представлены «идеализированные образы царя царей и его вельмож» [Луконин, 1969, с. 19—26; 1977].

И наконец, последнее: дата монет «Герая», которая является фактически основой хронологической схемы Халчаяна, не может считаться окончательно установленной. Наряду с ранней существует и довольно поздняя хронология этих монет [39]. Напомним еще один факт. При раскопках Кей-Кобад-шаха обол «Герая» не был использован для датировки слоя. Напротив, дата слоя, по утверждению исследователей, явилась якобы «веским археологическим подтверждением правильности датировки монет Герая серединой I в. до н. э., предложенной А. Н. Зографом» [Мандельштам и Певзнер, с. 310] [40].

Таким образом, и этот датировочный аргумент нельзя признать надежным. Хронология монет «Герая» вряд ли может быть использована даже с известными, причем весьма существенными, оговорками.

В своих последних работах Г. А. Пугаченкова вновь вернулась к датировке слоев Халчаяна и попыталась ее «уточнить» [Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 159—160; Пугаченкова, 1979].

Для времени возведения дворца это «уточнение» сводится к повторению тезиса о портретности статуй, посвященных «прославлению царя Герая» (теперь уже более определенно — не «Гераичи» или «Гераев род», а уже сам «царь Герай»). Учтя предлагаемое некоторыми исследователями омоложение даты монет «Герая», Г. А. Пугаченкова «омолодила» и дворец. Время его возведения отнесено теперь к рубежу новой эры ± два-три десятилетия [1979, прим. 166].

Нижний слой (Ш-I) по керамике «с подкосом» отнесен ко времени «не позднее IV в. до н. э.» [Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 159], хотя в этой же работе, несколькими страницами ранее, слой ДТ-I, содержащий аналогичную керамику (в частности, и сосуды «с подкосом»), датирован III—I вв. до н. э., причем слой с землянкой из раскопа ДТ-7, где и встречены фрагменты сосудов с подкошенными донышками, — III в. до н. э. [там же, с. 146].

Для слоя Ш-II на основании аналогий с греко-бактрийской керамикой Ай-Ханум предлагается дата III—II вв. до н. э. (тарелочки с раскинутыми стенками и клювовидным венчиком, отлогие фиалы, бокалы со срезанным донцем, закраины хумов) [там же, с. 159]. Отметим, что в публикации Халчаяна в описании керамики из слоя Ш-II первая форма (тарелочки с раскинутыми стенками и клювовидным венчиком), наиболее характерная для греко-бактрийских комплексов, о т с у т с т в у е т [см. Пугаченкова, 1966, с. 33—36, рис. 14]. Клювовидный венчик отмечен на одной форме чаш из слоя Ш-I, но это явно не тарелочки, а массивные грубоватые чаши, имевшие, «очевидно, чисто хозяйственное значение», со следами копоти [там же, с. 32, рис. 11]. Также отсутствуют в слое Ш-II и бокалы со срезанным донцем. Отлогие фиалы — не датирующая форма: на Дальверзин-тепе, например, они доживают до слоя ДТ-IV (позднекушанский, или кушано-сасанидский комплекс [Пугаченкова, Ртveладзе и др., рис. 110]). Вышележащие два слоя (Ш-III и Ш-IV) соответственно остаются распределенными в оставшемся до возведения дворца промежутке времени — конец II—I в. до н. э.

Итак, краткий критический обзор халчаянской «колонки» выявил отсутствие в ней надежных датировочных аргументов. Хронология халчаянских слоев, предложенная Г. А. Пугаченковой, явно требует пересмотра. В качестве предварительного варианта можно предложить следующую схему.

Слои Ш-I—II из-за очень малой выборки практически не дают материала для сравнения с выделенным греко-бактрийским комплексом Ай-Ханум. Можно, видимо, только предполагать их частичную одновременность и довольно широкую дату (для халчаянских слоев или слоя?) — III—I вв. до н. э. Слой Ш-III, керамика которого «претерпевает заметную эволюцию» [Пугаченкова, 1966, с. 36], может быть с известной осторожностью отнесен ко времени около (или после?) рубежа новой эры. Учитывая отсутствие различий в керамике слоев Ш-III и Ш-IV, дата последнего, вероятно, рубеж — первые века новой эры.

Для даты дворцового здания Халчаяна первостепенное значение имеет наличие перерыва между слоями Ш-IV и Ш-V. Как уже указывалось выше, этот перерыв был, видимо, достаточно значительным, коль скоро здание Ш-IV после какого-то периода своего функционирования не только успело разрушиться, но на его развалинах образовалась довольно мощная свалка. Комплекс находок между полами дворцового здания и наличие этого временного перерыва, видимо, не позволяет датировать время постройки дворца ранее начала II в. н. э. [41]. Разрушение и окончательное оставление жителями комплекса приходится, по-видимому, на конец III—начало IV в. н. э.

Безусловно, все изложенное выше только предположение, однако, на наш взгляд, оно достаточно хорошо согласуется с опубликованными материалами.

А. М. Мандельштам на основе большого набора керамики из Тулхарского могильника, привлекая, правда, довольно фрагментарный материал из собственных раскопок городищ Бишкентской долины и Каменного (низовья р. Вахш), а также керамику из могильника Туп-хона, попытался наметить основные моменты эволюции такой распространенной формы кушанской керамики, как бокалы [1966, с. 156—158]. Раскопки последних лет позволяют внести серьезные коррективы в заключения А. М. Мандельштама. Цилиндро-конические и выпукло-конические бокалы, равно как и широкогорлые горшки на трех ножках в раскопе на Каменном городище, найдены в слоях, как будто бы соотносимых с монетами Канишки I и Хувишки [42]. При раскопках на Чимкургане (Гиссарская долина) эти же формы широко представлены в комплексах керамики III и IV строительных периодов, практически не различающихся как по набору керамики, так и по особенностям декора. В заполнении же помещения III строительного периода найдены две медные монеты Канишки I. Не подтверждают предложенную схему и материалы из раскопок Тепаи-шах (описание керамики см. Приложение I. Каталог 1). Исходя из этого, вряд ли можно ограничивать период бытования перечисленных выше форм керамики временем до рубежа новой эры.

Совсем недавно увидели свет результаты первых лет обширных раскопочных работ на таком ключевом для кушанской археологии Средней Азии памятнике, как Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др.]. В публикации авторы выразили надежду на то, что стратиграфия памятника и характеристика выделенных и датированных керамических комплексов будут использованы как «эталонные» при изучении кушанских памятников Северной Бактрии [там же, с. 160]. Отдавая должное первоклассному памятнику и еще больше — высочайшему мастерству и эрудиции раскопщиков и авторов публикации, с определением «эталонный» вряд ли можно согласиться.

По Г. А. Пугаченковой, датировки выделенных слоев «обоснованы комплексом археологических находок (в том числе монет). . .» [там же,

с. 176]. И далее идет отсылка к соответствующим статьям книги, посвященным отдельным объектам раскопок. Однако, обращаясь к этим статьям, легко убедиться, что все абсолютные даты покоятся исключительно на кушанских монетах. Прямое датировочное использование кушанских монет (тем более если они представлены единичными экземплярами) требует, как это уже неоднократно отмечалось [43], большой осторожности, поскольку кушанские медные монеты не знали принудительного изъятия из обращения и продолжали ходить значительно позднее времени их выпуска. В этой связи выглядит странным определение времени постройки и существования здания по самой ранней и самой поздней из найденных в нем кушанских монет [44].

Что касается даты конкретных слоев, то хотелось бы остановиться на нескольких моментах.

Слой ДТ-I. Предложенная датировка — III—II вв. до н. э. [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 144—146, 176]. Датирован на основе сравнения с айханумской керамикой, причем в одном случае отмечается чуть ли не идентичность комплексов [там же, с. 176], а в другом перечисляются довольно многочисленные и существенные различия между ними [там же, с. 145]. Правда, последние отнесены за счет «локальности» и «провинциальности» керамики Дальверзин-тепе в сравнении с крупным греческим центром [там же].

Монета Эвтидема из раскопа ДТ-7 не может быть использована для подтверждения даты слоя, так как она в нем не найдена. Судя по разрезу на рис. 57 и реестру монет [там же, с. 84, 228], она происходит из VI яруса, т. е. найдена в дерновом слое, и является, по существу, подъемной.

Слой ДТ-II. Предложенная датировка — конец II в. до н. э.— I в. н. э. [там же, с. 146—150, 176]. Между этим слоем и предыдущим (ДТ-I), на большинстве тех раскопов, где они были вскрыты, имеются следы запустения и стерильные прослойки. Наиболее ярко это выявлено в здании ДТ-7 и в шурфе на цитадели (разрез стены) [там же, с. 75—76, 14, 18—21]. В последнем ясно видно (см. разрез на рис. 5), что поздняя стена (кушанского времени) с предполагаемой «протейхизмой» сооружена уже на развалинах первоначальной пахсовой стены, причем последняя не включена в систему последующей фортификации, а использована лишь в качестве фундамента. Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о достаточно длительном временном промежутке между слоями ДТ-I и ДТ-II, что дает возможность для передвижения нижней даты слоя, видимо, к рубежу новой эры.

Что касается монет «варварского Гелиокла», то их датировка непосредственно зависит от абсолютной даты кушанских монет. Имеющихся к настоящему времени данных явно недостаточно для сколько-нибудь надежного определения времени их чеканки, не говоря уже о времени их хождения, которое могло быть значительно более длительным [45].

И наконец, хотелось бы коснуться вопроса датировки дальверзинского науса. Выделенные три погребальных горизонта датированы в следующих пределах. Первый и второй «хронологически почти совпадают» и датируются II в. до н. э.—рубежом новой эры либо началом I в. н. э. [там же, с. 109—112]. Третий погребальный горизонт отделен довольно значительным промежутком времени и датируется II—IV вв. н. э. [там же, с. 109—110]. При описании конструкции науса отмечалось, что по мере заполнения (т. е. после совершения погребений третьего горизонта) входы в склепы закладывались до середины сырцом, а когда были заполнены все камеры, стеной был закрыт вход и в сам наус [там же, с. 109]. Кажется маловероятным, что после первоначальных погребений, совершенных, как считает автор, до рубежа новой эры, сооружение простояло около 200 лет неиспользуемым, а затем было «дозаполнено» и закрыто.

В целом же создается впечатление, что вся хронологическая схема ДТ-I—ДТ-IV безусловно подчинена общеисторической концепции одного из главных авторов сборника, достаточно детально изложенной как в предыдущих публикациях [Пугаченкова, 1966, с. 240—266], так и в последнем издании [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 176—221].

Хотелось бы также остановиться на вопросе о сводной стратиграфической «колонке» Вахшской долины[46]. Действительно, можно только пожалеть вслед за Г. А. Пугаченковой, что за прошедшие десять с лишним лет комплексы Яванского городища, как и вся сводная «колонка», полностью не опубликованы. Однако материал имеется, доступен[47], хронологическая схема разработана и используется[48].

Наиболее привлекательным в этой «колонке» представляется то, что при разработке абсолютных дат были учтены ограниченные возможности использования кушанских монет [Зеймаль Т. И., 1969а, с. 4—5]. В этом отношении «колонка» выгодно отличается от других схем. Отнюдь не исключая, что вахшская схема (в том числе и схема эволюции кушанской керамики как ее составная часть) не свободна от недостатков, мы не можем согласиться с высказанными недавно сомнениями в обоснованности даты некоторых ее слоев [Массон В. М., 1976, с. 10; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 184—185].

Действительно, «Верхний Яван» не дал пока находок кушано-сасанидских монет, однако керамика этого слоя настолько близка керамике слоя «Верхний Болдай», что трудно допустить наличие даже небольшого (не говоря уже о «многих десятилетиях») хронологического несоответствия. Что касается клада медных позднекушанских и кушано-сасанидских монет, то он был найден в четко зафиксированных стратиграфических условиях, недвусмысленно свидетельствующих о его одновременности слою [Давидович, 1979, с. 53].

Обстоятельства залегания фрагмента кубка-чаши с оттиском штампа, изображающего кушано-сасанидского правителя Хормизда, также абсолютно ясны: он найден «в слое, подстилающем здание периода ЯВ-I» [Зеймаль Т. И., 1969а, с. 5]. Никакие перекопы, ямы и «котлованы» здесь не зафиксированы.

В последние годы в Южном Таджикистане на многих памятниках исследованы археологические слои, датированные кушано-сасанидскими (в том числе и сасанидо-кушанскими) монетами[49]. Совпадающие со слоями «Верхний Яван» и «Верхний Болдай» по многим характерным и устойчивым особенностям вещественного материала, они, видимо, уже сейчас могут быть выделены в единые комплексы кушано-сасанидского времени (естественно, с учетом локальных особенностей). Аналогичные комплексы с таким же характерным набором признаков выделяются и на смежных территориях (Чакалак-тепе, верхние слои Дильберджина, Аккургана, Зар-тепе, Дальверзин-тепе и др.)[50]. Независимая от монет датировка комплексов (синхронизация с материалами из сасанидского Ирана, появление целого ряда керамических форм, типичных для раннесредневековых памятников и пр.) позволяет относить время их формирования ко второй половине IV—V в. н. э. [Седов, 1979; Зеймаль Т. И., Седов].

Таким образом, накопленные новые материалы не только подтверждают правильность основных положений вахшской схемы, но и позволяют несколько уточнить их.

Вернемся к сравнительному анализу комплекса керамики городища Тепаи-шах. Краткий обзор стратиграфических «колонок» керамики Северной Бактрии кушанского времени показал их малую пригодность для определения абсолютных дат памятника, поэтому мы сознательно ограничились лишь стилистическим сопоставлением керамических комплексов.

Наиболее полно комплекс керамики городища Тепаи-шах соответствует нерасчленимому стратиграфически комплексу Кобадиан II—IV из раскопок городища Кей-Кобад-шах. Здесь мы имеем тот же набор

форм столовой, тарной и кухонной посуды [51]. Имеется даже такой редкий тип сосудов, как «кратеры», правда в значительно огрубленном варианте [52] [Мандельштам и Певзнер, рис. 6, 17]. Видимо, близок тепаишахскому комплекс керамики из шурфа на Чимгалыш-тепа [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964, с. 89—92, рис. 4, 5]. По результатам работ последних лет можно говорить также о сходстве керамики Тепаи-шах и керамики верхних слоев поселений Ак-тепе I и Хан-Газа в Бишкентской долине [53].

Из памятников долины р. Сурхандарьи отметим во многом аналогичный комплекс керамики, полученный при раскопках поселения Мирзакул-тепе. Совпадают многие типы бокалов, мисок, чаш, горшков, кувшинов, тагора, хумов [Пидаев, 1978, табл. I—VII]. Также близка, правда довольно фрагментарно изданная (а главное — суммарно, хотя она и происходит из разных стратиграфических слоев), керамика Айртама [Тургунов, 1973, с. 72—75, рис. 15—18]. В Халчаяне наиболее близкое сходство усматривается с керамикой из слоя Ш-IV [Пугаченкова, 1966, рис. 16—20]. Изданные материалы из более ранних слоев Ш-II и Ш-III настолько малочисленны, что не поддаются сколько-нибудь надежному сопоставлению. На Дальверзин-тепе аналогичный комплекс керамики выделен в периоде так называемого «великокушанского времени» (слой ДТ-III) [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 150—155, рис. 23, 34, 42, 103—104]. Кара-тепе дает очень мало материала для сравнения. Керамика IV—V вв. н. э. (т. е. кушано-сасанидского времени), благодаря находкам целых сосудов в погребениях, представлена достаточно полно, чего нельзя, к сожалению, сказать о предшествующем комплексе [Сычева, 1975, с. 88—120, рис. 36—53, илл. 18—23]. Видимо, фрагментарность керамики, малое число форм и их разновидностей объясняется специфическим характером памятника — буддийского монастыря. Также из-за фрагментарности не могут быть привлечены материалы недавних шурфовок городища Старого Термеза [Козловский, Некрасова, с. 30—39, рис. 1, 3] и ряда мелких поселений долины р. Сурхандарья [Некрасова, с. 76—83, рис. 1—3].

Что касается комплексов Яванского городища, то, как показывает сопоставительный анализ, керамика Тепаи-шах наиболее соответствует керамическим комплексам V и VI стратиграфических горизонтов (периоды ЯВ-III—IV) [Зеймаль Т. И., 1969, альбом, табл. 49], правда, отличаясь некоторыми, видимо локальными, особенностями. Так, в керамике Явана такая типичная для всех кушанских памятников форма, как бокалы, представлена количественно очень незначительно. Отсутствуют «кратеры», кружки. С другой стороны, в V стратиграфическом горизонте Явана появляются столовые тагора с вертикальными ручками, столь типичные для более поздних кушано-сасанидских комплексов. Эта форма отсутствует в комплексе керамики Тепаи-шах. Очень близок тепаишахскому комплекс керамики второго горизонта ремесленного квартала городища Саксанохур [Литвинский, Мухитдинов, рис. 2].

К югу от Амударьи тепаишахский комплекс керамики находит аналогии в материалах отдельных слоев Дильберджина (второй период Большого дома в раскопе 5), Емши-тепа, второго периода Жига-тепа [54]. В балхской схеме ему во многом соответствует керамика периода Балх II (аналогичные типы мисок, глубоких чаш, тагора и пр.) [Gardin, p. 81—91, pl. III, IV, VI—VIII, XXIV].

Для определения абсолютных дат комплекса городища Тепаи-шах первостепенное значение имеют уже упоминавшиеся комплексы с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами. Эмиссия последних, видимо, непосредственно следует за эмиссией медных подражаний монетам Хувишки на данной территории (низовья р. Кафирниган) [55].

Таким образом, выделенные здесь же, в Кобадиане, и соседней Бишкентской долине комплексы кушано-сасанидского времени, достаточно надежно датированные, хорошо «зажимают» тепаишахский комплекс

сверху. С известной осторожностью дата последнего может быть отнесена ко II—III вв. н. э. (возможно, к началу IV в. н. э.) [56]. Этому не противоречит и анализ других категорий находок, архитектурные сопоставления (см. соответствующие разделы работы).

Ограничение датировки III в. или началом IV в. н. э. обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, комплексы керамики кушано-сасанидского времени свидетельствуют о резких изменениях, которые претерпевает столовая посуда (и частично тарная) по сравнению с тепашахским комплексом. Существенно меняется ее ассортимент: резко сокращается количество бокалов и мисок; решительно преобладают двуручные кувшины; появляются новые формы, не имеющие предшественников в предыдущем комплексе (чаши с вертикальным бортиком и «перехватом», тагора с витыми ручками, ойнохоевидные кувшины). Появляются новые приемы и особенности выделки и украшения керамических сосудов. В то же время целый ряд форм и типов демонстрирует генетическую преемственность комплексов (кружки, глубокие чаши, чаши со сферическим резервуаром, широкогорлые двуручные сосуды, некоторые типы горшков, хумов, кухонная керамика). Отмеченные резкие изменения в керамике, как и сохраняющаяся преемственность, могут быть объяснены появлением каких-то новых традиций в изготовлении керамики наряду с сохранением прежних.

Во-вторых, на тех памятниках, где сейчас известны археологические слои с комплексом тепашахского типа, последние являются «кроющими» (повторяем, речь идет т о л ь к о о низовьях р. Кафирниган), они нигде не перекрываются комплексами кушано-сасанидского времени. На городище Кей-Кобад-шах, где с кушано-сасанидским временем есть все основания связывать слой Кобадиан V, последний лучше всего представлен в раскопе 1 Б, в котором других слоев вскрыто не было [Дьяконов М. М., 1953, с. 278—279]. В раскопе же 1 А слой Кобадиан V отделен от предшествующего (Кобадиан II—IV) слоем какого-то запустения, перекрывающим развалины здания [там же, с. 289]. Известные же пока в Кобадиане другие поселения с комплексом кушано-сасанидского времени являются как бы стерильными, т. е. не содержат более ранних слоев, впрочем, как и более поздних (исключение, возможно, Мунчактепе [Мандельштам и Певзнер, с. 310—322]).

Иными словами, часть поселений Кобадианского оазиса в III в., возможно в начале IV в. н. э., прекращает свое существование. Несколько позже, исходя из датировки кушано-сасанидских комплексов, где-то с середины IV в. н. э. возникают новые поселения, происходит освоение новых массивов земель. Наиболее четко этот процесс прослежен в Бишкентской долине, где в кушано-сасанидское время начинает интенсивно осваиваться ее южная часть: от источника Чильучорчашма отводятся новые каналы, на трассе которых возникают поселения Ак-тепе II, Клыч-Дувал, Дарахша-тепе, Шур-тепе. Поселения же центральной части (Ак-тепе I) оказались покинутыми.

2. НЕКРОПОЛЬ ТЕПАИ-ШАХ

а. РАСКОПКИ

В 350 м к западу от центральной части городища расположен городской некрополь [57]. Этот участок находится на первой надпойменной террасе, которая здесь значительно понижается к югу. Поверхность сильно денудирована, и на ней возвышаются многочисленные мелкие холмики и гряды естественного происхождения. Среди них имеются и искусственные холмики. На семи холмиках были заложены шурфы и траншеи, и в четырех случаях они показали наличие искусственных сооружений (рис. 7).

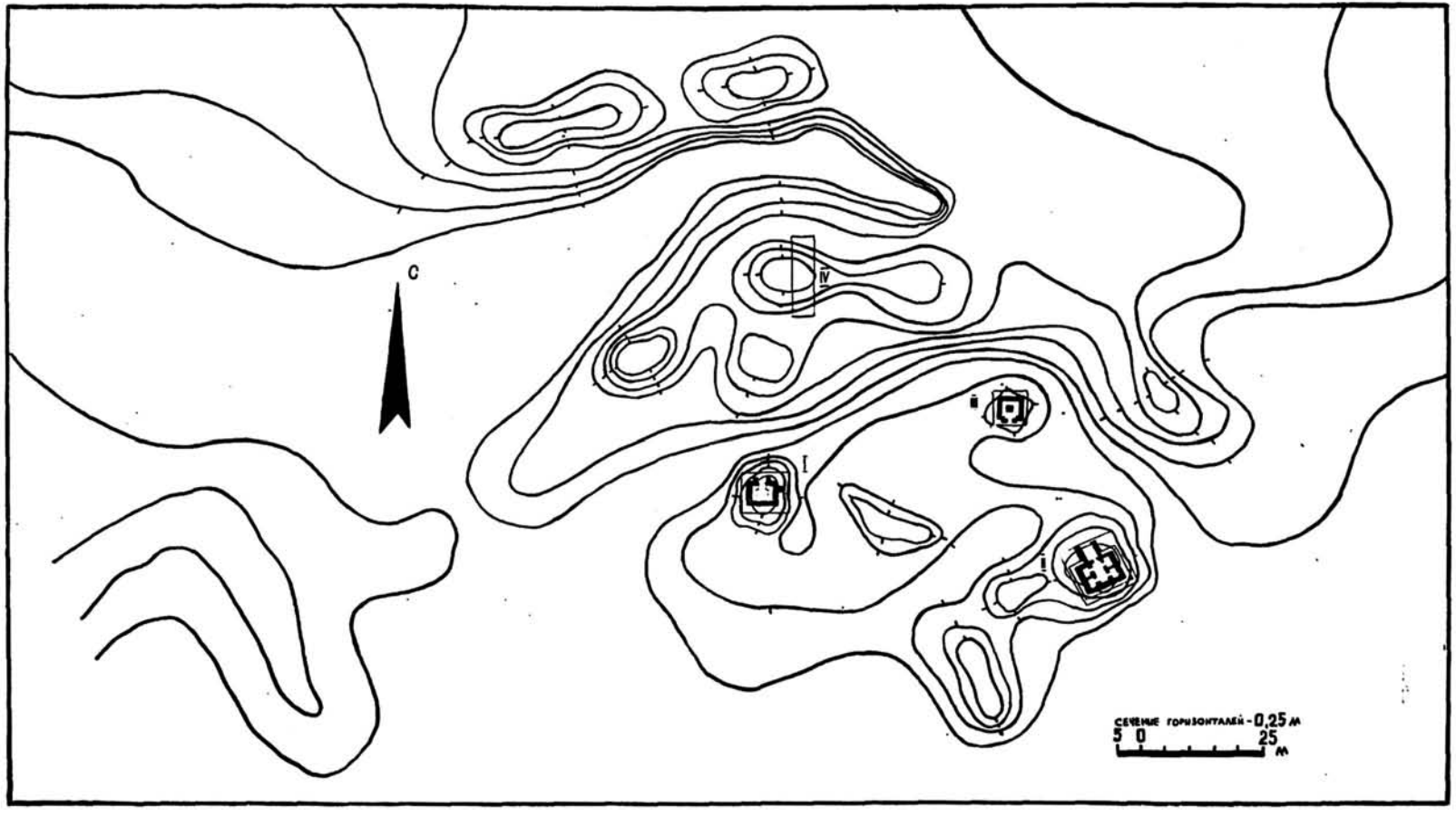

Рис. 7. Некрополь Тепан-шах. Топографический план.

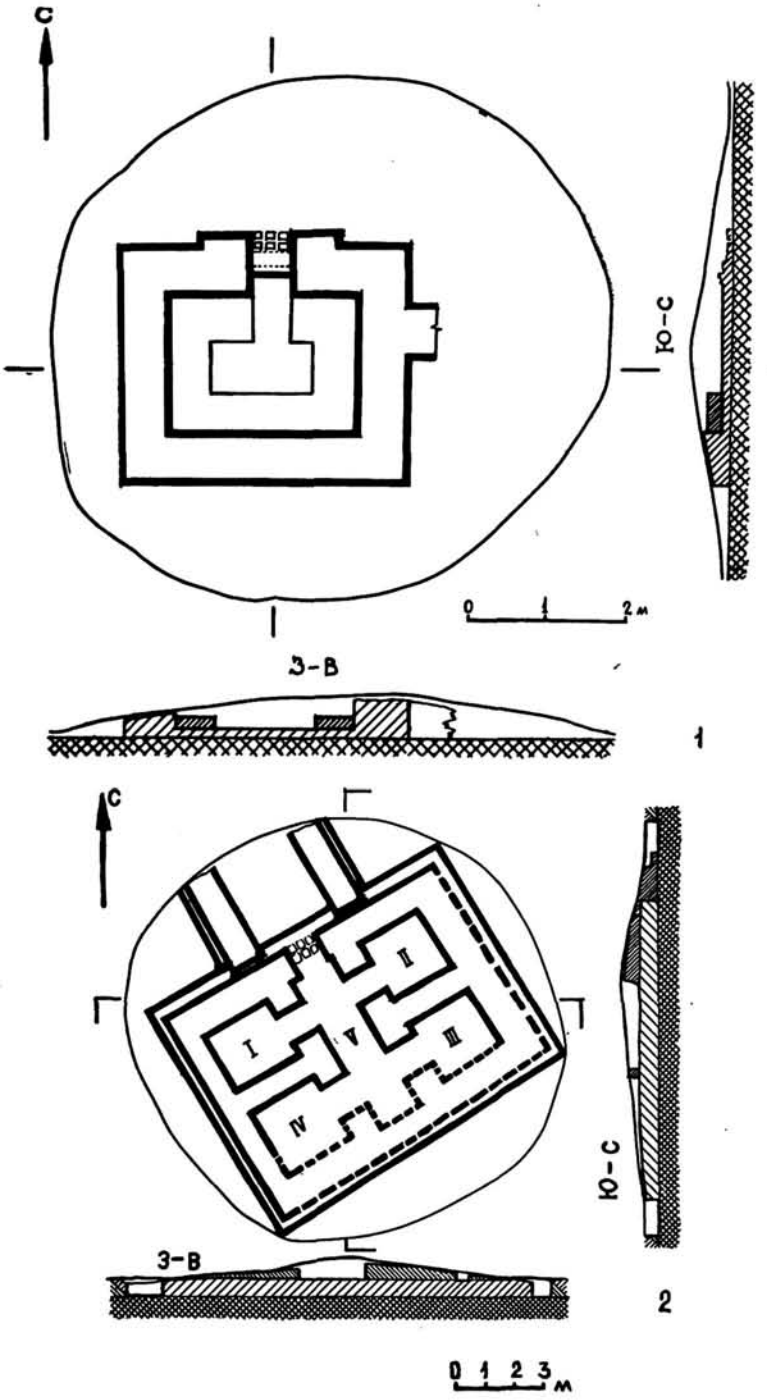

Рис. 8. Некрополь Тепаи-шах:

1 — погребальное сооружение I, план и разрезы; *2* — погребальное сооружение II, план и разрезы.

Сооружение I. До раскопок — округлый, в плане уплощенный холм диаметром 13—14 м, высотой 0,8—1 м. Наиболее возвышенная часть сдвинута к востоку. На поверхности — фрагменты человеческих костей.

В процессе раскопок выяснилось, что холм скрывает остатки сырцовой постройки (рис. 8, 1; 9, 1; 10, 1; 11). Она оказалась однокамерной, западная часть ее смыта. Наружные размеры: восток—запад 7,65 м, север—юг 6,30 м. Обращенный на север портал имел по сторонам от прохода плохо сохранившиеся выступы, т. е., по-видимому, существовала портальная ниша. В проходе (шириной 1,10 м) каменный порог (см. табл. II, рис. 1) в виде плинта со ступенькой, обращенной внутрь (уступ высотой 3,5 см, длиной 9 см, нижний уступ 8 см). На плоскости нижнего уступа у западного края — чашевидное углубление для подпятника (диаметр 9 см). На верхней плоскости порога у краев два прямоугольных гнезда (8×3 см) для помещения шипов вертикальных стоек. В момент вскрытия порог оказался разбитым на три куска. Один, средний, был в проходе же поставлен вертикально. Порог был положен на утопленные в пол крупные камни.

Проход был сдвинут к востоку от центральной оси. Он вводил в прямоугольное помещение размерами 3,16×4,80 м (второй размер — примерный). Вдоль всех стен идет лента суфы шириной 0,95—1,00 м и высотой 0,42 м.

Пол и суфы покрыты глиняной (на самане) штукатуркой (около 10 мм), на которой тонкий слой алебастра (около 1—2 мм), причем алебастр хорошо сохранился на полу и суфе, а на стене лишь в северо-восточном углу. Стены над уровнем суфы сохранились всего лишь на высоту 15—50 см, причем больше в восточной части.

С помощью зондажей удалось выяснить, что суфа построена позже. В отличие от пахсовых стен суфа построена из трех рядов сырцового кирпича. Саманно-глиняный пол помещения и штукатурка стен уходят под суфу. Алебастровая же штукатурка была нанесена после устройства суфы.

В западной части помещения у суфы был заложен шурф 1,25×1 м. При его углублении выявлено наличие под сооружением стилобата толщиной 0,45 м из однородной пахсы.

В северо-восточном углу камеры, на глубине 10 см от поверхности, обнаружен череп без нижней челюсти, ориентированный крышкой на северо-восток, лицевой частью на запад. Ниже, на уровне суфы, — другой череп (I), лежащий на суфе. Он целый, ориентирован так же. Рядом с черепной крышкой — бронзовая серьга (план находок см. на рис. 11 [58]).

На северной суфе, вблизи прохода, — череп (III) лицом вверх, черепной крышкой на север. Из-под черепа вылезает ребро. Рядом с черепной крышкой — бронзовое колечко.

Череп II (см. рис. 14, 2) был найден на высоте 5 см над уровнем пола, в юго-западной части помещения, у подножия суфы. Череп (без нижней челюсти) лежит на правой стороне, лицевой частью на север, черепной крышкой на восток. Вдоль черепной крышки шесть крупных бус, вытянутых цепочкой, перпендикулярно им — четыре бусины. Здесь же миниатюрная бронзовая пряжка, отдельно — язычок. Из-под черепа торчит ребро, другое — рядом с ним. В 25 см к востоку от черепа — большая берцовая кость. Под ней — скопление костей, в том числе как бы согнутые в локте кости руки (плечевая, локтевая и лучевая). Эти кости лежат выше и заходят на южную суфу. Тут же керамическая чашечка, сердоликовая и стеклянная бусины, бронзовая подвеска.

К западу от черепа II, на западной суфе, — лопатка; рядом с ней длинные кости. К северу от черепа, на одной глубине с ним, — большая берцовая кость. Все это в полном беспорядке, перемешано. Одна фаланга пальцев — в черепе, под небной костью.

Еще один череп (IV) лежит близ пола, в проходе у порога (внутри помещения). Череп (без челюсти) лежит на левой стороне, черепной

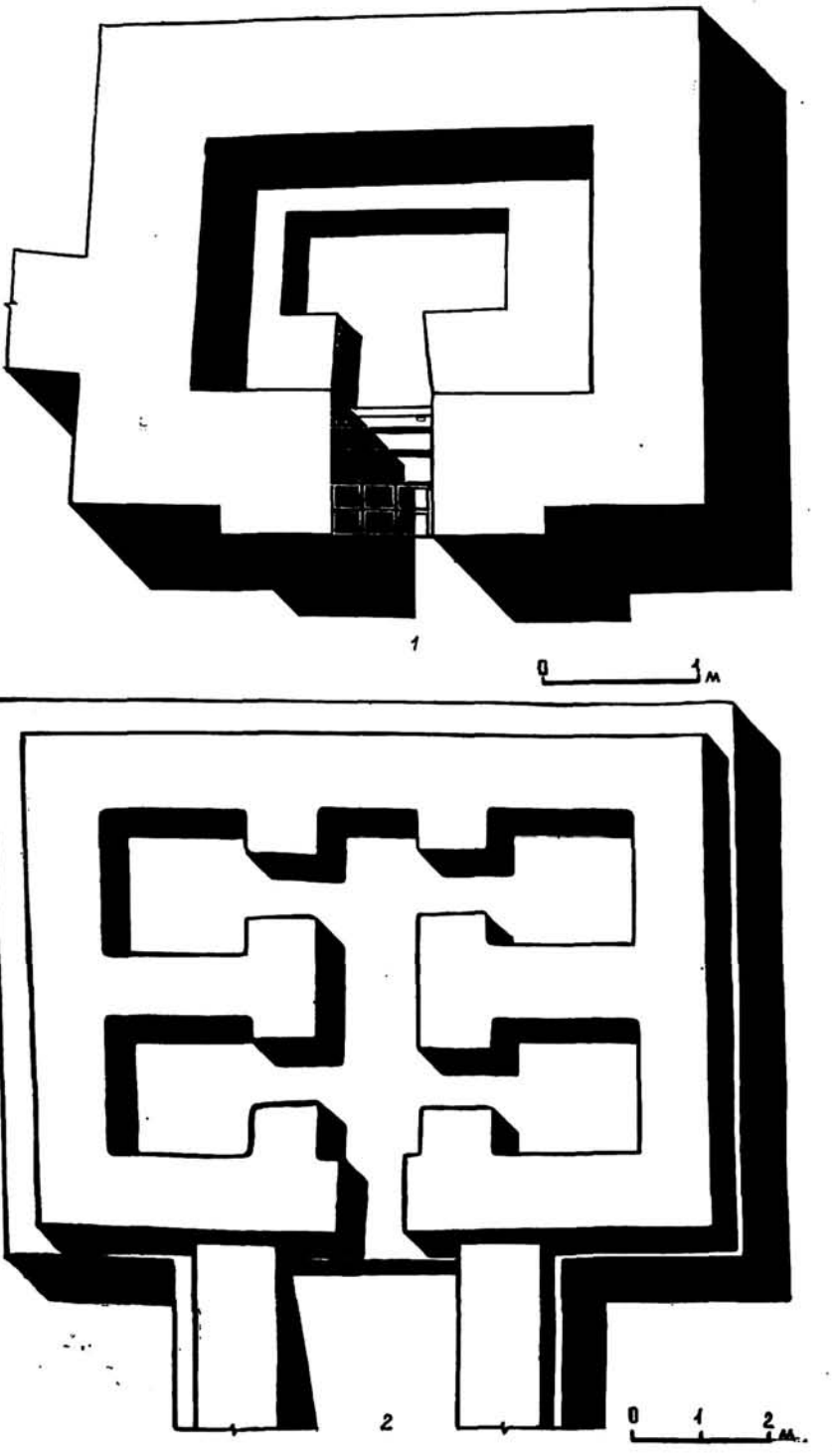

Рис. 9. Некрополь Тепан-шах. Планы с элементами реконструкции:
1 — погребальное сооружение I; *2* — погребальное сооружение II.

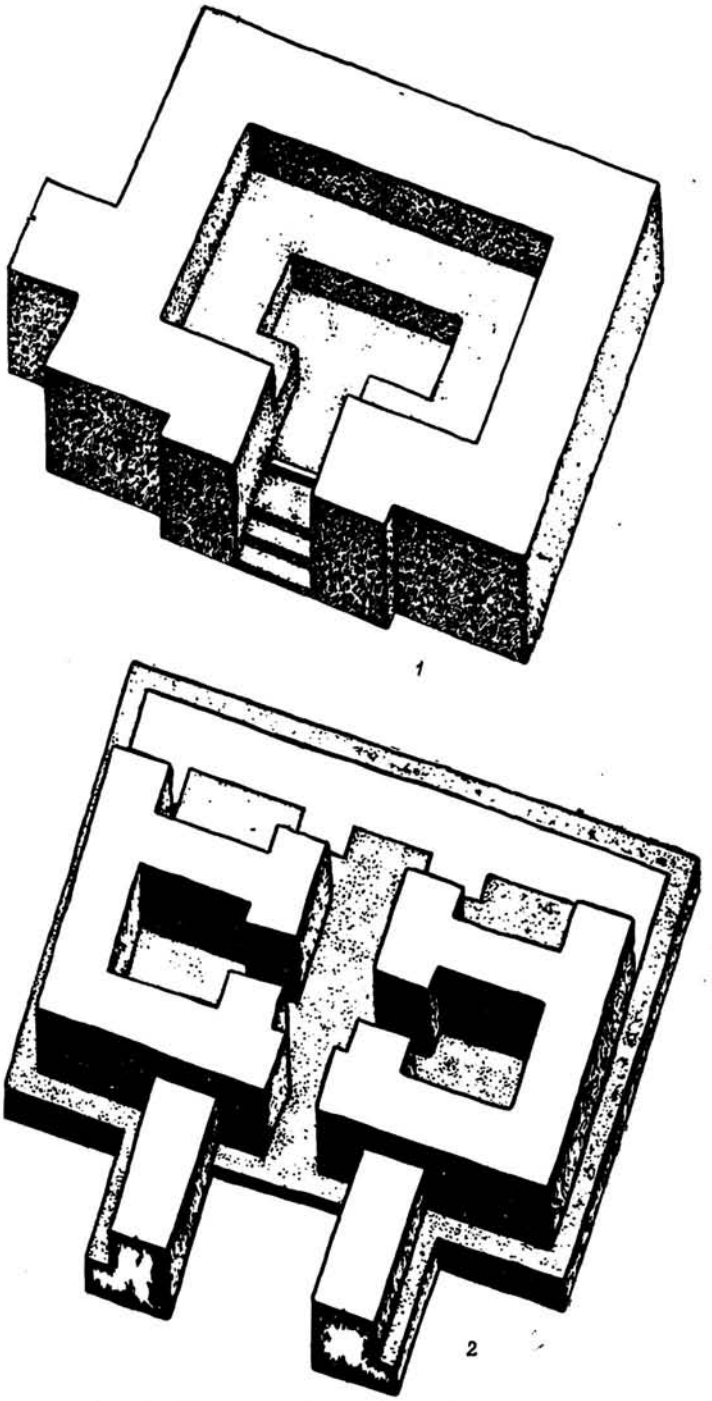

Рис. 10. Некрополь Тепаи-шах. Аксонометрия:
1 — погребальное сооружение I; *2* — погребальное сооружение II.

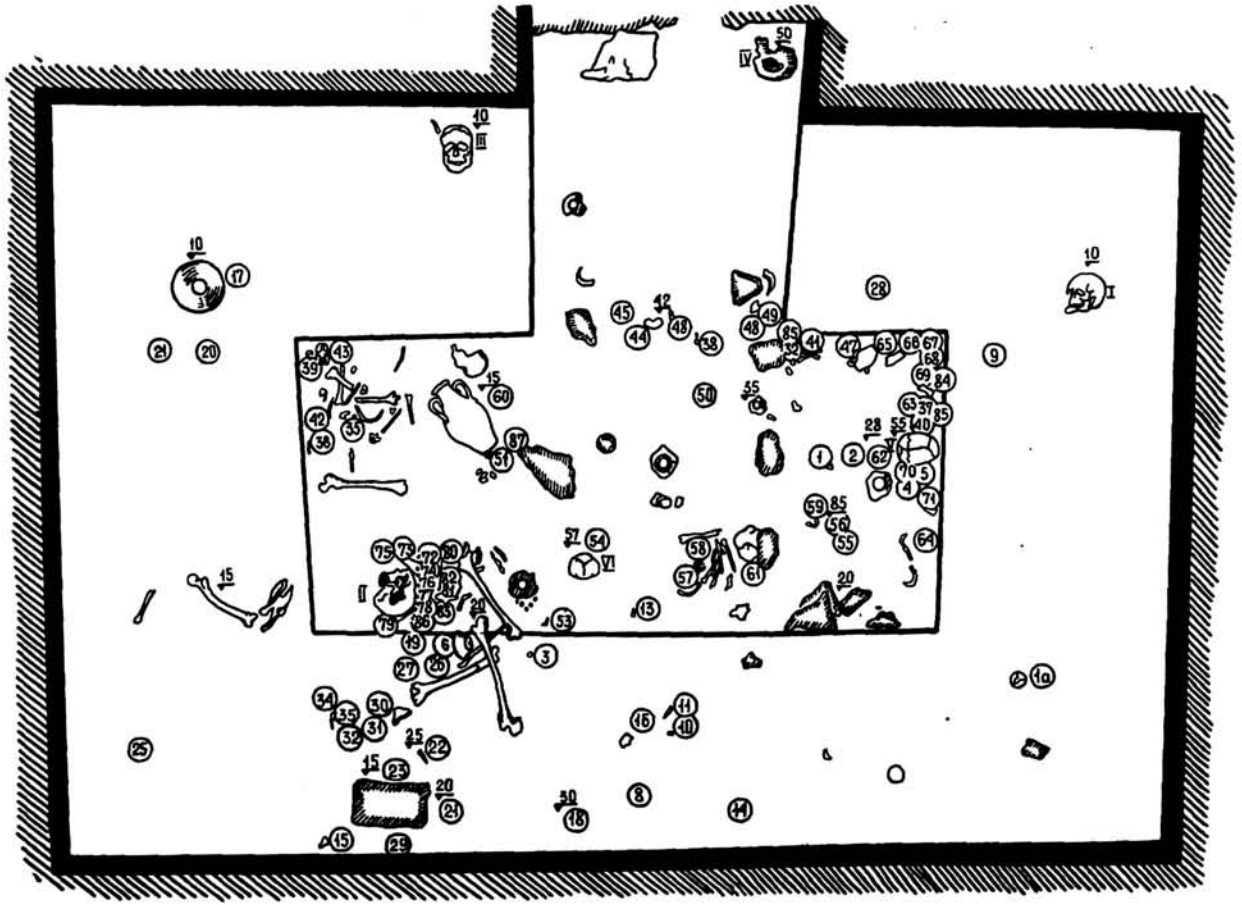

Рис. 11. Некрополь Тепан-шах. Погребальное сооружение I. План находок. ▼— — этот знак под арабской цифрой — нивелировочная отметка.

крышкой на юг, лицевой частью на запад. Около него — бронзовое височное кольцо, тут же две монеты.

Последний череп (V) — это черепная крышка у основания восточной суфы.

Черепа II, IV, V находятся, собственно, не на полу помещения, а на слое натеков. Все внутреннее пространство заполнено человеческими костями, лежащими в полном беспорядке. Здесь значительное число целых сосудов, фрагментов керамики и разных находок (шесть монет, зеркало и фрагмент зеркала, железные гвозди, браслеты, статуэтка, украшения и др. — всего 81 находка). В этом завале — много кусков обожженного и сырцового кирпича.

К востоку от середины восточной стены имеется остаток какой-то (ограждающей?) стены, около нее — россыпь керамики. История этого сооружения была достаточно длительной и сложной. На последнем этапе проход (от порога наружу) был заложен кирпичом (в три ряда).

Сооружение II. Расположено в 55 м на юго-восток от первого. Это овальный холм, вытянутый юзз-свв. Размеры: север—юг 14 м, восток—запад 15 м. На запад полоса возвышения тянется еще на 15—20 м, постепенно сходя на нет. С юга и севера холм возвышается над прилегающей местностью на 1 м. На поверхности основной части холма — фрагменты керамики, костные останки, мелкая галька.

Сооружение II возведено на прямоугольном в плане, незначительно наклонном стилобате высотой 0,35—0,40 м и размерами 8,65×11,7 м. Он (как и все сооружение) вытянут с свв на юзз. Северная половина сооружения сохранилась полностью, вместе с входом, а у южной прослеживаются лишь внешние — восточная и западная — стены, и то не полностью (см. рис. 8, 2; 9, 2; 10, 2; а также 12; 13).

Наиболее высокие стены в центральной части северной половины, где холм имеет максимальное возвышение. Здесь высота их достигает 0,6 м.

Наружные стены сооружения отступают от края стилобата на 0,4—0,5 м. Длина северной, фасадной стены 10,7 м. Вход в середине ее и фланкирован с двух сторон перпендикулярными стенами. Их толщина 1,3 м. Они отходят от фасадной стены, к которой пристроены, на 2 м, затем из-за рельефа сходят на нет. Назначение их неясно. Между этими стенами, ближе к западной стене, участок кладки (?) из трапецеидальных сырцовых кирпичей (длина 34—35 см, торцовые стороны 25—26 и 28—30, при толщине 6—7 см). Лежат эти 12 кирпичей под углом к стенам на песке, резко повышаются в сторону прохода. Нельзя исключить, что это пандус в виде округлого веера, заполнявшего пространство между стенами. Менее вероятно, что это результат обрушения сводчатого перекрытия.

Вход имел ширину 1,15 м. Он рассекал наружную стену (толщина ее 1,10 м) и сразу за ним начинался коридор шириной 1,65—1,70 м. Из коридора проходы ведут в два ряда симметрично расположенных квадратных камер. Полностью сохранились две северных. Они связаны с коридором проходами шириной 1 м. Размеры северо-восточной камеры 2,2×2,1, северо-западной 2,1×2,3 м. Проходы смещены по отношению к оси камер, причем значительно. Стенки оштукатурены плотной саманной штукатуркой.

Начиная с пола или с высоты 5—10 см — скопление человеческих костей и черепов, причем они лежат на натеках и внутри слоев натека.

В северо-западной камере кости лежат не изолированно, а группами (см. табл. II, рис. 4). Так, череп XXVI (см. табл. II, рис. 3) лежит вместе с верхним отделом позвоночного столба (12 позвонков), но ни лопаток, ни ключиц, ни ребер на месте нет (одна ключица выше черепа, пара ребер — рядом с позвоночником, таз под прямым углом к продолжению линии позвоночника, большая берцовая кость пересекает таз). В проходе, поперек него, нижняя часть скелета (таз и в правильном положении кости обоих ног, но без фаланг пальцев стоп). У прохода, перпендикулярно ему, таз и нижняя часть позвоночника и несколько ребер.

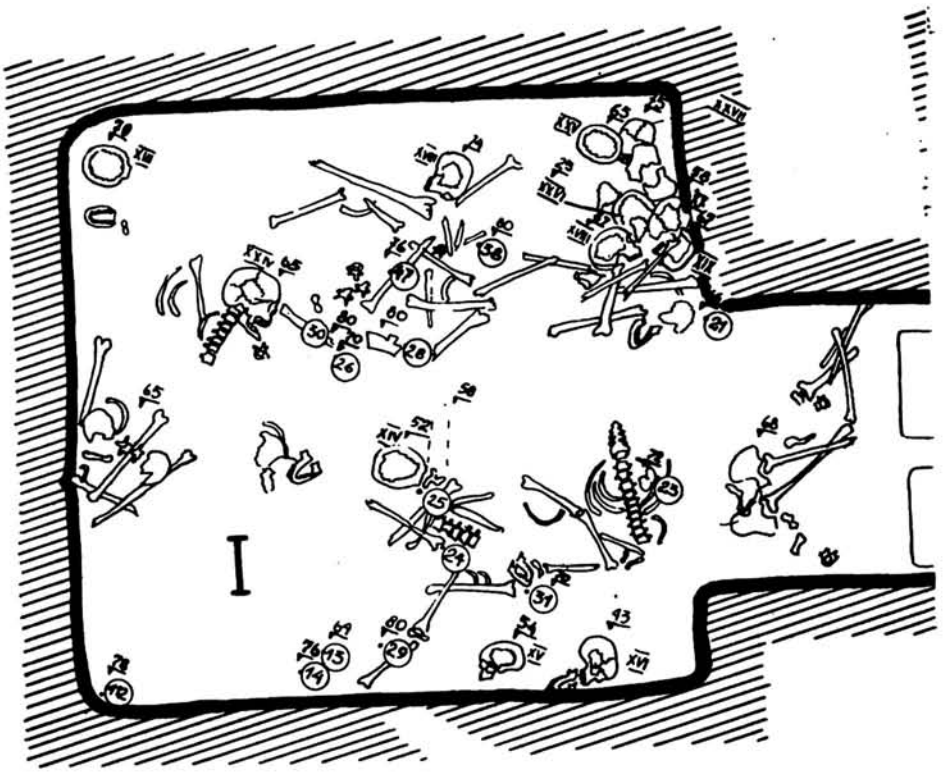

Рис. 12. Некрополь Тепан-шах. Погребальное сооружение II. План находок в камерах I и II.

В этом сооружении сделаны находки фрагментов текстильных тканей, низки бус с сохранившимися нитями, много керамики, различных изделий и украшений (план находок см. на рис. 12, 13). Все это создает впечатление, что при переноске в сооружение костей и частей трупов одновременно приносились разные предметы, связанные или относящиеся к покойнику (или покойникам).

С востока проход в северо-восточную камеру был заложен кирпичом (в один ряд). Возможно, что эта (и другие?) камеры после заполнения закрывались.

Примерно такая же насыщенность в северо-восточной камере. Однако наибольшее число костных останков — в коридоре. Здесь черепа и кости лежат в три слоя (на всю высоту, т. е. на высоту до 0,5—0,55 м). Здесь же найден череп собаки.

Есть костные останки и в южных камерах, но лишь около северной стены, ибо южнее камеры снесены.

Общее число черепов — 51. Выше указывалось, что в некоторых случаях в погребальное сооружение помещались целые трупы или их части. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство черепов не имеет нижних челюстей, а костей скелетов, по-видимому, меньше, чем следовало бы при таком количестве черепов. Отсюда напрашивается вывод, что в основном сюда доставлялись и помещались в камеры не трупы целиком, а черепа и разрозненные кости скелетов.

Исходя из того что здесь было обнаружено полсотни черепов, и из них лишь четыре были найдены в южной части, остальные же — в северной, следует думать, что в обоих половинах, если бы южная половина сохранилась так, как северная, должно было бы быть не менее

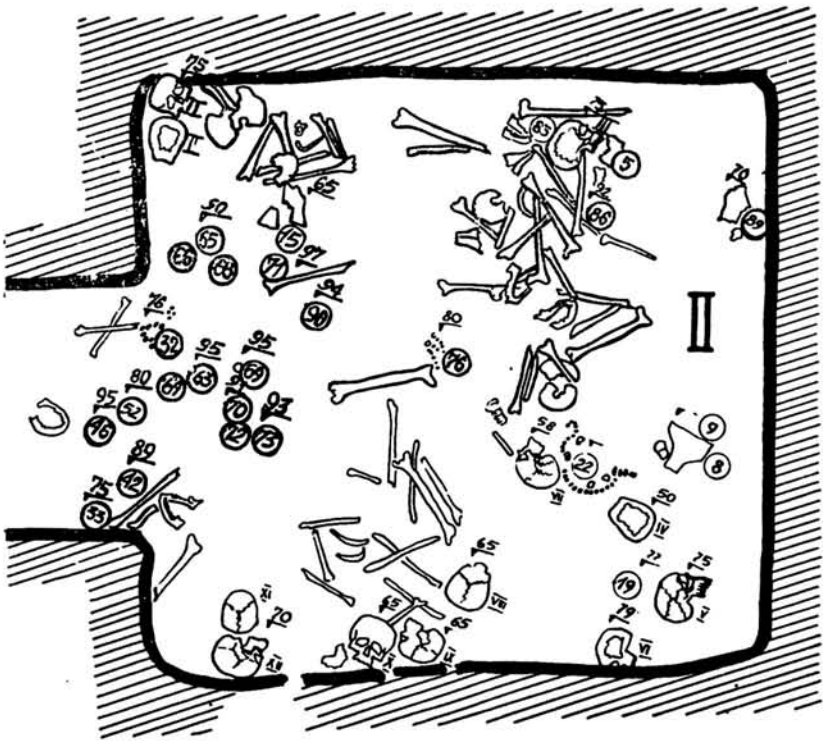

Рис. 12 (*продолжение*).

сотни черепов. Но при этом следует учесть, что черепа извлечены из постройки, стены которой возвышаются всего на 10—50 см, причем черепа прямо выходят на поверхность. Вполне возможно, что сохранившаяся часть черепов — это лишь нижний ярус, а на самом деле их первоначально было не сто, а значительно (может быть, во много раз) больше. По-видимому, после заполнения каждой камеры ее закладывали; когда же были заполнены все камеры — завалили костями коридор, а затем заложили вход (входы?) в сооружение.

Помимо упоминавшихся выше остатков ткани с сохранившейся окраской в синий, серый и красный цвета, в сооружении найдены керамика, бусы, стеклянные и каменные, в низках, с сохранившейся нитью, и бусы из египетского фаянса, пряжки, разные железные, бронзовые и серебряные украшения (перстни, браслеты, булавки, колокольчики, серьги) — всего 106 находок, в том числе 12 монет. Одна из монет, серебряный обол «Герая», была положена в рот погребенному. Обол был извлечен из глины, прилипшей к небным костям (череп XII).

Сооружение III. Расположено в 30 м к ссз от погребального сооружения II. На поверхности фактически никакого холмика нет — лишь незначительная припухлость. Однако здесь все же удалось обнаружить остатки стен и других частей сооружения (см. рис. 14, 1). Максимальная высота сохранившихся участков — 25 см, обычно же — 10—15 см. Четко намечаются лишь контуры восточной части камеры, западная же практически не сохранилась. Предположительно, это была камера почти квадратной формы (4,10×3,65 м) с проходом в южной стороне, которая изнутри была раскрепована двойными заплечиками. Ширина прохода 1,1 м; в центре камеры находился постамент в виде суфы (2,30×2,10 м), сейчас сохранившийся на высоту 0,2—0,25 м. Он был окружен обходным коридором шириной 0,9 м. Ориентация сооружения — ссз-ювв. Толщина наружной стены около 0,75 м. Не исключено, однако, что это не

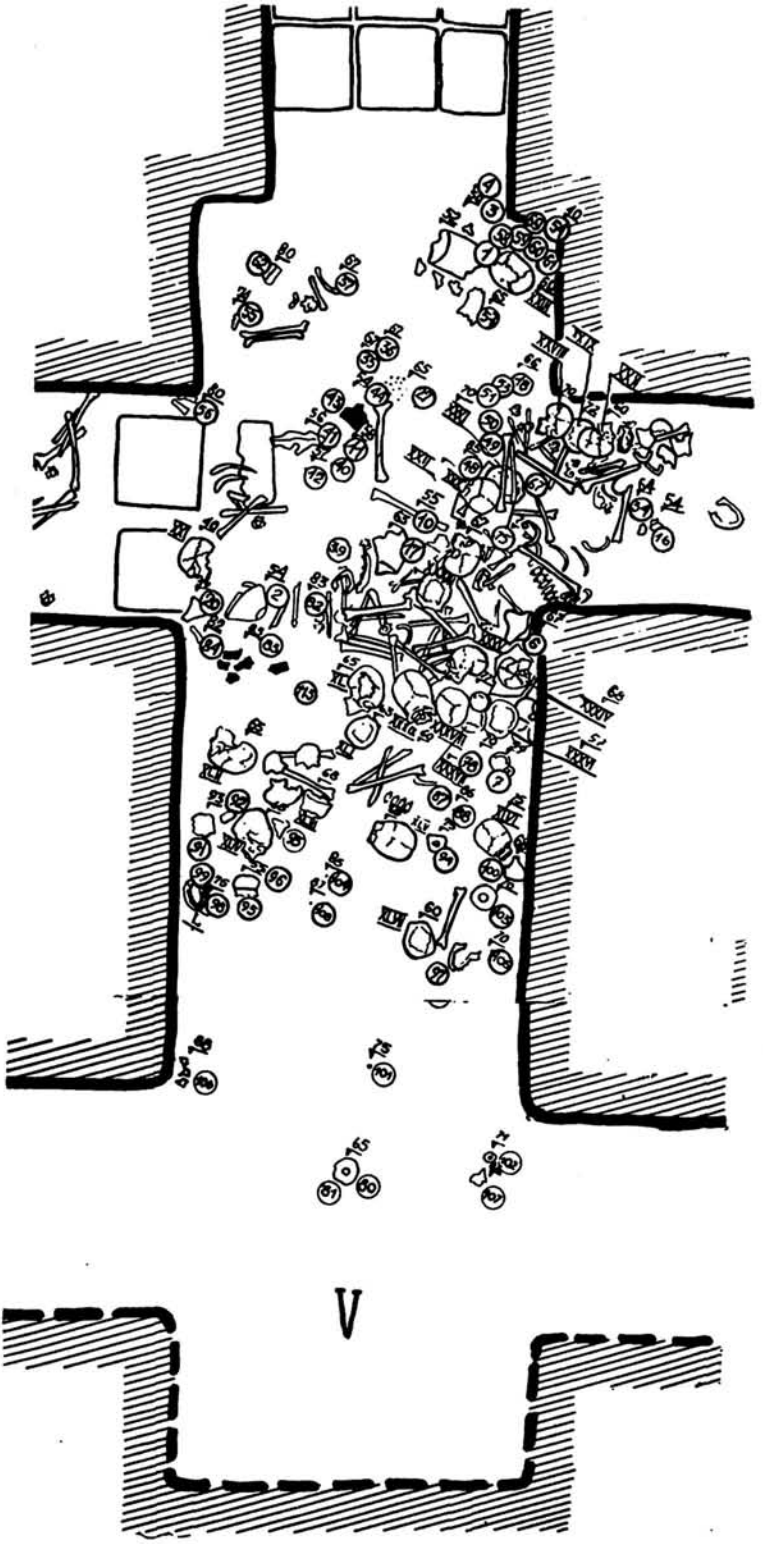

Рис. 13. Некрополь Тепаи-шах. Погребальное сооружение II. План находок в камере V.

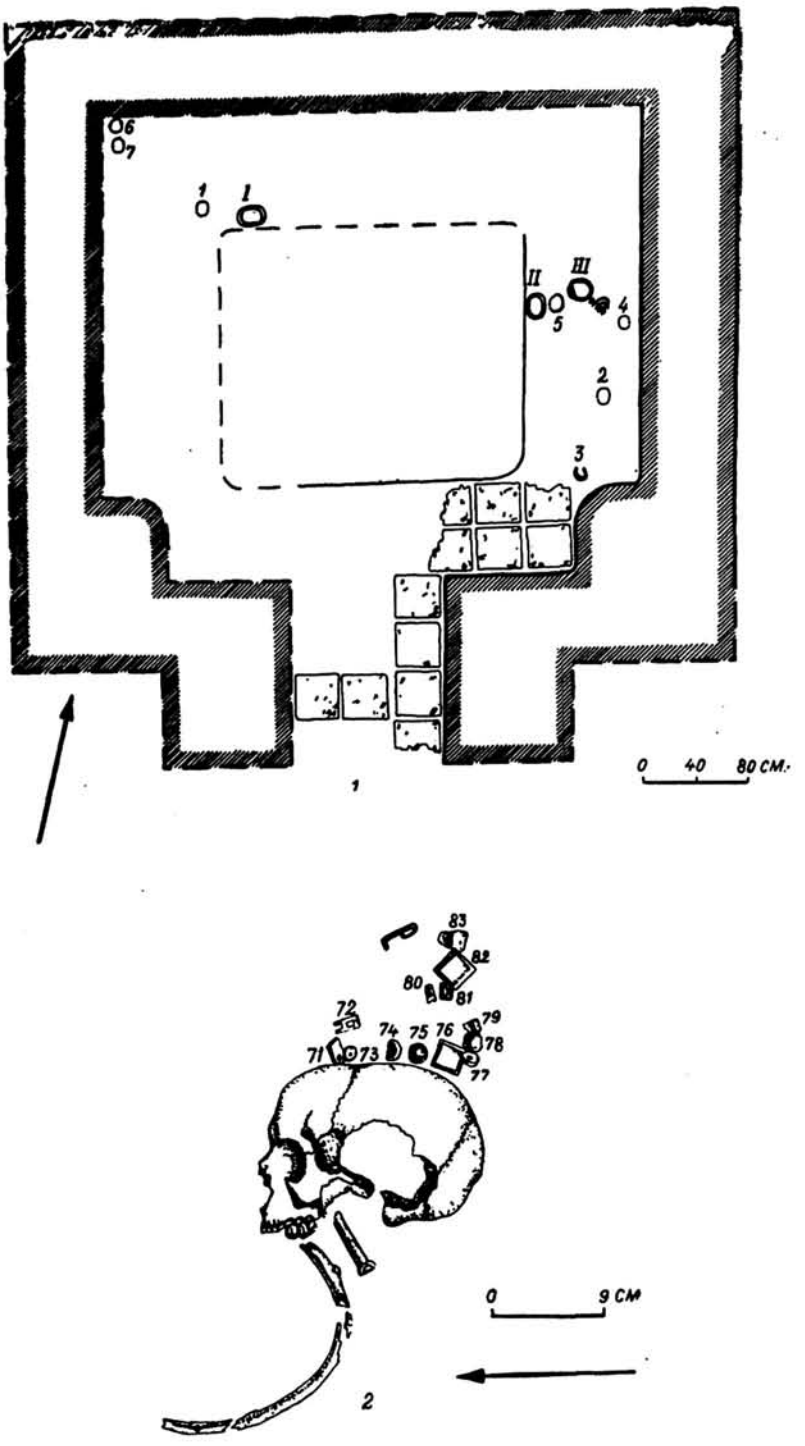

Рис. 14. Некрополь Тепан-шах:

1 — погребальное сооружение III, план находок; *2* — погребальное сооружение I, находки около черепа II.

изолированное сооружение, а камера — часть многокамерного сооружения. Тогда вход, здесь ориентированный на юг (в первых двух сооружениях — на север), мог выходить в какой-то коридор. При вскрытии этого сооружения были найдены человеческие кости, три неполных черепа, бусина, кувшин и другие гончарные изделия, фрагмент зеркала ханьского типа, медная монета.

Сооружение IV. Расположено в 45 м севернее погребального сооружения I. Здесь сохранился остаток стилобата (восточная грань). На поверхности — отдельные кости, части черепа. Конструкция не выявлена. За пределами стилобата, к северо-востоку от него, — скопление керамики и другие находки, выброшенные из погребального сооружения.

Следует сказать несколько слов о краниологическом материале из некрополя Тепаи-шах. Антрополог Т. П. Кияткина определила 25 черепов хорошей сохранности, происходящих из сооружений I и II (семь мужских, 16 женских и два детских). На отдельных черепах отмечена лобно-затылочная и «гуннская» деформация. «В целом представленная серия характеризуется признаками европеоидного расового типа, хотя отдельные черепа имеют явную примесь монголоидных черт. Черепной указатель мужских черепов очень сильно варьирует (74,4—100,0). При исключении из подсчетов деформированного черепа (№ 517) размах колебаний черепного указателя суживается, но все равно достаточно широк (79,4—90,7). На женских черепах картина еще более выразительная — 73,7—110,8. В общем, по черепному указателю серия представляется неоднородной.

Абсолютные размеры лица у мужчин варьируют в пределах от средних до очень больших величин; лицевой указатель можно вычислить лишь для трех недеформированных черепов (52,4; 55,5 и 56,4). Один — в пределах малых величин, два — в пределах больших величин этого признака. Примерно та же картина наблюдается в горизонтальной профилировке лица и выступания носа (см. табл. «Индивидуальные данные мужских черепов из наусов Тепаи-шах»). Аналогичное распределение (достаточно хаотичное) величин вышеуказанных признаков наблюдается и в женской группе». В заключение Т. П. Кияткина пишет, что она «склонна думать, что это смешанная группа, причем о смешанности ее говорят не только

***Индивидуальные данные мужских черепов из наусов Тепаи-шах** **

Номер по Мартину	Номера черепов							min—max
	531	526	521	515	511	522	517	
1	174	173	173	176	180	170	158!	158—180 (7)
8	150	157?	140	151?	143	—	159!	140—159 (6)
8/1	86,2	90,7	80,9	85,8	79,4	—	100,01	79,4—100,0 (6)
17	131	—	139	142	134	128	130	128—142 (6)
9	96	100	103	97	90	97	85	85—103 (7)
45	133	145	137	—	—	—	—	133—145 (3)
48	75	76	76	80	80	73	—	73—80 (6)
48/45	56,4	52,4	55,47	—	—	—	—	—
Назомалярный угол	135	140	142	135	—	140,5	—	135—142 (5)
Зигомаксиллярный угол	120	138,5	130	133	—	116,0	—	116—138 (5)
75 (1)	28	22	28	28	—	22	—	22—28 (5)

* Измерения Т. П. Кияткиной.

различные обряды и обычаи (наличие или отсутствие прижизненной деформации), но и различные физические типы, входящие в группу, где деформация черепа не отмечалась» [Кияткина, с. 85—86, табл. 12].

6. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В Приложении I приведено полное описание предметов погребального инвентаря из каждого сооружения некрополя (см. Каталог 3). Однако лишь сравнительно небольшое число предметов имеет датирующее или какое-то особое историко-культурное значение. На характеристике именно этих предметов мы ниже и остановимся.

Терракотовая статуэтка (образок). Сооружение I (см. Приложение I. Каталог 3, 6). Отличается необычайным своеобразием, резко выделяясь среди множества известных сейчас произведений бактрийской коропластики. Однако есть все же одна, и притом очень близкая, аналогия. Это статуэтка (№ 924, Сурхандарьинский краеведческий музей), происходящая из Хатып-Рабата [Ганевская, Заславская, с. 87—88, рис. 16а]. Сближают эти терракоты прежде всего общие пропорции фронтальной фигуры с резким доминированием головы, а также трактовка тела с широкими плечами и узкой талией и бедрами. Характерно также, что правая рука обеих фигур обращена ладонью к зрителю.

Как показали Э. В. Ганевская и Ф. А. Заславская, статуэтка из Термезского музея передает образ божества Авалакитешвары в позе даяния (varada-mudrā); точнее — специфические особенности этой позы передает лишь правая рука. Бесспорна также стилистическая близость именно к гуптской скульптуре, о чем пишут издательницы термезской терракоты [там же, с. 90—91]. В самом деле, пропорции и трактовка тела типично гуптские. Именно в гуптской скульптурной традиции находят объяснение такие черты, как широкие плечи, узкая талия и бедра (значительно более узкие, чем плечи), непропорционально укороченный торс. Такова фигура стоящего Будды из Бирмингамского музея и фигура стоящего Авалакитешвары из Калькуттского музея [Rowland, 1967, pl. 85, a, b; см. также 1963, pl. 9]. На последней в длинные мочки ушей вдеты украшения, шея охвачена ожерельем, в верхней части рук — браслеты. «Тело, — пишет Б. Роуланд, — кажется почти обнаженным благодаря прозрачному дхоти»; «сияющее лицо мягко моделировано» [1967, p. 142]. То же самое можно сказать и про скульптуру Авалакитешвары из Наланды (Национальный музей Индии) [Hallade, pl. 148], которая показывает аналогично украшенного бодисатву (кстати, с прической в виде гладких прядей волос). Среди непальской скульптуры V—VI вв., выполненной в гуптском стиле, есть изображения стоящих будд с непропорционально большой головой [The Image, pl. 126—127].

Но вместе с тем ряд черт этой схемы восходит к гандхарскому искусству [Hallade, pl. 128], когда появляется и аналогичная прическа, а широкое и низкое лицо имеет вид не приостренного, а уплощенного внизу овала [там же, pl. 58]. Поза с varada-mudrā известна уже в гандхарском искусстве [Ingholt, p. 40].

Изображения будд и бодисатв известны не только в индийской скульптуре, но и в коропластике.

Как известно, оттиснутые на глиняных пластинках рельефные образки встречаются и в древней индийской терракоте [Mukhopadhyay, pl. 2; 11, b].

В Бхите бодисатвы в терракоте переданы стоящими в позе abhaya-mudrā. Это фронтальные фигурки, на некоторых одежда неразличима, на других — виден нижний край над коленями [там же, p. 78, pl. 11]. Прическа (с ушнишей) совершенно аналогична, общий же облик, за исключением, пожалуй, головы, отличается.

Если исходить из чисто иконографических соображений, базируясь на индийской хронологической шкале, статуэтку-образок из сооружения I следовало бы датировать IV—VI вв. Однако это произведение возникло на почве Бактрии, где, по-видимому, аналогичные гуптским явления имели место раньше. С учетом всего комплекса следует думать о IV

и начале V в. н. э., как вероятной (притом наиболее поздней из возможных, если исходить из комплекса) дате.

Терракотовая головка. Налеп из погребального сооружения IV (см. Приложение I. Каталог 3,220). Также является уникальной и обнаруживает следы влияния индийской иконографии.

Алебастровый идол. Из погребального сооружения II (см. Приложение I. Каталог 3,122). Является одной из наиболее интересных и важных находок на Тепаи-шах.

Другой идол найден на Дальверзин-тепе, в помещении ДТ-2. Он гипсовый, литой. Округлый диск-голова водружен на стержень-шею, утончающуюся вниз. На плоской лицевой поверхности валиком передан нос. Черты лица, возможно, были нанесены краской (не сохранились). Высота идола 115, ширина 74 мм [Пугаченкова, 1978, с. 70, табл. 49; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 67, рис. 39]. Тепаишахский идол весьма близок к этому, но он более тщательной работы, с более детальной проработкой черт лица.

На территории Афганистана подобный идол найден на городище Шахри-Бану. В помещении 5 раскопа I на глубине 3,5 м гипсовая статуэтка грубой работы. Нос обозначен вертикальной выпуклостью. Глаза нарисованы черным, следы краски заметны. Высота фигурки 60, ширина 35, толщина 11 мм [Carl, 1959a, p. 63, fig. 223, pl. V]. Следует отметить, что в одном из помещений раскопа обнаружены монеты Эвтидема и Гелиокла [там же, p. 66]. Г. А. Пугаченкова обнаружила на Дильберджине четыре примитивные глиняные лепные фигурки в виде идольчиков. В отличие от тепаишахской фигурки, у дильберджинских — тулово с некоторыми признаками моделировки, выступами переданы руки. При всей примитивности эти фигурки все же не столь схематичны, как тепаишахский идол. Вероятная датировка — позднекушанское время [59].

Редкая встречаемость таких идолов на юге Средней Азии и в Афганистане (единицы!) резко контрастирует с их обилием на севере Средней Азии, в частности в Фергане, на средней Сырдарье и др. [60] Известны их находки и в Восточном Туркестане [61]. Среднеазиатские и восточнотуркестанские находки не стоят изолированно. Такие или близкие идолы встречены во многих погребениях сарматского и аланского времени [62], известны они и в Сибири. Публикуя впервые найденный в Средней Азии идол такого типа — идол из Воруха, мы в 1955 г. писали, что он «находит себе широкий круг аналогий и соответствий среди племен и народов, разбросанных от Сибири до степей Причерноморья. Хронологически аналогии падают на последние века до н. э., причем наиболее близкими по времени являются именно сарматские изображения» [Давидович, Литвинский, с. 56].

Замечательная находка Г. А. Брыкиной в усадьбе Кайрагач целой серии таких идолов, в том числе крупного размера, ясно показала, что идолы этого типа вошли в религиозно-культовую систему и оседлого ферганского населения, причем традиция их изготовления продолжалась и позже, чем нам представлялось ранее, вплоть до раннего средневековья, а семантика и практика употребления не ограничивались помещением в могилу. Как справедливо полагает Г. А. Брыкина, они были связаны с культом предков и находились в тех помещениях, где в определенные дни совершалась церемония поклонения семейно-родовым предкам [Брыкина, с. 104]. Это предполагает определенную трансформацию связанных с этими идолами верований, скорее не принципиальные изменения, а перенос акцента.

В свое время мы предположили, что обычай помещать идолов в погребения может быть сопоставлен с распространенным у тюркоязычных народов обычаем «тул» [там же, с. 56—57] и вместе с тем с известным, по сообщению Аммиана Марцеллина [XIX, 2, 10], хионитским обычаем размещать вокруг знатного покойника при его кремации «ложи с изоб-

ражениями умерших людей, которые были так хорошо выполнены, что совершенно походили на покойников» [Аммиан Марцеллин, с. 249].

Обычай «тул» в современной этнографической литературе был вначале интерпретирован С. М. Абрамзоном [Абрамзон], а затем значительно более полно Б. П. Шишло [Шишло]. Согласно последнему исследованию, первоначально этот обычай был связан с тем, что, по древним представлениям, в изображении умершего содержалась та его душа, которая была связана с идеей загробного существования, душа, которая понималась людьми, как вечная; позже произошла контаминация с традициями культа предков [там же] [63].

С. М. Абрамзон и Б. П. Шишло, собравшие в своих статьях обширный этнографический материал, были убеждены, что обычай «тул» — исключительная принадлежность тюркоязычных народов. Однако это не так. На самом деле, этот обычай был распространен очень широко: у жителей острова Пасхи, китайцев, гольдов, гиляков, хантов, манси, русских, у некоторых племен Африки и т. д. [Пропп, с. 181—182; Криничная, с. 122—124]. Наиболее глубокое определение этого, почти универсального обычая принадлежит Б. Я. Проппу: кукла представляет собой умершего, ее нужно кормить, и тогда инкарнированный в ней умерший будет оказывать помощь [Пропп, с. 182].

Отметим варианты этого обычая у двух близких народов, живущих по соседству со Средней Азией.

У тибетцев в тот день, когда тело покойника сжигается, изготовляется его изображение: на кусок дерева надевают его одежду, лицом служит лист бумаги, где печатным способом оттиснут рисунок — «дух умершего». Около истукана ставят еду и питье и на протяжении 49 дней проводят различные обряды. Этот обычай, являющийся пережитком религии Бон и однотипный со среднеазиатскими обычаями типа «тул», завершается церемониальным сжиганием упомянутого листа с изображением. Зола тщательно собирается, смешивается с глиной и отформовывается одно или несколько миниатюрных изображений чайтьи. Одно из них остается на домашнем алтаре, другое относят на какой-либо из ближайших холмов, где его прячут под какой-либо скалой [Waddel, p. 329—330, 495—498] [64].

Еще более важно, что однотипный обычай был и у осетин. В память об умершем у осетин раньше пекли «хлеб огромной величины, а один из родственников умершего стоял в углу комнаты с двумя палками в руках и плакал. От него отбирали палки, связывали их крестообразно и надевали на них одежды покойного. Вдова покойного (или кто-либо другой из родных) в присутствии всех надевали одежду покойного на крестообразную палку. Чучело сажали на скамейку и вокруг него раскладывали пищу, питье и любимые вещи покойного: оружие, трубки с табаком, музыкальные инструменты и т. п.; а у магометан также медный кувшин и таз для омовений. Собравшиеся плакали и причитали по покойнику, после чего все изготовленные кушанья и напитки съедались и выпивались присутствующими. За поминальным ужином один из родственников ел за двоих (считалось, что он ест и за покойного)» [Токоева, с. 148].

Наличие обычая, однотипного с обычаем «тул», у осетин в сопоставлении с фактом помещения идолов в захоронения скифо-сарматского круга показывает, что какие-то обычаи такого рода существовали у древних ираноязычных кочевников, хотя конкретное содержание соответствующих верований выяснить пока не представляется возможным.

Не может быть никакого сомнения, что находка в погребальном сооружении на Тепаи-шах такого идола чрезвычайно важна с историко-культурной точки зрения. Она, по-видимому, свидетельствует о включении в состав местного населения каких-то групп кочевников, пришедших сюда с севера [65], и, во всяком случае, об идущих с севера сильных культурных влияниях.

Вместе с тем напрашивается также параллель с некоторыми западнопарфянскими погребениями, где наряду с высокохудожественными

статуэтками встречаются идольчики, но не алебастровые, а из кости.

В гробу «башмачного» типа, найденном в Варке, при женском погребении обнаружены идольчики из кости. Они представляют пластинку, внизу раздвоенную. На теле обозначены лишь женские признаки и пупок. Вверху пластинка расширяется, и здесь кружками переданы крупные глаза, брови, рот, иногда и нос. В большинстве случаев фигурки и лицо очень схематичны, но иногда очертания самой фигурки и лицо более реалистичны.

Такого рода идольчики найдены и в одном парфянском доме в Варке. Их очень много в Багдадском музее — они происходят из погребений в Варке и Селевкии. Эти экземпляры снабжены отверстием. Х. Ленцен рассматривал эти изделия как игрушки [66], но это, скорее, идольчики.

В Селевкии эти идольчики найдены в слоях II и III, т. е. датируются второй половиной II в. до н. э.—началом II в. н. э. [van Ingen, p. 346—350, pl. LXXXVI, 631—632, LXXXVII, 633, 634] [67].

Было бы слишком рискованным утверждать, что парфянские идольчики генетически связаны со среднеазиатскими; не исключено параллельное развитие на базе близких (в этой части) религиозных представлений, но и исключить первое предположение, по-видимому, также нельзя.

З е р к а л а. Всего найдено четыре зеркала, из них два — в сооружении I (см. Приложение I. Каталог 3, 21, 22) и по одному в сооружении III и сооружении IV (см. Приложение I. Каталог 3, 202, 221).

Зеркало (фрагмент) из сооружения IV относится, по нашей классификации, к типу 1 отдела II — «плоские дисковидные зеркала без ручки». Тип этот очень древний, вместе с тем был достаточно широко распространен и на рубеже, и в первые века новой эры [Литвинский, 1978, с. 87]. Ближайшие территориальные аналогии представлены находками в Тулхарском могильнике [Мандельштам, 1966, с. 115], Бабашовском могильнике [Мандельштам, 1975, с. 119, табл. XXV, 3—5], на Туп-хоне [68], в погребении на поселении Ак-тепе II [69]. Хронологические пределы этих аналогий — I в. до н. э.—IV в. н. э.

Одно из зеркал сооружения I (№ 21 по Каталогу) можно отнести к типу 2 отдела II. Такие зеркала встречены в Ворухском могильнике (курганы 18 и 51), где невысокий бортик отогнут не вертикально, а под углом. С учетом материалов по соседним территориям датировка должна быть в пределах I—III вв. н. э. [Литвинский, 1978, с. 73, 89—90, табл. 15, 11—14].

Другое зеркало из сооружения I сохранилось лишь в виде фрагмента. В силу этого нельзя с какой-либо степенью уверенности решить, относится ли это зеркало к одному из вариантов типа 3 отдела II («зеркало с рельефным бортиком и выпуклиной в центре») или же к варианту типа 3 отдела I («зеркало с рельефным ободком по краю диска, конической выпуклиной в центре и боковой ручкой»). Особенность, отличающая это зеркало от обычных зеркал обоих типов, — равномерное утолщение от бортика к центру, а не четкая коническая выпуклина в центре. Оба типа широко представлены в находках из могильников Бактрии. Основная часть зеркал типа 3 отдела I относится в Средней Азии к I в. до н. э.—II—III вв. н. э. [там же, с. 81—86]. Однако находки на Ак-тепе II позволяют заключить, что в отдельных случаях они существовали и до IV—начала V в. н. э. Находки зеркал типа 3 отдела II немногочисленны и относятся ко II в. до н. э.—I в. н. э. [там же, с. 90].

Наконец, бронзовое зеркало из сооружения III — это небольшой сильно коррозированный фрагмент зеркала, которое производит впечатление ханьского.

Б у л а в к и б р о н з о в ы е и з с о о р у ж е н и я II. Одна со сфероконической головкой (см. Приложение I. Каталог 3, 125), другая — с венчающим полукольцом (см. Приложение I. Каталог 3, 126). Бронзовые, латунные и железные булавки входят в состав инвентаря Тулхар-

ского и Бабашовского могильников в Бактрии, причем есть булавки с навершием — головкой [Мандельштам, 1966, с. 116, табл. L, 9—10; 1975, с. 118, табл. XXXIX, 1—6]. Костяные булавки найдены при раскопках Зар-тепе, головка отделена от стержня горизонтальными желобками [Завьялов, Осипов, рис. 3, 9—10]. При раскопках Яванского городища обнаружены две костяные проколки. У одной из них — навершие в виде плоской ромбовидной пластинки, сверху увенчанной двумя «коньками». Навершие отделено от стержня горизонтальными желобками. Острие вверху овально-пластинчатое, шириной 14 мм, внизу округлое в сечении. Длина булавки около 110 мм. Вторая булавка обычного типа. Стержень цилиндрический (вверху диаметр 6 мм), вверху горизонтально-канелированный. Над желобком — фрагментированная, по-видимому уплощенно-шаровидная, головка. Длина булавки около 115 мм [70].

Среди находок, сделанных при раскопках Яванского городища, имеется бронзовая булавка с литым навершием. Оно имеет плоское, асимметрично по отношению к стержню посаженное основание, над которым, точно над стержнем, горизонтально-рифленый выступ, завершающийся головкой с гребешком. Длина булавки 151 мм [71].

Опубликованы костяные булавки, найденные в левобережной Бактрии — на Чакалак-тепе [Chaqalaq Tepe, p. 24, 109, fig. 60) и на Дурмантепе (Durman Tepe, p. 105, pl. 12, 5), а также южнее, в пределах Каписы — в Бегараме II и III [Carl, 1959, p. 96, fig. 232; Ghirshman, 1946, pl. 37, 47].

Бронзовая булавка обнаружена на Дильберджине [Кругликова, Пугаченкова, рис. 15, 9]. Известна находка бронзовой булавки на Кой-Крылган-кале [Кой-Крылган-кала, табл. XVIII, 13]. Булавки с утолщенной (иногда шаровидной) головкой известны и в усуньских комплексах [Бабанская, табл. 8, 6—7; Акишев, Кушаев, табл. 1, 1—4, 2, 10—11].

Одна из бронзовых булавок из Сиркапа (где их найдено много, с различными головками) по форме головки и наличию горизонтальных желобков под ней [Marshall J., 1951; 2, p. 586, 3, pl. 173, 233; 182,7][72] совершенно аналогична тепаишахской. Близкие бронзовые булавки найдены в Дамкоте [Abdur Rahman, p. 164, pl. 91].

Что же касается тепаишахской булавки с головкой-полукольцом, то такой прием для оформления наверший железных изделий представлен в коллекциях железных изделий из Бегарама [Carl, 1959, p. 99—100, fig. 232, 234].

Кольца, перстни, серьги, подвески, браслеты металлические. Специфическим является кольцо из сооружения II, дужка которого оформлена в виде соприкасающихся кружков-дисков с углублениями (см. Приложение I. Каталог 3, 135). Может быть, в виде отдаленной аналогии можно указать на римские перстни I—II вв. н. э., у которых дужка состоит из восьми крупных бусин [Marshall F., p. 81, pl. 13]. В римской ювелирной продукции зарегистрированы и абсолютно такие кольца. В Британском музее хранится золотое кольцо, дужка которого состоит из 12 кружочков-дисков. Каждый кружочек внутри полый — для вставки из камня или цветного стекла. Единственное отличие — в местах сочленения кружочков, сверху и снизу — по крошечному шарику. Ф. Маршалл включил это кольцо из коллекции Кастеллани в группу позднеримских, около III—V вв. [там же, p. 157 (№ 982), pl. XXV].

В этой связи можно указать, что в слое I Сиркапа найден высокохудожественный перстень: на поверхности очень широкого (шириной около 23 мм) кольца нанесен виноградный узор. Щиток, выступающий асимметрично за плоскость кольца, вытянуто-трапецеидальной формы. На его поверхности — три соприкасающихся друг с другом круглых рельефных ободка [Marshall J., 1951, 2, p. 643; 3, pl. 197, 12], т. е. использован тот же прием, но не на кольце, а на щитке. По принятой хроноло-

гии, сиркапский перстень должен датироваться второй половиной I—II в. н. э. Однако более несомненной и прямой аналогией является перстень из коллекции Кастеллани, но не ясно, насколько бесспорной является его датировка.

Серьга бронзовая из тепаишахского сооружения II, состоящая из двух положенных друг на друга колец, раздутых в основании и скрепленных навиванием проволоки вверху (см. Приложение I. Каталог 3, 127), является, по-видимому, упрощенным вариантом золотых таксильских, датируемых там I в. н. э. [Marshall J., 1951, 2, p. 626; 3, pl. 191, 36—37].

Что же касается золотой серьги из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 23), то формой кольца с утолщением внизу и перехватом по центру она сближается с золотыми серьгами I в. н. э. из Таксилы, но у них внизу не бусинка, а гроздь из четырех шариков [там же, 2, p. 626; 3, pl. 191, 48—51].

Бронзовая трехчастная подвеска из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 24], возможно от сложной серьги, имеет специфическую форму и снабжена шарнирной конструкцией. По своей форме она как будто уникальна [73].

Как известно, шарнирные соединения были известны уже в Древнем Египте, но по-настоящему широко они стали применяться (если говорить о различной металлической фурнитуре) лишь в эпоху Римской империи [A History, p. 235—236, fig. 209].

На Востоке шарнирные соединения применялись в украшениях на рубеже и в первые века новой эры (Северо-Западная Индия, Дальверзинтепе).

Шарнирное соединение характерно для многих ювелирных изделий II—III вв. н. э. из Мцхеты. В этих изделиях, в частности в двучленных браслетах, также применяется небольшая дужка с двумя шарнирными точками. Раздвоенные концы основной дуги завершаются кружками с отверстиями. Запоры-шпильки часто имели с двух сторон шарики [Апакидзе и др., с. 36, 77—78, 103; табл. 1, 3, 5, 10, 5—6, 16, 10—12; рис. 139]. Имеются и другие типы шарнирного соединения [там же, табл. 13, 2; рис. 43, 15; 137, 8, 9а, 10а].

Перстень из сооружения IV (см. Приложение I. Каталог 3, 222) по форме близок к золотым перстням александрийского происхождения, предположительно I в. до н. э., на которых имеются изображения египетских и римских божеств. Некоторые изображения очень грубые [Marshall F., p. 22—23, № 117—121]. На тепаишахском перстне, возможно, изображение Эрота.

Из других предметов следует отметить бронзовый проволочный браслет с навитыми концами — подвижным замком из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 34). Такие браслеты, как известно, были широко распространены в первые века новой эры.

Костяное кольцо из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 43). Может быть сопоставлено с костяным с насечками кольцом из второго яруса склепа 2 Дальверзинского науса [Ртвеладзе, 1978а, с. 100, рис. 79, 3]. Однако аналогия эта формальная. Выделенная площадка свидетельствует о специальном назначении тепаишахского кольца, скорее всего для натягивания тетивы лука.

В средневековом Иране находили применение кольца для натягивания тетивы, надевавшиеся на палец. Эти кольца делались из рога, слоновой кости или жадеита [Иностранцев, 1909а, с. 69—70].

В Турции в XVIII—XIX вв. для натягивания тетивы употреблялось кольцо специальной формы, изготавливаемое из слоновой кости или какого-либо другого материала, причем тетива надавливала не на палец, а на специальный уступчик кольца. Такие кольца разной формы были широко распространены в разных странах Востока [Payne-Gallwey, p. 13—15, fig. 9 (форма), fig. 10—12 (способ употребления)].

Бронзовая пряжка из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 20). Нестандартная по своей форме и конструкции. Она имеет точную аналогию в пряжке из Чакалак-тепе [Chaqalaq Tepe, fig. 53, 67—94], однако это не облегчает датировку, которая может исходить лишь из общетипологических соображений.

Стеклянная вставка с черным рисунком из сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 33). Входит в группу изделий, получивших распространение от Восточного Средиземноморья до Афганистана.

В Дура-Европос найдено несколько образцов стекла с росписью. Среди находок, вероятно принадлежащих к раннеимператорскому времени, — два фрагмента стекла с росписью. На одном, черном по цвету фрагменте белым и желтым был нанесен орнамент в виде цветка (?), побегов (?), ряда точек; на другом — геометрический узор в виде белых кружков, вокруг них ряды красных точек, есть следы позолоты.

Для среднеимператорского периода известен фрагмент стеклянной ойнохои. Стекло цвета слоновой кости. На фрагменте половина головы Фетиды. Анфасное изображение, слегка повернутое налево. Лицо богини, ее венец, волосы, глаза окрашены черной краской. Из-за венца выступают красные и зеленые лучи — может быть, это побеги и цветы. На другом фрагменте этого же сосуда сохранились остатки бордюра, окрашенного в красный, черный и желтый, следы позолоты.

Известна целая стеклянная ваза с росписной композицией мифа о Дафне; в Дура-Европос встречена несомненно подобная ваза. Обе, очевидно, происходят из мастерских в Антиохии на Оронте и были сделаны в первой половине III в. н. э. Фрагменты из Дура также напоминают некоторые фрагменты из Беграма, хотя и не столь близко.

Для техники важно отметить, что роспись и позолота не были прикрыты снаружи защитным слоем прозрачного стекла [Clairmont, p. 12, 34—35, pl. XVIII, 24—25; XX, 126]. Именно такая техника характерна и для группы стеклянных изделий, найденных в Бегараме и, по-видимому, датирующихся серединой II—серединой III в. н. э. и имеющих египетское происхождение [Coarelli, p. 318—320].

Бусы и подвески из стекла, египетского фаянса, керамики. Подвеска керамическая конусовидная с перехватом из погребального сооружения I (см. Приложение I. Каталог 3, 58), имеет абсолютно точную аналогию (по форме) в стеклянной подвеске из второго яруса склепа II Дальверзинского науса [Ртвеладзе, 1978а, с. 100, рис. 110, 10].

Подвески-амулеты из египетского фаянса представлены в погребальном сооружении II тремя видами этих изделий: фаллической подвеской, амфоровидной и подвеской в виде грозди винограда.

Фаллическая подвеска из погребального сооружения II Тепаишахского некрополя (см. Приложение I. Каталог 3, 151) практически идентична фаллической подвеске из разрушенного погребения вблизи кушанского городища Яланғтуш-тепе (Сурхандарьинская область) [Ртвеладзе, 1977, с. 237, рис. 1, 2]. Аналогичные подвески обнаружены также на Джанбас-кале и Кой-Крылган-кале [Толстов, 1948, с. 119; Пташникова, с. 109; Кой-Крылган-кала, с. 149, табл. XVII, 16].

Подвески в виде мужских гениталий — обычны в комплексах Северного Причерноморья [Пиотровский]. При рельефной лицевой стороне тыльная сторона у них плоская. Согласно Е. М. Алексеевой, северопричерноморские комплексы, в которых найдены эти подвески (учтено 29 экземпляров), датируются концом I в. до н. э.—II в. н. э., причем преобладают погребения I в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 47, табл. 7, 28—30; табл. 17, 22]. Такие подвески часто встречаются в парфянских комплексах Месопотамии [74].

Среди подвесок эллинистического и римского времени из некрополя Дура-Европос известно пять фаллических [Toll, p. 127]: из гробницы

№ 23 (три экземпляра), № 24 и № 40. Гробница № 23 — это I в. до н. э., № 40 — I в. н. э., № 24 — I—III вв. н. э. [там же, р. 139].

Таким образом, и в Северном Причерноморье, и в Западной Парфии преимущественное время распространения этих подвесок приходится на I в. н. э.

Возникает вопрос, имели ли эти чужеземные амулеты на территории Бактрии какую-либо культовую нагрузку? Вообще уже в раннюю эпоху, по словам О. М. Фрейденберг, «органы производительности представляются самостоятельными, живыми, в виде существ: мифы этой эпохи говорят о них, как о женихах, о мужьях, о родителях, о матерях и женах...» [Фрейденберг, с. 77].

Верования, связанные с фаллосом, почитание фаллоса и соответствующих демонов хорошо известны как в ведической Индии, так и у многих индоевропейских народов. Они входят в цикл, связанный с плодородием [75]. Таким образом, ответ на поставленный вопрос должен быть скорее всего положительным.

На вопросах, связанных с амфоровидной подвеской (см. Приложение I. Каталог 3, 152) и подвеской в виде грозди винограда из сооружения II (см. Приложение I. Каталог 3, 159), мы не будем останавливаться, так как это было сделано нами в одной из предыдущих публикаций, где очерчен ареал этих изделий и освещены вопросы техники [Литвинский, 1973, с. 138—139] [76]. Отметим лишь, что для подвесок в виде грозди винограда северопричерноморские комплексы дают даты от III в. до н. э. до начала III в. н. э., преобладают погребения I в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 45—46, табл. 11, 31—36]; в виде стилизованных амфорок — от I в. до н. э. до IV в. н. э., с преобладанием в погребениях I—II вв. [там же, с. 46, табл. 11, 42—44].

В сооружении II найдены крупные желобчатые бусы из египетского фаянса (см. Приложение I. Каталог 3, 153—154) [77]. И для их датировки, если исходить из северопричерноморской шкалы, вероятнее всего I—II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33—34].

В сооружении II имеются стеклянные катушкообразные бусины (см. Приложение I. Каталог 3, 159, 165, 174). Они широко распространены в Индии, особенно были популярны в первые века новой эры. Так, из 700 бус из Кондапура значительно больше половины принадлежит вариантам этого типа [Dikshit, p. 15, pl. 4, 166—174, 176, 179—180, 182—183, 188]. В индийских слоях и памятниках, датируемых III в. н. э. и позже, эти бусы встречаются [78], но в меньшем количестве [79].

Является ли Индия исходным местом изготовления катушкообразных бус, как считают некоторые ученые, или нет (последнее — вероятнее), но уже в раннекушанское время они имелись в Средней Азии — в Тулхарском могильнике есть одна катушкообразная бусина [Мандельштам, 1966, с. 129]. На рубеже новой эры и в I в. н. э. такие бусы имелись и в Дура-Европос [Toll, p. 126].

В Северном Причерноморье они отмечены в комплексах IV—III вв. до н. э., встречаются и в IV в. н. э., но наиболее характерны для комплексов I и I—II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 73, табл. 33, 73, 75—76]. Исходя из всей совокупности собранных материалов [Литвинский, 1973, с. 153—157], в Бактрии основное время распространения этих бус должно приходиться на рубеж новой эры — I—II вв. н. э.

Надо также упомянуть стеклянные подвески в виде уточек (см. Приложение I. Каталог 3, 164) и сердоликовую каплевидную (см. Приложение I. Каталог 3, 148) из погребального сооружения II.

Подвески каплевидные и в виде птичек встречены в Вавилоне [Reuther, 1926, S. 168, 171, 193, taf. 48]. Стеклянные подвески в Дура-Европос каплевидной формы с приостренным основанием (встречены в гробницах II в. до н. э.—I в. н. э.) или же округло-конической формы с выпуклым основанием и приостренным навершием (в гробницах I в. до н. э.—II в. н. э.). В гробнице № 40 (II в. н. э.) некрополя Дура-Евро-

пос найдены четыре маленькие стеклянные подвески в форме птички [Toll, p. 126] и здесь же — одна сердоликовая каплевидная [Toll, p. 127]. В Херсонесе стеклянная подвеска в виде уточки датируется I—II в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 74, табл. 34, 26—27].

Что касается керамики Тепаи-шах, то ее датировочные возможности довольно ограниченны. Керамические комплексы погребальных сооружений формировались, видимо, на протяжении довольно длительного промежутка времени, в их составе имеется разновременная керамика. Мы же пока, к сожалению, не всегда можем с уверенностью говорить о хронологическом диапазоне существования той или иной керамической формы. Видимо, наилучшие результаты могут быть получены при сравнении керамики из наусов и комплекса городища Тепаи-шах.

Керамика из погребального сооружения I. Все большее число глубоких чаш с округлым либо биконическим туловом и высоким вертикальным либо наклонным внутрь или наружу венчиком находит прямые аналогии в материале с городища. В ряде случаев мы имеем почти идентичные формы, совпадающие чуть ли не до деталей (см. Приложение I. Каталог 3, 2, 82—87). То же самое можно сказать и о чаше с полусферическим резервуаром (см. Приложение I. Каталог 3, 88).

В то же время в погребальном сооружении имеется ряд единичных форм, отсутствующих в керамике городища. Это двуручный кувшин (см. Приложение I. Каталог 3, 3), чаша с вертикальным бортиком и «перехватом» в средней части (см. Приложение I. Каталог 3, 1), миниатюрный поильник (см. Приложение I. Каталог 3,4). Сосуды, подобные первым двум, широко представлены в комплексах с сасанидо-кушанскими монетами из Бишкентской долины и собственно Кобадианского оазиса. Почти идентичные двуручные кувшины найдены на поселениях Актепе II, Шодмон-кала [80]. Подобные чаши широко представлены в комплексах тех же и близких по времени памятников. Правда, обычно они имеют меньший диаметр и более высокий бортик, снаружи часто украшенный лощением [81]. Чаши, почти аналогичные нашей, известны в Дильберджине [Кругликова, Пугаченкова, рис. 100, 3] и Аккургане [Пидаев, 1978, табл. 10, 1—2, 4—12] в типичных комплексах кушано-сасанидского времени. Фрагменты близких чаш имеются и в материале из шурфа на поселении Хишт-тепе (см. табл. VIII, рис. 17, 21, 22). Датировка перечисленных выше комплексов второй половиной IV—V в. н. э. как будто бы хорошо подкреплена рядом независимых друг от друга моментов [Зеймаль Т. И., Седов]. Характерно, что в более ранних комплексах подобные формы чаш не встречаются.

Сходные, но без ручки поильники имеются уже в керамике Тулхарского, Аруктауского [Мандельштам, 1966, табл. XVIII; 1975, табл. VIII], Айртамского [Тургунов, 1973, рис. 14] могильников. Однако эта форма, видимо, существовала длительный промежуток времени, так как она также известна в комплексах с сасанидо-кушанскими монетами.

Керамика из погребального сооружения II. В этом сооружении ассортимент керамических форм несколько шире, нежели в предыдущем, однако сравнительный анализ керамики дает фактически те же результаты. Почти до идентичности совпадают формы цилиндроконических бокалов (см. Приложение I. Каталог 3, 90—92), тагора (см. Приложение I. Каталог 3, 117). Близкие типы дают и чаши (см. Приложение I. Каталог 3, 94—97). Что касается двуручных кувшинов, то они совпадают с сосудами из погребального сооружения I, явно отличаясь в то же время от двуручных кувшинов из комплекса городища (см. Приложение I. Каталог 3, 101—102). Все приведенные выше соображения о датировке этой формы керамики могут быть повторены и здесь.

Интересна археологически целая тагора с С-образной вертикальной ручкой под венчиком и волнистым орнаментом по плоскому венчику

(см. Приложение I. Каталог 3, 98). Она находит себе аналогии в Дальверзин-тепе (ДТ-III, IV) [Пугаченкова, Ртвеладзе, рис. 34, 48, 103, 9]. Не из подобного ли типа тагора развились впоследствии богато орнаментированные тагора с широким отогнутым венчиком и витыми ручками?

Нельзя не отметить тот факт, что дата сооружения погребального науса II (см. ниже) не находит подтверждения в керамическом материале. Формы кушанской керамики, традиционно выделяемые исследователями как ранние [там же, с. 144—146], здесь отсутствуют. По-видимому, можно предложить два объяснения: 1) фрагментарность дошедшего до нас материала (плохая сохранность памятника); 2) отсутствие обычая на раннем этапе функционирования науса сопровождать погребения в нем керамической посудой.

Керамика из погребального сооружения III. Из-за плохой сохранности науса керамическая коллекция очень незначительна. Представлена формами, отсутствующими в комплексе городища Тепаи-шах и находящими себе аналогии в комплексах кушано-сасанидского времени [82]. Это характерные формы двуручных кувшинов и чаш с вертикальным бортиком и «перехватом» (см. Приложение I. Каталог 3, 199—201).

Керамика из погребального сооружения IV. В коллекции представлены один из типов чаш и миски. Обе формы находят самые близкие аналогии в комплексе керамики городища Тепаи-шах (см. Приложение I. Каталог 3, 206, 210—214). Интересны мелкие миски с горизонтально отогнутым широким венчиком (типа тарелочек), не встречающиеся в керамике с городища (см. Приложение I. Каталог 3, 207—209).

Краткий сравнительный анализ керамики из погребальных сооружений некрополя Тепаи-шах, проведенный на основе сравнения с керамикой городища, подтверждает датировку наусов, предложенную на основе анализа других категорий находок (во всяком случае, не противоречит ей). Наличие в сооружениях сравнительно поздней керамики (второй половины IV—начала V в. н. э.) скорее всего объясняется следующим. Видимо, погребальные сооружения продолжали использоваться и после прекращения жизни на городище Тепаи-шах. В них могли хоронить обитатели, например, поселения Хишт-тепе, где имеются слои кушано-сасанидского времени (см. ниже). Необходимо отметить одинаковый набор керамических форм (за исключением погребального сооружения IV) в наусах.

Датировка некрополя. Инвентарь в каждом сооружении некрополя сложился в результате многократного помещения в камеры трупов, черепов, костей и связанных с тем или иным покойником предметов. Это отнюдь не одноразовые образования, а комплексы, слагавшиеся на протяжении длительного времени. При этом следует также иметь в виду еще три обстоятельства. Мы не знаем, что делалось после заполнения камер: они могли окончательно закрываться или же кости (либо часть костей) переносились в другое место. В результате предметы, в первую очередь мелкие, и особенно монеты, могли попадать на нижележащие уровни и скатываться на пол камеры. Кроме того, даже сооружения наилучшей сохранности, I и особенно II, дошли до нас не полностью; в сооружении II можно судить лишь о двух камерах из четырех; кроме того, сооружение I, по-видимому, подверглось ограблению [83]. Поэтому можно лишь пытаться определить время сооружения и функционирования этих двух сооружений и в еще более предположительной форме — двух других.

Наиболее ранним из четырех сооружений является сооружение II. В двух его камерах найдены подражания оболам Эвкратида: в камере 1 (см. Приложение II. Реестр, 43) и в камере 2 (см. Приложение II. Реестр, 46). Подражания оболам Эвкратида неоднократно являлись предметом об-

суждения в специальной литературе. Не останавливаясь на этом детально, приведем лишь заключение А. М. Мандельштама [1966, с. 139—142], что находимые в Таджикистане оболы с именем Эвкратида чеканились начиная с последней трети II в. до н. э. до середины I в. до н. э. Новые находки подражаний оболам Эвкратида на Туп-хоне [84] показывают, что в некоторых случаях они входят в комплексы, вероятнее всего относящиеся к I в. н. э. (и даже позднее).

В своей первой публикации мы датировали постройку этого сооружения временем от конца II в. до н. э. и до рубежа новой эры [Литвинский, 1976, с. 83]. Хотя и сейчас эта датировка не может быть оспорена, но все же более предпочтительной представляется ее некоторое сужение — I в. до н. э.— рубеж новой эры. В этом же сооружении найдены, кроме того, два обола «Герая» — обе монеты из камеры 2 (см. Приложение II. Реестр 45, 48).

Как известно, современные исследователи предлагают разные определения даты этих монет, преимущественно в пределах I в. до н.э.— I в. н. э. Созданы различные гипотезы о месте и обстоятельствах чекана этих монет. Во многих случаях датировки этих монет тем или иным специалистом-нумизматом зависят прямо или косвенно от общей реконструкции им предкушанской и кушанской истории и хронологии. На этом фоне сохранило свое значение объективное и всестороннее изучение этих монет, проведенное А. Н. Зографом, который относил эти монеты к середине или ко второй четверти I в. до н. э. [Зограф]. Попытки резкого «омоложения» этих монет Е. А. Давидович справедливо, на наш взгляд, характеризует следующим образом: «... метод и выводы Зографа не опровергнуты, новые методы и факты не предложены; новые даты появляются, как правило, в виде „приложений" к концепциям» [1976, с. 72]. Автор тонкого и во многом новаторского исследования, посвященного тетрадрахмам «Герая», Е. А. Давидович принимает в целом датировку А. Н. Зографа, относя чекан «Герая» ко второму этапу своей трехчленной периодизации истории юэчжей в Бактрии, завершившемуся до 25 г. н. э. А. М. Мандельштам, отчасти используя и археологические комплексы, относил время правления «Герая» к концу I в. до н. э. или рубежу новой эры [1966, с. 144]. Принимая датировку А. Н. Зографа — Е. А. Давидович[85], мы полагаем, что оболы «Герая» попали в некрополь во второй половине I в. до н. э. или, быть может, на рубеже новой эры, т. е. на начальном этапе существования сооружения.

В сооружении, кроме того, имеется одна монета «безымянного царя», монета Вимы Кадфиза, три монеты Канишки I, по одной монете Канишки III и Хувишки, подражание монетам Васудевы (см. Приложение II. Реестр, 38—42, 44, 47, 49).

Если исключить оболы, датировочные определения на основании остальных монет целиком зависят от принятия одной из многочисленных систем кушанской хронологии [86] и, следовательно, могут располагаться в интервале от I—III вв. (нач. IV в.?) и до III—V вв. н. э. В данной связи мы не можем останавливаться на приведении аргументов «за» и «против» разных хронологических систем. Анализ же вещественного материала из комплекса сооружения II показывает наличие большого числа предметов, которые могут быть датированы I и I—II вв. н. э. С учетом керамики датировка основной части находок может быть определена как I—III вв. н. э., хотя нельзя исключить, что наиболее поздние предметы попали в него в начале IV в. н. э. Таким образом, возникнув в I в. до н. э. (или на рубеже новой эры), это сооружение функционировало, может быть с перерывами, длительное время, во всяком случае до конца III или даже начала IV в. н. э.

В сооружении I встречено три монеты Канишки I, две монеты Васудевы, по одной монете-подражанию монетам Канишки III и Васудевы (см. Приложение II. Реестр, 31—37). Учитывая сказанное выше о монетах из сооружения II, монеты из сооружения I могут укладываться в ин-

тервал последней четверти I—начала IV в. и до III—V вв. н. э. Вещественный же материал в этом сооружении более поздний, чем в предшествующем, его скорее всего следует датировать II—IV вв. н. э., причем не исключена возможность, что статуэтка относится к началу V в.

Более скудный материал из сооружений III и IV не позволяет судить об их датировке с какой-либо определенностью, но, вероятнее всего, с учетом керамики сооружение III синхронно сооружению I.

Таким образом, некрополь функционировал с I в. до н. э. или с рубежа новой эры, когда было построено сооружение II. Позже, уже во II в., было построено сооружение I, тогда же — сооружения III и IV. Некрополь существовал длительное время, во всяком случае до V в.

3. ДРУГИЕ ПАМЯТНИКИ ОАЗИСА ШАХ

а. УСАДЬБА ХИРМАН-ТЕПЕ

Расположена примерно в 2 км к западу от городища Тепаи-шах, недалеко от совхозного хирмана. Усадьба занимает небольшой плоский уступ кафирниганской террасы, выдающийся на запад (см. рис. 2, III). Высота уступа — около 8—10 м. Далее на юго-восток кафирниганская терраса довольно значительно понижается, сливаясь с невысокой надпойменной террасой р. Амударьи (на одном из уступов последней расположено городище Тепаи-шах).

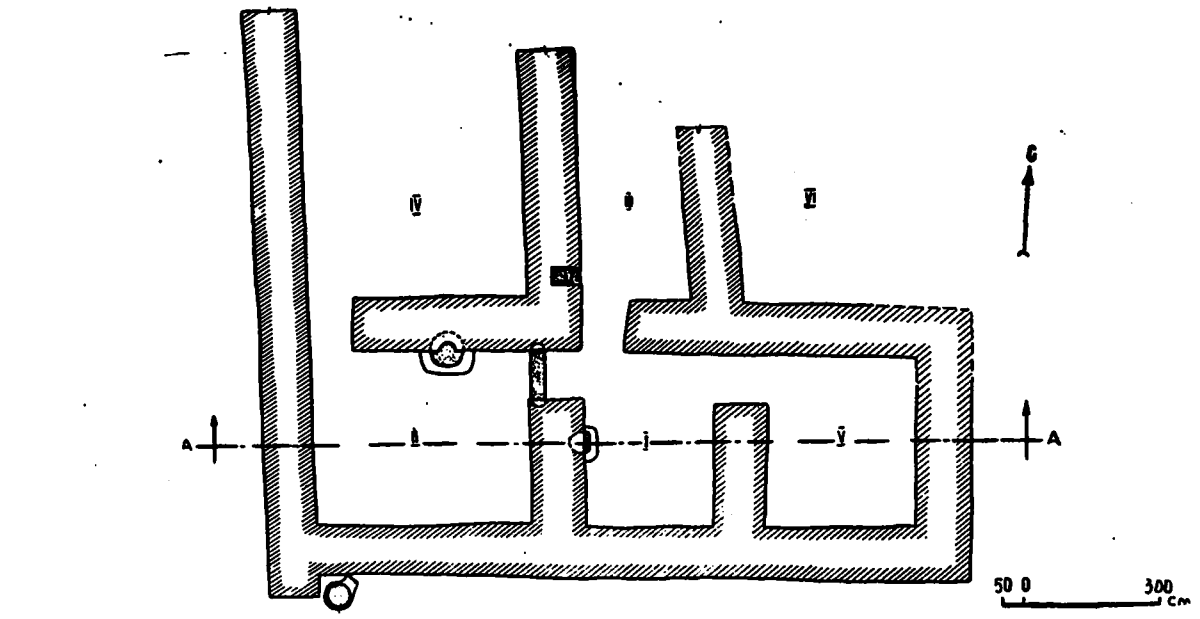
Описание раскопа

Раскопками вскрыто несколько сохранившихся помещений усадьбы (рис. 15). Стены пахсовые, покрыты саманной штукатуркой до 5 см толщиной, сохранились на высоту до 1 м (в западной и северной частях раскопа стены «выклиниваются», что не позволило осуществить вскрытие всей площади усадьбы). Ориентация стен помещений по сторонам света; ширина стен около 1,1 м. Полы всех вскрытых помещений расположены на уровне конца II яруса [87], под ними песчаный материковый грунт.

Заполнение помещений представляет собой полностью разложившиеся строительные остатки (вероятно, развал верхних частей стен и перекрытий). На полах — незначительный слой органических остатков. Все свидетельствует о том, что усадьба была выстроена сразу, по единому плану, и просуществовала сравнительно небольшой промежуток времени. Последнее как будто бы подтверждается отсутствием каких-либо следов ремонта и перестроек помещений, а также незначительной мощностью гумусных напластований за внешними стенами усадьбы. Ниже дается краткое описание раскопанных помещений.

Помещение I. Небольшое помещение прямоугольных очертаний размерами 2,6×3,5 м. Проходами в юго-западном и северо-западном углах шириной соответственно 1,1 и 1,0 м соединено с помещениями II и V. В южной стене помещения, ближе к проходу — глубокий каминообразный очаг. Он имеет вид вырубленной в толще стены ниши высотой 0,55 м, глубиной 0,35—0,4 м, с довольно крутым сводиком. Дно ниши не достигает пола помещения (выше на 0,15 м). Перед очажной нишей к стене помещения по полу приставлена невысокая (0,2 м) прямоугольная пахсовая площадка размерами 0,25×0,6 м. В ней вырублено небольшое углубление, заполненное золой, являющееся продолжением дна ниши. Таким образом, перед очажной нишей имеется как бы П-образная невысокая оградка. Стенки ниши обожжены и сильно закопчены.

Помещение II. Расположено к западу от помещения I, также прямоугольных очертаний размерами 3,55×4,5 м. Соединено проходами (1,1 и 1,0 м) с помещениями I и IV. В проходе в помещение I, примерно по лицевой линии северной стены на всю ширину прохода, неглубокая

РАЗРЕЗ ЧЕРЕЗ ПОМЕЩЕНИЯ А-А

Рис. 15. Усадьба Хирман-тепе. План и разрез.

(7—10 см) выемка в полу, видимо от деревянного порога (ширина 0,35 м). Торцовые стороны выемки несколько заглублены в щеки прохода. Посередине западной стены помещения — каминообразный очаг (см. табл. II, рис. 1), аналогичный очагу из помещения I, но несколько крупнее. Размеры очажной ниши: сохранившаяся высота около 1 м, ширина (внизу) 0,65 м, глубина 0,4 м. Размеры П-образной оградки 1,2×0,55 м.

Помещение III. Расположено к западу от помещения I, соединено с ним проходом шириной 0,8—1,1 м в юго-восточном углу. Помещение, видимо, коридорообразное, шириной 2,3 м, раскопанная длина (западная стена не сохранилась) — 5,5 м. У прохода в южной стене помещения, на высоте 0,6 м от пола, вырублена небольшая прямоугольная ниша 0,4×0,6 м, в которой было совершено захоронение человеческого черепа.

Помещение IV. Расположено к западу от помещения II, соединено с ним проходом шириной 1,0 м в юго-восточном углу. Обширное помещение прямоугольных очертаний, западная стена не сохранилась. Ширина 4,6 м, сохранившаяся длина 6,3 м. В северо-восточном углу помещения, на полу, стояла небольшая хумча (см. табл. V, рис. 26), в которой было совершено захоронение младенца (в качестве сопровождающего инвентаря была положена фрагментированная миска).

Помещение V. Небольшое прямоугольное помещение размерами 3,2×3,8 м. Расположено к северу от помещения I и соединено с ним проходом в юго-западном углу.

Помещение VI. Расположено к северу от помещения III. От него сохранился лишь юго-восточный угол.

У внешнего юго-восточного угла усадьбы, около небольшого выступа (0,5 м), образованного внешней южной стеной усадьбы, расчищены остатки круглого глиняного танура (диаметр 0,7 м, сохранившаяся высота стенок 0,3 м).

Из мелких находок имеются только две стеклянные бусины (помещение IV, пол). Одна из них шестигранно-призматическая, изготовлена из зеленого непрозрачного стекла (длина 10 мм, сечение 5 мм); вторая — фрагментированная, сферическая, двусторонне-усеченная, из черного прозрачного стекла (диаметр 10 мм).

О назначении усадьбы судить трудно. Обращает на себя внимание несколько необычный состав керамики (см. ниже). Она как будто бы свидетельствует о небытовом характере постройки. Правда, эта «необычность» может найти объяснение в частичной сохранности раскопанной постройки, отсюда, как следствие, и неполнота керамического комплекса. Еще одно обстоятельство: наличие погребений в помещениях. Это захоронение черепа в нише помещения III и погребение младенца в хумче, стоявшей в помещении IV. Возможно, не вся постройка, а отдельные помещения имели небытовой характер.

Необычны и каминообразные очаги. Данных для того, чтобы говорить об их культовом характере, нет. Следует вместе с тем отметить факт отсутствия подобных отопительных устройств даже в крупных многокомнатных домах на больших городищах кушанского времени [88]. Являются ли хирмантепинские очаги своеобразным «варваризованным» вариантом великолепных каминов Ай-Ханум [Fouilles, pl. 81b; 84a, b]? Может быть, это так, но нельзя забывать, что в Средней Азии традиция сооружения пристенных очагов-каминов зафиксирована в Хорезме во дворце V—IV вв. до н. э. на Калалыгыре [Рапопорт и Лапиров-Скобло, с. 147], а затем на Гяур-кале в постройке I в. н. э. [Рапопорт и Трудновская, с. 359, рис. 6] и на Топрак-кале во II—III вв. [Рапопорт, 1981, с. 236—237]. Вопрос этот не может быть пока решен. Отметим лишь, что сходные с хирмантепинскими ниши-очаги имеются в Беграме (слой Беграм III) [Ghirshman, 1946, p. 36—37, fig. 7]; очень близкие по устройству хозяйственные очаги-алтари известны на раннесредневековых памятниках (например,

Табл. XXXIII. Некрополь Тепаи-шах:
1—32 — находки из сооружения I.

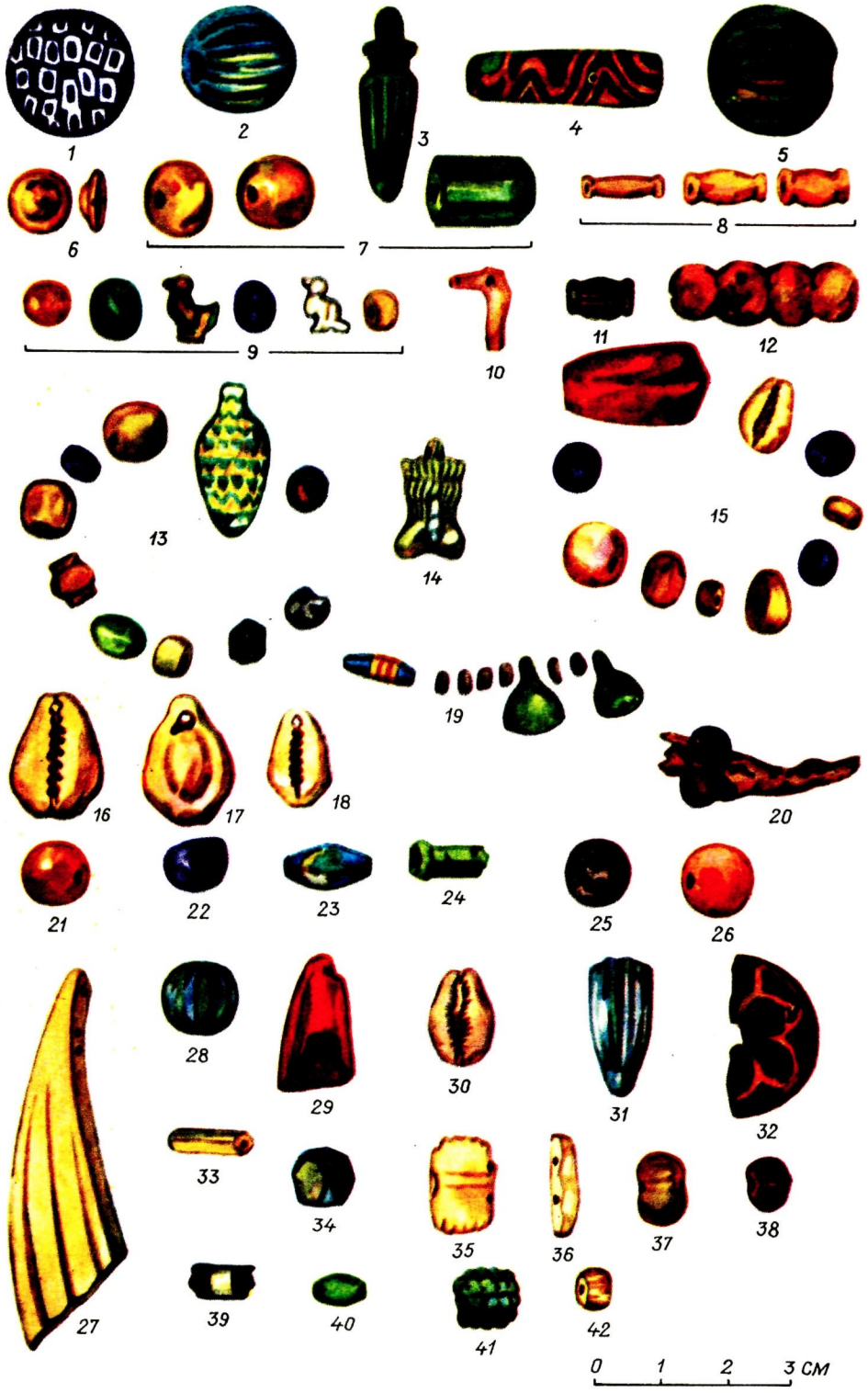

Табл. XXXIV. Некрополь и городище Тепаи-шах, находки:
1—26 — из сооружения II некрополя; *27—42* — городище.

СІР-64-65

Гардани Хисор) [89]. Судя по описанию, аналогичный каминообразный очаг был раскопан в помещении III раскопа I А на городище Кей-Кобадшах [Мандельштам, 1954, с. 63].

Керамика Хирман-тепе

При описании комплекса керамики из усадьбы Хирман-тепе мы выделяем три категории — столовая, тарная и кухонная керамика. Единичные типы керамики (хумча с детским захоронением и фляга) описаны отдельно. Обращает на себя внимание следующий факт. В комплексе керамики Хирман-тепе безусловно преобладает столовая посуда. Кухонная керамика представлена лишь незначительным количеством фрагментов. В наборе тарной посуды почти полностью отсутствуют крупные сосуды для хранения — хумы и хумчи.

Столовая керамика

Бокалы. Выделены три типа.

Цилиндро-конические (см. табл. V, рис. 1—4). Количественно преобладающий тип. Венчик — приостренная изнутри закраина, изредка снаружи оформляется двумя-тремя желобками. Стенки цилиндрической части иногда несколько расширяются кверху, иногда несколько вогнуты. Диаметр сосудов по венчику 10—13 см, высота цилиндрической части 4—5 см. Переход к конической части — резкий перегиб, обычно отмечаемый либо острым ребром, либо несколькими желобками, очень редко — уступом. Стенки конической части иногда имеют слабовыпуклый профиль. Толщина стенок сосудов 0,4—0,6 см. Ножка бокалов невысокая (1,1—1,6 см), сплошная усеченно-коническая, диаметром 4,5—5,5 см. У одного экземпляра ее заменяет сплошной дисковидный поддон высотой 0,5 см. Общая высота сосудов — 9—11 см. Соотношение диаметра и высоты приближается к пропорции 1 : 1. Все бокалы этого типа красноглиняные, черепок в изломе кирпично-красного цвета. Обязательно двустороннее покрытие ангобом красно-коричневого или коричневого цветов (иногда снаружи — только в верхней части). Ангоб, как правило, плотный, изредка встречается небрежный, мазками. У одного из фрагментов снаружи имеется горизонтальное полосчатое лощение.

Колоколовидные (см. табл. V, рис. 5—7). Имеется один целый сосуд и несколько фрагментов. Венчик — приостренная изнутри закраина, слабо отогнут наружу (диаметр по венчику 10,5 см). Стенки резервуара имеют легкий прогиб в середине. Нижняя короткая часть резервуара резко расширяется от стебля ножки. Переход к верхней части — плавный. Нижняя имеет уступчатое дисковидное основание (диаметр 5,6 см) и короткий узкий стебель, профилированный посередине острым валиком. Ножка полая; воронкообразное углубление на нижней поверхности ножки занимает примерно половину стебля. Высота сосуда 15 см. Черепок в изломе красного цвета, снаружи и внутри покрыт плотным красно-коричневым ангобом. Снаружи по резервуару, до стебля ножки — вертикальное полосчатое лощение.

Фрагменты ножек и нижних частей резервуаров дают аналогичные формы сосудов. Ножки имеют короткий узкий, часто гладкий стебель и дисковидное уступчатое основание. Изредка снаружи на тулове, в месте крепления ножки, имеется кольцевой валик. Все фрагменты в изломе кирпично-красного цвета, покрыты двусторонним красно-коричневым ангобом. Иногда встречается горизонтальное полосчатое лощение.

Выпукло-конические (см. табл. V, рис. 8). Подобный тип бокалов отсутствует в комплексе керамики с городища Тепаи-шах. Имеется лишь один крупный фагмент массивного резервуара без ножки. Венчик — приостренная закраина. Резервуар имеет равномерный выгиб стенок наружу (толщина стенок 0,7—0,9 см). Судя по остаткам, ножка имела

довольно узкий стебель — около 2,5 см. Диаметр сосуда по венчику 14,5 см. Бокал красноглиняный, снаружи и изнутри покрыт плотным красным ангобом.

Миски (см. табл. V, рис. 9—12). Вместе с чашами — количественно преобладающая форма. Миски обычного типа — с S-образным профилем стенок. Венчик — приостренная или скругленная закраина. Диаметр сосудов по венчику 17—19 см. Изгиб стенок обычно плавный, однако часто встречаются и резкие перегибы или уступы как на внешней поверхности, так и на зеркале. Иногда стенки сосудов изогнуты настолько незначительно, что кажутся прямыми. Изнутри по дну — обычно кольцевой желобок. Сосуды имеют сплошной дисковидный поддон диаметром 5,5—6,5 см, высотой 0,7—1,2 см. Общая высота сосудов 7—9 см, соотношение диаметра и высоты 2 : 1.

Подавляющее большинство сосудов имеют в изломе черепок красного цвета и двустороннее покрытие плотным красно-коричневым ангобом. Иногда ангоб снаружи покрывает лишь верхнюю часть. Изредка встречаются сероглиняные миски с покрытием серым ангобом.

Чаши (табл. V, рис. 13—16). Все имеющиеся чаши обычного типа — с неглубоким резервуаром полусферической формы. Венчик — приостренная закраина, обычно поставлен вертикально. Диаметр 15—16 см. Изгиб стенок плавный, изредка имеется резкий излом в верхней части. Чаши обычно имеют сплошной дисковидный поддон высотой 0,8—1,2 см, диаметром 5—6 см. Изредка переход к поддону оформлен валиком. Встречаются сосуды и без поддона, со слабо уплощенным дном. Изредка изнутри по дну — кольцевой желобок. Общая высота сосудов 6—7,5 см, соотношение диаметра и высоты 2 : 1. Черепок чаш в изломе красного цвета. Плотный красно-коричневый (очень редко серо-бурый) ангоб покрывает обычно сосуд целиком изнутри, снаружи — полосой по краю. Изредка встречается жидкий ангоб, нанесенный небрежными мазками.

Тарная керамика

Количественно немногочисленная категория.

Тагора. Представлены двумя типами. Тип первый — два фрагмента тагора с прямыми стенками и подтреугольным в сечении венчиком. Последний профилирован снаружи тремя слабо выраженными валиками, диаметр 38 см. Один из сосудов изнутри по краю орнаментирован тремя полосками орнамента, из которых «вырастают» листочки. Покрытие красным ангобом изнутри целиком и снаружи по бортику.

Тип второй — тагора с S-образным профилем стенок. Имеется один целый экземпляр (см. табл. V, рис. 17). Плоский широкий венчик сильно отогнут наружу. Диаметр 35 см. Изгиб стенок плавный; сосуд имеет невысокий (1,6 см) кольцевидный поддон. Изнутри по краю — орнамент из двух полос волнистого орнамента, отграниченных желобками. Высота сосуда 15 см. Снаружи под бортиком — две налепные подковообразные ручки. Черепок в изломе розоватого цвета, зеркало покрыто плотным красно-коричневым ангобом. Снаружи ангоб только по краю сосуда.

Кувшины. Представлены двумя типами: одноручные и без ручек.

Одноручные (см. табл. V, рис. 18). Имеются единичные фрагменты горловины и верхней части узкогорлого тулова (диаметр 4,8 см) одноручного кувшина. Венчик — скругленная закраина, отогнут наружу (диаметр венчика 5,8 см). Высокое цилиндрическое горло (высота 6,8 см) плавно переходит в покатые плечики. Уплощенная в сечении S-образная ручка крепится к краю венчика и на плечиках. Черепок в изломе красного цвета, снаружи — покрытие розовым ангобом.

Кувшины без ручек (см. табл. V, рис. 19, 20). Встречены фрагменты верхних частей двух сосудов. Венчики подтреугольные в сечении, с плоской верхней площадкой, диаметр около 10 см. Горловина невысокая, равномерно вогнутая. Переход к покатым плечикам плав-

ный, оформленный валиком либо резким уступом — перегибом. У одного из сосудов по плечикам орнамент в виде двух концентрических желобков. Черепок в изломе красного цвета, внешняя поверхность сосудов заглажена, ангоб отсутствует.

Горшки (см. табл. V, рис. 21). Несколько фрагментов верхних частей широкогорлых сосудов. Венчики отогнуты наружу, подтреугольные в сечении. Горловина невысокая, равномерно вогнутая. Диаметр по венчику 22—27 см. Переход к слабораздутому тулову плавный, ничем не отмечен. Черепок в изломе красного цвета, внешняя поверхность заглажена, ангоб отсутствует.

«Кратеры» (см. табл. V, рис. 22). Имеется верхняя часть «кратеровидного» сосуда, аналогичного найденному в комплексе водостока городища Тепаи-шах. Это широкогорлый сосуд (диаметр по венчику 33 см), венчик подтреугольный в сечении, профилирован снаружи двумя желобками. Образовавшийся в середине валик рассечен косыми вдавлениями. Горло сосуда невысокое, сужается книзу (диаметр 30 см), плавно переходит в слабораздутое тулово (максимальный диаметр 31 см), резко суживающееся в нижней части. Покатые плечики богато орнаментированы тремя полосами орнамента: вверху и внизу — полосы волнистого орнамента, в середине — крупные ромбовидные штампы. Внутри ромб разделен крестообразно на четыре части, в каждой четверти — косые и горизонтальные жилки. Здесь же, на плечиках, крепятся две подковообразные ручки. Петля ручки приходится на средний и верхний поясок орнамента. Черепок сосуда в изломе красного цвета, снаружи целиком и изнутри в верхней части покрыт плотным красным ангобом.

Кухонная керамика

Представлена единичными фрагментами лепных кухонных горшков и одним фрагментом баночного сосуда.

Горшки (см. табл. V, рис. 23, 24). Это лепные сосуды с подправкой верха на гончарном круге. Венчик отогнут наружу, скругленный, диаметр 18—22 см. Сосуды различаются высотой и степенью отогнутости венчика. Черепок в изломе темно-серого или красноватого цвета. В тесте много крупных включений. Наружная поверхность закопчена.

Баночный сосуд (см. табл. V, рис. 25). Фрагмент нижней части баночного сосуда с плоским дном. Стенки сохранились на высоту 4 см, диаметр дна 15,5 см.

Из единичных форм надо также отметить фрагмент горловины и стенок толстостенной лепной (?) ф л я г и. Горловина узкая, невысокая, с толстым, округлым в сечении, отогнутым наружу венчиком. Под ним, на горле, уступ. Одна стенка имеет округлый выпуклый контур, другая уплощенная. Черепок в изломе кирпично-красного цвета. Диаметр по венчику 11,5 см.

Хумча с детским захоронением из помещения IV (см. табл. V, рис. 26). Это небольшой сосуд с туловом яйцевидной формы. Венчик (диаметр 18,6 см) сложнопрофилированный, подтреугольный в сечении, отогнут наружу. Невысокая вогнутая горловина (диаметр 17,2 см) плавно переходит в слабораздутое тулово (максимальный диаметр 26,4). Дно плоское, невыделенное, диаметром 16 см. По плечикам сосуд украшен двумя рядами волнистого орнамента, разделенными желобками. Переход от горла к тулову оформлен уступом-валиком. Общая высота сосуда 32,8 см. Под венчиком, в верхней части горловины, три небольших отверстия диаметром 2—3 мм (для подвешивания?). Черепок в изломе желтовато-розового цвета, внешняя поверхность сосуда заглажена.

Датировка Хирман-тепе

Дата комплекса керамики Хирман-тепе и соответственно самой усадьбы определяется на основе сравнения с комплексом керамики Тепаи-шах. Набор основных форм и типов посуды, особенности изготовления и декора очень близки, порой тождественны. Отсутствие в Хирман-тепе некоторых форм столовой и тарной посуды, характерных для комплекса Тепаи-шах (глубокие чаши, рюмкообразные бокалы, двуручные кувшины, курильницы), может объясняться как уже отмеченным своеобразием комплекса, так и его фрагментарностью.

В то же время в комплексе Хирман-тепе присутствуют некоторые типы столовой керамики, выглядящие как будто бы несколько архаичнее основного комплекса. Речь идет о выпукло-коническом бокале (см. табл. V, рис. 8), находящем себе аналогии в достаточно ранней керамике Тулхарского могильника [Мандельштам, 1966, табл. XXV, 2, 3, 11; XXVI, 12] и двух массивных цилиндроконических бокалах на сплошном поддоне (см. табл. V, рис. 1, 2), напоминающих даже типы айханумской керамики [Fouilles, pl. 132, 63, 64]. Все это как будто бы может свидетельствовать о более ранней дате, чем предложенная для комплекса Тепаи-шах; она напрашивается для во многом аналогичного комплекса Хирман-тепе.

Если бы не одно обстоятельство. В данном конкретном случае мы имеем дело с единичными экземплярами отдельных типов сосудов, а раз так, то нельзя исключить возможность переживания формы, причем, видимо, довольно значительного. Если по имеющимся к настоящему времени комплексам керамики греко-бактрийского и кушанского времени мы можем в ряде случаев установить время предполагаемого появления некоторых форм керамики, то для четкого и обоснованного ограничения времени их бытования данных пока явно недостаточно. Из-за этого ограничены, кстати, датировочные возможности кушанской керамики при хронологическом определении, например, отдельных погребений.

О возможности длительного переживания некоторых форм хорошо свидетельствуют «кратерообразные» сосуды, имеющиеся как в керамике Тепаи-шах (см. Приложение I. Каталог 1), так и в составе керамики Хирман-тепе (см. табл. V, рис. 22). Они удивительно похожи на аналогичные сосуды в комплексе керамики Ай-Ханум [там же, pl. 118, a—j; 134, 75—78]. Однако в целом весь комплекс Тепаи-шах, впрочем как и Хирман-тепе, ничего общего с айханумским не имеет. Что касается находки в составе керамики Хирман-тепе фрагментов лепной фляги, то имеющиеся материалы свидетельствуют о бытовании подобных сосудов вплоть до кушано-сасанидского времени [90].

Все сказанное не позволяет учитывать при определении абсолютной даты комплекса Хирман-тепе эти единичные сосуды. Несомненная близость к тепаишахскому комплексу дает возможность определить дату Хирман-тепе в пределах II—III вв. н. э.; возможно, более предпочтителен II в. н. э.

6. ОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ

Располагалась на мысу надпойменной террасы, напротив усадьбы Хирман-тепе; не исключено, что составляла с последней единый комплекс (см. рис. 2, IV).

К сожалению, сохранилась только нижняя, топочная часть, видимо, двухъярусной гончарной печи (рис. 16, *1*). На современную поверхность выходили куски сильно ошлакованной обмазки топки. Последняя подпрямоугольной в плане формы, размерами 3,45—3,55×1,8—2,15 м, углублена на 2,0 м. Ориентирована по линии з—в с небольшим склонением к югу. Стенки обмазаны толстым (до 20 см) слоем глины, сильно прокалившейся и ошлакованной.

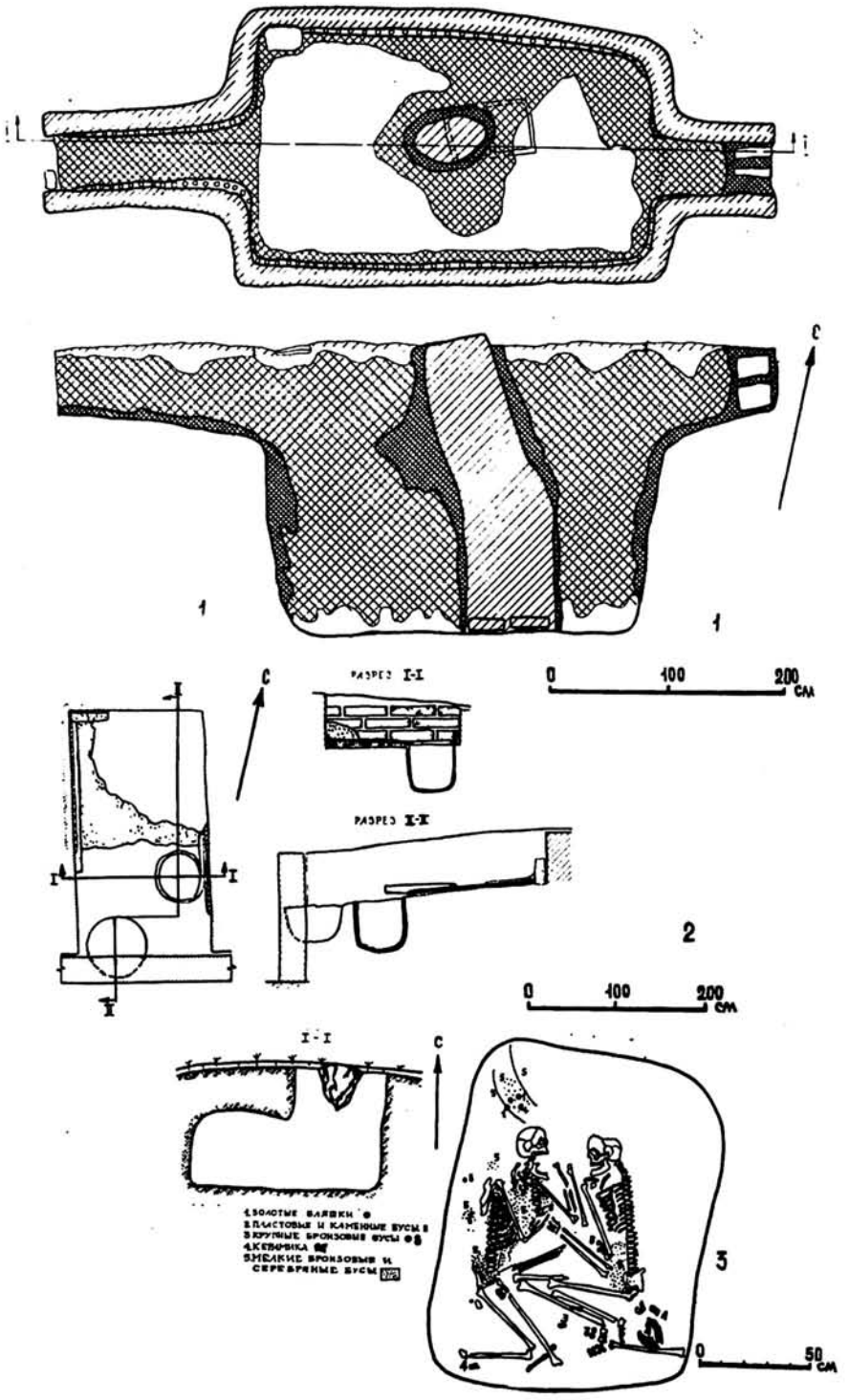

Рис. 16. Различные памятники оазиса Шах:

1 — обжигательная печь, план и разрез; *2* — винодавильня на Патта-тепе, план и разрезы; *3* — кызларкалинское погребение I, разрез могильной ямы и план погребения.

По крайней мере однажды топочная часть печи и, видимо, вся печь подвергалась крупному ремонту. Первоначальное топочное устье, короткое и довольно крутое (ширина 0,5 м, длина 0,75 м), располагалось в восточной, торцовой стороне. Впоследствии оно было заложено кусками обожженного кирпича и изнутри оштукатурено, приобретя вид округлой нишки шириной 0,5 м и глубиной 0,45 м.

В западной стенке сооружается другое топочное устье, расширяющееся и понижающееся в сторону топки (размеры 0,5—0,6×1,3 м). Его стенки также обмазываются толстым слоем ныне ошлакованной глины. Видимо, в это же время для укрепления свода топочной камеры, в центре топки, немного смещенно к ее северной стенке, устанавливается массивный опорный столб. Он был сооружен из квадратного сырцового кирпича, форматом 35×35×10 см, уложенного парами на уже ошлакованном полу топки.

О несохранившемся перекрытии топочной камеры можно только гадать, но скорее всего оно было сводчатым. В северо-западном углу сохранился небольшой участок горизонтальной обмазки с выкружкой на стенку топки.

Топочная камера была заполнена сплошным слоем шлака с незначительным количеством рыхлого темного лесса. Изредка попадались невыразительные фрагменты стенок крупных толстостенных сосудов.

Насколько можно судить по конструкции топочной камеры, исследованная гончарная печь мало чем отличается от уже известных в больших количествах к настоящему времени прямоугольных гончарных печей кушанского времени в Северной Бактрии-Тохаристане (Айртам, Хатын-Рабат, Дальверзин-тепе, Саксанохур) [91]. Некоторое отличие — в несколько укороченном топочном устье, особенно первоначальном, и отсутствии обкладки стенок топочной камеры кирпичом. Обычно раскопанные печи кушанского времени имеют гораздо более длинный и, как правило, более широкий топочный ход [92]. Однако в близко расположенной Бишкентской долине при раскопках производственного центра у поселения Ак-тепе II открыты гончарные печи с таким же коротким и крутым топочным устьем [93]. Кирпичная же обкладка топочной камеры, видимо, с успехом была заменена толстой глиняной обмазкой (фактически пахсовая обкладка). Кирпичный столб в центре топки явно не являлся конструктивной особенностью данной печи, а выполнял в последнем периоде использования печи чисто подсобную функцию.

в. ВИНОДАВИЛЬНЯ НА ПАТТА-ТЕПЕ

Небольшое поселение Патта-тепе расположено примерно в 200 м к северу от усадьбы Хирман-тепе, на мысу той же надпойменной террасы. Поселение имеет вид небольшого холма высотой 4—4,5 м, вытянутого в направлении в—з; его размеры 20×15 м. С поверхности собраны фрагменты керамики, в том числе явно средневекового облика, куски алебастровой обмазки и резного штука.

В юго-восточной части занятого поселением холма расчищена винодавильня (рис. 16, 2). Первоначально она представляла собой довольно обширную (2,8×1,6 м) прямоугольную площадку в П-образном обводе стен. Последние сохранились на высоту до 0,6 м, сложены вперевязку из прямоугольных сырцовых кирпичей форматом 50×25×10 см. Площадка имела уклон к юго-западному углу, где был вырыт небольшой резервуар-отстойник (диаметром 0,65 м, глубиной 0,4 м).

При последующей перестройке размеры винодавильни были значительно уменьшены. Основание новой подквадратной площадки (размеры 1,5×1,6 м), занимавшей северную половину старой, было выложено слоем мелкой гальки. Алебастровое покрытие (толщиной 5—10 см) переходило и на стенки винодавильни. Образовавшийся с южной стороны уступ высотой около 10 см был укреплен поставленными на ребро круп-

ными фрагментами керамики. Поверхность площадки имела уклон к юго-западному углу, где располагался новый резервуар-отстойник. Он представлял собой небольшую круглую яму с покатым к центру дном (диаметр 0,5—0,55 м, глубина 0,6 м), обмазанную слоем алебастра толщиной около 10 см. Кроме того, вдоль восточной стенки винодавильни в резервуар вел широкий алебастровый желоб. При последующих ремонтных работах он был перекрыт новым слоем обмазки. Первоначальный резервуар был разрушен при возведении южной пахсовой стенки винодавильни.

Фрагменты керамики, обнаруженные при раскопках винодавильни, очень немногочисленные и маловыразительные, не позволяют хотя бы предположительно датировать раскопанное сооружение. Исходя из сложившихся представлений о смене в V—VI вв. н. э. в сырцовых постройках юга Средней Азии квадратного формата кирпича на прямоугольный, возможно предположительное отнесение постройки к раннесредневековому времени.

Раскопанная винодавильня конструктивно довольно существенно отличается от исследованной в пригороде древнего Пенджикента [Большаков и Негматов, с. 184—188]. В то же время ее устройство совершенно аналогично винодавильне, правда кушанского времени, раскопанной у Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 171—172]. Данное обстоятельство, возможно, указывает на известную преемственность производственных традиций населения Северной Бактрии — Тохаристана. Можно указать и на близкую по конструкции винодавильню первых веков новой эры, раскопанную в окрестностях Аяз-калы III (Хорезм) [Неразик, 1976, с. 39].

г. ПОСЕЛЕНИЕ ХИШТ-ТЕПЕ

Поселение расположено в 1 км к югу от возвышенности Уштурмулло, в 300 м на север от берега р. Амударьи, на уступе возвышенности, опускающейся к берегу реки, которая фактически является сильно размытым краем надпойменной террасы. Поселение в плане — прямоугольных очертаний, размерами по подножию 65×70 м, возвышается над уровнем террасы на 8—9 м, однако не исключено, что культурные напластования перекрывают небольшой естественный холм. При недавно проводившихся строительных работах поверхность верхней площадки холма (45×35 м) была сильно нарушена. Какие-то верхние постройки из рваного камня оказались снятыми при нивелировке и сброшенными на северный и западный склоны.

Собрана небольшая коллекция подъемного материала, в том числе терракот. Одна из них — обломок части корпуса статуэтки коня из желтой глины; с одного бока — небрежное покрытие красно-коричневым ангобом. Размеры фрагмента 40×22 мм.

Интересен фрагмент верхней части красноглиняной статуэтки обезьяны, покрытой красно-коричневым ангобом (см. табл. VI, рис. 2). Нижняя часть морды вытянута вперед (оббита). В глубоких глазницах пунсонными кружками посажены глаза. Ухо треугольное, поставлено перпендикулярно (сохранилось только правое). Редкими углубленными линиями на голове и шее (более длинными) переданы волосы. Внизу — расходящиеся руки (обломаны). Размеры фрагмента 35×30 мм.

В подъеме найден обломок бронзовой подвески в виде схематического антропоморфного изображения (см. табл. VII, рис. 1). Его поверхность сильно испорчена коррозией, тем не менее в верхней части видны круглые западины глаз и широкая полоса рта. На плоской задней стороне подвески — полукруглая петелька для подвешивания. Максимальные размеры 24×18 мм.

Имеется также и бронзовая наременная (?) бляшка (см. табл. VII, рис. 2). Очертания ее, в целом овальные, состоят из полудуг. В середине — два подпрямоугольных отверстия. На перемычке между ними и по окруж-

ности — овальные гнезда. На плоской обратной стороне бляшки имеется штифт для крепления. Размеры 22×13 мм.

Наибольший интерес представляет фрагмент овальной плоско-выпуклой геммы из розового сердолика (см. табл. VII, рис. 5). На плоской поверхности выгравировано изображение крылатого коня. Сохранилась только передняя часть фигуры: опущенная вниз голова коня на массивной шее. Грива показана насечками, ноги короткие. По облому видна часть крыла, поднятого вверх до края и загнутого петлей вперед. Между крылом и головой, по краю геммы — три овальные точки. Размеры фрагмента — 10×6×2 мм. Изображение очень четкое, выполнено вполне профессионально. Имеются многочисленные аналогии среди сасанидских резных камней[94].

Кроме того, в подъеме на поселении найдено несколько бусин (каменная коротко-цилиндрическая, стеклянная шаровидная и др.), раковина каури со снятой спинкой и несколько медных монет (см. Приложение II. Реестр, 52—61).

Шурф (3,0×2,0 м), заложенный в северо-восточной части верхней площадки поселения, частично вскрыл стратиграфию культурных напластований (доведен до середины VI яруса, т. е. общая глубина около 3 м) (рис. 17).

Непосредственно под дерном, на глубину около 1 м, идет слой рыхлого надувного лесса, насыщенный песчаными линзами, обломками сырцовых кирпичей, камнями. Слой явно смешанный. Имеются несколько черепков глазурованной керамики XI—XII вв. (см. табл. VIII, рис. 4, 5): фрагмент глубокой чаши, изнутри покрытой белой глазурью, по краю — черные штрихи, к центру — коричневые; обломок аналогичной глазурованной чаши, украшенной по краю зеленой полосой, с отходящей внутрь зеленой заливкой наподобие мраморовидной. Некоторые фрагменты могут быть отнесены к раннему средневековью (см. табл. VIII, рис. 1, 3): обломок одноручного кувшина из серовато-желтой глины с низким, приземистым корпусом биконической формы и горло сероглиняного ойнохоевидного сосуда, покрытого снаружи черным ангобом. В этом же слое встречаются и фрагменты керамики кушанского времени (см. табл. VIII, рис. 6—8): обломки красноглиняной миски с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне, покрытой плотным коричнево-красным ангобом; фрагменты венчика миски с плотным коричневым ангобом снаружи и внутри; фрагмент тонкостенной чаши с сетчатым лощением по ангобированной наружной поверхности. В этом же слое найдена сасанидо-кушанская монета (I ярус) (см. Приложение II. Реестр, 62) и фрагментированная скульптурная головка из известняка (II ярус) (см. табл. VI, рис. 1). Лицо вытянутое; большие, широко открытые глаза посажены несколько асимметрично. Линия высокого прямого носа плавно переходит в слабовыступающие изогнутые надбровные дуги. Нижняя часть лица (рот и подбородок) отбита. Размеры фрагмента — 80×60×37 мм.

С уровня III яруса в юго-восточной части шурфа выявлены остатки стены, заходящей в площадь шурфа на 0,75 м (уходит за пределы южной стенки шурфа). Стена сложена из прямоугольных сырцовых кирпичей толщиной 6—8 см (длина короткой стороны 0,26 м). Три верхних ряда кирпичей лежат почти вертикально с некоторым наклоном (их общая высота 0,55 м), являясь, вероятно, развалом стены. Нижние три ряда (общая высота 0,30 м) образуют довольно правильную кладку шириной около 0,80 м. Стена прослежена до середины IV яруса (т. е. ее высота 0,85 м); она опирается на плотный завал из полностью разложившихся строительных остатков.

Остатки еще одной, пахсовой, стены вскрыты в северо-западной части шурфа. Ее сохранившаяся высота примерно 0,6—0,7 м; ширина раскопанной части 1,2 м. Под западную часть стены заходит рыхлый слой, насыщенный камнями, песчаными линзами, золой, костями животных и керамикой, по характеру напоминающими мешаный слой верхних яру-

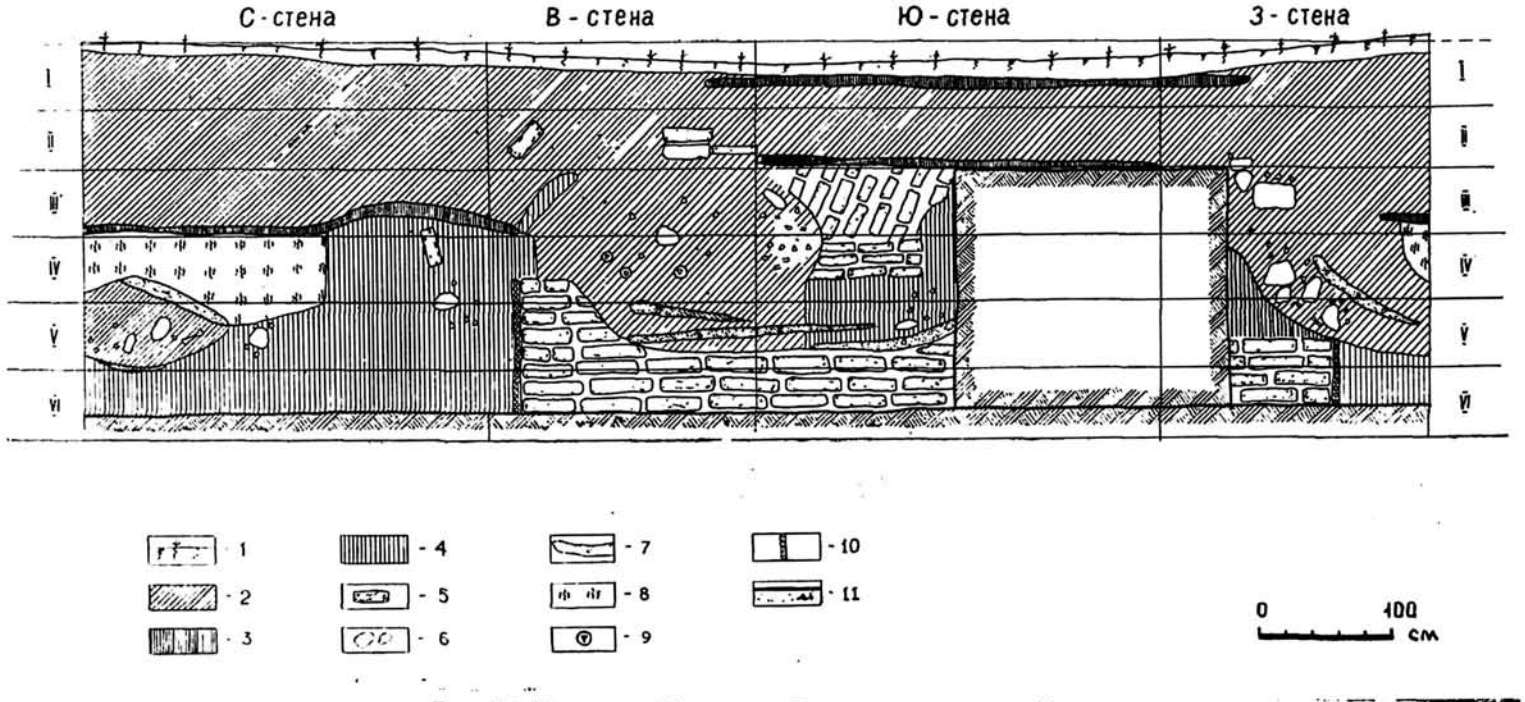

Рис. 17. Поселение Хишт-тепе. Развертка стенок шурфа:

1 — дерн; *2* — рыхлый лесс; *3* — песчаные линзы; *4* — завал из полностью разложившихся строительных остатков; *5* — сырцовые кирпичи; *6* — камни; *7* — зольники; *8* — пахса; *9* — фрагменты керамики; *10* — штукатурка; *11* — нераскопанные участки.

сов шурфа. В восточной части пахсовая стена опирается на такой же завал из полностью разложившихся строительных остатков, который выявлен и под кирпичной стенкой. Судить об одновременности или разновременности пахсовой и кирпичной стен из-за скудости стратиграфических данных не представляется возможным.

Слой до середины V яруса продолжает оставаться мешаным. В нем представлен кувшин (во фрагментах) с двусторонней стекловидной, очень толстой глазурью бирюзово-голубого цвета. Вместе с тем тут же встречаются миски с уступчатым переходом к бортику, покрытые изнутри и снаружи светло-коричневым ангобом (диаметр по венчику 21,5 см), фрагменты бокалов (см. табл. VIII, рис. 10, 15). Интересна неглубокая миска с горизонтально отогнутым, несколько клювовидным венчиком, профилированным желобками (см. табл. VIII, рис. 13).

С IV яруса в восточной части шурфа и с середины V яруса в западной прослежена поверхность еще одной кирпичной стены, занимающей практически всю площадь шурфа. Ее толщина в пределах шурфа не выявляется, достигая 1,25 м у западной и 1,80 м у восточной стенок шурфа. Стена сложена вперевязку из квадратного сырцового кирпича, форматом 40×40×10 см и 39×39×9—10 см. Лицевая ее часть покрыта саманной штукатуркой (толщиной 4—5 см) со следами обожженности. Стена вскрыта на высоту около 0,5—0,7 м (середина VI яруса) и в длину на 3,1 м. Заполнение между лицевой частью стены и северной стенкой шурфа (т. е. фактически заполнение помещения) состоит из плотного завала разложившихся строительных остатков. Примерно на уровне нижней части IV яруса, у лица стены, в завале найдена медная монета (подражание Хувишке ??) (см. Приложение II. Реестр, 63).

Керамика этого слоя составляет единый комплекс и представлена несколькими формами. Имеется обломок широкогорлого кувшина с клювовидным венчиком, украшенный по горлу желобками (см. табл. VIII, рис. 9), фрагменты реберчатых ручек красноглиняных кувшинов (см. табл. VIII, рис. 20), тонкостенный горшочек с двусторонним красно-коричневым ангобом (см. табл. VIII, рис. 11). Характерны формы тонкостенных красноангобированных чаш с четко выделенным, наклонным внутрь краем и уступчатым переходом к корпусу, причем иногда этот переход подчеркнут желобком (см. табл. VIII, рис. 17). На другом фрагменте по внешней поверхности бортика — сетчатое лощение (см. табл. VIII рис. 21). Интересна нижняя часть тонкостенной миски на кольцевом поддоне (обломан); на зеркале по коричневому ангобу — спиралевидное лощение (см. табл. VIII, рис. 22). Встречаются также фрагменты ножек и нижние части резервуаров бокалов, украшенные иногда вертикальным полосчатым лощением по внешней поверхности (см. табл. VIII, рис. 18, 19). Надо отметить также обломок ножки жертвенника. Она полая внутри, основание широкое, чуть выпуклое, переход к стеблю отмечен двумя желобками. Черепок в изломе желтовато-кремовый (см. табл. VIII, рис. 16).

В целом набор керамики из слоя, связанного со стеной из квадратного сырцового кирпича, находит прямые аналогии в комплексах керамики позднекушанского и кушано-сасанидского времени с близлежащих территорий. Это комплексы из раскопок поселения Ак-тепе II в Бишкентской долине [95], поселения Аккурган в долине р. Сурхандарьи [Пидаев, 1978, табл. 9, 7—10; 10, 1—13; 14, 31], буддийского монастыря Кара-тепе [Сычева, 1975. с. 92, рис. 37, 5—6], верхних слоев Яванского городища [Зеймаль Т. И., 1969, альбом, табл. 49), Чакалак-тепе [Chaqalaq Tepe, p. 84, fig. 46; p. 69, fig. 36; p. 65, fig. 34], Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 156—161, рис. 110—111] и др.

Сборы подъемного материала и результаты шурфовки позволяют говорить о том, что поселение Хишт-тепе, определенно существовавшее в кушанское время, было обжито и позднее, в раннем и развитом средневековье.

д. ПОСЕЛЕНИЕ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ

Территория мыса надпойменной террасы, на которой расположена усадьба Хирман-тепе, занята остатками, по-видимому совершенно выветрившимися, поселения ахеменидского времени. На в-с-в от усадьбы, в склоне оврага был обнаружен отвал керамики. Раскоп-врезка размерами 3,5×3,0 м дал богатейший набор цилиндроконических сосудов, в абсолютном большинстве разбитых в древности (около трех тысяч фрагментов). В основном это крупные светлоглиняные сосуды типа хумов с высокой цилиндрической частью и небольшой по высоте конической, с манжетовидным либо клювовидным венчиком. Небольшие по размерам столовые сосуды аналогичной формы часто имеют довольно значительный прогиб стенок цилиндрической части (см. табл. IX, рис. 1—19) [96]. Здесь же найдено большое количество обломков каменных зернотерок, ступок, пестиков, курантов (см. табл. X, рис. 1—19). Все находки сделаны в слое чистого песка мощностью около 1,1 м.

В небольшом овраге, ограничивающем мыс надпойменной террасы с востока (в 75 м от первой точки), прослежен еще один выход аналогичной керамики, но не такой богатый. На современной поверхности мыса, в подъеме, найдено очень ограниченное число фрагментов керамики цилиндроконического типа. В целом, судя по выходам, поселение ахеменидского времени имело около 100 м в поперечнике (см. рис. 2,2), однако шурфы, заложенные на предполагаемой площади поселения, культурные слои не выявили.

е. БУДДИЙСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ УШТУР-МУЛЛО

Анализ содержавшихся в литературе сведений о находках с Уштур-мулло навел руководство Южно-Таджикистанской экспедиции на мысль о том, что там располагается какой-то древний, возможно буддийский, памятник. Поэтому в 1978 г. сюда была направлена разведывательная группа (Е. П. Денисов, Д. Ковалев, И. Р. Пичикян и А. В. Седов), которая действительно обнаружила древние развалины, определенные еще до раскопа как буддийское святилище.

Оно расположено на том же останце в пойме р. Амударьи, что и поселение Хишт-тепе, недалеко к северу от последнего. Здесь восточный край останца имеет вид длинной (около 400 м) плоской площадки высотой около 7,5 м. В ее южной части и находились развалины. Часть западного склона площадки, напротив святилища, аккуратно скошена под углом 23°, напоминая своеобразный крутой каменный пандус.

До раскопок памятник, занимавший площадь 80×40 м, состоял из трех сильно оплывших бугров: южного (высотой около 4 м) и двух более низких, расположенных от него к северу. Южный бугор еще до раскопок был определен как ступа. Вокруг нее было собрано много фрагментов каменных рельефов, в том числе с изображением сидящего будды, фрагменты пилястров, карнизов, базы колонны. Кроме того, были найдены семь медных монет, одна из которых уверенно определяется как чекан «безымянного царя» (малый поминал).

Раскопки памятника проводились в 1979 г. специальным отрядом Южно-Таджикистанской экспедиции (начальник — Т. И. Зеймаль). Ступа с прямоугольным ступенчатым основанием (16,4×17,5 м), сложенная из квадратного кирпича (32—34×32—34×11—13 см), имела пандусный подъем с юга. Ступа была облицована гладкими и профилированными плитами из мергелистого известняка; она была декорирована и плитами с рельефными изображениями, которые дошли до нас лишь во фрагментах. На втором этапе, в раннем средневековье, были добавлены пандусы (из прямоугольного кирпича) с трех других сторон.

К северу от ступы были раскопаны постройки, образовавшие каре вокруг квадратного двора (21,5×20,5 м). Здесь были культовые, жилые

и хозяйственные постройки. Здания были украшены алебастровой скульптурой и живописью.

Судя по керамике, монастырь функционировал в эпоху «Великих кушан» и позже, т. е. скорее всего во II—IV вв. Реконструкция ступы была произведена в конце V—VI в.[97].

Не исключено, что именно отсюда происходит каменный буддийский рельеф, упоминаемый А. С. Стрелковым (см. Предисловие), и туалетный диск из местности Уштур-мулло, найденный В. К. Козловским в 1948 г.[98]. Предмет изготовлен из зеленовато-черного змеевика, сильно фрагментирован (см. табл. XI, рис. 3).

Он имеет вид обломанной круглой пластинки (диаметром 38—40 мм, толщиной 6—8 мм). Нижняя ее поверхность плоская, на верхней находится изображение хищника, терзающего травоядное животное, очевидно бухарского оленя (Cervus elaphus); этот вид сохранился в Южном Таджикистане до наших дней. Под тяжестью хищника олень присел на задние ноги, голова его повернута назад. Передние ноги оленя вытянуты вперед. В передней части туловища странная, идущая снизу вверх рельефная полоса (крыло?). Хищник находится сверху. Сохранились его морда, упруго изогнутая шея, тело и передняя нога. Морда дана строго в профиль, шея как будто в три четверти. Хищник, судя по общему впечатлению, принадлежит к семейству кошачьих. Удивляет контраст между точным следованием натуре в изображении фигуры оленя и отсутствием клыков, непропорциональной тонкостью туловища и другими деталями в фигуре хищника. Возможно, что мастер и не пытался изобразить какое-либо реальное животное, а создал образ хищника с чертами тигра, кабана, змеи.

Сцена «терзания» выполнена мастерски: округло-моделированная гладкая фигура оленя и покрытая сплошным полем насечек фигура хищника, статичная поза оленя, лишь слегка оживленная поворотом головы, и хищник с крутым изгибом мощной шеи, оскаленной пастью и даже неумело проработанными, но напряженно вытянутыми лапами создали полную силы и движения сцену борьбы двух начал — доброго и злого [Литвинский, 1954, с. 143—144, рис. 57, 1].

На территории Кобадианского оазиса в 1980 г. при раскопках на поселении Безымянном [99] на полу верхнего раннесредневекового помещения был обнаружен туалетный диск (см. табл. XI, рис. 1). В плане он круглый (диаметр 130 мм), с тыльной стороны слабовыпуклый (толщина 17 мм). На лицевой стороне вдоль края — плоский ободок шириной 8—9 мм. Во внутреннем круге — Т-образная перекладина, делящая этот круг на две части: нижнюю, гладкую (она состоит из двух сегментов), и верхнюю, заполненную изображением монстра. На поверхности ободка перпендикулярно дуге округлые скобки, иногда образующие овал; на верхней плоскости Т-образной перекладины — продольные осевые линии с отходящими в обе стороны штрихами. Лежащий вправо монстр с вытянутыми вперед ногами (правая упирается в основание, левая приподнята) имеет голову крокодила с подчеркнутыми зубами и выпуклым глазом, шею коня (с обозначенной гривой), тело и хвост рыбы с чешуей (овальные чешуйки), хвост изогнут и подведен под тело. Сзади шеи и параллельно ей — вертикальный изогнутый выступ-крыло, от него в верхней части отходят назад три треугольных пера с насечкой. Монстр выполнен в двухплановом рельефе глубокой и четкой резьбой. Его тело вписано в полукруг, полностью занимая все пространство. Это изображение макара индийской мифологии. На обратной стороне вся плоскость занята небрежно выполненной гравированной восьмилепестковой розеткой. Материал — серый стеатит.

В Южном Таджикистане имеется и третья находка туалетного диска. При раскопках на Яванском городище, на полу прохода из помещения I в помещение V (группа помещений кроющего слоя, датируемая III—IV вв.), найден каменный туалетный диск диаметром 93 мм (см. табл. XI,

рис. 2). На лицевой поверхности — широкий ободок, орнаментированный врезанными углами. В поле — рельефное изображение скачущего вправо гиппокампа, на спине которого всадник. Передняя часть монстра — взнузданный конь с вытянутыми в прыжке ногами, задняя имеет вид завернутого в кольцо и поднятого вверх хвоста. Бородатый крупноголовый всадник держит в руках поводья, нога всадника — с опущенным вниз носком, стремян нет [Литвинский, 1964, с. 158; Юркевич, с. 115, рис. 4].

Четвертый туалетный диск обнаружен на Дальверзин-тепе. Он изготовлен из мраморовидного известняка. С лицевой стороны это изделие по диаметру разделено надвое горизонтальной полоской. Над ней — скачущий влево гиппокамп с выброшенными вперед ногами. На спине гиппокампа помещен профильный мужской бюст. Поза гиппокампа динамична, но пропорции искажены [Пугаченкова, 1978 а, с. 139, рис. 99].

В этой связи следует, вероятно, привлечь внимание к изданным А. М. Дальтоном туалетным дискам с изображением всадника, едущего на львиноголовом морском чудовище. Издатель предложил (под вопросом) дату — I—II в. н. э. [Dalton, 1905, p. 128—129, № 193—194, pl. XXIV, 193; ср. Dalton, 1964, p. 51, № 197, pl. XXVI]. Место находки неизвестно, но в свете последних открытий Бактрия как возможное место их обнаружения не может исключаться.

Такого рода поделки — так называемые туалетные диски — встречаются, и притом в большом количестве, в Северо-Западной Индии. Он представлены серией находок из Сиркапа (Таксила) и из других гандхарских центров; имеются как в музейных, так и в частных коллекциях. Туалетные диски обнаружены и в долине Свата [100].

Уштурмуллинский диск пока остается уникальным: изображение на нем не находит параллелей в известной сейчас серии находок этих предметов.

Туалетный диск из Безымянного городища близок к группе найденных в Таксиле дисков с изображением макара [Francfort, 1979a, p. 57—61], особенно к сланцевому диску, найденному в Сиркапе [там же, p. 58, pl. 34, 68], с такой же общей композицией. Отличия же незначительные: морда монстра не прямая, а изогнутая, на лицевой поверхности, в сегментах — розетка и т. д.

Туалетный диск из Явана может быть сопоставлен с группой гандхарских дисков с изображением всадника, едущего на монстре, в частности на гиппокампе. При полной общности композиционной схемы выявляются некоторые отличия как в трактовке гиппокампа, так и всадника на таксильском экземпляре [там же, p. 38—39, pl. XIX, 27].

Что же касается находки с Дальверзин-тепе, то она не находит аналогий в гандхарской серии. Г. А. Пугаченкова сообщает, что этот диск изготовлен из «излюбленного в Бактрии белого мраморовидного известняка». Мужской персонаж этого диска, по ее мнению, «напоминает профиль „Варварского Гелиокла“ в монетном чекане, столь распространенном на территории Северной Бактрии в I в. до н. э., находки которого имеются и на Дальверзин-тепе. Таким образом, диск из пом. 3 — это местное изделие, а не привозной предмет, датировка же его не позднее самого начала н. э.» [Пугаченкова, 1978а, с. 140], но эта датировка не может быть признана бесспорной.

По мнению Дж. Маршалла, первоначальная идея этих дисков была заимствована из эллинистического Египта. Изображения сначала были западноэллинистическими, но затем этот характер постепенно утрачивается [Marshall J., 1951, II, p. 459] [101]. Г. Ингхольт, анализируя вопрос о происхождении найденных в Северо-Западной Индии туалетных дисков, заметил, что «греческое влияние на этих предметах очевидно. Вопрос же об их происхождении может явиться сюжетом для интереснейшей монографии. Вероятно, некоторые были изготовлены на месте (т. е. в Индии.— *Б. Л.*), другие — в Египте, в Бактрии, третьи — в парфянской Месопотамии (см. диск из слоновой кости, недавно найденный в Хатре)» [Ingholt,

р. 176]. Ему вторит М. Халлада: «Некоторые, искусно сделанные и с эллинистическими изображениями, должны быть иностранного (для Индии — *Б. Л.*) происхождения, в то время как другие, значительно более грубо изготовленные, были, вероятно, изделиями местных мастеров, копирующие модели или же опирающиеся на другие источники вдохновения. Эта последняя группа показывает различные стили, изображения воспроизводят классические (индийские) легенды, эротические темы, мифические существа, квадригу солнечного божества, пары, несущие винные кубки» [Hallade, p. 27] [102]. По Г. Ингхольту, изображения на туалетных дисках являются «небуддийским элементом гандхарского искусства» [Ingholt, p. 176]. Это утверждение не вполне точно: на дисках встречаются и буддийские сюжеты [Francfort, 1979a, p. 70—72].

Сейчас Г. П. Франкфорт, словно в ответ на приведенное выше замечание Г. Ингхольта, опубликовал превосходную монографию о туалетных дисках [103]. Представив свод находок, он рассмотрел затем вопросы техники, иконографии, предложил хронологическую классификацию, высказал интересные соображения об истории туалетных дисков. Нет нужды подробно останавливаться на всем содержании книги Г. П. Франкфорта. Египетская и гандхарская серии, по его мнению, обе вырастают на общем эллинистическом основании. В этой связи он указывает на многочисленные находки в Ай-Ханум фрагментов сланцевых пиксид; их наружная орнаментация иногда напоминает сцены некоторых гандхарских туалетных дисков, поэтому он находит возможным называть их греко-бактрийским «аниконическим вариантом» гандхарских туалетных дисков. Далее он показывает, сколь широко были распространены на всем эллинистическом Востоке эмблематы, различные сюжеты, отраженные на гандхарских туалетных дисках. Создание туалетных дисков в Гандхаре, по его мнению,— результат воздействия эллинистического импульса. Эллинистические элементы трансформировались и сливались с иранскими и индийскими. Дата изготовления этих дисков II в. до н. э.— I в. н. э. [там же, p. 92—95]. На кушанских поселениях Гандхары, в Бегораме (соответствующие слои) и в Сурх-Котале такие диски отсутствуют. Лишь в Джукаре (Синд) и на поселениях кушанского времени в Таджикистане, т. е. за пределами основного региона их изготовления— Гандхары, в связи с отдаленностью они продолжают встречаться в кушанское время [там же, p. 91]. Такова концепция Г. П. Франкфорта.

Автор другого новейшего исследования туалетных дисков пакистанский ученый Салфур Рахман Дар, работавший над этой темой параллельно с Г. П. Франкфортом, пришел во многом к близким (хотя и не идентичным) выводам. Согласно его данным, около половины известных сейчас дисков происходит из Таксилы и около десятка — из долины Свата. Находки из остальных пунктов одиночны [Dar, p. 142]. Детально изучив возможные эллинистические истоки самой идеи таких дисков и изображений на них, приведя в качестве прототипов некоторые виды эллинистических керамических изделий, мраморных дисков, бронзовых зеркал и др., Дар замечает: «На гандхарские туалетные диски оказали огромное влияние один или несколько типов из названных выше эллинистических изделий». Вместе с тем, по его словам, диски никогда не являлись простым повторением какого-либо одного из этих изделий. «Причину найти нетрудно. Единственная техника, которая была известна художникам Гандхары, была техника резьбы по камню, и они использовали все упомянутые выше прототипы и их декорацию для того, чтобы создать новые произведения — так называемые туалетные диски. Они явно были введены в Таксиле и вообще в Гандхаре греками, которые, как представляется, эту технику принесли с собой из Бактрии». В этой связи он ссылается на Ай-Ханум и сделанные там находки [Dar, p. 147]. И далее: «Трудно рассматривать эти диски как просто украшение. Большинство из них, по существу, связано с каким-то культом, хотя при данном состоянии наших знаний трудно сказать, к какому именно культу (или культам) они при-

надлежат. Наиболее вероятно, что это были дионисийские или какие-либо другие подобные греческие культы» [Dar, p. 149].

В отличие от Г. П. Франкфорта пакистанский исследователь полагает, что туалетные диски в Гандхаре производились и в раннекушанское время, хотя и утратили свою былую популярность. Ссылаясь на находки в Чарсаде и Удергаме (территория так называемого «базара»), он заключает, что туалетные диски (хотя изображения на них изменились) продолжали существовать до IV в. н. э. [там же, p. 143]. Здесь надо внести уточнение. В Чарсаде туалетный диск с изображением девушки, играющей на музыкальном инструменте, происходит из раскопа на Бала-Хисаре, слой 15. Вышележащий слой 14 по находкам типичных гандхарских сланцевых изделий с резьбой датирован М. Уилером (на которого и ссылается Дар) примерно II—IV вв. н. э. Именно поэтому М. Уилер считает, что слой 15 и сам туалетный диск относится к несколько более раннему времени, а именно к I—II вв. н. э., склоняясь для диска даже к I в. н. э., как наиболее вероятной дате [Wheeler, 1962, p. 22, 123].

Другое дело Удергам. Действительно, во время раскопок Итальянской археологической миссии в Удергаме, на территории «базара», был найден туалетный диск, лицевая сторона которого двумя парами пересекающихся ребер рассечена на пять почти равных отсеков и четыре сегмента. В центральном отсеке — три фронтальные человеческие фигуры. Диск происходит из слоя 1 [Taddei, 1966, p. 89]. Этот слой содержит монеты Васудевы I и Хувишки [Gullini, 1962, p. 325], т. е. диск может датироваться (по слою) III в. н. э.[104].

В заключение отметим, что в Яване диск был найден на полу позднекушанского, а на поселении Безымянном — раннесредневекового помещения. Конечно, можно предположить, что они попали в эти помещения случайно из более ранних комплексов. Такое предположение поддерживается иконографической близостью к гандхарской серии, и все же воздержимся от окончательных заключений.

Но вернемся к уштурмуллинскому диску. В 1964 г. мы писали, что в доступных нам публикациях по индийскому искусству и археологии не попадались воспроизведения туалетных дисков с аналогичным изображением (это можно повторить и сейчас), «тем не менее и в этом случае импорт из Северо-Западной Индии не исключен, хотя допустимы и иные решения» [Литвинский, 1964, с. 152]. Более детальное изучение заставляет нас теперь делать акцент на втором из предложенных тогда альтернативных решений.

ж. ГОРОДИЩЕ КЫЗЛАР-КАЛА

Городище расположено в 2,5 км к северу от Тепаи-шах, среди хлопковых полей. Представляет собой холм в плане правильной квадратной формы 50×50 м, с максимальной высотой (по краям) до 6,5 м. Судя по рельефу, ядром городища являлся обширный двор (возвышается на 1,5—2,5 м над окружающими полями), окруженный высокими оборонительными стенами и системой построек, примыкавших к ним. Наиболее хорошо сохранились высокие (до 5,5—6,5 м) обвалованные стены южного и северной оконечности восточного фасов; кое-где обнажены участки их первоначальной поверхности. Стены северного и западного фасов сохранились частично в виде отдельных бугров.

Шурф размерами 5,0×6,0 м был заложен в северо-восточном, наиболее высоком углу двора. В нем вскрыты части двух сводчатых коридорообразных помещений, идущих параллельно восточной оборонительной стене. Сохранность построек превосходная: выявлены даже остатки стен второго этажа (торцовая и продольная). Своды помещений нижнего этажа, легко обнажающиеся снаружи, сложены из сырцового кирпича форматом 50×25×7—8 см, «наклонными отрезками», со значительной раскреповкой в центре (вставленные кирпичные клинья). Примыкание свода к северной торцовой стене помещения осуществлено укладкой у этого (исход-

ного) торца почти вертикальных дуг с увеличением наклона к середине длины помещения.

Своды помещений обмазаны сверху глиной; над остатками пола второго этажа — рыхлое лессовое заполнение. В нем, так же как и под сводами, т. е. уже в заполнении собственно помещений нижнего этажа, — фрагменты глазурованной керамики X—XII вв. В завале над сводом одного из помещений найдена бронзовая монета, определенная как подражание монетам Васудевы, II серия (см.: Приложение II. Реестр, 79). Прямо под шелыгой сводов обоих помещений начинаются непотревоженные мощные натечные слои.

Результаты пробных раскопок городища Кызлар-кала позволяют сделать некоторые предварительные заключения. Сооруженные, судя по формату кирпича сводов, в VI—VIII вв. постройки северо-восточного угла городища были обжиты, видимо, и позднее, в развитом средневековье. Находка в верхнем слое бронзовой позднекушанской монеты может свидетельствовать о возможном наличии где-то на городище слоев этого времени.

3. ПОГРЕБЕНИЯ ОКОЛО ГОРОДИЩА КЫЗЛАР-КАЛА

В 150 м юго-восточнее городища Кызлар-кала, на уступе одной из площадок террасы, в двухметровом по высоте останце обнаружены два погребения. Одно из них (погребение 2) было разрушено при расширении проходящей у останца дороги.

Погребение 1 (рис. 16, 3). При зачистке поверхности останца был обнаружен крупный камень размерами 0,7×0,3 м. Под ним оказался вход в дромос овальной формы размерами 0,9×0,85 м, вырытый в довольно рыхлом песчанистом слое. На глубине 1,1 м от современной поверхности, в западной стенке входной ямы обнаружена камера катакомбы. В плане она трапециевидной формы с сильно округленными углами. Ее размеры 1,55×1,2 м, сохранившаяся высота 0,65 м; ориентировка всв—зюз. Заполнение камеры — рыхлый песок.

На дне камеры, видимо на песчаной подсыпке, — два скорченных скелета, обращенных друг к другу. Восточный (по-видимому, мужской) был положен на правый бок и ориентирован головой на север с незначительным отклонением к западу. Череп лицевыми костями обращен на запад. Позвоночник в шейном отсеке несколько изогнут (голова как бы обращена вперед и несколько вниз — ко второму скелету). Ноги согнуты под прямым углом, стопами подведены под таз. Кости левой руки нарушены, правая рука была вытянута вдоль тела и согнута в локте.

Второй, западный, скелет точно ориентирован головой на север (лицом на восток). Лежит на левом боку, «лицом к лицу» с первым скелетом. Скорченность несколько меньшая: ноги были согнуты под углом и затем отведены назад; правая рука опущена под углом на грудь и согнута в локте; кости левой руки и шейный отдел позвоночника смещены.

Погребение дало необычайно богатый инвентарь (см. Приложение I. Каталог 3, 226—241). Под тазовыми костями восточного скелета находилась раздавленная керамическая чаша. В крестцовой части позвоночника — скопление мелких бронзовых и серебряных бус. Несколько крупных бронзовых бус найдены у ног первого скелета и перед костями грудной клетки, около плечевой кости правой руки.

Сопроводительный инвентарь западного скелета более обильный. У ступней ног, в юго-западном углу камеры, — фрагмент керамического горшка. Вблизи черепа и к северу от него (в северо-западном углу камеры) найдены две низки мелких бронзовых и серебряных бус. На одной из низок — бронзово-золотая бляха. Три другие такие же бляхи вместе с пастовыми бусинами лежали отдельно от низок. Близ ключицы, под нижней челюстью скелета — несколько пастовых, сердоликовых и лазуритовая бусины, у плеча — крупные бронзовые бусины. Мелкие бронзовые и серебряные бусы покрывали россыпью практически всю верхнюю часть

западного скелета (особенно много вдоль позвоночника, в крестцовой части). В некоторых случаях прослеживаются низки бус (пояс?).

Погребение 2. Примерно в 3 м к северу от погребения 1, в обрыве останца, было дообследовано еще одно, разрушенное погребение (сохранились лишь остатки костей ног). Найдены два керамических сосуда и бронзовый нож (см. Приложение I. Каталог 3, 242—244), являвшиеся, судя по всему, погребальным инвентарем этого захоронения.

Судя по формам керамики и другим находкам, оба погребения относятся к эпохе бронзы.

4. ОАЗИС ШАХ — ЭТАПЫ ИСТОРИИ И ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ

Пока мы не знаем, когда начал заселяться оазис Шах. Судя по отдельным находкам камня неолитического облика, это могло произойти уже в эпоху каменного века. В конце эпохи бронзы, как показывают раскопки двух могил на северной окраине оазиса (в районе Кызлар-калы), здесь обитали какие-то группы населения. Во всяком случае, с древнебактрийской эпохи они избрали оазис Шах в качестве места постоянного обитания. Где-то в районе Хирман-тепе было поселение этого времени. Надо думать, что жизнь в оазисе не прерывалась и позже, в греко-бактрийскую эпоху, но решить этот вопрос можно будет лишь после того, как будут проведены стационарные раскопки и вскрыты нижние слои Хишт-тепе и других памятников.

На городище Тепаи-шах, в его западной, ныне развеянной части, судя по находке монеты Эвтидема, возможно, существовали какие-то слои II—I вв. до н. э., но дефляция разрушила эту часть города.

В I в. до н. э. или на рубеже новой эры было возведено сооружение II некрополя; видимо, здесь хоронили покойников из этой (западной) тогда существовавшей части города, хотя нельзя исключить, что некрополь связан с Хишт-тепе (поселением, соответствующим его нижним слоям). Судя по всему, тогда в оазисе население исповедовало зороастризм и хоронило своих умерших по зороастрийскому обряду, после предварительного выставления трупов. В составе населения, должно быть, были перешедшие к оседлости группы кочевников — выходцев из более северных регионов Средней Азии.

Наибольший расцвет оазиса падает на кушанскую эпоху. Увеличивается его заселенность, возрастает число поселений. Именно тогда возникает (видимо, не ранее II в. н. э.) кушанское поселение в группе Хирман-тепе: сооружается форт — укрепленная часть Тепаи-шах, существует поселение на Хишт-тепе. Тогда же неподалеку от берега Амударьи, на возвышенном месте, сооружается буддийская вихара.

Зороастризм продолжает оставаться религией большей части населения. Постепенно все более сильные позиции завоевывает и буддизм; в него к концу кушанской эпохи, очевидно, обращается и глава местной администрации. Наличие буддийских по облику статуэток в зороастрийских наосах свидетельствует о том, что буддийские идеи были не чужды и той части населения, которая в погребальном обряде продолжала придерживаться старых зороастрийских традиций. Впрочем, в зороастрийскую обрядность проникали и другие элементы.

Материальная культура имеет ярко выраженный кушанско-бактрийский облик. Особенно наглядно это проявляется в керамике. В бактрийско-кушанский комплекс входят также зеркала с боковой ручкой, бортиком и центральной припухлостью; каменные точеные пряслица, имеющие форму базы колонны; детали каменной архитектуры и весь бактрийско-кушанский архитектурный ордер; коропластика с обилием буддийских персонажей и индианизацией стиля некоторых небуддийских образцов; глиняная и алебастровая архитектура, выполненная в специфической технике, и многие другие элементы, характеризующие эту культуру на разных уровнях.

Особенностью укрепленной части Тепаи-шах является наличие полукруглых башен по углам. Еще один пример сооружения с полукруглыми башнями в правобережной Бактрии — это Зар-тепе [Сабиров, с. 48—49, рис. 2]. Встречаются они и в левобережной Бактрии, в частности в Бактрах [Le Berre, Schlumberger, p. 88], Кухна-Масджиде [Bernard, p. 214—216], Жига-тепе [Пугаченкова, 1979а, с. 67, рис. 3].

В области Каписы—Кабула известен памятник с полукруглыми башнями — это крепость Сака, в 15 км от Кабула [Carl, 1959b, p. 13—18, fig. D]. В этом районе есть и другие сооружения с такими башнями [105].

В Гандхаре с полукруглыми башнями был выстроен Сирсух [по Д. Маршаллу — при Канишке] [Marschall J., 1951, I, p. 218], тогда как более ранний Сиркап имел прямоугольные башни. Следует также упомянуть Баг Гай и др.

Полукруглые башни известны также в фортификации Ирана и Месопотамии.

Проблема соотношения иранских, римских и центральноазиатских круглых башен неоднократно ставилась в литературе, высказывались различные точки зрения и гипотезы (в частности, относительно хронологического определения центральноазиатских башен) [106]. Не входя в детальное рассмотрение этой проблемы, отметим лишь, что мнение о проникновении этого типа башен в Центральную Азию из Ирана как следствие сасанидского завоевания не может быть, на наш взгляд, принято. Скорее всего, следует говорить о широком распространении, начиная со II—III вв. н. э., в обширном регионе Среднего Востока и Центральной Азии идеи круглой в плане башни, причем на территории Бактрии эта идея могла найти воплощение вследствие существования здесь длительной традиции устройства круглых башен [107].

Для нашей работы наибольшее значение имеет сопоставление с Беграмом, где в квартале II в 1938 г. раскопан форт. Это прямоугольник (15×
×20 м), углы которого охвачены круглыми башнями. Вход в юго-восточной башне. Семь квадратных и прямоугольных помещений сгруппированы вокруг центрального прямоугольного дворика. Северная часть его приподнята (на один марш лестницы), здесь находятся базы двух колонн. Предполагается, что этот дворик служил в качестве светового. В трех помещениях вдоль стен узкие суфы; в одном имеется стенная ниша со следами огня. Основания стен выложены из камня, выше стены пахсовые. Стены оштукатурены алебастром, кое-где имеющим следы окраски. Башни диаметром 5,7 м, сохранившиеся на высоту до 4 м, вплоть до этой высоты монолитные, без каких-либо помещений. Высказывалось предположение, что башни имели второй этаж, где находилась внутренняя камера.

Возникновение этого сильно укрепленного замка относят ко времени, когда внешние укрепления пришли в запустение. Р. Гиршман датирует это сооружение временем Беграм III, относя его к III в. н. э. [Ghirshman, 1946, p. 37—39, fig. 18; Meunié, p. 105—106, fig. 52].

За пределами городских укреплений, к югу, второй укрепленный форт. Он почти квадратный (18,5×20 м), с такими же башнями. Внутренняя планировка иная: вдоль одной (восточной) стороны, в середине которой проем, продольное прямоугольное помещение, перпендикулярно ему — три других узких помещения (шириной 2,5 м), которые разделяют массивные стены (толщиной 2,8 м). Внутри круглых башен — маленькие круглые в плане камеры [Meunié, p. 105—106, fig. 52].

Первое из описанных выше беграмских сооружений — по своим фортификационным и композиционно-планировочным принципам (четыре башни на углах, центральный двор) — упрощенный и уменьшенный вариант Тепаи-шах. По-видимому, эта схема имела значительное распространение на юге Средней Азии и в Афганистане, чему способствовали развитые торговые связи.

Укрепленная часть Тепаи-шах была не просто фортом — судя по залу с колоннами, она являлась и резиденцией главы местной администрации,

который осуществлял управление всеми поселениями и всем населением оазиса Шах.

Такое гнездовое расположение поселений, разнофункциональных и объединенных вокруг одного из них, наиболее укрепленного и выполнявшего, по-видимому, административные функции, отмечено и для других областей Северной Бактрии. Так, в Сурхандарьинской области имеется группа поселений с условным названием Бай-тепе. Центральным являлось Б-51. Оно имеет площадь 0,8 га. Согласно Э. В. Ртveладзе, городище «прямоугольное в плане (100×80 м) высотой до 4,5 м, ориентировано по линии св—юз. Подквадратная в плане цитадель (40×30 м) высотой до 6 м находится в юго-западном углу». Городок, как и цитадель, были обведены стенами и рвом. В 2 км к северо-востоку от этого городища — поселение Б-50 (округлое, диаметром 80—90 м); в 0,8 км к юго-востоку от Б-51 — городище Б-52 (округлый бугор диаметром 12 м и высотой 6 м, с прилегающим ровным участком); в 2 км к югу от Б-52 — городище Б-53 (подквадратное, 90×80 м, плоское тепе высотой 1—1,5 м, в юго-западной части — округлый бугор диаметром 20 м, высотой до 6 м [Ртveладзе, 1974, с. 79—80].

Свои выводы Э. В. Ртveладзе формулирует следующим образом: «Судя по различию в планировочной структуре и характеру укреплений, поселение Б-51 в этой группе занимало доминирующее положение и не исключено, что оно служило местопребыванием военного гарнизона и специального правительственного чиновника, ведавшего сбором налогов и осуществлявшего фискальный надзор» [1978, с. 115]. Представляется, что с учетом южнотаджикистанских материалов можно говорить о широком распространении этого способа группировки поселений вокруг центрального поселения [108]. Так возникали микросистемы внутри региональных систем кушанских поселений. Разумеется, за этой общностью кроются специфические черты каждой микросистемы. Так, в оазисе Шах имелись вынесенные за пределы поселений культовые центры: некрополь — центр заупокойного культа; буддийская вихара.

Благодаря своему местоположению оазис Шах участвовал в международной торговле. Эта торговля явилась, по-видимому, одной из причин расцвета оазиса в кушанское время. Позже, в раннее средневековье, Тепаи-шах прекращает свое существование, но другие поселения, в частности Хишт-тепе, продолжают функционировать и в это время, и в эпоху развитого средневековья.

ГЛАВА II

НЕКРОПОЛЬ ТЕПАИ-ШАХ И ПРОБЛЕМЫ БАКТРИЙСКО-КУШАНСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДНОСТИ

1. ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА БАКТРИЙСКО-КУШАНСКОГО ОБРЯДА. ПОГРЕБЕНИЯ В НАУСАХ. ПАРФЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

а. НАУСЫ АЙ-ХАНУМ И ДАЛЬВЕРЗИНА

На Ай-Ханум Французская археологическая миссия изучила мавзолей в «некрополе за пределами стен». Приведем, основываясь на предварительной публикации П. Бернара, описание этого сооружения греко-бактрийского времени (рис. 18) [Bernard, 1973].

У подножия северо-восточного склона акрополя располагался холм, высота его 2 м и диаметр 15 м. Местные дехкане нашли там фрагмент каменной плитки с греческой надписью. Это послужило поводом для начала раскопок, проведенных здесь в 1971 г. Французской археологической миссией. Было установлено, что холм скрывает остатки погребальных сооружений, переживших четыре периода строительства.

В первом строительном периоде на этом месте была сооружена пахсовая (глина с прослойками гальки) стена, вытянутая с востока на запад. Возможно, эта стена должна была отделять друг от друга погребальные участки.

Во втором периоде к этой стене с юга пристроили прямоугольное сооружение (11×8 м), три вновь возведенные стены которого были из сырцового кирпича. Так как постройки третьего периода были возведены на этом же месте, от прямоугольного сооружения практически ничего не осталось. Можно предполагать, что вход был с южной стороны. Вдоль южного фасада у его восточного окончания — остатки небольшого алтаря из сырцового кирпича.

Разрушив эту постройку, в третьем периоде возвели новое сооружение, которое, перестраиваясь, функционировало до конца греческого поселения в Ай-Ханум. Это новое сооружение в плане прямоугольное (9×6 м), вытянутое с востока на запад, полуподземное. Основание его было заглублено на 0,8—0,9 м; над поверхностью земли, по предположению П. Бернара, оно возвышалось не более чем на 2 м (это расходится с рекопструкцией на приложенном к публикации чертеже, согласно которому возвышение равно примерно 3 м).

Северной стеной служила стена первого периода, остальные стены были из сырцового кирпича. В середине южной стены имелся проем, который вел в коридор длиной 4 м, шириной 1,4 м, идущий в направлении с—ю. Пол коридора на 0,8 м ниже окружающей местности, спуск из проема ступенчатый. По обе стороны от коридора, друг против друга и перпендикулярно коридору, находились открытые в него сводчатые погре-

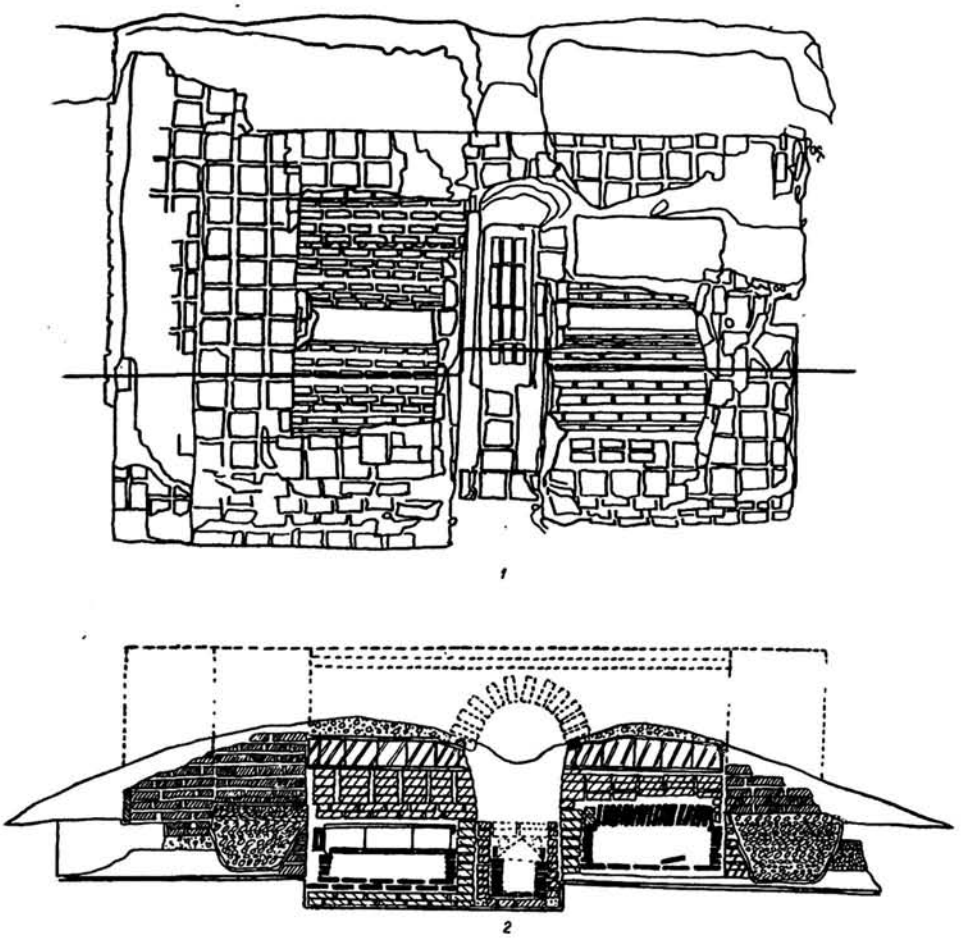

Рис. 18. Загородный мавзолей Ай-Ханум:
1 — план; *2* — разрез (по П. Бернару).

бальные камеры (2,7×1,1 м), высота сводов от основания стен 1,6 м. Это истинные своды повышенно-эллиптического типа с радиальной кладкой. Коридор также был перекрыт сводом, от которого сохранились лишь кирпичи пяты. Пята этого свода, судя по чертежам, опиралась на замковые кирпичи сводов камер, будучи частично врезана в них, т. е. пересечение сводов достигалось возвышением перпендикулярного свода на более высокий уровень, чем боковых. При этом способе, дабы не слишком «завышать» вертикальные размеры, по уровню шелыги боковых сводов пяты центрального свода были врезаны в примыкавшие боковые, что позволило несколько опустить центральный свод. Судя по кирпичам горизонтальной кладки, пространство между сводами выравнивалось землей и представляло собой в результате обмазанную пахсой плоскую площадку.

В период IV (с двумя подпериодами) южная, восточная и западная стены были сломаны, от них остались в основном кирпичные «пеньки». Исключение — южная стена, где были оставлены участки старых стен, на которые опирались своды; эти участки стен затем были утолщены. На месте разрушенных стен был вырыт глубокий, суживающийся вниз ров (глубина до 1 м, ширина сверху 1,6—1,8 м — все по масштабу); его забили щебнем доверху, так что этот фундамент даже несколько выступал над поверхностью. Над фундаментом были поставлены новые, более толстые (2,5 м) стены. Были сделаны и другие перестройки.

Последним строительным мероприятием было устройство впритык к западной стене еще одной, как бы панцирной стены. По мнению П. Бернара, она не связана с этим мавзолеем, а относится к другому смежному сооружению (открытого типа?), которое находилось на западе от здания мавзолея [Bernard, 1973, p. 610, 613].

В мавзолее «некрополя за пределами стен» Ай-Ханум погребения двух типов: склепы из обожженного кирпича — здесь производились первичные захоронения; захоронения в крупных сосудах (типа хумов) — в них совершалось вторичное захоронение останков, вынутых из склепов при их вторичном использовании или разрушении.

В мавзолее было сооружено четыре склепа: в северо-восточной камере (1), в юго-восточной (2) и в юго-западной камере (3), а также в коридоре (4). Пятый склеп был вне мавзолея, около юго-восточного угла. Для склепов рылся прямоугольный котлован на дне помещения, стенки обкладывались плашмя положенными в один ряд кирпичными плитками. Перекрытие осуществлялось плитками жженого кирпича, ими же было выстлано (в один или два ряда) дно.

В склепах сопровождающий захоронения материал очень беден и состоит из нескольких сосудов и пиксиды из сланца, крышка которой инкрустирована цветными камнями.

Склеп № 4 использовался для погребальных урн-хумов, в которых совершалось повторное захоронение. На одной из них были греческие надписи, от которых сохранилось четыре слова, в том числе два имени (вероятно, родителей погребенных здесь детей). Кроме того, найдены еще четыре урны-хума, две из них — вне мавзолея.

По заключению П. Бернара, строительство мавзолея восходит к первой половине III в. до н. э. К этому же времени он относит и урны с надписями из северо-западного склепа — он полагает, что в них были захоронены останки, вынутые из могил, разрушенных при сооружении мавзолея. Затем мавзолей функционировал на протяжении существования греко-бактрийского города [там же, p. 621].

Погребальные камеры Тепаи-шах — первые выявленные на территории Бактрии наусы кушанского времени. Однако они не были единственными — позже наусы были обнаружены в Дальверзине и Бандыхане (Сурхандарьинская область УзССР). Приведем некоторые данные об этих сооружениях (раскопки Узбекистанской искусствоведческой экспедиции) [Ртвеладзе, 1978а, с. 97—114].

В 300 м к северо-востоку от городища Дальверзин находится восьмикамерный наус (общий размер 13×12,5 м). Он состоит из центрального коридора (ширина 2,3 м) с вероятным главным входом с юго-западной стороны (рис. 19, 2, 4). По обеим сторонам коридора — по четыре прямоугольные камеры (2,7×1,25 м), в которые из коридора вели арочные входы (ширина входа 90 см, высота 1,40 м), они были заложены до середины сырцовым кирпичом. Основание состоит из пахсовых блоков. На основание стен опирался свод поперечными отрезками. Арки входов выложены из клинчатых кирпичей, радиально; в своде два клинчатых кирпича положены лишь в шелыге. Обычный кирпич имеет размеры 40—42×40—42×12 см. Арочные ниши заключены с внешней стороны в прямоугольные рамы. В камерах глиняно-саманная и известковая штукатурка, на полу отмечены следы камышовой подстилки.

При раскопках было установлено, что первоначально коридор был открыт с обеих сторон. После заполнения камер их входы были частично заложены, тогда же был закрыт вход в коридор с северо-восточной стороны.

На полу трех камер имеются прямоугольные ямы, в которых проведено первичное захоронение (камеры 2, 4, 5). Следующий слой захоронений в камерах 2 и 4 — захоронения на полу, и, наконец, третий слой — захоронения над полом. В камере 7 — три последовательных слоя за-

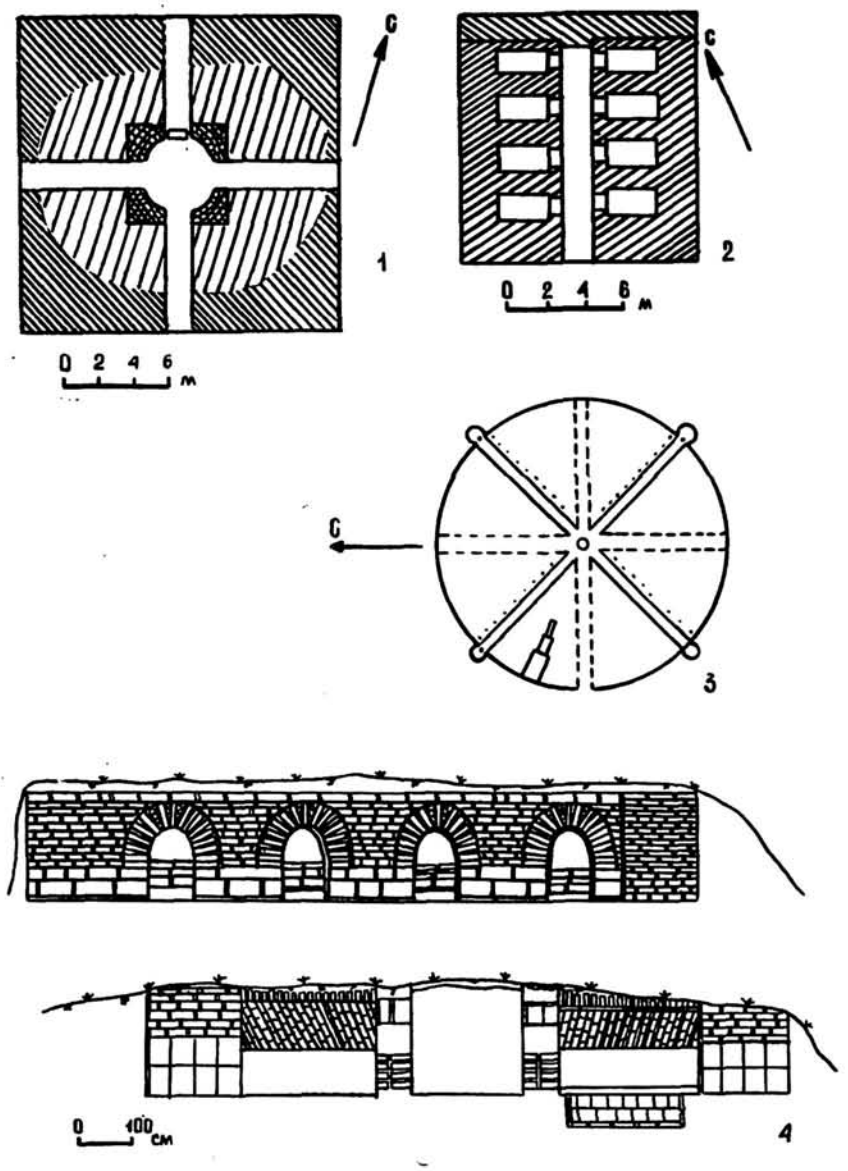

Рис. 19. Различные погребальные сооружения:

1 — погребальное сооружение под Термезом (по Л. И. Альбауму); *2, 4* — дальверзинский науос (по Э. В. Ртвеладзе); *3* — парсийская дахма (по Ф. Шпигелю).

хоронений: на полу (первый), в 25 см над полом (второй), в 50—55 см над полом (третий).

В ямах камер 2 и 4 инвентарь отсутствовал. В яме камеры 5 обнаружена керамика, в том числе цилиндроконический кубок. В погребениях первого слоя, совершенных на дне камер, имелась керамика (миски, кувшины, цилиндрические кубки, чаши, светильники), костяной гребень, пряслице, кольца костяное и железное, бусы стеклянные и пастовые. В погребениях второго слоя найдена керамика (колоколовидные и цилиндроконические кубки, кувшины, миски, горшки и др.), бронзовые зеркала, бронзовый и железный браслеты, железные перстни, бронзовый бубенчик, стеклянные и каменные бусы и др.

Погребения третьего слоя дали инвентарь в камере 7. Здесь были найдены обломки зеркала с ручкой, сердоликовые бусы. В погребениях

третьего слоя у правой тазовой кости скелета в камере 4 — монета Васудевы I.

Суммируем данные об этих раскопках в таблице.

Таблица

Данные о раскопках науса Дальверзин-тепе

Номер камеры	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Сохранность камеры
1	Кости, три черепа без нижних челюстей, обломок черепной коробки, три нижних челюсти	—	—	Частично разрушена
2	Прямоугольная яма (2,32 × 0,86, глубиной 0,9 м), на дне захоронение в обложенном сырцовым кирпичом хуме, частично в ящике из жженого кирпича. Костяк, вытянутый на спине	В беспорядке кости, восемь нижних челюстей (черепов нет)	Два костяка, уложенные друг на друга. Нижний на спине, головой к входу, левая рука слегка согнута в локтевом суставе, ноги прямые	Частично разрушена
3	На полу обломки двух черепов	—	—	Разрушена почти до основания
4	Прямоугольная яма (2,38 × 0,80, глубиной 0,80), на дне вытянутый на спине костяк, головой на с-з. Вокруг костяка — гипсовые бруски и остатки дощечек	Кости не менее чем от восьми скелетов, три черепа в юго-западном углу лицом к скелету	Один вытянутый костяк головой ко входу. При совершении захоронения кости предшествующих захоронений сдвинуты в стороны	Сохранилась полностью
5	Прямоугольная яма (7,10 × 0,70, глубиной 0,53 м), стенки и пол из жженого кирпича на известковом растворе. На полу, особенно в юго-восточной части, кости, в камере два черепа и одна нижняя челюсть	—	Один вытянутый костяк, головой к входу	Сохранилась полностью
6	Кости и фрагменты черепов, по-видимому, от трех скелетов	—	—	Сохранилась полностью
7	Кости, один череп	Три черепа, небольшое количество костей	По-видимому, два костяка, нижний сдвинут при захоронении верхнего, последний вытянут на спине, головой к входу. Еще выше остатки скорченного на левом боку скелета	Сохранилась полностью
8	Кости, два черепа, две нижние челюсти	Пять черепов (три из них в ряд), три нижние челюсти, кости по всей площади, в том числе части позвоночного столба с крестцом	—	Частично разрушена

Э. В. Ртвеладзе, под руководством которого проводились раскопки и который осуществил публикацию их результатов, полагает, что погре-

бения третьего слоя относятся ко времени Васудевы I. С учетом других находок он датирует слой временем между концом II—началом IV в. н. э. Эту датировку он подкрепляет фактом находки в коридоре, несколько выше уровня третьего погребального горизонта, монеты из группы подражаний Васудевы II. Для датировки, несомненно, более важна первая монетная находка, но и ее датировочное значение, на наш взгляд, не приходится преувеличивать, ибо, как отмечает Э. В. Ртвеладзе, при совершении погребения третьего слоя в камере 4 находившиеся в ней кости были «сдвинуты в сторону, так что костяк оказался буквально втиснутым между ними» [там же, с. 101]. При этом нельзя быть уверенным, что монета Васудевы I была положена у правой тазовой кости в процессе захоронения именно данного покойника, а не попала из сдвинутых погребений предшествующего периода. Инвентарь погребения ямы в камере 5 включает керамику, которую Э. В. Ртвеладзе датирует II—I вв. до н. э. К этому времени, частично к I в. н. э., относятся, по его мнению, и погребения второго слоя. Захоронения II—III вв. носят случайный характер.

Э. В. Ртвеладзе следующим образом интерпретирует результаты раскопок. Где-то во II в. до н. э. произошла смена погребальной обрядности: на смену трупоположению (оно засвидетельствовано в ямах двух камер) приходит захоронение предварительно очищенных костей. Во втором слое захоронения производились лишь по этому обряду (свыше 40 захоронений). Э. В. Ртвеладзе высказывает предположение, что смена обряда была вызвана распространением новой (подразумевается зороастрийской) религии. Материалы Дальверзинского и Бандыханского наусов приводят Э. В. Ртвеладзе к заключению, что во время Васудевы I снова произошла смена обряда с возвращением к трупоположению [там же, с. 112].

6. ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА БАКТРИЙСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема генезиса бактрийских погребальных сооружений, в частности мавзолеев и наусов (других аспектов, например бактрийско-кушанских глиняных гробов, каменных и сырцовых склепов, мы здесь не касаемся), уже неоднократно обсуждалась в литературе, и были высказаны различные точки зрения и гипотезы.

В отчете о раскопах тепаишахских наусов (в 1973 г.) мы акцентировали внимание на следующих моментах, связанных с их интерпретацией.

«Они позволяют наметить линии связей с древнейшими погребальными сооружениями Хорезма, хронологически более ранними, — с постройкой в центре городища Кюзели-Гыр, с круглым мавзолеем Чирик-Рабата и с Бабиш-Мулло 2».

«Они заполняют лакуну между древнейшими наземными погребальными сооружениями и согдийскими наусами, демонстрируя многие архитектурные элементы, из которых можно выводить последующие мусульманские мавзолеи портального типа».

«Они свидетельствуют о распространении в Бактрии зороастрийского погребального обряда и его особенностях» [1976, с. 83] [1].

Важное значение имеют заключения П. Бернара о генезисе архитектурного типа и архитектурных форм айханумского мавзолея. Он пишет, что погребальные сооружения подобного полуподземного типа, с плоской кровлей, известны в парфянском некрополе Ашура, где имеются квадратные мавзолеи из жженого кирпича, внутри состоящие из сводчатых камер. В отличие от башен Хатры и Пальмиры ашурские мавзолеи не имеют этажей; два из ашурских мавзолеев, как и айханумский, углублены в землю; внутренняя планировка некоторых мавзолеев Хатры (центральный коридор и боковые помещения) идентична айханумской. По словам П. Бернара, в греческой действительности Средиземноморья и Центральной Азии отсутствуют убедительные аналогии, которые позволили бы объяснить генезис бактрийского мавзолея; айханумский мавзолей находится в на-

чальной точке развития ряда мавзолеев и предшествует на три столетия сооружениям Ашура. Наиболее правдоподобное объяснение этого феномена следующее. Изобретение такого типа погребального сооружения принадлежит грекам — колонистам Селевкидской империи. Освоив еще в IV в. до н. э. сводчатую каменную кладку в Северной Греции, где она часто встречается в склепах tumuli, греческие архитекторы должны были легко воспринять издавна распространенную на Востоке аналогичную технику устройства сводов из сырцового кирпича. Конструкция сводов Ай-Ханум следует именно древней восточной традиции, которая использовала только подземные или полуподземные своды, а также своды, перекрывающие проемы.

Таким образом, заключает П. Бернар, в Ай-Ханум нет архитектурных нововведений. Принципиальные архитектурные изменения обязаны гению парфянских зодчих, которые вывели сводчатые сооружения из подземелий под открытое небо, преобразовав их в айваны [Bernard, 1973, p. 621—622].

Г. А. Пугаченкова также обращалась к вопросу о генезисе погребальных сооружений Ай-Ханум и Дальверзин-тепе. «Нам думается, — писала она, — что композиция обоих погребальных сооружений — в Ай-Ханум и Дальверзин-тепе — восходит к какому-то местному бактрийскому источнику. Традиционность локальных строительно-технических приемов здесь вполне очевидна, многокамерная же планировка была вызвана потребностями создания фамильных усыпальниц (хотя бы и с различным обрядом погребений). Во всяком случае, дальверзинский наус опровергает утверждение П. Бернара о том, будто „парфянским строителям принадлежит заслуга выведения сводов из земли под открытое небо и выделение в виде айванов". „Наземные своды" дальверзинского науса предшествуют парфянским в зодчестве Хатры и Ашура (I—II вв.) почти на два столетия, и в нем зарождается глубокий, хотя еще и не выступающий сводчатый айван» [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 202].

Как мы уже отмечали, столь ранняя датировка дальверзинского науса не бесспорна.

Беспочвенны высказывавшиеся Г. А. Пугаченковой [2] сомнения в погребальном назначении сооружений Хатры, которые В. Андрэ считал мавзолеями. При раскопках, которые осуществил пракский археолог Васик ас-Салихи (об этом см. ниже), это назначение было установлено с абсолютной бесспорностью. Остальные соображения Г. А. Пугаченковой являются очень продуктивными и заслуживают самого пристального внимания.

Анализ приведенных выше точек зрения, как и нашу гипотезу, уместно изложить после рассмотрения соответствующего парфянского материала.

в. НАЗЕМНЫЕ ГРОБНИЦЫ В ПАРФИИ. ГЕНЕЗИС ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ ПАРФЯНСКОЙ И БАКТРИЙСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Погребальные сооружения парфянского времени в Южной Туркмении, Иране и Месопотамии разнообразны: ямные и катакомбные могилы, кирпичные подземные склепы, подземные гробницы (впущенные в землю и вырубленные в грунте), курганные захоронения, каменные камеры под насыпью, наземные гробницы (одноэтажные, башенные, двухэтажные, типа муг-хона) [3]. В связи с темой нашего исследования наибольший интерес представляют гробницы и склепы.

Наземные одноэтажные гробницы. В Месопотамии имеются в Ниппуре. Г. Гильпрехт описывает наземные семейные сводчатые гробницы из обожженного кирпича. Они небольшие, прямоугольные в плане. Продольные стены из 10—12 горизонтальных рядов кирпича, затем свод. Он делался из плашмя положенных кирпичей или же кирпичей, укладывавшихся на ребро. На одной из торцовых стен — арочный вход, причем в одном случае он на уровне пола, в другом — основание входа чуть

ниже верха стен. В одной гробнице было два, в другой — шесть скелетов. Входы гробниц обращены к улице, от которой к входам вела узкая, вымощенная кирпичом наклонная дорожка. Гробницы были ограблены. К сожалению, о внутреннем устройстве ничего не сообщается [Hilprecht, p. 511, pl. between 510—511], а внешне ниппурские гробницы очень похожи на дальверзинские.

Известны наземные гробницы и в Иране, в Сузах. Они целиком сделаны из крупноформатного необожженного кирпича. Камеры прямоугольные или квадратные, с гробами (для взрослых) и сосудами (для детей). После того как труп помещали, хранилище заполняли грунтом и прикрывали одним-двумя слоями необожженных кирпичей.

Большинство гробниц — фамильные: гробы содержат два или несколько скелетов. При этом последний лежит в нормальном вытянутом положении, тогда как предшествующие — в виде кучи костей, собранных в углу гроба или же рядом, на земле. Никаких следов двухэтапного захоронения, с предварительным выставлением трупов, нет [4].

В Южной Туркмении наземные гробницы изучены в Нисе и в Мерве. При раскопках 1936 г. в северной части городища Новая Ниса обнаружены захоронения в виде трупоположений в «сырцовых гробницах». А. А. Марущенко отнес их к эллинистическому времени. Тогда же был обнаружен некрополь в северо-восточной части городища Новая Ниса, который был датирован парфянской эпохой [Марущенко, с. 182]. Раскопки на этом некрополе были продолжены в 1946—1949 гг.[5].

Вскрытые камеры были наземными. Они примыкали к городской стене с внутренней стороны. Это прямоугольные сооружения с наружными размерами от 5×8 до 5,5×11,5 м. Они или однокамерные, или же представляют собой построенные впритык две несообщающиеся камеры с отдельными выходами наружу. Стены очень толстые — 1,2—2,2 м. Размеры внутри 2×2,5—3 м, высота камер — до 3,5 м. В одном случае (камера 4) вход в нее имеет вид длинного дромоса, переход которого к камере оформлен в виде ступенек. Стены из сырцового кирпича, полы выложены жженными плитами и обмазаны алебастром, которым покрыты и стены, окрашенные и снаружи в малиново-красный и черный цвет. Камеры были перекрыты сводами, выложенными наклонными отрезками [6].

К сожалению, несмотря на обилие публикаций, в них в основном приводятся строительные данные и гипотетические реконструкции камер [Марущенко, с. 182], а содержание камер, в том числе и находки, так и остались неизданными. В одной камере в две стены, образующие угол, на высоте 15—25 см от пола вбиты железные гвозди с крупными шляпками. Высказано предположение, что они служили для прикрепления погребального полога. Известны находки и бронзовых гвоздей. Найдена также монета Орода I (?) [7].

В стратиграфически более поздних камерах полы выложены плитками обожженного кирпича (44×31×5, 46×27×5 см).

Для основной группы камер предложена дата — I в. до н. э. [Н. И. Крашенинникова], часть камер считается относящейся к II—III вв. н. э. [Г. А. Пугаченкова], но эти датировки не являются прочно обоснованными.

Вскрытые части некрополя древнего Мерва относятся главным образом к сасанидскому и постсасанидскому времени [8], но обнаружены и участки с погребальными захоронениями и сооружениями парфянского времени.

Некрополь сейчас имеет вид оплывших бугров в 4 км к западу и юго-западу от мавзолея Султана Санджара, за пределами стены рабада Султан-калы. Здесь в 1956 г. были вскрыты две камеры (частично). Они прямоугольные, основания стен пахсовые, выше — сырцовая кладка из кирпича (40—42×40—42×10—11 см). Эти камеры входили в систему погребальных сырцовых помещений, по-видимому сводчатых. В кирпиче одной из камер — монета позднемаргианской эмиссии, что позволяет датировать

их возведение временем не ранее II—III вв. н. э. [Сусенкова, с. 100—104, рис. 1] (но, может быть, и позже). Обряд захоронения не выявлен, находящиеся внутри погребения относятся к более позднему времени [Кошеленко, Десятчиков, с. 181].

На бугре № 6 — квадратное здание (2,5×2,5 м) парфянского времени. Внутреннее помещение квадратное, с суфой в восточной части, на полу и суфе — остатки детских костей. Датировка — парфянское время (раскопки 1965 г.).

На другом бугре, № 4, сооружение на пахсовой платформе (высота 0,5 м), имеющее в плане форму почти правильного квадрата 19×19 м. Стены из сырцового кирпича (40×40×10—12 см). Центральная осевая стена делит помещение на две части, каждая из которых включает пять вытянутых помещений с толщиной стен около 1,2 м. «Погребенные уложены в комнатах поперек, один подле другого, на спине, лицом кверху, с руками, вытянутыми вдоль тела, без вещей». На основании стратиграфических соображений здание датируется в пределах III—V вв. н. э., «ближе к началу этого периода» (раскопки 1965 г.) [там же, с. 179].

«Наиболее типичным, — по словам Г. А. Кошеленко, — является сооружение, раскопанное в некрополе, находящемся к западу от стен Султанкалы. Небольшое, почти квадратное в плане (9,5×9 м), перекрытое сводом (или куполом) здание было возведено на искусственной платформе. Узкий вход, перекрытый аркой и фланкированный двумя пилонами, располагался в середине северной стороны. Центричность внутренней планировки подчеркивалась тремя большими арочными нишами, расположенными в середине стен» (рис. 20, *3*). Гробница датируется I—II вв. н. э. [Кошеленко, 1977, с. 74, рис. 27].

Время возведения 24-камерного науса (34×35 м), раскопанного в 1954—1956 гг., с прямоугольными камерами, расположенными в один ряд по периметру квадратного (16,5×17 м) двора и открывающимися во двор, остается невыясненным [Ершов, с. 160—180].

Особый тип — это каменные гробницы типа изученных А. Стейном в Фарсе, в частности в долине Бише-Зард. Здесь на горных склонах — крупные кучи камней, в том числе сооружения из грубых плит песчаника. Среди них имеются просто округлые в плане сооружения, двух- и трехступенчатые, т. е. с двумя или тремя уступами. Высота наиболее крупного 4,4 м, при диаметре около 10,5 м. Указаны и размеры другого, менее крупного сооружения — высота 3 м, диаметр 7 м. На плоскости среднего уступа имеются нерегулярно расположенные углубления до 0,6 м в диаметре, при глубине 2—3 м, они иногда перекрыты плитами. Судя по приведенному фото одной из этих гробниц, они полностью совпадают по форме с ферганскими муг-хона, причем прямоугольный вход сделан на высоте около 1,5 м, а сверху перекрыт плоской плитой. А. Стейн раскопал в долине Бише-Зард около двух десятков таких сооружений. На основании монеты Ездигерда III А. Стейн датирует сооружения VII в. н. э., но, как представляется, по крайней мере часть инвентаря относится к I—III вв. н. э. [Stein A.; см. также Литвинский, 1972, с. 204—205].

Наземные башенные гробницы с выходящими на фасады нишами (loculi). Найдены в Дура-Европос, где их изучали в ходе проведения раскопочных работ. Это башни каменной кладки, квадратные (8—11 м в стороне), со ступенчатым стилобатом и внутренним помещением с лестницей, ведущей наверх. Снаружи, в каждой стене таких башен, расположены в два яруса четыре-пять упомянутых ниш, перпендикулярных плоскости стен, — эти ниши служили для погребений (рис. 20, *2*). Каждая стена башни декорирована двумя-четырьмя полуколоннами и угловыми пилястрами. Такие башни описаны для области среднего Евфрата (пять башен такого типа в Богузе, одна на левом берегу Евфрата у Нешабах, много башен в местности Халибие), а также в Пальмире. Эти башни могут датироваться временем с середины I в. до н. э. до начала I в. н. э.[9].

Наземные двухэтажные гробницы. Изучались

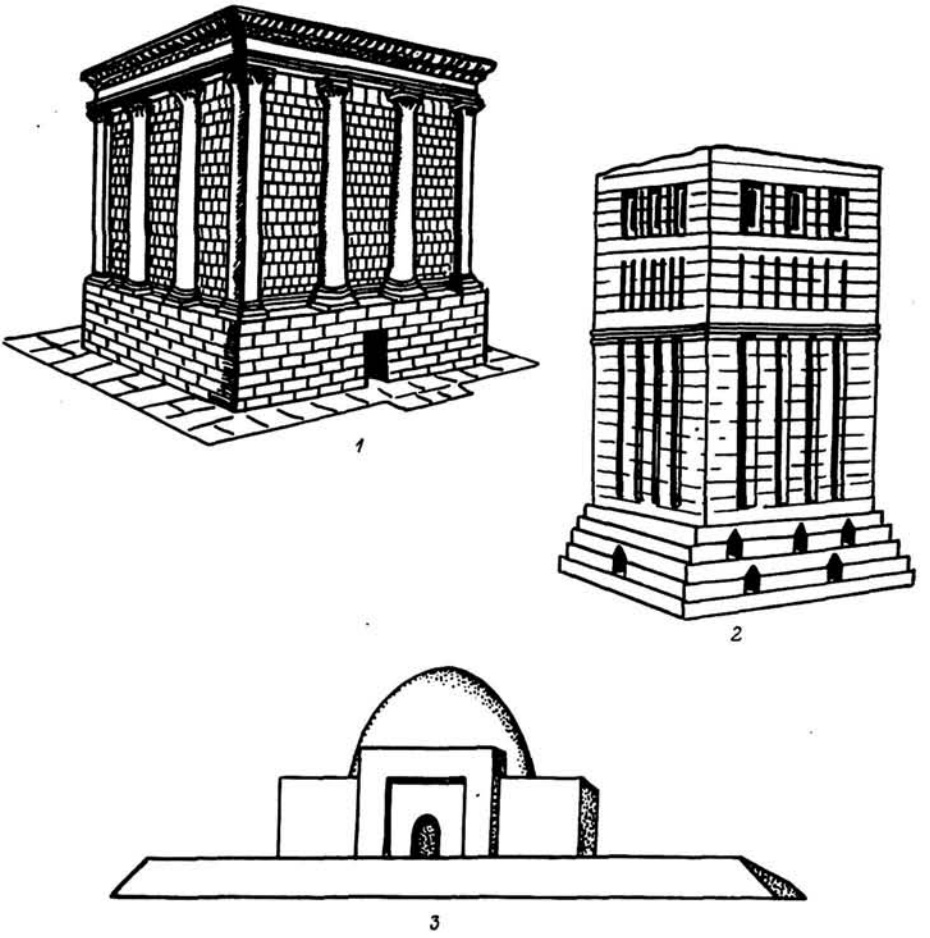

Рис. 20. Наземные гробницы Парфии:

1 — Хатра (по О. Рейтеру); *2* — Дура-Европос (по Н. Толю); *3* — Мерв (по Г. А. Кошеленко).

в Ашуре и Хатре. Сооружения Хатры выполнены из камня, в то время как гробницы Ашура делались из жженого кирпича.

В восточной, южной и юго-восточной части Хатры, по периферии города, — отдельно стоящие и объединенные в группы сооружения — гробницы (небольшое число их есть и в других частях города). В. Андре считает, что большие группы их можно рассматривать как некрополи отдельных «кланов». В каждой группе одна или несколько монументальных гробниц для знати и множество более скромных для рядовых членов. При этом богатейшие сооружения, как правило, в восточной части некрополей. Всего выявлено и обмерено 72 сооружения. Сделаны они из неотесанного камня, нередко с облицовкой каменными плитами.

В плане они квадратные. Большинство из них двухэтажные, обычно состоят из нескольких помещений в каждом этаже, перекрытых сводами. Узкая прямоугольная дверь ведет в ступенчатый спуск в нижний этаж, который часто наполовину погружен в грунт. Внутренняя лестница связывает два этажа и открывается на плоскую крышу — террасу. Снаружи сооружение представляет куб с гладкими или украшенными декоративными пилястрами стенами, а наиболее богатые, должно быть, имели полуколонны и были увенчаны карнизом.

В планах нижних и верхних этажей В. Андре выделяет семь типов (с вариантами) — от простого однокамерного квадратного сооружения до

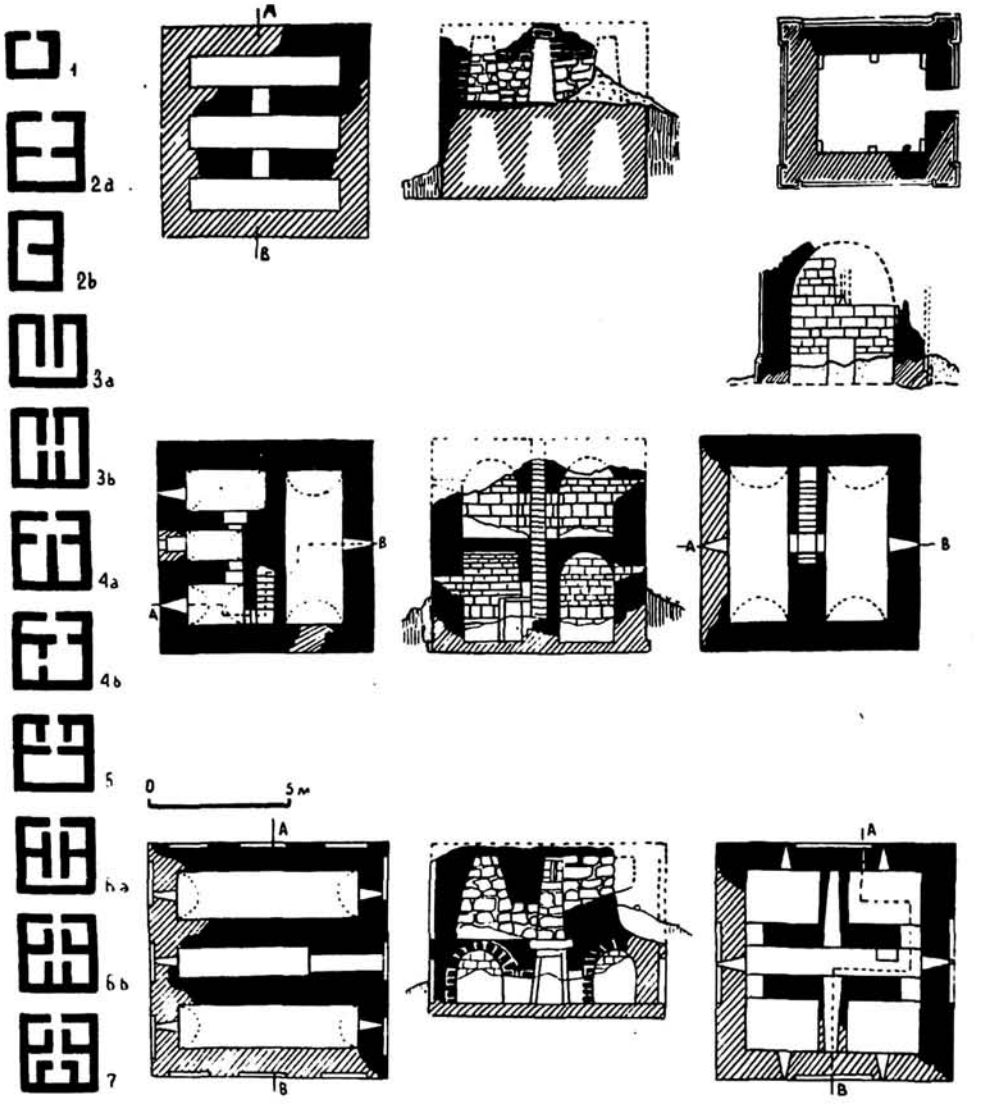

Рис. 21. Наземные гробницы Хатры:
1—7—типы планировок (по В. Андре).

весьма сложных шестикамерных, причем внутреннее членение бывает и симметричным и асимметричным (рис. 21).

Чаще всего встречается простая квадратная планировка (ок. 20% сооружений). Такова, например, гробница со строго квадратным планом снаружи (5,4×5,4 м), на углах — охватывающие прямоугольные пилястры (с цоколем и базой) шириной 72 см и выступающие на 8 см. Нижняя часть постройки представляет собой несколько выступающий цоколь. Дверь шириной 1,5 м находилась в середине одной из сторон. Она была перекрыта плоской плитой и над ней был треугольный световой проем. Внутреннее помещение — 4,25×4,55. По углам и в середине двух сторон на высоте двери — консоли-капители. Еще выше помещение опоясывает полочка, над которой — свод. Аналогично другое сооружение, но у него размеры несколько больше (внутри 4,48×4,80 м). Имеются и прямоугольные в плане сооружения (J-12, размер внутри 4,0×6,0 м). Встречаются гробницы и с четырехкамерной планировкой и т. д.

Ни эволюция типов погребальных сооружений, ни их уточненные

датировки при проведенных до первой мировой войны раскопках установлены не были [Andrae, S. 75—106, Abb. 93—168; Reuther, 1967, p. 439—440, fig. 113 (реконструкция)].

В 1970—1971 гг. иракский археолог Васик ас-Салихи провел в Хатре раскопки каменных наземных гробниц, в свое время описанных В. Андре. Гробницы входят в группу Y, лежащую в восточной части Хатры. Здесь двенадцать гробниц находятся на пересечении двух древних улиц. Было вскрыто восемь гробниц.

На полу четырехкамерной гробницы J-5 найдена парфянская монета начала II в. н. э. В одной из камер разбросаны обгоревшие человеческие кости. У стены мраморный саркофаг в виде ящика с одним прямым, другим округлым торцом (1,95×0,6 м), закрывавшийся в древности каменными плитками. Внутри саркофага — череп и кости. Рядом с саркофагом — большой сосуд, внутри которого обгоревшие кости, главным образом черепные, смешанные с черепками посуды. В другой камере семь скелетов, лежащих друг над другом. Здесь же обнаружено несколько фрагментов глиняного саркофага. Раскопщик высказал предположение, что гробница была разрушена и ограблена в III в. н. э., вероятно при завоевании Хатры Шапуром I.

В однокамерной гробнице J-6, под полом — большая, облицованная камнем погребальная камера, разделенная на две части. В одной лежал пустой большой кувшин. На полу разбросанные кости. Камера была ограблена. Здесь обнаружены селевкидская монета Филиппа I Филадельфа (94—83 гг. до н. э.) и монета местного чекана Хатры. В гробнице J-11, в плане такой же, как J-5, в двух камерах — крупные прямоугольные каменные саркофаги, стенки которых сделаны из поставленных на ребро каменных плит. Имеется и маленький каменный саркофаг. В саркофагах — части скелетов, на полу разбросаны обожженные кости. В камере — монета Филиппа I Филадельфа и несколько монет местной чеканки Хатры [Salihi, p. 17—20].

Наземные гробницы Ашура аналогичны наземным гробницам Хатры (особенно типам 4 и 6), но сохранились хуже, особенно вторые этажи, а также снаружи (рис. 22). В Ашуре они делались из жженого кирпича. Размеры гробниц: 7,6×8,05; 8,45×8,3; 7,4×7,45; 7,8×8.2 м (снаружи). Внутри они многокамерные, чаще всего трехкамерные. Интересна гробница hA-10, у которой к входу ведет лестница шириной 1.3 м с шестью ступенями. Внутри, за параллельной входной стенкой вестибюля, идет перпендикулярный ей коридор, в который выходят четыре погребальные камеры. К сожалению, захоронение не сохранилось.

За пределами города большая гробница размером 15,2×15,5 м со сложной внутренней планировкой — девять камер, коридоры [Andrae und Lenzen, S. 98, 101; Taf. 51—54].

По общему облику гробницы этих двух центров — Ашура и Хатры — очень близки. Отличие состоит в значительно большем разнообразии планировок в Хатре, где В. Андре выделяет семь типов (с вариантами), гробницы Ашура дают аналогичную планировку (особенно они близки типам 4 и 6 Хатры).

Характерно, что нижний этаж частично опущен в землю. В некоторых гробницах Хатры имелась подземная погребальная камера — под полом нижнего этажа.

Исследователи неоднократно обращались к вопросу о происхождении каменных гробниц с наружными погребальными нишами (loculi) типа имеющихся в Дура-Европос. В 1938 г. М. И. Ростовцев писал о них: «Исчерпывающего исторического исследования этой проблемы не было сделано» (эти слова сохраняют свою справедливость до сих пор). Сам М. И. Ростовцев подчеркивал, что башни Дура-Европос очень отличаются от башен Пальмиры и «представляют, вероятно, более ранний, более архаичный, более массивный и менее изысканный тип», не говоря уже о том, что loculi в гробницах Дура-Европос находятся снаружи, тогда как

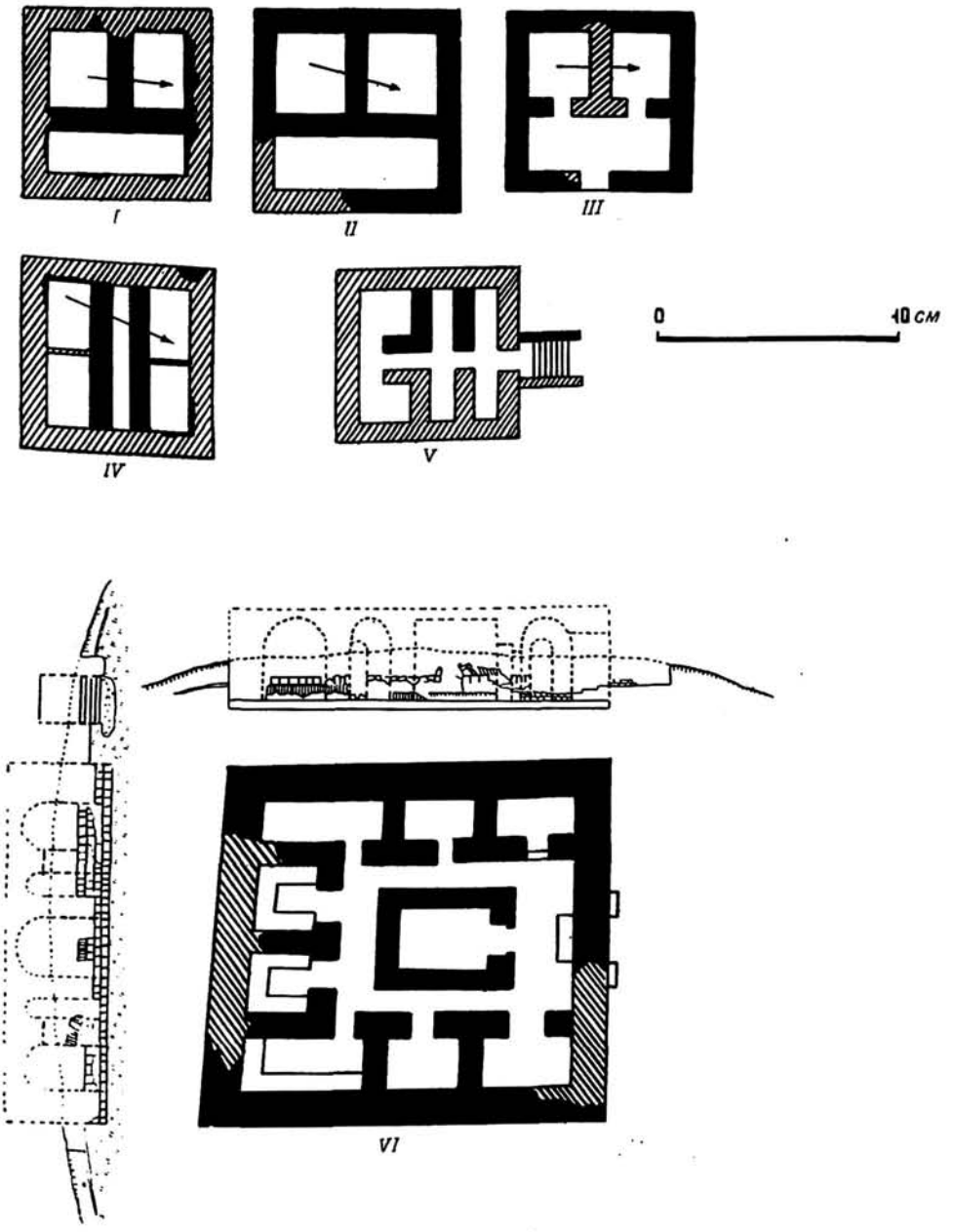

Рис. 22. Наземные гробницы Ашура:
I—IV — типы гробниц (по В. Андре и Х. Ленцену).

в Пальмире — в интерьере. В гробницах Дура-Европос внутренняя лестница вела на крышу, вероятно плоскую, по краю — с зубцами. «Этот факт дает возможность предположить, что башня на самом деле была большим алтарем, на крыше которого выполнялись погребальные церемонии, связанные с почитанием божеств неба и света или, быть может, в согласии с иранской традицией, выставлялись трупы». Приведя сведения об иранских обычаях, связанных с выставлением трупов, наусами и т. д., М. И. Ростовцев в заключение пишет: «В любом случае генезис месопотамских погребальных башен следует искать на востоке, именно на иранском востоке, а не на западе» [Rostovtzeff, p. 56].

В наблюдениях и соображениях М. И. Ростовцева, не во всем правильных (сомнительны, в частности, хронологические сопоставления), несомненно есть рациональное зерно. В частности, сами loculi можно сопоставлять с распространенным в ахеменидском Иране обычаем погребения в нишах, вырубленных в скалах. Вместе с тем не лишены оснований и соображения тех ученых, которые выводят их из Восточного Средиземноморья [10]. Возможно, что в гробницах Дура-Европос переплелись обе эти линии.

Очень интересен вопрос о генезисе двухэтажных гробниц типа, преобладающего в Хатре. О. Рейтер подчеркивает разницу между мавзолеями Пальмиры с их рядами ниш и мавзолеями Хатры, где интерьер аналогичен интерьеру жилого дома. В целом же он ведет генезис этих парфянских погребальных сооружений Хатры от ахеменидо-персидских гробниц типа гробницы-башни в Пасаргадах.

По его мнению, двухэтажные гробницы Хатры — результат комбинации иранского типа гробниц «в форме дома или башни и ассирийской сводчатой подземной гробницы (этот тип, впрочем, сам продолжался в парфянский период)» [1967, p. 440—441].

Но существует и иная точка зрения, а именно, что эти гробницы воспроизводят восточноримский монументальный тип гробниц [Negro Ponzi, n. 31, p. 302]. Так, подземная камера — гипогеум (она есть в Дура-Европос и в Хатре) — отличительная черта восточноримской погребальной архитектуры. Наземные гробницы в Сирии и Анатолии часто ставились на пьедестал с несколькими ступеньками. Гробницы, воспроизводящие план жилого дома, известны и в Пальмире. По данным Э. Уила, мавзолеи-башни стали воздвигаться как развитие идеи вертикальных каменных стел. Вначале их этажи, связанные с лестницей, имели жилое назначение, использовались как сторожевые башни. Лишь позже они стали реальными мавзолеями. Они находятся на периферии территории распространения восточноримской архитектуры и являются, как он пишет, «грубой субституцией» более совершенных типов восточноримских мавзолеев [Will, 1966, col. 298—299].

Даже этот, весьма далекий от полноты обзор показывает, говоря словами М. Негро-Понци, «значительную вариабельность типов захоронений в парфянских некрополях» [p. 302], что отражает и сложность этнического состава городов Ирана, особенно Месопотамии парфянского времени, и разнообразие исповедовавшихся культов, и многоликость историко-культурных традиций и влияний [11].

При сопоставлении бактрийских и парфянских погребальных обычаев и построек выявляются соответствия и параллели на разных уровнях: в погребальных сооружениях, в частности в их архитектуре, специфических формах погребального обряда, отдельных важных деталях.

Наусы Тепаи-шах бесспорно имеют переклички в своей планировочной схеме с наусами Мерва. Отметим, например, что квадратный наус I—II вв. н. э. Мерва по своей планировке очень близок сооружению I Тепаи-шах, причем совпадает такая специфическая деталь, как наличие портала. Наличие суф роднит сооружение I с мервским наусом на холме № 6. Наконец, характерный для наусов Мерва постамент представлен в Тепаи-шах (сооружение III) [12].

Для тепаишахского сооружения II также интересно сопоставление с сооружением Р-3 Хатры. Оно квадратное (10,3×10,3 м), двухэтажное. Нижний этаж состоит из центрального коридора, в середине длинных сторон которого входы в длинные узкие помещения (2×7,7 м). Иная планировка верхнего этажа. Она крестообразная: широкий центральный коридор (ширина 1,15 м) и перпендикулярно отходящие от его середины два узких и низких коридорчика (у основного коридора их ширина 0,7, высота 2,2 м, к концам они сужаются и понижаются до 2 м). Назначение их осталось для раскопщика неясным. Он пишет, что коридоры, во всяком случае, не были предназначены для освещения (световые отверстия в тор-

цах основного коридора и в камерах). В углах образовавшегося креста — четыре комнаты (3,25×2,25 м), входы в которые через проемы у торцов большого коридора. Нижние помещения перекрыты сводами, у верхних — суживающиеся по типу ложного свода пролеты, затем перекрытие плоскими балками.

Сооружение Р-3 варьирует крестообразную четырехкамерную схему, которая могла здесь получить развитие от схемы, состоящей из коридора, вдоль длинных сторон которого вытянутые помещения (оно представлено, в частности, в нижнем зале).

Наусы Дальверзина, в свою очередь, находят весьма близкие аналогии в наземных сводчатых семейных гробницах Ниппура, сделанных из жженого кирпича.

Погребальный обряд в тепаишахских и дальверзинских наусах предусматривал предварительное выставление. Здесь есть бесспорная близость с Южной Туркменией. Науc № 1 Тепаи-шах, как и гробница в Сузах, имеет три суфы, но было ли их назначение аналогичным, из-за разграбленности науса сказать невозможно.

Можно отметить и такую параллель: в наусах Дальверзина и в Шахри-Кумисе обнаружено погребение человеческих черепов. Д. Стронах и Д. Хансман уже пытались истолковать факт нахождения в Шахри-Кумисе черепов человека. Они приводят в этой связи эпизод, о котором рассказывает Табари: Ардашир I (224—240) отправил головы своих убитых врагов в Истахр, в храм Анахиты [Hansman and Stronach, p. 18; ср. Nöldeke, S. 18]. Можно добавить, что в этом же храме примерно в 340 г. были развешаны головы христианских мучеников [Nöldeke, S. 4, Anm. 2]; можно упомянуть эпизод с головой Красса и др. Но все это головы врагов. В наусах же захоранивались члены общины. Не исключено, что у бактрийцев были какие-то представления, связанные с почитанием черепа. Наиболее яркое проявление этого культа — помещение черепа в нишу жилого помещения Хирман-тепе (см. выше, с. 64). Как нам любезно сообщил Л. И. Альбаум, в одном из помещений раскопанного им Фаяз-тепе, в нише, предназначенной для чирога, был водружен череп, замороженный в гипсовой подставке. Возможно, что у бактрийцев, как и у исседонов (Геродот, IV, 26), был распространен культ черепов, связанный с культом предков. Геродот пишет: «С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов» (Геродот, с. 193). Может быть, и у бактрийцев существовал какой-то ритуал, связанный с почитанием находящихся внутри дома черепов (предков?).

Очевидно, в Бактрии имелись представления о голове как олицетворении человеческой личности [13]. Это довольно универсальное верование, зафиксированное у народов Ирана и Средней Азии, могло сочетаться с представлениями, бытовавшими, как известно по поздним зороастрийским сочинениям, среди зороастрийских дастуров (и конечно, среди населения), о том, что создатель, творец каждого человека, достаточно могуществен, чтобы собрать воедино разбросанные части тела (где бы они ни находились) в момент Фрашегирда [14].

Следует привести в качестве параллели и материалы из сасанидской иконографии. На некоторых монетах Хормизда II, Шапура II, а также Варахрана V и Валаша на алтаре огня человеческая голова. На монетах двух первых государей голова в пламени алтаря; на двух вторых языки пламени исходят из головы. Известна и сасанидская печать с такими изображениями [Survey, VII, pl. 255, U].

Иногда это изображение рассматривается как изображение Ахура-Мазды — Ормузда. Основанием служит сопоставление с известной ахеменидской эмблемой Ахура-Мазды, но там он не в огне, а над огнем, тогда как в сасанидское время его голова — в пламени алтаря или является

источником огня. Д. М. Унвала выдвинул идею, что голова на алтаре сасанидских монет — воплощение божества огня, а именно огня Vahrān — царя огней и огня царей. Ж. Душен-Гийемин высказывает мнение, что возможна и альтернативная интерпретация. Согласно Zātspram, в огне Vahrān помещается x"arr — фарн. Он предполагает, что голова — это изображение фарна, а так как она в короне, то царского фарна. Согласно мнению этого ученого, обе интерпретации не исключают, а, возможно, дополняют друг друга: это изображение могло сочетать в себе представления об Атаре — небесном огне и фарне, который связан с солнцем и дает благополучие людям [Duchesne-Guillemin, p. 204—205] [15].

Один из поздних зороастрийских текстов предупреждает, что, когда хозяин или хозяйка дома умрут внутри дома, трупы нельзя выносить через дверь, ибо «фарн дома уйдет вместе с ними». В новое время в Средней Азии и Фергане был обычай изготовлять фетиш, который воплощал фарн этого дома. Фетиш тщательно хранился [16]. Возможно, за полторы тысячи лет до этого в Бактрии фарн олицетворялся не фетишем, а черепом, который хранился в нише.

Все эти материалы рисуют те религиозные представления, которые могли в какой-то форме войти и в мир религиозных верований бактрийцев, так сказать, «религиозный фон», на котором проявилось почитание черепов в кушанской Бактрии. Однако конкретная форма этих верований, как представляется, связана с буддизмом.

В написанном, вероятно, Буддхагхошей комментарии к «Дхаммападе» рассказывается о брахмане по имени Вангиса (Vangīsa), который утверждал, что он способен узнать о характере возрождения человека после смерти, касаясь пальцами его черепа. Он был призван в монастырь, где в то время находился Будда, чтобы показать свое искусство учителю. Будда достал четыре черепа, каждый из которых принадлежал человеку, который возродился в одном из четырех миров (мире людей, мире животных и т. д.). Вангиса успешно разгадал судьбу после возрождения каждого из четырех человек. Затем Будда предложил ему проявить свое искусство на черепе умершего архата, и брахман не сумел дать правильный ответ. Тогда ему в качестве условия было предложено присоединиться к буддийской общине, чтобы узнать, какова была судьба обладателя пятого черепа, после того как он возродился (или, вернее, после того как он не возродился). Брахман так и сделал, и затем Будда сказал монахам: «Мой сын теперь знает все относительно ухода существ в иные миры и их возрождения» [Burlingame, 1969, p. 334—336]. Подобные рассказы содержатся и в других сочинениях Буддхагхоши, который, как известно, жил в V в. н. э., а также в некоторых более поздних источниках. Но в иконографии этот сюжет разрабатывается по крайней мере со II в. н. э. Имеется целая серия гандхарских рельефов, на которых среди персонажей, окружающих Будду, изображен и Вангиса с черепом в руке [17]. Но в указанных пассажах письменных источников о Вангисе и в гандхарских рельефах череп не является объектом почитания. Он просто знак, позволяющий идентифицировать персонаж и сюжет.

Как полагает М. Таддеи, лишь позже, причем в Центральной Азии, в изобразительном искусстве череп превращается в объект почитания, предмет, вызывающий личную медитацию и способствующий ей, хотя раскопки в Хадде показали, что предвестники этого появляются уже в позднегандхарское время [Taddei, p. 396, 406—407] [18]. Наиболее яркое отражение этого назначения черепа в искусстве Центральной Азии — сцена в настенной живописи «Пещеры морехода» в Кизыле (V в. н. э.). Монах сидит в состоянии медитации, перед ним, выше его плеча, — человеческий череп. Черепа включены и в растительные композиции, покрывающие стены этой пещеры [Grünwedel, 1920, Taf. XVII, XVIII, 3—4; Rowland, 1974, p. 151, fig. 68].

Согласно источникам, медитация в связи с мертвыми была широко распространена в индийском буддизме с раннего периода [19]. Однако до

сих пор оставалось неясным, с какого времени распространилась медитация, связанная с черепом, ибо в искусстве Центральной Азии она запечатлена лишь с V в. н. э. Значение находки, сделанной Л. И. Альбаумом на Фаяз-тепе, а также аналогичной на Хирман-тепе, состоит в том, что теперь установлено наличие такой практики в бактрийском буддизме уже во II—III вв. н. э. Вопрос о бактрийском, шире — центральноазиатском, вкладе в развитие (сложение?) этой линии в буддизме ставится теперь на твердую почву.

Целесообразно сопоставить склепы айханумского сооружения с парфянскими склепами (рис. 23). Такое сопоставление имеет специальный интерес, так как идея погребальных склепов получила в Средней Азии кушанского времени дальнейшее развитие [20]. Представлены они и в самом Ай-Ханум, в раннекушанском некрополе.

В раскопе на «Верхнем поселении» были открыты пять погребальных сооружений, входивших в состав некрополя. В четырех случаях (Т-1—Т-4) они имеют вид прямоугольного кирпичного ящика. Стенки его — из двух или трех рядов половинок сырцовых кирпичей. Внутренний размер в Т-1 (по масштабу) 2,15×0,6 м. Кирпичи продольных стенок положены с нависанием, суживая пролет (Т-1 — до 0,45 м). Перекрытие в трех ящиках образовано вертикальными или слегка наклонными плитками, поставленными углами вертикально, перпендикулярно продольной оси. В одном ящике (Т-4) перекрытие сделано из плиток, положенных с двух сторон наклонно и образующих двускатную кровлю. В пятом могильном сооружении (Т-5) на дне могильной ямы, вдоль ее длинной стороны, были наклонно положены кирпичи, прислоненные к ее западной стене.

Ящики Т-1, Т-2, Т-4 ориентированы с с-з на ю-в, скелет в Т-1 — головой на с-в, и ящик Т-3 ориентирован ссв—ююз. Могильная яма Т-5 вытянута с севера на юг.

В каждом погребении — один или два сосуда, относящихся к четырем типам. Два типа принадлежат к греческой керамике, а два (кубки и чаши с усеченно-коническими ножками) — к греко-кушанской и раннекушанской.

Кроме того, имеются украшения — кольца, браслеты, бусы из полудрагоценных камней, а также один железный кинжал, по-видимому, с серповидным или рожковидным навершием.

Французские исследователи связывают эти погребения с пришедшим сюда степным населением и датируют около рубежа новой эры или же началом I в. н. э. [Bernard, 1980, p. 71—73, pl. XXVII—XXVIII, XL].

Погребальные склепы парфянского времени в Месопотамии были подземными, заглубленными на 0,8—0,9 м под поверхностью (так в Ашуре). Они предназначены для захоронения одного (редко двух) покойников прямо в склепе или в гробу, помещенном в склеп. В Селевкии на Тигре в одном гробу иногда лежали по два, три или более покойников; там же в одном склепе — три гроба.

Типологически можно выделить три группы склепов. У первой группы корпус склепа — это врытая в грунт неглубокая прямоугольная траншея, ни дно, ни стенки не облицованы и над ней перекрытие. Таковы склепы Ктесифона. Конструкция их представляет несколько вариантов. Собственно могила — узкая (0,3—0,4 м) прямоугольная яма глубиной 25—30 см. Перекрытие устраивалось из жженых кирпичных плиток 0,3—0,34×0,3—0,34×0,6—0,8 м целых и половинок. Первый вариант: вдоль продольных границ ямы горизонтально положены плитки, на края этой обмостки поставлены наклонно на ребро парные плитки (плоскость их параллельна оси могилы), опирающиеся по осевой линии друг на друга. Второй вариант: вдоль продольных границ могилы устроены углубленные заплечики, куда поставлены основания перекрывающих плиток, как в первом варианте. Третий вариант: кирпичные плитки положены горизонтально над могильной ямой, концы нависают над ямой, суживая пролет. Образовавшаяся щель заполнена вертикально, на угол поставлен-

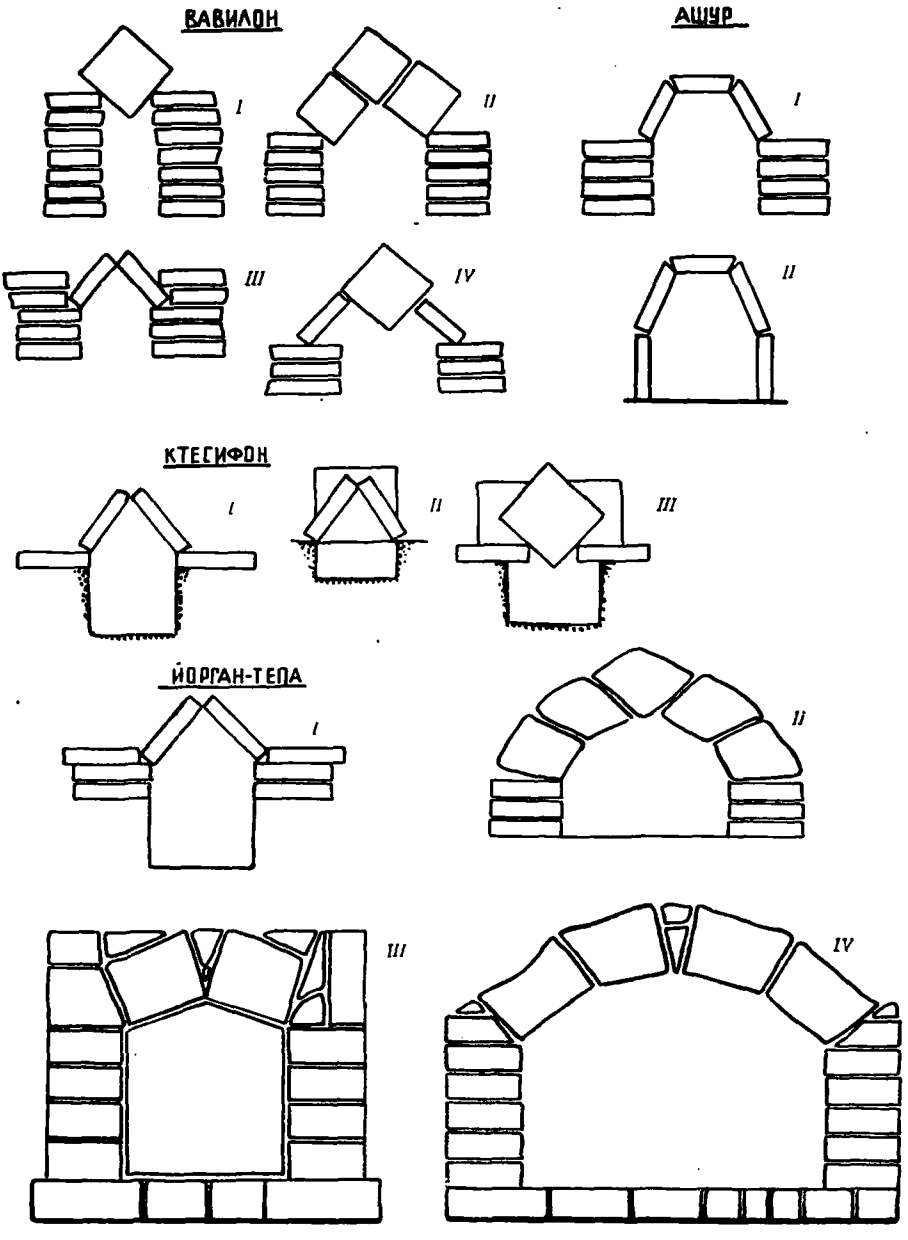

Рис. 23. Типы западнопарфянских погребальных склепов.

ными тесно друг к другу плитками, плоскость которых перпендикулярна оси могилы.

Разумеется, и эти варианты не исчерпывают всего многообразия перекрытий. Так, в первом варианте горизонтальные плитки (целые или половинки) бывают в один или два ряда, иногда они идут не только вдоль продольных, но и торцовых сторон.

Иногда двускатная кровля делалась над частью могилы, другая часть перекрывалась горизонтально положенными плитками. Торцы закрывались одной или двумя плитками каждый (плитки ставились вертикально на ребро).

Размеры могил: 1,87×0,87; 1,97×0,78; 1,95×0,62 м и др. [Cavallero, 1966, p. 73, fig. 21; 1967, p. 51—53, 55, fig. 30—36; Ricciardi, p. 62—64, 66—67; fig. 71—73, 75, 78, 80].

Такого рода склепы делались из сырцового кирпича. Так, в Йоргантепе имеется склеп, где вдоль краев могильной ямы выложены полосы, каждая из которых состоит из двух рядов кирпича. На продольные стороны вдоль погребения были поставлены на ребро, постелью, перпендикулярно оси могильной ямы кирпичи, наклонные в сторону одного из торцов. Таким образом был выложен свод по типу свода наклонными отрезками. Внутри склеп был овальным, его внутренние размеры 1,6×0,75 при высоте 0,73 м. Сюда относятся два других погребения, камеры которых разрушены [21].

В Дура-Европос отмечены случаи перекрытия сырцовыми кирпичами погребения, где покойник уложен в узкую траншею глубиной 0,4 м.

У второй группы склепов корпус камеры — ее стенки, часто и дно — выложен кирпичными плитками. В плане эти склепы также прямоугольные, реже трапецеидальные. Так, в Вавилоне кирпичные склепы (раскопано 194 склепа) делались из жженых квадратных кирпичей со стороной 33 см. Обычно из них выкладывался прямоугольник могилы, причем стены были высотой от одного-двух до семи рядов (т. е. 60 см). В редких случаях на торцах выкладка отсутствует. Редки также случаи, когда из кирпичных плиток сделано основание — пол сооружения.

План чаще всего прямоугольный, значительно реже — трапецеидальный. Для того чтобы облегчить перекрывание (пролет по основанию 0,35×0,4 м), кирпичи верхнего ряда продольных сторон укладывают так, что они выступают, нависая, над могилой. Реже сужение пролета образуется выступанием кирпичей всех рядов.

Кладка — на глине, реже на гипсовом растворе, встречается и без раствора. Кирпич часто вторичного использования.

Применялось несколько способов перекрывания. Простейший — это плоское перекрытие кирпичными плитками, причем при относительно широком пролете использовались и специальные квадратные плитки (40—50 см в стороне).

Более сложные способы перекрытия представлены четырьмя вариантами. Первый вариант, применявшийся очень часто: перекрытие осуществлялось заполнением пролета вертикальными или наклонными (по отношению к торцу камеры) плитками, обращенными вверх углами. Плоскость плиток перпендикулярна оси камеры. В тех случаях, когда плитки наклонные, они опираются на приподнятую стенку соответствующего торца (по типу свода наклонными отрезками). Известны случаи сочетания в одном склепе плоского и описанного выше перекрытия.

Второй вариант, использовавшийся при больших пролетах (порядка 60 см), когда на продольные стены кирпичи клались, т. е. прислонялись, углами, но в центре они не опирались друг на друга; пространство между ними заполнялось поставленным на угол кирпичом — «замком». И в этом случае плоскость плиток каждой трехчастной дуги перпендикулярна оси склепа.

Третий вариант — вдоль продольных стен устроены вверху отступы-закраины, на них с двух сторон поставлены наклонно, на ребро, плитки (плоскость их параллельна оси могилы), образующие двускатную кровлю.

Четвертый вариант сочетает первый и третий. При широком пролете (60—70 см) на стенки ставились наклонные плитки (как в третьем варианте), они поддерживали, будучи как бы консолями, находившиеся в центре плитки, с плоскостью, перпендикулярной длинной оси [Reuther, 1926, S. 253—255, Abb. 117—119; Taf. 90—92].

В Нимруде же наиболее часто встречаются склепы, у которых ящик образован плашмя положенными кирпичами. В PG-17 это была стенка из четырех рядов кирпича. В одном торце — вертикально поставленная кирпичная плитка. Такие же обожженные плитки образуют кровлю. Однако

ящики (минимальный размер 0,4×0,2 м, максимальный достигал 1,5× ×0,6 м) чаще перекрывались одной или двумя плитками [Oates, p. 153—157, pl. XVI; XXIX, a, b, c, XXX, c].

В Ашуре и Нимруде у части склепов продольные стенки образовывали плитки, поставленные плоскостью вдоль оси вертикально, на ребро. Торцовые стороны состояли из вертикально и горизонтально поставленных плиток. В Ашуре подземные камеры склепов очень невелики: длина — 0,8—1,1, ширина 0,4—0,5, высота — 0,85, лишь в одном случае 1,6×1,1 м. Пол прямоугольного склепа в большинстве случаев выстилался плашмя положенными плитками. На них ставились в один ряд вертикальные плитки. Над стенками устанавливались с наклоном внутрь кирпичные плитки, но в середине они не соединялись, а опирались на специально стесанную плитку, так что получалось двускатно-плоское перекрытие. Глубина захоронения 0,8—0,9 м под поверхностью [Andrae und Lenzen, S. 96—97, Taf. 47]. В Нимруде обожженные кирпичные плитки, поставленные на ребро, оконтуривают прямоугольный ящик, сверху — плоское перекрытие из плашмя положенных кирпичей. Внутренние размеры одного такого ящика 1×0,4 м. [Oates, p. 153, pl. XVI]. Торцовые стороны состояли из вертикально или горизонтально поставленных плиток. В Йоргантепе склеп обкладывали кирпичом и сверху. Перекрытие иногда делали плоским и применяли специально изготовленные крупные или обожженные плитки или же (в Нимруде) — одну или две горизонтальные каменные плиты. Однако значительно чаще применяли различные варианты двускатной, двускатно-уплощенной, двускатно-дуговидной и сводчатой формы перекрытия (представлено не менее шести вариантов).

Третья группа склепов сочетает особенности первых двух. На края траншеи — могильной ямы кладутся три ряда кирпичей (жженые или же в сочетании сырцовые и жженые). Отодвинутый несколько наружу верхний ряд образует полочку-уступ, на которую опирается двускатная кровля из шести пар обожженных кирпичных плиток (Йоргантепе)[22]. В некоторых случаях перекрытием служила горизонтальная каменная плита (Нимруд).

Следует отметить, что наиболее изощренными технически являются кровли вавилонских и йоргантепинских склепов. Несмотря на бесспорное своеобразие устройства склепов в каждом городском центре и предпочтение, отдаваемое тем или иным видам кровли, некоторые типы являются общими, причем не только внутри каждой из трех типологических групп склепов, но и между ними. Так, описанный последним способ перекрытия склепов первой группы из Ктесифона (см. также Ктесифон, вариант III) аналогичен способу устройства кровли склепов второй группы из Вавилона (см. Вавилон, вариант I). То же самое можно сказать про двускатную кровлю, у которой основание плиток опирается на уступы-заплечики, — такая кровля встречается и в склепах первой (Ктесифон, вариант II), второй (Вавилон, вариант III) и третьей (Йорган-тепе) групп.

К числу наиболее примитивных (также в техническом смысле) относятся два погребения из Дура-Европос, где покойники уложены на алебастровый пол помещения, сверху обложены продолговатыми комьями глины, а сверху над ними устроена двускатная кровля из больших обожженных кирпичных плиток.

Среди склепов второй группы есть такие, которые занимают промежуточное положение между собственно склепами и подземными погребальными камерами. Таков один склеп в комплексе здания архива в Селевкии на Тигре. Его особенностью является наличие вырытой в полу траншеи, закрытой плоскими кирпичными плитками. В этот склеп, перекрытие которого осуществлялось кирпичными дугами, каждая из которых состояла из трех обожженных плиток (плоскость их перпендикулярна оси склепа), помещалось два гроба [Invernizzi, p. 13, fig. 8].

В ассирийское время имелись также кирпичные погребальные склепы с двускатной кровлей или же сводчатые. Распространяются они в ново-

вавилонское время, ближе к его концу (VIII—VII вв. до н. э.). Так, в Ашуре, в «новоассирийских» слоях, обнаружено 34 могилы, перекрытые плоско-кирпичными плитками с двускатной кровлей или же арочным сводом. Применялся сырцовый или обожженный кирпич. Кирпичи, положенные плашмя или же поставленные на ребро, образовывали ящик, в некоторых случаях под ним была горизонтальная кирпичная выстилка.

Простейший случай: жженые кирпичи, поставленные наклонно на край ямы, образуют двускатный свод (погребение 442). Более сложный случай: обожженные кирпичи (35×35×12,5 см), поставленные на ребро, образуют продольные стенки ящика, а поставленные на них наклонные перекрывают пролет размером 36 см. У торца положен один кирпич горизонтально (погребение 445). Но идея двускатного перекрытия погребального склепа возникла в Месопотамии значительно раньше. В том же Ашуре найден один каменный склеп с двускатной кровлей из плит известняка. По инвентарю, это древнеассирийское время (1900—1500 гг. до н. э.) [23].

Раскопки в Нимруде, как пишет М. Э. Маллован, доказали существование (на протяжении тысячелетий) устойчивых традиций в погребальном обряде в Месопотамии [Mallowan, p. 296]. Еще более ясным это сделали раскопки в Уре. В верхних слоях было найдено очень большое количество погребений продолжительного касситского периода и коротких нововавилонского и ахеменидского периодов. На протяжении целой эпохи, с XIX в. до н. э. и до IV в. до н. э., происходили изменения, по, во-первых, медленные и, во-вторых, определенная часть погребений в ахеменидский период все еще совершалась по тому же самому образцу и в сооружениях, устроенных так же, как и в раннекасситский период [Wooley, p. 52].

Нам кажется вполне вероятным, что идея помещения покойников в заглубленные в землю кирпичные склепы-саркофаги была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии, привилась на бактрийской почве и получила уже местную трансформацию.

Возвращаясь к исходному пункту нашего рассмотрения — к наусам Тепаи-шах, следует отметить, что лишь два из этих четырех сооружений позволяют уверенно судить о композиционно-планировочном решении. Тепаишахское сооружение I — однокамерное, с выделенным зачаточным порталом. Функции и архитектурный облик этого сооружения делают его важным звеном в генезисе «мусульманского» однокамерного портального мавзолея Средней Азии.

Тепаишахское сооружение II — четырехкамерное, с камерами, расположенными попарно по сторонам центрального коридора (рис. 24, 9). Этот композиционный тип имеет очень древний и притом местный генезис. Крестовидное расположение помещений (в том числе четырех) известно в Средней Азии с сакского времени. В Тагискене (рис. 24, 2) центрический (диаметр свыше 16 м) мавзолей внутри был рассечен одиннадцатиметровым коридором, к середине которого перпендикулярно ему выходят два прямоугольных помещения [Толстов, 1962, с. 203].

В Чирик-Рабате (рис. 24, 4) внутреннее устройство круглого мавзолея имеет типично крестообразную форму; там четыре камеры. То же самое выявлено в Бабиш-Мулло 2 (рис. 24, 8). Этой крестовидной схеме следовала и Кой-Крылган-кала (рис. 24, 1) (хотя и в ином варианте) и ряд других памятников Приаралья (рис. 24, 3, 5). Крестовидно-квадратные внутренние планировки чаще всего сочетаются с общим планом в виде круга. Однако уже в Бабиш-Мулло 2 четыре квадратные камеры интерьера размещены в углах квадратного в плане интерьера. Вопрос об эволюции и семантике архитектурной схемы этих приаральских сооружений не раз освещался в литературе [24]. Но ареал этой схемы был значительно шире территории Приаралья. Таковы планы административно-дворцового здания в Ай-Ханум (рис. 24, 7), участка храма на Мансур-депе (рис. 24, 6) [Кошеленко, Пилипко, с. 31, рис. 16], сооруженных по схеме композиции с крестовидно-коридорной связью [термин Г. А. Пугаченковой, см. 1973, с. 127—129]. Эта схема, как показали раскопки в Хульбуке, в видоизме-

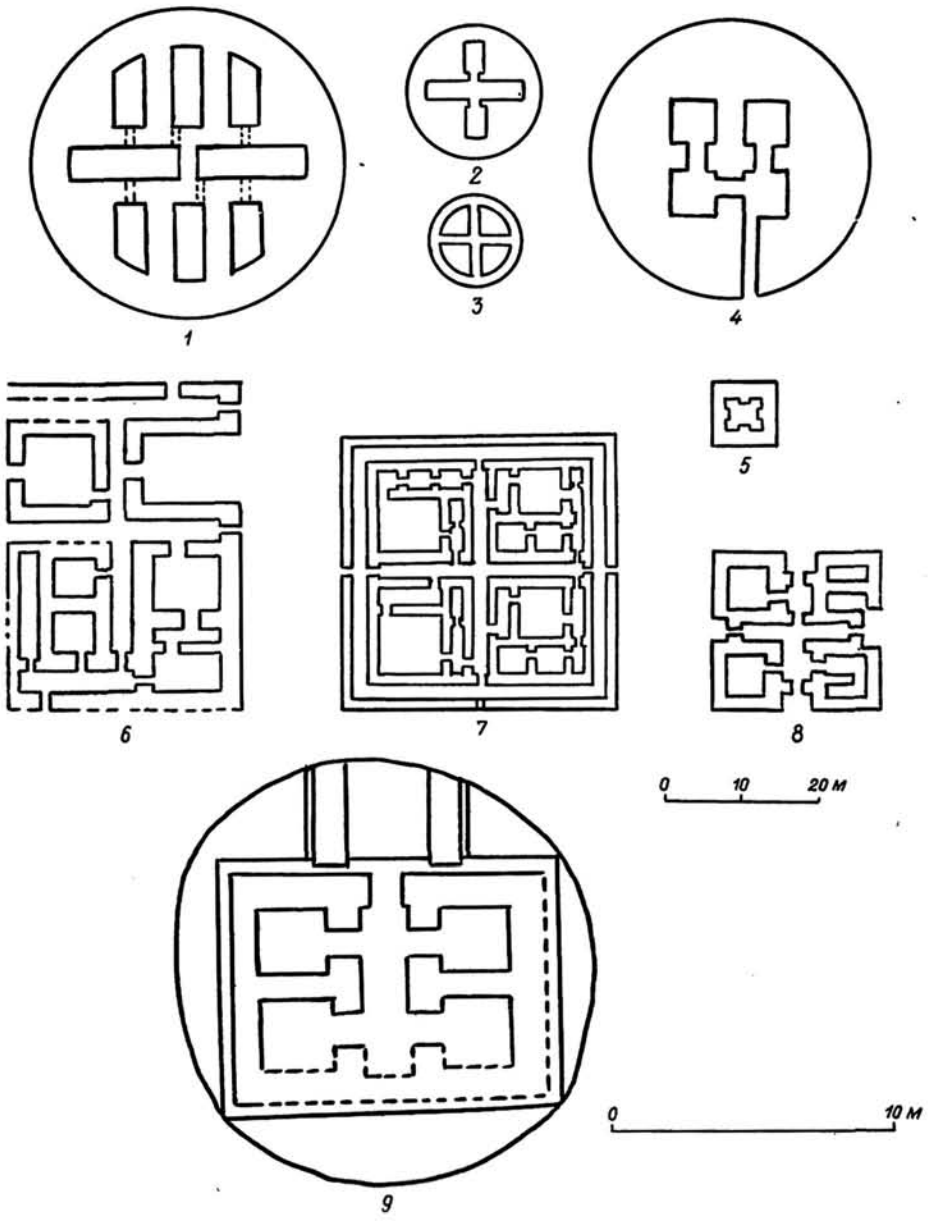

Рис. 24. Типы крестовидной планировки:

1 — Кой-Крылган-кала, центральное здание; *2* — Тагискен, мавзолей I; *3* — Баланды 3; *4* — Чирик-Рабат; *5* — Кюзели-гыр, постройка в центре городища (все — по С. П. Толстову); *6* — Мансур-депе (по Г. А. Кошеленко и В. Н. Пилипко); *7* — административно-дворцовое здание в Ай-Ханум (по П. Бернару); *8* — Бабиш-Мулло 2 (по С. П. Толстову); *9* — Тепаншах, некрополь, сооружение II.

ненном виде продолжала варьироваться и в постройках развитого средневековья.

Тепаишахское сооружение II принадлежит в своей композиционной схеме к тому варианту, где четко выделена одна ось — коридор. Такая схема была реализована в центральном здании Кой-Крылган-калы [Кой-Крылган-кала, с. 270—272, рис. 105, б], но и в этом сооружении явственно прослеживается связь со схемой с двумя пересекающимися коридорами. В Тепаи-шах крестовина коридоров отсутствует — композиционной до-

минантой является единственный коридор, но квадратный план сооружения в сочетании с наличием четырех камер позволяет связать его с крестовидно-коридорной схемой. Эта связь уже ослаблена в Ай-Ханум и полностью, как было отмечено, утрачена в дальверзинском наусе, где по сторонам от продольного коридора симметрично расположены по четыре перпендикулярные камеры [Ртвеладзе, 1978а, с. 97—98, рис. 68]. Вместе с тем имеется центрально-осевой коридор.

Симметричное расположение камер по обеим сторонам коридора подразумевает какую-то связь (или последовательность?) развития этих двух планировочных решений.

В заключение мы хотим еще раз вернуться к айханумскому мавзолею. В настоящее время это древнейшее погребальное сооружение на территории Бактрии эпохи классового общества. Погребальные сооружения ахеменидского времени пока не обнаружены. Нам кажется, что в гипотезе П. Бернара о генезисе этого мавзолея имеются слабые места. Сводчатые перекрытия применялись, как известно, в Систане ахеменидского времени [25]; несомненно так же обстояло дело и в ахеменидской Бактрии. Поэтому сводчатые конструкции могли иметь не македонское, а местное происхождение. Выработанный и четкий четырехкамерный план с попарным расположением вдоль центрального коридора имеется в погребальных среднеазиатских сооружениях.

Поэтому мы склоняемся к мнению Г. А. Пугаченковой о том, что айханумские сооружения не были «изобретены» греками, пришедшими в Бактрию, а явились развитием каких-то местных (еще не обнаруженных) прототипов погребальной архитектуры. До того момента пока погребальные сооружения ахеменидского времени в Бактрии не будут обнаружены, важнейшим источником сведений о среднеазиатской погребальной архитектуре остаются памятники Приаралья. Однако там погребальные сооружения поставлены на грунт или же подняты на постамент. Возможно, в Бактрии ситуация была иной и существовали подземные сооружения. Пока мы этого не узнали, нельзя исключить возможность синтеза, а именно что идея «погруженности» сооружения в грунт и кирпичные стены были заимствованы за пределами Бактрии, и тогда в какой-то части П. Бернар окажется прав. Но при оценке этих предположений и построений нельзя не учитывать, что собственно греческий вклад в сложение погребальной архитектуры парфянской Месопотамии, если исключить архитектурно-декоративную разработку фасадов некоторых видов наземных сооружений, был очень невелик. Почему в Бактрии дело должно было обстоять иначе?

Исследование показывает органическую связь восточнопарфянской и кушанско-бактрийской погребальной архитектуры. Восточнопарфянская (особенно мервская) погребальная архитектура ближе к кушанско-бактрийской, чем к западнопарфянской. Это объясняется, несомненно, общими субстратными явлениями — близостью (частично идентичностью) среднеазиатских истоков в обеих архитектурных традициях.

Айханумское сооружение можно рассматривать как отправной пункт для развития кушанско-бактрийской погребальной архитектуры. В тепаи-шахском сооружении II представлена аналогичная, но несколько более развитая композиционная схема; в Дальверзине — одна из ее модификаций. Но этот отправной пункт не был единственным. Наличие сооружений с другими планировочными решениями, тот факт, что кушанские сооружения являются наземными (Тепаи-шах, сооружение I; Дальверзин) или даже водружаются на постамент (Тепаи-шах, сооружение II), свидетельствуют о том, что кушанско-бактрийская архитектура питалась несколькими истоками, как бактрийскими, так, вероятно, и среднеазиатскими в целом, и на основе синтеза и внутреннего развития выработала несколько типов погребальных построек.

2. ЗОРОАСТРИЗМ В БАКТРИИ
(в свете изучения погребального обряда)

В некоторых фрагментах труда Ктесия назван «Маг Зороастр, бактриец», или же «Зороастр, маг, царь бактрийцев» [Пьянков, 1975, с. 57, 144]. Традиция, связывающая Зороастра с Бактрией, нашла отражение и в более поздних источниках. Детальный анализ всей совокупности источников привел И. В. Пьянкова к заключению, что «во время пребывания в Персии Ктесий познакомился с Бактрийским царством, существовавшим на востоке Иранского нагорья до завоеваний Кира» [1968, с. 63; 1975, с. 162—174]. Весь историко-археологический, а также и лингвистический материал указывает на то, что в предахеменидское и ахеменидское время Бактрия была зороастрийской страной (во всяком случае, этот материал не противоречит подобному мнению) [26].

Для нашей темы особенно важно сообщение Онесикрита, сохраненное Страбоном (XI, II, 3): «Людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке называли „могильщиками". Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей; Александр уничтожил этот обычай» [Geography, p. 280, 282 (текст); 281, 283 (перевод); Страбон, с. 488].

Онесикрит — спутник Александра Македонского, его кормчий. Его трудом, посвященным описанию похода Александра и пройденных им стран[27], Страбон пользовался непосредственно и считал его недостоверным источником. Страбон писал (XV, I, 28): «Хотя все спутники Александра предпочитали выслушивать чудесные истории вместо правды, Онесикрит, по-видимому, превзошел всех по части басен». Однако сразу же после этого Страбон писал: «Впрочем, он рассказывает и кое-что правдоподобное и стоящее упоминания, так что даже не доверяющий ему не может обходить молчанием его сообщения» [Geography, p. 46, 48 (текст); 47, 49 (перевод); Страбон, с. 650].

В значительной мере (хотя не исключительно) отсюда исходят и отзывы многих современных авторов, чрезвычайно скептически относящихся к цитированному выше сообщению Онесикрита (но не учитывающих второй части цитированной оценки Страбона). В. В. Струве полагал, что в Бактрии часть местного населения придерживалась иного (незороастрийского) обряда погребения и не могла примириться с зороастрийским; именно в этой среде, думает исследователь, и зародилось «злостное измышление» о том, что на растерзание бросали живых людей, а не трупы, как было на самом деле. Аргументы заменяет восклицание: «Нельзя себе представить, чтоб столь жестокий обычай мог существовать среди бактрийцев еще во время Александра!» [Струве, с. 145]. У. Тарн в 1938 г. выдвинул идею, что Онесикрит применил к собакам термин ἐνταφιασταί — «могильщики», так как в рассказе, который тот слышал от местного жителя, встретилось слово, которое перевели ему как ἐνταφιασταί (что бы на самом деле это слово реально ни означало), и сочинил вокруг этого слова целую историю [Tarn, p. 115—116].

Эта идея была развита В. Б. Хеннингом. Он исходил из предпосылки, что «любой, кто даже слегка знаком с историей Ирана, станет рассматривать содержание этого рассказа лишь для того, чтобы признать, что это — абсолютный вздор». Основным аргументом для этого является следующее заключение выдающегося иранист: «Онесикрит позволил себе отнести свои странные наблюдения не к какому-нибудь захолустному уголку этого Ахеменидского государства, а к столице провинции, резиденции местной администрации, к столице, которая почти целиком состояла из административных помещений, жилищ чиновников, с цитаделью правителя и военными казармами. Господствующими членами этой городской общины были, несомненно, персы, тогда как большинство писцов, вероятно,

прибыли сюда из Месопотамии. Если мы поверим Онесикриту, то должны будем представить себе этих чиновников, идущих в свои учреждения по грудам человеческих костей, содрогающихся от страха и оглядывающихся на страшных собак-могильщиков, тем более что собаки могли ошибиться. . .».

Онесикрит, отличный моряк, но он писал свои мемуары на склоне лет, «страдая старческим слабоумием», и расцветил их всякими небылицами и побасенками.

Сославшись на идею В. Тарна о том, что приведенный греческий термин был неправильно понят, и вновь выразив сомнение, что этим вообще следует заниматься, В. Б. Хеннинг предлагает свое объяснение рассказа Онесикрита, причем настолько смелое, что оно даже имеет определенный «детективный» оттенок. Процитируем В. Б. Хеннинга: «Может быть, однажды ночью Онесикрит увидел в отдалении барсука персидского (Meles canescens) и спросил, кто это. Спутники-персы ответили ему, что это вид собаки, именуемый „копатель могил". Персы имеют свои собственные зоологические категории, и в род „собака" они включают странное сочетание животных: лисиц, бобров, дикобразов и других. Этот термин мог быть переведен соответствующим греческим, а именно ἐνταφιαστής. Древнее иранское обозначение барсука неизвестно. Как свидетельствует его персидское наименование, барсук имеет сейчас репутацию раскапывающего могилы и пожирающего трупы. Эти обвинения могли возникнуть очень давно». Именно в этой коллизии видит В. Б. Хеннинг объяснение возникновения рассказа Онесикрита. Что же касается рассказа о предании смерти стариков и больных, это просто легенда, восходящая к сообщению Гекатея о массагетах (который сам у них не был) [Henning, 1951, p. 20—23].

Мы сознательно так детально изложили и даже процитировали версию В. Б. Хеннинга. Как можно легко убедиться, яростный сарказм, с которым обрушился этот исследователь (роль которого в развитии иранистики трудно переоценить) на сообщение Онесикрита, не был подкреплен никакими аргументами, кроме априорного отрицания [28]. Однако анализ, проведенный Ю. А. Рапопортом, убедительно показал, что рассказы об убийстве стариков имеют вполне реальное историческое содержание, как и сведения о содержании собак, поедающих мясо покойников [1971, с. 25.]

Приведем заключение Ю. А. Рапопорта. «Ясный ответ на вопрос, достоверно ли свидетельство Онесикрита, дает, однако, множество сообщений о погребальных обычаях восточноиранских племен, в том числе свидетельства восточных источников, которые не могут быть связаны с античной традицией. Не исключено в то же время, что для усиления впечатления Онесикрит объединил в своем рассказе сведения об умерщвлении стариков и о выставлении трупов» [там же, с. 25, прим. 21].

Итак, что касается погребального обряда, то Онесикрит отталкивался от действительности (если представить, что внутри города было множество мест, где выставлялись трупы), хотя, быть может, в его рассказе есть элементы преувеличения. Следует отметить, что это сообщение подтверждается и открытиями в Ай-Ханум.

Сообщение Онесикрита не является изолированным, а находит свое место в обильных свидетельствах о зороастрийском погребальном обряде.

Зороастрийские погребальные сооружения и обряды детально проанализированы в отечественной литературе. Многое сделано советской наукой; открыты и исследованы новые источники. Блестящим синтезом археологических материалов, письменных и этнографических источников является книга Ю. А. Рапопорта, в которой предложена новая гипотеза генезиса зороастрийского обряда [29].

Учитывая также наличие обширной зарубежной литературы, мы воздержимся от приведения всех данных письменных источников о погре-

бальных сооружениях. Остановимся лишь на соотношении терминов daxma-uzdāna.

Х. Бартоломе дал следующее толкование термину uzdāna: «сооружать, возводить, поднимать, для того чтобы нечто посадить или положить». Кроме того, приводится значение «фундамент, основание, на которое ставится сосуд»; еще одно значение — «постройка для костей покойников» (со ссылкой на Vid. V, 6, 50) [Bartholomae, Sp. 412].

Этот пассаж в переводе В. Вольфа, целиком базирующемся на «Древнеиранском словаре» Х. Бартоломе, звучит так: «О благословенный Создатель! Куда мы должны нести кости мертвых, о Ахура Мазда? Куда мы [их] должны положить?» (42). И сказал Ахура Мазда: «Для этого необходимо воздвигнуть постройку, где нет собаки, где нет лисицы, где нет волка (т. е. такую, чтобы они не могли туда проникнуть. — *Б. Л.*), [постройку], в которую не будет сверху проникать дождевая вода» (50).

«Если почитатели Мазды в состоянии это сделать, [они должны] кости [сложить] в помещении на подставку (подстилку. — *Б. Л.*) из камня, извести или глины.

Если же почитатели Мазды [это] сделать не в состоянии, они должны уложить [кости] на землю, чтобы они освещались солнцем, чтобы они [без подстилки сами] служили своим ложем и своей подушкой» (51) [Avesta, 355—356].

Ж. Дармстетер переводил этот отрывок из «Видевдата» в целом аналогично, но некоторые существенные отличия есть. Согласно его переводу, именно сама постройка должна быть возведена из камней, извести или земли [30]. Однако это результат неточного осмысления текста. Такой знаток «Авесты», как М. Бойс, перевела интересующий нас отрывок следующим образом: «Куда мы должны нести кости мертвых, где должны [их] складывать? Ответ: Это надлежит делать в uzdāna, там, где их не смогут достигнуть собаки, лисицы и волки, [там, где кости] не омываются сверху дождевой водой. Если они, почитатели Ахуры Мазды, будут в состоянии, [должны они это сделать] среди камней, извести или глины. Если они не способны, пусть положат [скелеты] на их собственное ложе, на их собственную подстилку — [прямо] на землю, выставив на солнечный свет» [Боусе, 1975, p. 326—327].

Тонкий анализ данных «Видевдата» о способах захоронения принадлежит Г. Хумбаху. «Видевдат» знает три способа захоронения: положение трупов на землю, погребение трупов в земле и погребение в дахме. Трупы, погребенные на земле (sairi maśya iriste zəmē niδaite), как считалось, обращались в прах через год; погребенные в земле (sairi mašya iriste zəmē nikante) — через пятнадцать лет; погребенные в дахме (sairi mašya iriste daxme niδāite) не становились прахом до тех пор, пока сама дахма не превращалась в прах [Vid., V, 7, 46—50].

Г. Хумбах полагает, что смысл этих положений «Видевдата» не позволяет считать дахму открытой площадкой, — сохранность погребения в дахме подразумевает, что она была каким-то видом мавзолея; он даже думает, что в ней, по всей вероятности, останки погребенного оставались в набальзамированном состоянии. В этой связи он указывает на данные письменных источников о бальзамировании трупов ахеменидских царей.

Он привлекает также другой параграф «Видевдата» (V, 3, 8—13), в котором говорится о погребении человека и собаки, причем для погребения человека должна быть выстроена дахма (V, 3, 9), в то время как собака, подчеркивает Г. Хумбах, просто погребалась в земле. Вместе с тем, отмечает исследователь, термин «дахма» в ряде случаев безусловно имеет значение места для выставления трупов (V, 5, 14; V, 116, 8, 2 и др.).

Что касается uzdāna, то, по мнению Г. Хумбаха, это обведенная стенами постройка, в которую (после того как ушел в прошлое обычай выкладывать на открытой площадке кости, очищенные от мяса птицами и собаками) складывали кости, причем целью было «nicht der Konservierung, sondern den Dekomposition». Но вместе с тем он признает смысловую

связь uzdāna с выражением «могила со стенами, мавзолей» [Humbach, S. 99—102].

Мнение Г. Хумбаха о реальном значении дахмы как «мавзолея» получило признание у других специалистов. Так, Г. Гропп писал, что, сопоставив авестийские термины, Г. Хумбах установил, что в «Видевдате» слово «дахма», помимо значения «место для выставления трупов», обозначает «окруженная стенами могила», «мавзолей» [Gropp, S. 241].

М. Бойс полагает, что термин «дахма» имеет два значения: «искусственное сооружение», «постройка» и «открытое место для выставления трупов». При этом первые рассматривались как нечистые, ибо разрушение этих «возведенных дахм» (dakhma-uzdaēza), т. е. каких-то погребальных построек, считалось богоугодным действием. В то же время дахма во втором смысле, по наблюдениям М. Бойс, считалась вполне законным местом. Что же касается дождевой воды, омывающей труп или кости, то в конце концов она попадает в озеро Pūitika и там очищается опять.

М. Бойс далее подчеркивает, что «Видевдат» разрешает индивидуальный выбор: помещать кости в uzdāna или же выставлять на земле. По мнению М. Бойс, uzdāna — «технический термин для оссуария, который является вместилищем для окончательного помещения костей»; таким вместилищем могла быть вырытая в горе или на склоне холма камера, или же гробик, или же урна.

Uzdāna в пехлевийских сочинениях передается термином uzdahist и снабжается глоссой — astōdān (букв. «костехранилище»).

М. Бойс пишет, что пассаж об uzdāna в «Видевдате» «далек от ясности» [1975, p. 326—327]. Еще более сложен вопрос о соотношении дахмы, как постройки, и uzdāna.

В. Б. Хеннинг опубликовал отрывки из согдийской притчи «Кесарь и воры», действие в которой относят к III в. В ней есть такие строки: «Когда светильники и лампы были зажжены в могиле, один из воров водрузил на свою голову диадему его величества».

«Могила» в тексте названа γzδ'n. Как пишет В. Б. Хеннинг, это согдийское слово объясняет таинственное пехлевийское hz'n, или 'z'n, выступающее в пехлевийском комментарии к «Авесте» как эквивалент авестийского daxma. В согдийско-манихейском γzδ'n заимствовано из среднеперсидского, оно может отражать среднеперсидско-манихейское *hzd'n или *xzd'n. Если считать начальный *h/x исторически вторичным, то мы вправе объяснять *haz(d)ān, или *xaz(d)ān, из древнеиранского *azd'āna — *ast-d'āna. Тогда это слово идентично среднеперсидскому astōdān «оссуарий». Авестийское uždāna (или uzdāna) «оссуарий» в «Видевдате» с учетом приведенного выше может быть исправлено на *azdāna [Henning, 1945, p. 478—479]. Как любезно сообщил нам В. А. Лившиц, в среднеазиатских эпиграфических памятниках, известных к настоящему времени, термин uzdāna не зафиксирован. Контекст согдийского рассказа, как нам кажется (этого мнения придерживается и Ю. А. Рапопорт [1971, с. 23]), заставляет думать, что согдийско-манихейский эквивалент этого термина употреблялся для обозначения именно постройки — гробницы [31].

Приведенный выше перевод отрывка из «Видевдата» (V, 6, 49—51), сделанный Х. Бартоломе — В. Вольфом, дает, пожалуй, наиболее приемлемое истолкование; упомянутые там камни, известь, глина могут относиться к суфам, на которые клали кости, как это было, например, в сооружении I Тепаи-шах.

Э. В. Ртвеладзе и Ф. Грене уже предположительно сопоставляли бактрийские склепы-костехранилища с uzdāna [32]. Представляется, что приведенные выше данные позволяют с почти полной убежденностью считать, что этот авестийский термин, продолжавший существовать и в I тысячелетии н. э., может быть приложен к тепаишахским, дальверзинским, бандыханским и дильберджинским [33] склепам.

Если это так, то погребальные сооружения Тепаи-шах (как и Дальверзин-тепе), следуя утвердившейся в среднеазиатской археологии терминологии, — наусы, причем наиболее ранние из пока обнаруженных. Они вместе с тем свидетельствуют о существовании в кушанской Бактрии зороастрийского погребального обряда с предварительным выставлением трупов и последующим помещением костей в специально отстроенных одно-многокамерных сооружениях [34], без ящиков или сосудов-оссуариев, которые были характерны для Хорезма (с IV—III вв. до н. э.) и для Согда (в раннее средневековье)[35].

Но имелся и другой вариант захоронения костей — без специального сооружения. Таким является захоронение в театре Ай-Ханум. Это обширное скопление костей, большинство из которых положено прямо на пол греческой орхестры и на первые две ступени амфитеатра. Хотя вся площадь погребения не вскрыта, здесь были найдены останки свыше 180 погребенных. Скелеты не являются полными, кости лежат группами. Погребальный инвентарь отсутствует, но обнаружены кости животных (овец?), лежащие вперемежку с человеческими. По мнению Ф. Грене, это вторичное захоронение уже подвергшихся выставлению трупов. Он совершенно правильно сопоставил это со вторым вариантом захоронения по типу uzdāna согласно описанию в «Видевдате». Он полагает, что эти погребения связаны с бедным населением Ай-Ханум постгрекобактрийского периода [Grenet] [36].

Сочетание двух типов uzdāna, по-видимому, является характерной чертой бактрийского зороастризма. Другая его черта — массовое распространение иных видов захоронений, не предусматривавших предварительного выставления, в том числе захоронения в грунтовых могилах разных типов (например, на Туп-хоне) и трупоположения в склепах. Последнее обнаружено в Дальверзине. Э. В. Ртveладзе рассматривает наличие в разных слоях науса трупоположений и захоронения предварительно очищенных костей как свидетельство, с одной стороны, «нестойкости погребального обряда», с другой — «обращения к иной религии» [1978а, с. 112]. Г. А. Пугаченкова считает, что захоронение трупов в земле говорит о воззрениях, которые «коренным образом отличаются от авестийских»; наличие трупоположения и захоронения предварительно очищенных костей предполагает «„мирное сосуществование“ двух местных культов, которых придерживалось население и которые в чем-то существенно отличались, а в чем-то были между собой взаимосвязаны» [Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 208—209].

Здесь мы вновь сталкиваемся с распространенным представлением, что «Авеста» знает лишь один способ захоронения. Однако это не совсем так. Во время составления «Видевдата», как отмечает А. Камменхубер, погребальный ритуал, связанный с дахмой, не был общеупотребительным, и вообще, пишет она, если глубоко проанализировать, то выясняется, что «следует из Видевдата сделать вывод, что там значительно больше говорится о других способах захоронения, чем о связанных с дахмой» [Kammenhuber, S. 306]. Выше говорилось о тех трех способах погребения, которые запечатлены в «Видевдате», среди них — погребение трупа под землей. Да и слово «дахма», которое раньше производили от dag — «гореть», сейчас лингвисты считают происходящим (через *dafma) от индоевропейского корня *dhm̥bh — «погребать»; само слово daxma первоначально имело значение «могила» [Boyce, 1975, p. 109, 326].

Ф. Жинью высказал глубокие и тонкие соображения о том, что сообщения «Видевдата» о погребальном обряде следует воспринимать с учетом специфического характера этого сочинения, которое является предельно «правоверным». В связи с захоронением это приводило к умножению всевозможных табу и предосторожностей, заботе о ритуальной чистоте — в противном случае должно последовать фундаментальное осквернение. Описание же реальной действительности авторов «Видевдата» не интере-

совало [Gignoux, 1979, p. 68]. Показательно, что, несмотря на это, в «Видевдате» имеются указания и на другие способы погребения.

По словам М. Бойс, «Видевдат» — «компиляция, содержащая различные материалы, восходящие к различным периодам, и не удивительно найти в нем некоторые противоречия между различными разделами, в частности в области терминологии» [1975, p. 325]. Все это бесспорно, но нельзя не учитывать, что «Видевдат» отражал и п р о т и в о р е ч и в у ю д е й с т в и т е л ь н о с т ь. Погребение как распространенный способ захоронения выявляется и при анализе других частей «Авесты» [Herzfeld, p. 747]. Такие свидетельства содержат и некоторые поздние зороастрийские тексты. Так, в «Большом Бундахишне» (34, 10 и сл.) говорится: «Когда во время Страшного Суда люди умрут, тела их присоединятся к земле, jān („жизненная сила") — к ветру, ēwēnag (вероятно, образ человека) — к солнцу, душа (ruwān) — к frawahr», т. е. фравашам [Bailey, 1943, p. 112; Shaked, p. 79] [37].

В Zātsprtam (34, 1—7) разбирается вопрос, каким образом ранее умершие живые создания смогут во время воскрешения обрести свое тело. Ответ гласит, что все, что ранее было разбросано и развеяно, соберется вместе. Ормозд говорит: «У меня пять хранилищ, где находятся телесные субстанции тех, кто ушли. Одно из них — земля, где хранятся мясо, кости и жилы людей, другое — вода, где содержится их кровь; еще одно — растения, которые сохраняют волосы головы и тела; свет небесных сфер сохраняет огонь и ветер — из него будет получен назад дух воскресших людей» [Zaehner, p. 317; Gignoux, 1979, p. 64]. Здесь, за теологическими спекуляциями, лежат, по-видимому, и какие-то пережитки реалий. На это указывают и отдельные штрихи в погребальной практике современных иранских зороастрийцев. Зороастрийцы Йезда рассказывали в 1903 г. А. В. Джэксону, что бывают случаи, когда «дахма недоступна. Тогда покойника хоронят по способу, который известен как *санг чин* („каменная обкладка", „каменная ограда"). В этом случае труп относят в отдаленное место, в горах или на холмах, кладут его на поверхность (но не хоронят его внутрь земли), обкладывают камнями и покрывают каменной плитой». Такой способ применяется повсюду, где число верующих недостаточно для того, чтобы была сооружена дахма [Jackson, p. 393—394].

В Ширазе, где в начале XX в. зороастрийская община была слаба, не было постоянного дастура — верховного жреца, не было действующего храма огня и члены общины в целом придерживались зороастрийских обрядов и обычаев, но не столь строго, как зороастрийцы Йезда и Кермана, существовала практика «хоронить покойников в земле, укладывая камни вокруг трупа и над ним» [там же, p. 337]. Возможно и даже вероятно, что все это — не отступления от правил, не результат ослабления религиозной ортодоксии, а переживание древних обычаев.

Совершенно ясно, что нередко высказывавшееся мнение о дахме лишь как о месте выставления трупов [38] не соответствует совокупности данных источников. Это стало ясно уже после лингвистического анализа, проведенного Г. Хумбахом и опубликованного им в статье 1961 г., позже усиленного М. Бойс. Однако сейчас мы располагаем и более надежными конкретно-вещественными свидетельствами — надписями на погребальных сооружениях из Ирана, изданными вместе с описанием этих сооружений Г. Гроппом. В Эклиде (в 30 км от дороги Исфахан—Шираз) на одном каменистом холме на гладкой площадке, обращенной к обрыву, сделана с двух сторон вертикальная прямоугольная врезка, внизу имеющая вид двухступенчатой платформы. С двух других сторон оконтурен прямоугольный участок, внутри которого сделано прямоугольное ваннообразное углубление 128×68 при глубине 29 см. По его краю — уступчатый паз для отсутствующей крышки. На длинной внешней стенке надпись, в которой сообщается, что этот dḫmk′ приказал соорудить наместник

Бишапура, назначив определенную сумму для поддержания и охраны этого сооружения. Обозначена дата, соответствующая 638 г. н. э.

У Истахра также имеется холм, склоны которого служили для устройства костехранилищ в виде прямоугольных пещерок высотой 1,5, глубиной до 1 м, иногда с украшенным фасадом. Южная группа состоит из ванн, вырубленных в скале. Вблизи от них четыре надписи, содержащие термин dḫmk′. В двух надписях сообщается, что некто приказал соорудить dḫmk′ «для своей души», в одной — что dḫmk′ сделан по распоряжению брата и дочери покойного.

Издатель надписей Г. Гропп предлагает два варианта: ванны-дахмы служили для помещения скорченного тела покойника или же местом выставления трупа. В. Хинц выдвинул иную гипотезу, а именно, что это место для погребения костей знатного лица после того, как они в результате выставления были очищены от тканей [Gropp, S. 237—242, 258—260; Taf. 143—144, Abb. 25]. Индивидуальное место для выставления трупа могло, разумеется, быть. У иранских зороастрийцев, судя по данным, собранным А. В. Джексоном в 1903 г., была практика, которую они считали идущей с домусульманских времен, согласно которой каждый верующий строил при жизни дахму для самого себя, и эта индивидуальная дахма называлась dakhmah-i tan bah tan — «дахма для одиночного тела (трупа)» [Jackson, p. 398].

Вместе с тем если бы эти одиночные сооружения были бы дахмами, то непонятно назначение плотно закрывающей их крышки. Нам представляется, не исключено комплексное назначение этих сооружений: сначала для выставления трупа, а затем уже для помещения костей; на втором этапе была необходима крышка. Если это так, то в сасанидском Иране термин «дахма» прилагался к индивидуальным гробницам для помещения костей, причем эти ваннообразные гробницы в известных сейчас случаях вырезались в скале и порой имели внешнее оформление, указывающее на их генетическую связь с отдельно стоящими на уступчатой платформе ахеменидскими гробницами.

Что же касается Средней Азии, укажем на следующее свидетельство, к которому привлекла внимание М. Бойс. Около 830 г. самаркандские зороастрийцы запросили своих иранских единоверцев, как им поступать с покойниками, ибо дахма пришла в ветхость (разрушилась) и камни на ее поверхности перевернуты. Ответ гласил: «До тех пор пока новая дахма не будет завершена, если кто-то умрет, необходимо положить каменные плиты на поверхность старой дахмы, в ее углу, а тело (покойника), в соответствии с обычаем, поместить на них»[39]. В этом сообщении дахма опять выступает как какое-то сооружение, но здесь в него помещаются трупы — вероятно, для их очищения от тканей.

Таким образом, как сооружение дахма могла, по-видимому, быть в одних случаях местом для выставления, а в других — местом хранения уже очищенных костей. Это полностью соответствует многочисленным, уже детально разобранным в предшествующих исследованиях вариантам употребления слова «дахма» в таджикско-персидских и арабских источниках.

Может быть, другим распространенным в Иране и Средней Азии термином для обозначения какого-то варианта сооружений для захоронения костей был термин «uzdāna», причем и этот термин прилагался, вероятно, к нескольким типам погребальных сооружений[40].

Таким образом, исходная посылка многих археологических трудов о принадлежности к зороастрийским лишь погребений по оссуарному обряду[41] глубоко ошибочна. На самом деле зороастрийцам принадлежат и погребения трупов в земле, и скопления костей вне погребальных устройств. Выставление же трупов с последующим захоронением костей — лишь один из типов зороастрийского погребального обряда[42].

Детально выяснены как генетические [Рапопорт, 1971, с. 23—37], так и доктринальные [Boyce, 1975, p. 325—328] предпосылки обычая выставления трупов с последующим захоронением костей.

Когда и как возникает этот обряд на территории Бактрии, мы пока не знаем. В порядке сопоставления, быть может, следует привести материалы по парфянскому Ирану. В Сузах наряду с различными погребальными камерами открыта подземная гробница I в. до н. э. Она имеет длинный лестничный спуск. В камере три суфы: одна против входа, две — по сторонам. На первой суфе один непотревоженный скелет, на суфах боковых сторон — множество костей, лежащих кучами и беспорядочно разбросанных. Р. Гиршман предполагает, что обычай был таков: на первую суфу клали покойника, после полного распада тканей его кости переносили на боковые суфы. Это важное изменение в погребальной практике (в других камерах — трупоположение, иногда — в гробах); находка монеты позволяет датировать это сооружение I в. н. э. Согласно Р. Гиршману, подобное захоронение было следствием изменений в религиозной практике, введенных при Вологезе I (около 50—76 гг. н. э.). Погребальный обряд в том виде, в каком он отражен в этой камере, считает раскопщик, это промежуточный этап между обычным трупоположением и таким захоронением, у которого первым этапом было выставление трупов в горах или же в специально отстроенных дахмах [Ghirshman, 1952, p. 13—14; 1954, p. 271].

Но, разумеется, это не определяет ни хронологических рамок возникновения аналогичного обычая в Бактрии, ни этапов его начального развития.

Остановимся еще на некоторых, уже частных, вопросах погребальной обрядности в тепаишахских и дальверзинских наусах.

Суммируя данные по всей Средней Азии, Ю. А. Рапопорт писал, что «кости, очевидно, могли очищать разными способами: при посредстве животных, путем искусственного отделения мягких тканей или же оставляя тела умерших в специальных постройках, где они просто истлевали», [1971, с. 111]. Находки в наусах костей, несущих следы обгладывания, единичны [там же, с. 112]. Так, в пенджикентских наусах отсутствуют следы повреждений на костях, а у находящихся там частей позвоночных столбов в момент помещения в наусы наличествовали связки. Это, по мнению Б. Я. Ставиского, «противоречит предположению, что отделение мяса от костей здесь производилось животными». Он писал, что в данном случае скорее можно предполагать, что отделение мяса от костей производилось людьми, хотя и не отрицал, что одновременно мог практиковаться иной способ отделения мяса от костей [Ставиский, Большаков, Мончадская, с. 86; см. также Ставиский, 1952, с. 39].

И в дальверзинском наусе (камера 8) найдены части позвоночного столба с крестцом. Анализируя характер костных материалов, Э. В. Ртвеладзе пришел к выводу, что в наусы помещались кости, предварительно очищенные от мяса. Однако Э. В. Ртвеладзе возражает Б. Я. Ставискому, полагая, что сохранение частей скелета не обязательно свидетельствует об обработке их людьми. Он пишет, что его наблюдения показывают, что «при поедании мяса животных хищными птицами почти всегда остаются не только позвоночные столбы, но и части ребер, скрепленные с ними». Он полагает, что очистка костей от мяса в Дальверзине, скорее всего, производилась хищными птицами, хотя это и противоречит сообщению Онесикрита [1978а, с. 112—113].

В некрополе Тепаи-шах также несомненно предварительное выставление и последующее захоронение костных останков с полностью отсутствующими тканями и связками (в большинстве случаев) или же с частично сохранившимися (в отдельных случаях). Конкретный же способ отделения мяса от костей остается невыясненным. Вместе с костями в наусы помещали и принадлежавшие покойным всякого рода украшения, части одежды, отдельные предметы утвари, а также предметы, несущие культовую нагрузку (например, идол и др.), и монеты [43]. Весь этот инвентарь может свидетельствовать о наличии представлений о необходимости этого инвентаря покойнику на каком-то этапе его загробного существования.

В тепаишахском сооружении I среди инвентаря найдено семь железных гвоздей разного размера; все они были в употреблении, большинство согнуты. Известна находка железного гвоздя в пенджикентском наусе 24 [Ставиский, Большаков, Мончадская, с. 75, рис. 11, 2].

При раскопках Олинфа железные гвозди были найдены в 33 могилах. Это гвозди и костыльки с головкой в виде диска или же треугольной, отвернутой перпендикулярно стержню (длина гвоздей 5—20,5 см). По мнению Д. М. Робинсона, это «вероятно указывает на употребление деревянных гробов, теперь совершенно разрушившихся» [Robinson, p. 323—328]. Но высказывались и иные объяснения факта нахождения гвоздей в греческих погребениях. По словам Д. Курца и Д. Бордмана, в греческих погребениях жертвенные предметы обычно сгибались и тем самым «убивались». Сосуды с этой целью разбивались. В «геометрический период» мечи в погребениях перегибались или сгибались вокруг сосуда. В могиле в Гела лезвие железного орудия, чтобы его «убить», было пробито крупным железным гвоздем. Конечно, гвоздь имел магическое значение. В Камарине в могиле V в. до н. э., у покойника имеется обол Харона и в руке шесть гвоздей. Гвозди, найденные в могилах, обычно связывают с гробом или же погребальными носилками. Но их размеры иные, к тому же греческие плотники выполняли свои изделия на клее или же шипах. В Олинфе гвозди обнаружены в углах прямоугольной ямы или же лежат в ряд на верхней части тела. Их часто находили острием вниз, и их длина 10—15 см — трудно представить, как гвозди такого размера и так расположенные могли остаться от гробов, погребальных носилок или другой утвари. Железными же гвоздями пробивали сложенные свинцовые пластинки с надписями [Kurtz and Boardman, p. 216—217, fig. 44, pl. 46].

Возможно, хотя, на наш взгляд, столь же недоказуемо, и третье объяснение. В «Видевдате» говорится, что трупы, сложенные на высоких местах — дахмах, необходимо прикреплять за ноги или волосы, для того чтобы пожирающие их мясо собаки или птицы не утащили части трупа к воде или растительности. Это делается с помощью железных (металлических) или костяных предметов или камней. Если это зороастрийцем не будет сделано, ему грозит страшная кара (Vid., V, 6, 45—48) [Avesta, S. 355]. Аналогичные указания имеются и в более поздних зороастрийских сочинениях. Не были ли эти гвозди как-то связаны с этим (не вполне ясным технически) прикреплением трупов? Затем они могли вместе с костями попасть в тепаишахское сооружение I.

И наконец, весьма характерно наличие черепа собаки в тепаишахском сооружении II. Это противоречит толкованию Г. Хумбахом одного пассажа «Видевдата» о том, что мертвая собака, в отличие от покойника, не погребается в uzdāna. Известны оссуарные погребения костей собаки (в Хорезме) [Гудкова, с. 86; Ягодин, Ходжайов, с. 143—144]; на Тупхоне, при наших раскопках, обнаружена могила, в которой захоронен труп собаки. Так или иначе, захоронения собаки — еще одно свидетельство, подтверждающее зороастрийские верования [44] тех, кто хоронил своих покойников на некрополе Тепаи-шах.

Какие же выводы о религии можно сделать на основании изучения некрополя Тепаи-шах и других бактрийских некрополей?

Бактрийский зороастрийский погребальный обряд включал несколько типов погребений, в том числе с предварительным выставлением трупов (в сооружениях uzdāna и без них, в хумах, оссуариях и др.), трупоположение в разных типах могильных сооружений и др.

Б. Я. Ставиский рассматривает религиозные представления населения Бактрии кушанской эпохи как мозаику «многочисленных местных и иноземных культов», среди которых особо выделяет буддизм [1977, с. 173 и сл.].

Нет слов, буддизм играл важную роль в религиозной и культурной жизни кушанской Бактрии [Litvinsky]. Мы все более убеждаемся благодаря новым археологическим открытиям в широком и возраставшем

на протяжении кушанской эпохи распространении буддийских верований и влияния буддийской культуры. Находки на Тепаи-шах показывают, что в последний период его существования местная знать, резиденция которой находилась на Тепаи-шах, также разделяла буддийские верования. Вместе с тем раскопки некрополя Тепаи-шах, как и Тахти-Сангина, Дальверзин-тепе и других сооружений, делают бесспорным и другое заключение: значительная (основная) часть местного населения продолжала исповедовать зороастрийскую религию, включавшую комплекс своеобразных черт, местных божеств и т. д. [45]. Нет никаких сомнений, что этот зороастрийский субстрат во многом «подстилал» другие распространившиеся в Бактрии религии. Нужно думать также, что у новообращенной в буддизм, манихейство или христианство части местного населения, особенно у мирян, в некоторых аспектах религиозного сознания и религиозно-ритуальной практики традиционные зороастрийские представления и даже ритуалы оставались на первом месте. В полной мере это распространяется на погребальный обряд. Именно такая модель проникновения буддизма (и других религий) характерна почти повсеместно. Нет оснований сомневаться, что в Бактрии обстояло дело именно так: приняв некоторые принципы буддийской религии, исполняя буддийские обряды, бактрийцы могли продолжать в определенных или даже значительных сферах идеологии оставаться зороастрийцами и следовать, опять же в определенных отношениях, предписаниям зороастрийской религии. Различные варианты и сочетания могли быть бесчисленными. Отсюда вытекает ограниченность информативной ценности погребальных памятников как источника для суждения о религиозной ситуации в Бактрии [46]. При всем их значении они характеризуют (и то частично) погребальный обряд, но не религиозное мировоззрение в целом. Относительно же погребального обряда можно сказать, что значительная часть бактрийского населения выполняла предписания зороастрийской религии.

ГЛАВА III

ГОРОД В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПАРАЛЛЕЛИ)

Юстин (XLI, 4) называл Бактрию страной тысячи городов. Чжан Кянь (конец II в. до н. э.) говорил, что в Фергане — сравнительно небольшой долине на востоке Средней Азии — свыше 70 обнесенных стенами городов и поселений. Сеть больших и малых городских поселений покрывала территорию Средней Азии на всем протяжении ее истории — от эпохи поздней бронзы до нового времени.

Цивилизация древней и средневековой Средней Азии входит в систему урбанистических цивилизаций, широкий пояс которых окаймлял южную и западную часть Евразии. К ним с севера и востока примыкал и им противостоял пояс цивилизаций степного, лесостепного и арктического типов. Это картина — в наиболее общем приближении. При более детальном рассмотрении указанные общности распадаются на мозаику археологических культур, связанных хронологическими и локальными переходами, этнических и государственных объединений с их сложной и тоже взаимосвязанной историей. Стыки этих двух типов цивилизаций составляют регионы, где потоки взаимного экономического, культурного, этнического и социального обмена были наиболее интенсивными. К числу таких регионов следует отнести, в частности, города Северного Причерноморья и Скифию, города Средней Азии и среднеазиатско-казахстанские степи и горы с их скотоводческим населением. Спецификой Средней Азии было вхождение этого кочевого и полукочевого населения в состав земледельческих оазисов, что превращало его из внешнего фактора в органический внутренний компонент этнической, экономической и культурной системы оазисов.

Другой особенностью истории древнего среднеазиатского города, обусловленной политической и экономической историей Средней и Центральной Азии, следует считать очень значительную роль, которую в его эволюции играли модели и влияния, шедшие с запада (из Ирана, греко-эллинистического мира) и с юга (из Индии).

Исследование истории древнего среднеазиатского города сопряжено со значительными трудностями. Данные письменных источников весьма скудны и односторонни, эпиграфический материал неравномерен и все еще незначителен. Археологическая изученность сравнительно невелика: ни один сколько-нибудь крупный среднеазиатский город не раскопан в достаточной степени. Если в Хорезме некоторые основные черты планировки выявляются без раскопок, в других областях древние города представляют аморфные оплывы холмов, причем многие важнейшие из них, в частности Бактры и Мараканда-Самарканд, перекрыты свитой последующих слоев. Детально градостроительно-планировочные схемы, как и социальная структура древнего среднеазиатского города, остаются по преимуществу неизвестными. Лишь отдельные градостроительные элементы (фортификация, типы общественных сооружений и др.), архитектура и строительное дело, продукция ремесла выяснены достаточно полно. Это позволяет наметить хотя и неполную, но все же основанную на фак-

тах картину (точнее, её отдельные контуры) истории древнего города Средней Азии.

Что касается статуса среднеазиатских городов, их внутренней организации и социальной структуры, то здесь мы по-прежнему вынуждены в основном обращаться к априорным рассуждениям и экстраполяциям, а не к засвидетельствованным фактам. При археологических раскопках открыты многочисленные памятники архитектуры и искусства, которые изучались и публиковались археологами, архитекторами и искусствоведами. Эти работы дали принципиально новый материал и для понимания истории градостроительства, архитектуры и искусства древней Средней Азии, взаимодействия с искусством соседних стран, места и роли искусства Средней Азии и искусства Востока в целом [1].

В одной из своих работ, используя результаты археологических исследований, привлекая также другие источники и сравнительные данные по соседним странам, мы попытались выявить основные линии развития древнего среднеазиатского города и его особенности на различных этапах [Литвинский 1973а]. При этом была предложена следующая периодизация: I — протогорода; II — древнейшие городские поселения (конец II—первая треть I тысячелетия до н. э.); III — формирование античного города Средней Азии (VI—IV вв. до н. э.); IV — градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза (IV—II вв. до н. э.); V — наивысший подъем древнего среднеазиатского города (I в. до н. э.—III—IV вв. н. э.), среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез [2].

За последние годы появилось немало новых публикаций и исследований, позволяющих расширить и углубить предложенную нами характеристику отдельных периодов истории среднеазиатского города, градостроительства, городского ремесла, соотношения города, сельского поселения и замка. Весьма велик прирост археологических материалов, позволяющих более детально проследить формирование и характер античного города Средней Азии благодаря раскопкам в Хорезме [3], Согде [4] и правобережной Бактрии [5].

Очень перспективными в этом направлении следует признать раскопки миршадейского Кызыл-тепе, проводимые под руководством Г. А. Пугаченковой. Здесь в IX—VIII вв. до н. э. возникает древнее поселение. В VII—VI вв. до н. э. его площадь резко увеличивается, обводится мощными оборонительными стенами, часть поселения располагается и за пределами стен. На месте первоначального обживания возникает группа монументальных построек. В раннеахеменидское время — это городской центр Миршадейского оазиса, где открыты также и сельские поселения [6]. В. И. Сарианиди в левобережной Бактрии исследовал ахеменидские памятники, среди которых выделяются Кутлуг-тепе и Алтын-10. В. И. Сарианиди подчеркнул, что истоки монументальной архитектуры этих поселений восходят к зодчеству эпохи бронзы [1977; 1977а].

Следует добавить, что в монументальной архитектуре Бактрии ахеменидского времени были выработаны некоторые конструкции и композиционные схемы, послужившие основой для последующего развития в кушанскую эпоху, а в определенных случаях — и в эпоху средневековья. В нашей работе, посвященной анализу характера города Средней Азии этого времени [Литвинский, 1973а, с. 104—107], подчеркивалось, что «в обстановке разложения первобытнообщинного строя на базе поселений эпохи бронзы на рубеже II—I тысячелетий до н. э. возникают первые городские поселения с выделенными цитаделями. . .» Далее указывалось: «Целесообразно, быть может, сопоставить в одном отношении среднеазиатские города с древней Месопотамией, где хозяйственно-политической единицей, согласно И. М. Дьяконову, был «ном», т. е. группа населенных пунктов, тяготеющих к небольшому (до трех) числу взаимосвязанных центров, а также к одному магистральному каналу, или же к просто ограниченному участку основного течения одной из этих рек» [7]. Тогда же

В. М. Массон посвятил статьи процессу древней среднеазиатской урбанизации [1973; подробнее: 1974; 1976]. Его выводы оказались совершенно идентичными нашим. Новые доказательства генетических связей градостроительства ахеменидского времени с градостроительством эпохи поздней бронзы принесли раскопки, проводимые Советско-Афганской археологической экспедицией [Кругликова, Сарианиди, 1976, с. 9—12]. И. В. Пьянков систематизировал и исследовал сведения античных авторов о городе ахеменидской поры в Средней Азии [1973]. Интересные материалы греко-бактрийского времени были получены при раскопках дворцово-храмового комплекса Саксанохура (Таджикистан) [Литвинский, Мухитдинов] и при исследованиях Тахти-Сангина [Литвинский, Пичикян].

Наиболее широко раскопочные работы велись на памятниках кушанского и позднепарфянского времени. Этой категории памятников посвящено и наибольшее число публикаций и исследований. Из уже вышедших книг отметим две монографии Г. А. Пугаченковой о Халчаяне и его искусстве [1966; 1971], описание материалов раскопок парфянского сельского поселения Гарры-Кяриз В. Н. Пилипко [Пилипко], коллективную монографию о раскопках Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртveладзе и др.], книгу Е. Е. Неразик о сельском жилище в Хорезме [1976]. Публикации И. Т. Кругликовой и Г. А. Пугаченковой [Кругликова, 1974; Кругликова, Пугаченкова; Пугаченкова, 1976] раскопок 1970—1973 гг. в Дильберджине Советско-Афганской экспедиции посвящены тому же кругу вопросов. Многолетние раскопки Топрак-калы освещены в завершенной в Институте этнографии АН СССР, но еще не изданной монографии (авторский коллектив: Б. И. Вайнберг, М. С. Лапиров-Скобло, В. А. Лившиц, Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская). Опубликовано четыре сборника, посвященных раскопкам в право- и левобережной Бактрии, многие статьи в них отражают исследования кушанских памятников [8]; статьи о раскопках памятников кушанского и парфянского времени также публиковались в серийных сборниках и журналах.

Мы не имеем возможности даже кратко охарактеризовать раскопки хотя бы важнейших городов. Отметим лишь, что особое значение в плане истории города имеют многолетние систематические раскопки под руководством Г. А. Пугаченковой на Дальверзин-тепе [9] и Хорезмской экспедиции — на Топрак-кале [10]. Следует также упомянуть раскопки под руководством В. М. Массона на Зар-тепе [1977], Р. Сулейманова — на Ер-Кургане [11], работы на ряде объектов возглавляемой нами Южно-Таджикистанской экспедиции (начальники отрядов А. А. Абдуллаев, И. Н. Медведская, Е. В. Зеймаль, Т. И. Зеймаль, И. Р. Пичикян, А. В. Седов). Из отдельных сооружений того времени, детально исследованных археологически, специального упоминания заслуживают буддийские комплексы Кара-тепе (раскопки Б. Я. Ставиского [12]) и Фаяз-тепе (раскопки Л. И. Альбаума [1974; 1976]) в Термезе. О раскопках Дильберджина сказано выше.

Весь этот огромный материал является основным источником для воссоздания различных сторон жизни и эволюции среднеазиатского города кушанского времени. Очень существенны эпиграфические и нумизматические находки [13]. Однако из-за скудости письменных источников, и в частности эпиграфических, как уже отмечалось, многие важнейшие аспекты истории города Средней Азии пока не могут быть освещены. Именно поэтому особое значение приобретает параллельный материал по соседним регионам.

К. В. Тревер и Я. Харматта высказали мнение, что для характеристики положения в Бактрии можно привлекать [Тревер, 1950, с. 94; Harmatta, 1964, p. 387] индийские источники. В этом плане интересно, в частности, сопоставление городов индийского и среднеазиатского секторов кушанского государства.

Общеисторическая ситуация на основной части территории Средней Азии в I в. до н. э.—III в. н. э. складывалась таким образом, что производительные силы достигли высокого уровня развития. Возникло огромное кушанское государство, объединившее многие области восточной части Средней Азии, Афганистан и Северную Индию. Не только политические и административные, но и развивающиеся экономические и культурные связи характеризовали это объединение. На части территории Средней Азии, в Южной Туркмении, продолжало существовать (до нач. III в.) Парфянское царство [14].

Городская жизнь в Средней Азии становится несравненно интенсивнее, чем в предшествующий период. Следует отметить четыре момента.

1. Количественный рост сети городских поселений, появление новых, ранее не существовавших городов. Число городов становится максимальным за все время истории древней Средней Азии.

2. Рост городских площадей в старых, давно существовавших городах, увеличение плотности городской застройки [15].

3. Продолжение формирования трехчастной структуры города: цитадель — собственно город — пригород (включавший кроме жилых и производственных комплексов культовые, особенно буддийские сооружения, а также некрополи). С городами трехчастной схемы соседствовали иные города, в частности бесцитадельные.

4. Принципиальные внутренние социально-экономические изменения городского организма. Усиление роли города в системе экономической жизни страны на базе прежде всего стремительного роста городского ремесла, как количественного, так и качественного, включая специализацию. Города — центры товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе город—деревня—кочевая степь [16].

Наряду с этим возрастает и роль городов как центров идеологической жизни, чему способствует концентрация в городах культовых сооружений. Таким образом, города превратились в важнейшие узлы всей инфраструктуры кушанского государства.

В Сурхандарьинской области зарегистрировано 110 памятников, относящихся к кушанской эпохе, причем основная часть располагается в долинах рек. По данным Э. В. Ртвеладзе, наиболее детально и тщательно их изучавшего, два или три памятника возникли еще в ахеменидское время (первая группа его классификации); около 20 — в селевкидскую — греко-бактрийскую эпоху (вторая группа); около 70—80 — в кушанскую эпоху (третья группа).

Во вторую группу он включает такие крупные города, как Термез, Дальверзин-тепе, Кей-Кобад-шах и Шахрипау. Наконец, в кушанскую эпоху возникает лишь один крупный город, Зар-тепе, и множество небольших и мелких городков (площадью 1—3 га), а также сельских поселений (площадью 0,2—1 га). Согласно Э. В. Ртвеладзе, среди кушанских памятников Сурхандарьинской области было десять крупных поселений; около 20 небольших городков и около 60 сельских поселений. Он также отмечает, что сурхандарьинские поселения, возникшие в предшествующие эпохи, при кушанах «были заново обстроены, значительно выросли как в градостроительном, так и в демографическом отношении и приобрели новые планировочные черты» [1978, с. 114] [17]. Работы Южно-Таджикистанской экспедиции показали, что на территории Южного Таджикистана картина была в целом аналогичной.

Преобладающей формой города новой кушанской эпохи продолжает оставаться прямоугольная; реже город имеет другие очертания (например, трапециевидные, круглые или многоугольные). Некоторые из вновь основанных (или возникших в предыдущие периоды) городов были очень крупными, о чем свидетельствует, например, Шахрипауское городище (Гиссарская долина) — 350 га [Давидович, 1956, с. 76 и сл.] [18], т. е. его площадь в полтора раза больше, чем Афрасиаба или же Ер-Кургана (Кашкадарья), которая составляла 150 га [Кабанов, 1952, с. 106 и сл;

1953, с. 4—7; 1956, с. 164 и сл]. Наряду с крупными существовали мелкие и средние города. Часть городов (особенно вновь возникших) не имели цитаделей; другие, например сурхандарьинские Дальверзин-тепе (свыше 32 га, с пригородной зоной ок. 50 га) и Зар-тепе (ок. 17 га) [Альбаум, 1960, с. 12—16; Пугаченкова, 1971а, с. 187 и сл.; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 7], хорезмская Топрак-кала (ок. 17,5 га) [Толстов, 1948а, с. 119 и сл.], имели мощные цитадели.

И в индийской части Кушанского царства урбанизация сделала значительный прогресс. «Городские центры в кушанский период умножаются, достигая очень большого количества», — пишут А. Дани и Ф. Хан. Более того, «если пересчитать сохранившиеся до наших дней городские холмы (в области Пешаварской долины. — *Б. Л.*), то приходишь к удивительному наблюдению: в области Пешавара современная урбанизация не достигла этого уровня (кушанского времени. — *Б. Л.*). В кушанский период урбанизация основывалась как на развитии производства, так и транзитной торговли» [Dani, Khan, p. 102]. По словам А. Гхоша, на территории кушанских владений в Северной Индии было много городов как в Пенджабе, так и в бассейне Ганга [Ghosh A., 1975, p. 109]. Эти наблюдения основываются на раскопках, проведенных в большом числе городов [19].

При наличии большого фонда археологических материалов по среднеазиатскому городу, письменные источники чрезвычайно скудны. Напротив, для Северной Индии имеются многочисленные эпиграфические и литературные источники, относящиеся к концу I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э., которые содержат разнообразные сведения по экономической и социальной истории, в частности городов.

Так, например, ценнейшие сведения по городу есть в трактате «Милинда-паньха», который датируется I в. до н. э.—II в.н.э.[20] Другой источник — «Артхашастра» — был окончательно оформлен, по-видимому, в III—IV вв. н. э., но в его состав были включены материалы еще эпохи Маурья, причем книга вторая, содержащая данные о городе, входила в состав раннего ядра сочинения [Бонгард-Левин, с. 23—26] [21].

Сведения о городе и городской жизни содержатся в джайнском каноне [Jaina Sutras; Chandra, p. 169 sq.], эпосе [Гринцер] [22], джатаках [Jātaka; Auboyer], специальных архитектурных трактатах (Vāstu-śāstra) [23]. Соотношение всех этих источников между собой и с несохранившимися более древними архитектурными трактатами детально разобрано в специальной литературе [Stein O., Schlingloff, 1970, S. 8—12]. Особое значение имеют сведения эпиграфических источников.

В «Артхашастре» утверждается, что при возведении крепостей и населенных пунктов следует учитывать свойства местности; конкретный выбор должны «одобрить зодчие». Город необходимо сильно укрепить: в нем должны быть три ряда наполненных водой рвов, вал, городская стена с четырехугольными башнями и т. д. С севера на юг и с востока на запад город прорезают по три дороги, из двенадцати ворот четыре являются главными. Внутри города строго упорядоченно располагаются разные постройки: от дворца и храмов до жилищ ремесленников (KA, 2, 3, 1—32; 2, 4, 1—32) [Артхашастра, с. 57—62; Kangle, p. 61—72; Schlingloff, 1967, s. 45—72]. Улицы и жилые районы должны быть хорошо распланированы — su-vibhakta (Rām., I, 5, 8; I, 5, 10; V, 53, 20 и др.; Mbh., I, 199, 34).

В «Милинда-паньха» содержится подробное описание процесса сооружения города.

«Архитектор — строитель города — должен вначале найти местность, которая должна быть плоской, не возвышенной и не лежащей в низине, лишенной гравия и камней, безопасной, безукоризненной и приятной. После того как он сделает плоскими (те участки), которые были неровными, очистит территорию от пней, деревьев и зарослей колючки, он может строить здесь город. Город должен быть красивым и упорядоченным, хорошо

распланированным, с глубоко вырытыми оборонительными рвами и окружающими город стенами, прочными городскими воротами, сторожевыми башнями, бесчисленными перекрестками, площадями, пересечениями и местами, где соединяются три или четыре улицы. Главные улицы должны быть чистыми, плоскими и ровными; базарные лавки хорошо распланированными; город должен изобиловать парками. . . озерами, прудами с лотосами, водоемами, его должны украшать разнообразные, лишенные недостатков святилища, посвященные божествам». После того как город полностью построен, архитектор-строитель может перейти в другую местность [Milinda Questions, II, p. 170—171] [24]. И если построенный им город станет процветающим и многолюдным, можно будет сделать вывод: «Действительно умен архитектор, который был строителем этого города» [там же, p. 171—173].

С описанием идеального города перекликается (и во многом совпадает) описание города Sāgala (совр. Сиалкот). Из этого описания мы узнаем также, что городские ворота имели сторожевые башни. Город был окружен глубоким рвом и огорожен стенами. Среди городских магистралей специально упоминаются улицы для повозок. В городе было множество торговых помещений, тысячи богато украшенных сооружений, «сотни тысяч» жилищ.

В другом месте источника содержится существенное добавление: после того как территория, предназначенная для возведения города, будет расчищена и выровнена, архитектор-строитель «планирует (paricchindati) распределение дорог, предназначенных для повозок, площадей и мест, от которых отходят дороги для повозок; площадей и мест, где встречаются три или четыре дороги» (Mil., II, 34), [Milinda Questions, I, p. 1—2]. Мы узнаем, что в городе имелся специальный чиновник-надзиратель, который сидел в центре города на перекрестке, он мог наблюдать за каждым человеком, приходящим из восточной, южной, западной или северной четверти города (Mil., II, 62), [там же, I, p. 46]. Из других древнеиндийских источников (джатак) известно, что в городе имелось специальное лицо — dovārika, в обязанности которого входило закрывать на ночь городские ворота, а также показывать путь иноземцам [Fick, p. 157].

Из «Милинда-паньха» предстает живая картина города, по улицам которого движутся «слоны, лошади, повозки, пешеходы, группы красивых мужчин и женщин, толпы рядовых жителей, воинов, брахманов, торговцев и трудового люда», а также отдельные аскеты и брахманы (Mil., I, 1—2), [Milinda Questions, I, p. 1—2]. По улицам скакали и всадники (Mil. V, 331), [там же, II, p. 171]. В городах имелось много чужеземцев — пришельцев из других областей Индии, а также из Сака (Saka), Греко-Бактрии или этнических греков (Yavana), Китая (Cina) (Mil. V, 331), [там же, II, p. 172].

Лавки были переполнены товарами. В одних можно было купить бенаресский муслин и другую материю. Приятный аромат распространялся вокруг других, где продавались цветы и парфюмерия. В лавках ювелиров было множество изделий из серебра, бронзы и камней. Склады были полны различных товаров, в том числе продуктовых (Mil., 1, 2), [там же, I, p. 3]. По улицам толкались разносчики листьев, фруктов, корнеплодов, здесь торговали рыбой, мясом, различной едой и пирожными. Тот, кто имел деньги, мог зайти перекусить и в харчевню. А кое-где уличные актеры, фокусники, акробаты давали представление или сходились в схватке борцы-профессионалы (Mil., V, 331), [там же, II, p. 171—172].

Еще более полную, яркую и красочную картину жизни древнего индийского города можно воссоздать, привлекая и древнеиндийские литературные произведения. В сочинении «Убхаябхисарика» говорится о городе Kusumapura, где простираются обрамленные рядами домов чистые улицы, с каналами и водоемами. На улицах разбросаны горы цве-

тов (пожертвования благочестивых горожан), в промежутках видны выходящие на улицу лавки, в которых продаются и покупаются разные товары. Иногда светлоликие женщины выглядывают на улицы, открывая окна дворцов, похожих на облака. Важные военачальники верхом на конях, слонах и в экипажах направляются по своим делам («Убхаябхисарика», § 5) [25].

Но и в будний день, согласно «Падатадитаке» [26], на улицах города раздавались песни, звон женских украшений, монотонный, нараспев, речитатив изучающих Веды, стук топора в лавке мясника, перезвон посуды, громкий крик домашней птицы — «словно переговариваются вытянувшиеся ряды белых домов». «Город до краев переполнен» местными жителями, выходцами из разных областей Индии, а также иноземцами, в том числе шаками, яванами, тушарами (тохарами). Называются прибывшие сюда жители Балха (Бактрия), некоторые из них здесь поселились. О благоустройстве сообщается, что подъезды к дворам и самые дворы поливались (пер. И. Д. Серебрякова, §22, 24, 30, 35, 104) [27].

Центр города — район резиденции правителя. Здесь были сосредоточены наиболее богатые и лучше выстроенные многоэтажные здания, которые не должны были быть выше дворца правителя. Здесь же было много зданий общественного назначения: госпитали, родильные дома, лечебницы для животных, гостиницы, где помещались путешественники и пилигримы, школы и т. д., а также здания, где располагалась администрация города и государства [Auboyer, p. 123]. Здесь же было несколько картинных галерей — citraśālā. Они были открыты для публики и часто посещались. Здания для них строились с особой тщательностью, особенно заботились о хорошем освещении. Картинная галерея помещалась обычно в нескольких залах, связанных переходами, лестницами и т. д. Живопись покрывала стены главной галереи (vīthi). Это были изображения, связанные с небесным миром, иллюстрирующие эпизоды эпоса или же представляющие астрологические символы. Галереи принадлежали богатым горожанам, иногда даже процветающим куртизанкам. В царских дворцах были великолепные картинные галереи, превосходящие галереи частных лиц. О «картинной галерее» у входа во дворец сообщается в пьесе Харши «Ратнавали» (VII в. н. э.) [Харша, с. 177, 181]. Во дворцах был и специальный музыкальный зал [там же, с. 185] (или «зал для музыкальных занятий») [Калидаса, 1973, с. 29].

Судя по отдельным сообщениям, существовали и передвижные галереи, на специальных повозках, которые разъезжали по округе больших городов [Sivarāmamutri, 1934, p. 169—185; 1955, p. 72 et sq.; Auboyer, p. 123—124].

Есть много описаний дворцов — царских, дворцов знати и куртизанок. Так, «Падатадитака» содержит описание роскошных дворцов, которые «кажутся перенесенными с неба на землю» (пер. И. Д. Серебрякова). (Ср. [Ghosh M., p. 121]).

Дворцовые здания имели несколько этажей, с многочисленными помещениями, украшенными скульптурой, резьбой и живописью. В дворцовых парках были пруды с островками, на которых были воздвигнуты беседки («Падатадитака», §33); [Ghosh M., p. 121]). По литературным свидетельствам, городской дом (а не только дворец) часто имел сад во внутреннем дворе (Камасутра, IV, 3); такой сад был в доме одного купца («Шудрака», 3-й акт) и т. д. [Schlingloff, 1970, S. 25—26].

Наиболее оживленной частью города являлся базар. Городской базар, — говорится в «Падатадитака», — «битком набит торговым людом. Уж так много здесь народу — не продерешься» (пер. И. Д. Серебрякова) [Ghosh M., p. 118].

«Повсюду здесь около лавок толпятся мужчины и женщины, тут продают и покупают и то, что на земле выращено, и то, что в воде добыто, и то, что руками сделано, и то, что из разных стран привезено» (§26). «Из кузниц слышен перестук молотков; из мастерских медника доносится

визг токарного станка и слышится подобный дыханию коня свист меча, вгоняемого в ножны. Повсюду полно пришедших из всех областей людей, покупающих и продающих» (§29). «В кабаках гуляют чаши и осушаются; к мясным лавкам, двери которых украшены гирляндой ножей, слетаются птицы» (§29). И в заключение: «Шумит базар рядами, словно поле рядами колосьев. Идет игра, и, выиграв несколько крупинок золота, игроки с приятелями идут к красоткам» (§30) (пер. И. Д. Серебрякова, ср. [Ghosh M., p. 117—118]).

Но лавки были и в других местах, например на «Главной дороге» стояла лавка, в которой торговали солью (§68) [28].

В «Панчатантре» (III, 5, 95) «упоминается купеческий дом, расположенный на главной улице города, буквально на Главной дороге» (rājamārga) [Панчатантра, с. 165, 364].

В городах и деревнях торговцы обыкновенно занимали особый район. Это явствует не только из литературных, но и из археологических источников. Как пишет Ж. Обуйе, «линии маленьких лавочек с верандами всегда возвышались над уровнем улицы. Открывавшиеся прямо на улицу, они тесно примыкали друг к другу, отделенные лишь толщиной вертикальной стойки. На ночь фасад закрывали подвижные жалюзи. Купец со своей семьей жил на верхнем этаже, в маленьких комнатах, или же в помещении по другую сторону внутреннего двора. Целыми днями купец сидел, скрестив ноги, на деревянном полу торгового помещения» [Auboyer, p. 87]. Наиболее яркие археологические материалы дали раскопки в Бхите [Marshall J., 1915, p. 32] (см. ниже, стр. 126—127), а иконографические — пещера XVII Аджанты [Yazdani, pl. XXIII].

Вне городских стен располагались пригороды [Auboyer, p. 125].

Можно указать также на архитектурный трактат «Mānasāra-Vāstuśāsṭra», который содержит описание городов разного плана — прямоугольного, лотосовидного, полукруглого с различной сеткой главных магистралей, в некоторых случаях пересекающихся в центре [Acharya, p. 275—284] [29]. Однако на практике город обычно бывал четырехугольным [Schlingloff, 1970, S. 45—46], с обращенными на восток главными воротами [30].

Каждый сектор города имел сеть маленьких улочек, пересекающихся под прямыми углами и разбивающих город на «блоки»

Иногда называется 81 блок-пада. Но число это, скорее, ритуальное. Как показала В. В. Вертоградова, деление на 81 паду связано с мандалой — космической диаграммой, воплощающей представления о теле космического человека Пуруши. На основании этой мандалы (она известна как мандала парамашайика) планировались города и строились дома [Вертоградова, с. 300—303].

Согласно индийским архитектурным трактатам, каждый такой блок-пада ассоциировался с каким-либо божеством — покровителем данного блока. Это божество — Padika, или Pada-Bhuja, — называлось Dvipadika или dvipadādhīśa, если оно покровительствовало двум «блокам», Saṭpada — шести «блокам». По одному из трактатов, покровителем центрального блока был Брахма, примыкающего с запада — Митра и т. д. [Shukla D. N., p. 194—205]. Судя по текстам, каждый блок построек был окружен стенами и обладал определенной степенью автономии, он имел собственные водоемы, священные деревья и храмы, посвященные локальным божествам [Auboyer, p. 120—121]. Напрашивается очень интересное сопоставление с функциями позднесредневековых кварталов-гузаров Средней Азии.

Как показала О. А. Сухарева, эти кварталы имели замкнутую структуру и ведшие в них улицы имели запиравшиеся ворота. Население каждого квартала составляло общину. Имелась общинная собственность. В общем пользовании находились квартальные водоемы-хаузы, помещение для омовения, мечеть, последняя являлась центром общественной жизни квартала. Жители квартала участвовали в общественных работах по благоустройству, а также в жертвенных трапезах, семейных тор-

жествах и поминках, причем расходы на угощение даже на семейных торжествах несли все жители квартала. Обрядово-ритуальная жизнь способствовала объединению и сплочению его жителей. Наряду с мечетями на территории кварталов были почитаемые места погребения — мазары. Больше всего было кварталов, получивших названия по имевшимся на их территории мечетям [Сухарева, 1958; 1966; см. также Турсунов].

О. А. Сухарева справедливо подчеркивает, что многие из обнаруженных ею в Бухаре особенностей кварталов были свойственны им, по крайней мере, уже в средневековье, а в некоторых отношениях можно установить и более раннее их происхождение. Прежде всего, по-видимому, можно считать универсальной чертой городских поселений то, что они сложны по своей структуре, им свойственна расчлененность на более мелкие, отдельные части, в совокупности составлявшие город, и в первую очередь деление на жилые кварталы [Сухарева, 1976, с. 327].

Сопоставление индийских материалов и средневековых среднеазиатских выявляет их параллелизм и делает очень вероятным предположение, что «предыстория» городского квартала в Средней Азии восходит к заре развития городской жизни и что в кушанское время среднеазиатские города уже имели квартальное членение, причем квартальные общины *играли определенную роль в жизни городского организма.* Подтверждение этому можно видеть, в частности, в наличии четкого квартального членения на Топрак-кале, где по сторонам центральной магистрали симметрично располагались по пять прямоугольных блоков кварталов 100×40 м [Nerazik und Rapoport, S. 84, Fig. 5]; в том, что на Дальверзин-тепе имелись внутриквартальные водоемы [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 189]; на Зартепе и Дальверзин-тепе — квартальные святилища [Массон В. М., 1978, с. 351; Пугаченкова, 1981] и др.

Управление городом в Индии осуществлялось «градоначальником». Ему, видимо, подчинялись трое высших судейских чиновников: «Квартальный смотритель (gopaḥ) имеет под своим надзором совокупность из 10, 20 или 40 семейств. Он должен знать о живущих в квартале мужчинах и женщинах, их касту, имя, занятия, а также их доходы и расходы. Подобным же образом во главе каждой четвертой части города стоит районный смотритель (sthānikaḥ), ведающий делами четверти укрепленного города» (КА, II, 36, 1—4) [Kangle, p. 185; ср. Артхашастра, с. 153].

Квартальный инспектор был и в городах сасанидского Ирана [Периханян, с. 393, 496]. В Средней Азии такого рода «главы кварталов» имелись в городах и в средние века (в Мерве и Нишапуре). Есть сведения, что кварталы были окружены стенами [Беленицкий, Бентович, Большаков, с. 216, 326, 334—335].

В XIX—XX вв. в Бухаре кварталы объединялись в группы. Всего в городе было 220 кварталов-гузаров, которые были объединены в 17 «микрорайонов»-джарибов, во главе каждого из них стоял начальник — дахбоши. Каждые шесть «микрорайонов» составляли более крупную единицу, управлявшуюся правительственным чиновником [Сухарева, 1976, с. 330] [31]. Но, пожалуй, еще более разительные переклички с индийскими городами кушанской эпохи демонстрирует Ташкент XVIII в., который в то время был «аристократической республикой». В городе имелся высший правительственный орган из десяти «градодержателей»; город делился на четыре части, во главе каждой из них стоял управитель [Чехович].

Городские власти в Индии контролировали ремесленников, следили за купцами и торговлей. Сообщается о «городском совете»; некоторые города чеканили монету и имели городскую печать. Согласно Мегасфену (Strabo, XV, I, 51), городской жизнью управляли шесть комитетов по пять человек, каждый из комитетов имел определенные функции [Бонгард-Левин, с. 197—202].

Обратимся к археологическим памятникам [32].

Одним из наиболее детально изученных городов Северной Индии является Таксила, где Д. Маршалл в 1913—1934 гг. произвел обширные раскопки; они в 1944—1945 гг. были продолжены А. Гхошем. Древнейшая Таксила располагалась на холме Бхир Маунд; в начале II в. до н. э. город был перенесен к северо-востоку, на другой берег небольшой речки. Греко-бактрийский город занимал часть холма Качча Кот и северную часть Сиркапа. Затем город отодвинулся к югу, а в I в. до н. э. был обнесен каменной стеной длиной 5,5 км (при толщине от 4,5 до 6,5 м). Это современный Сиркап, северная и восточная стены которого прямые, а южная и западная, соответствующие очертаниям холма и реки, ломаные.

Город в виде неправильной трапеции вытянут с севера на юг на 1300 м, с востока на запад (максимально) — на 900 м. Топографически он членится на две неравные части: нижний (северный) город и возвышенный (южный), причем по границе их сохранились остатки стен. Город был рассечен с севера на юг главной городской магистралью (вдоль нее, начиная с северной стены, на протяжении 600 м располагался раскоп Д. Маршалла) и выходящими из нее боковыми перпендикулярными ей улицами. В интервалах между этими улицами (36,5 м или несколько больше) были замкнуты блоки городской застройки (иногда они разделены на две части улочками).

Вдоль каждой стороны главной улицы тянулись ряды мастерских — лавок. Здесь и там высились различные религиозные сооружения, в частности ступы. За лавками и святынями начинались жилые постройки. К востоку от главной улицы размещался царский дворец; в его районе располагались и наиболее богатые жилые дома. Они были двухэтажными. На расстоянии около 650 м от северных ворот города вне его находился храм Джандиал. К сожалению, на третьей площади Таксилы, Сирсух, относящейся к кушанскому времени (размеры города 1370×1000 м), раскопки проводились в очень небольших размерах [33].

Близкая планировка была на второй площади города Чарсадды в Шейхан-дхери. Аэрофотография показала столь четкую планировку, что никакие сомнения невозможны: город был разбит сеткой идущих в одном направлении параллельных улиц, отстоящих друг от друга примерно на 36,5 м; расстояние между двумя центральными улицами 47 м; между ними, в центре города, находилось святилище, почти несомненно — буддийская ступа, кварталы состояли из блоков построек [Wheeler, 1948, p. 99—103; 1962, p. 16—17, pl. XV—XVI]. Раскопки подтвердили эти заключения и позволили датировать время существования города II в. до н. э.—III в. н. э. [Dani, 1955—56, p. 17 et sq.].

Бхита — современное название памятника, находящегося в 16 км юго-восточнее Аллахабада; древнее же название, судя по надписям на найденных здесь печатях, Вичи (Vichī). В 1909—1912 гг. здесь были осуществлены раскопки Д. Маршаллом. Площадь города около 0,26 кв. км, раскопками вскрыто 1—1,5% городской площади. Толщина оборонительной стены 3,4 м, высота около 12 м. Раскопаны южные ворота. Городская площадь рассекалась прямыми параллельными улицами. Одна из них (Д. Маршалл назвал ее «Главная улица»), начинающаяся у городских ворот и ведущая к святилищу в центре города, была девятиметровой ширины. Параллельная ей вторая улица (расположена на расстоянии 45 м) имела в ширину лишь 4 м (ей дано название «Улица бастиона»)[34]. Хотя в плане дома, расположенные вдоль той и другой улиц, были одинаковыми, на первой улице они были заметно больше. Между параллельными улицами должны были помещаться два ряда домов. Дома были двух-трехэтажными, причем каждый дом, как считают, вместе со всеми домочадцами и слугами должен был вмещать 10—20 человек. Согласно подсчетам, в городе было примерно 940 таких домов и его населяло 10—20 тысяч человек [Marshall J., 1911, p. 127—141; 1915; см. также Schlingloff, S. 24—27].

Остановимся на описании нескольких домов, раскопанных в Бхите. В блоке зданий, примыкающих с юго-запада к первой, более широкой «Главной улице», имеется четко выделенный переулками почти квадратный (14×13,4 м) дом. Он состоит из прямоугольного двора, по периметру которого располагаются 12 прямоугольных и квадратных помещений. В дом ведут два противоположных входа (на северо-восточной и юго-западной сторонах), резко смещенные от продольной оси. В одном из угловых помещений — четыре основания колонн. Дом выстроен из жженого кирпича; судя по толщине стен, часть здания могла иметь второй этаж.

По мнению Д. Маршалла, это здание могло быть построено в эпоху Маурья. На печати, найденной под одной из построек (на глубине 60 см под основанием стен), т. е. относящейся к более раннему периоду, имеется надпись Śahijitiyē nigamaśa, но чтение, как отмечает издатель, сомнительно. Если бы можно было такое чтение подтвердить, дом, с которым связана печать, т. е. предшествующий раскопанному, мог бы быть местом «конторы» nigama — корпорации. Поэтому раскопанный им дом верхнего (кроющего) слоя Д. Маршалл, условно разумеется, назвал «House of the guild» — «Дом корпорации» [1915, p. 30—32, 47; см. также 1911, pl. I].

На основании найденных печатей выявлены имена владельцев отдельных домов. Таковы дома Nagadēva, Jayavasuda и др. Дом Nagadēva был построен в I в. до н. э. в основном из жженого кирпича обычного размера (34,6×30×7 см), хотя применялись и более крупные кирпичные плитки. Стены, многократно ремонтировавшиеся, сохранились на высоту почти 3,5 м, благодаря чему облегчается выявление деталей устройства и конструкций. Дом состоял из двух частей. На «Высокую улицу» выходила та часть здания, которую Д. Маршалл считает лавкой. Ступенчатая лестница, по боковым сторонам ограниченная платформами, вела со стороны улицы в центральное прямоугольное помещение «лавки»; по сторонам находились, образуя боковые крылья, два значительно меньших помещения; все три были вытянуты в один ряд (вдоль улицы). Затем можно было попасть во двор, к задней стороне которого примыкала жилая часть (11,3×10,4 м). Она состояла из внутреннего двора (таким образом, здесь была двухдворовая композиция. — *Б. Л.*), окруженного каре построек, главным образом прямоугольных и подквадратных.

Дом образовывал замкнутую ячейку, четко выделенную из массива построек. Фасадом он был обращен на «Высокую улицу», с трех других сторон окружен переулками, на один из них ведет дополнительный выход.

Построенный, как указывалось, в I в. до н. э., дом продолжал функционировать на протяжении кушанского периода — в нем найдено 17 монет Канишки и Хувишки. Здесь обнаружена печать (по палеографическим признакам, позднекушанская) с именем Nagadēva [Marshall J., 1915, p. 32—35, 48, pl. XIII; см. также 1911, p. 132—137].

Следует также упомянуть, что в одном из соседних домов, по своей планировке аналогичном вышеописанному (добавлены лишь пруд во дворе и подземная камера-хранилище в одной угловой комнате), в слое IV—V вв. была найдена печать из слоновой кости с надписью Srēsthi Jayavasuda [Marshall J., 1915, p. 36, 48], что Д. Маршалл трактует как «банкир Джайавасуда», но это лицо (владелец дома?) в равной степени могло быть и старейшиной корпорации.

Выше говорилось, что этот дом (как и другие дома в Бхите) был окружен переулками. Но не только в Бхите, но и в Вайшали, Раджагрихе, Колхапуре, Самбхаре и др. каждый дом был окружен узкими улочками, отделяющими его от соседних домов. По письменным источникам, ширина такой улочки — три шага [Schlingloff, 1970, S. 27—28] [35].

В Сисупалгархе (древняя Kaliṅganara?), где руины древнего города занимают около 1,36 км², городской вал (толщиной 10 м) окружает почти прямоугольную площадь. На углах — бастионы. На каждом фасе — абсолютно четкий план фортификации, по словам Б. Лала, он предполагает

также регулярную сетку улиц, идущих с востока на запад и с севера на юг и пересекающихся внутри города [Lal, p. 62—105].

Элементы правильной прямоугольной планировки, связываемой им с гипподамовой системой, Р. Гиршман видит в Беграме [1946, p. 17—19, pl. XXIV]. Эта система, однако, не была единственной в городах Индии, см., например, Удергам [Gullini, 1962, p. 173 et sq.; Faccena, 1964, p. 14—23].

Регулярно-сетчатая планировка типа таксильской в столь четком виде не открыта еще ни в одном из среднеазиатских городов. Вместе с тем можно сказать, что в некоторых из них существование ее элементов вполне вероятно. Это относится, в частности, к Кей-Кобад-шаху [36], Кухна-кале и др.

Пожалуй, наиболее близка к рассматриваемой схеме планировка хорезмской Топрак-калы. Жилая застройка рассечена на две части центральной городской магистралью; перпендикулярно ей с каждой стороны — улицы, делящие город на симметрично расположенные десять кварталов. Хотя кроющий слой относится к IV—V вв. (а на некоторых участках и к VI—VIII вв.), система планировки возникла во II—III вв. Размер городских кварталов 40×100 м, улицы имеют ширину до 4,5 м и 10 м (центрально-осевая магистраль). Вскрытые в одном из таких кварталов Топрак-калы, помещения IV—V вв. н. э. входят в сложную и правильную систему одновременной застройки, состоящей из отдельных, иногда крупных комплексов. Пока еще не ясно, объединялись ли они в единый массив или представляли собой изолированные домохозяйства [37].

Г. А. Пугаченкова отмечает: «. . .поразительно единство осей в застройке Халчаяна — в зданиях, расположенных на Карабагтепа и на Ханакатепе не только в непосредственной близости, но до полукилометра друг от друга. Раз это так, то мы вправе предполагать строгую параллельность главных магистралей больших кварталов и крупных комплексов. На Ханакатепе это предстает с бесспорной отчетливостью: южная гряда домов, западный дом, дворец, входившие в единую застройку обширного квартала, имеют общее направление осей и стен» [1966, с. 256].

Некоторые исследователи [Ghirshman, 1946, p. 18; Marshall J., 1961, I; Wheeler, 1948, p. 112; 1962, p. 17; Пугаченкова, 1966, с. 254] связывают регулярную планировку с эллинистическим влиянием, иногда прямо называется имя Гипподама [38]. Здесь нет возможности исследовать вопрос, в какой степени на возникновение самой гипподамовой системы городской планировки оказало влияние знакомство греков (и самого Гипподама) с градостроительной практикой Востока [39]. Можно лишь сказать, что на Востоке принесенная во времена Александра Великого и его преемников система регулярной планировки широко распространилась [40], в частности именно потому, что она перекликалась с местными градостроительными принципами и традициями (существовавшими уже на Древнем Востоке и нашедшими воплощение во многих древневосточных городах) [41] и укладывалась в систему представлений древних индусов и иранцев [42], как и многих других народов, о четырехчленной модели мира. Возможно, регулярно-сетчатая планировка имеет и в Индии, и в Средней Азии местные истоки. Вместе с тем вполне вероятно воздействие прямой эллинистической (для этого времени влиявшей и через римское посредничество) традиции. Показательно, что среди строителей Сурх Котала был грек-архитектор Паламед [Harmatta, 1960, p. 192; 1964, p. 374, 388—389], а фреска III в. в Миране сохранила (в надписи, выполненной кхароштхи) имя художника Tita, что, по мнению исследователей, является «пракритизированной» формой римского имени Titus [Bussagli, S. 21, 25].

Переклички в области архитектуры частично обязаны общему в Индии и в Средней Азии эллинистическому сектору субстрата кушанской культуры. Особенно ярко это проявилось в каменной колонне, хотя на протяжении кушанского времени пути развития индийской и среднеазиатской колонны существенно разошлись. Переклички — также результат распространения в Средней Азии буддизма и адаптация его культовой

архитектуры, которая под влиянием местной архитектурно-строительной традиции приобрела новые формы, освоила неизвестные в Индии конструктивно-строительные и композиционные решения. На основании синтеза иранских, среднеазиатских и индийских архитектурных и религиозных идей получила новый импульс идея святилища с обходным коридором [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 145]. Индийские мастера приезжали в Среднюю Азию, как свидетельствуют письменные источники, строить и оформлять буддийские сооружения [Foucher, 1922, p. 644; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971, с. 113].

Так, в «Sūtrālaṃkāra» (IV, 21) содержится рассказ о набожности некоего художника из Puṣkalavati, который посетил страну Aśmaka (букв. «Каменистая»), где украшал буддийский монастырь. Согласно традиции, «Sūtrālaṃkāra» — труд знаменитого Ашвагхоши, современника Канишки. Другие ученые приписывают этот труд Kumāralāta, основателю школы Sautrāntika, датируемой II в. н. э. Таким образом, сообщение относится скорее всего ко II—III вв. н. э. Топоним Aśmaka в сочинении «Bṛhatsaṃhita» (14, 22), написанном Varahāmihira (ум. в 587 г. н. э.), обозначает наименование какой-то северо-западной страны. А. Фуше, С. Леви, а недавно П. Аалто идентифицировали Aśmaka с Ташкентом [Aalto, p. 195—196]. Хотя их аргументация не является бесспорной и оставляет место для сомнений, отнесение этой местности к Средней Азии вполне вероятно.

В свою очередь, элементы среднеазиатских архитектурно-строительных традиций проникали в Индию [Sharma, p. 34—35] [43], а в области архитектурно-декоративного искусства произошел синтез индийской, бактрийской и эллинистическо-римских традиций. На формирование облика индийских и среднеазиатских городов серьезное влияние оказало сооружение буддийских религиозных сооружений, и, несмотря на все различия в их облике, буддийские ступы определяли вертикальный силуэт тех и других городов.

Прослеживаются общие черты и в характере и в конструктивных решениях систем городского благоустройства. В Таксиле [Marshall, 1951, II, p. 429; III, pl. 21, c), Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 189] и на городище Чим-курган [44] — однотипные подземные линии отводных городских трубопроводов.

В связи с архитектурой и строительством укажем еще на одну поразительную параллель в области идеологических представлений и ритуальных действий, связанных с жилищем.

В древней Индии при сооружении жилища производился тщательный выбор места для него. Грунт должен был быть несоленым, здесь должна была произрастать трава, деревья, должна была быть вода. Затем на участке рылся шурф (глубиной до колена) с целью оценки грунта. Если вырытая земля, заброшенная в шурф, не только заполняла его, но и оставался ее излишек — грунт был превосходен; если же она вмещалась в шурф, заполняя его до краев, — грунт считался среднего качества; если же земли не хватало для заполнения шурфа, от строительства здесь следовало отказаться. Еще одна оценка состояла в заполнении на ночь шурфа водой. Если на следующее утро вода еще оставалась в шурфе — грунт считался отличным; если же в шурфе была лишь грязь на дне — хорошим; если же шурф к утру высыхал, то от строительства здесь следовало отказаться [Kane, p. 833].

Затем участок расчищали, строительную площадку выравнивали и вслед за проведением соответствующих ритуалов рыли ямы для столбов главного входа в дом. Затем устанавливали последовательно столбы южной, западной и северной сторон. Центральный столб — «царский столб» (sthaūṇārāja) устанавливался последним, ритуальные действия были при этом более длинными. Жрец помещал в яму водяное растение, затем несколько семян растений, которые он обрызгивал водой, смешанной с ячменем и рисом. Эта жертва была посвящена тому, кто «основа», — божеству жилища. После того как центральный столб был водружен, жрец

обращался к нему со следующими словами: «Держись здесь крепко, о столб, богатый лошадьми и коровами; покойся здесь в безопасности, о тот, по которому стекает вниз растопленное масло буйволицы; держись здесь прочно в земле; будь процветающим и долгоживущим среди процветающих людей и животных» («Sāṅkhayana-Gṛhya-sūtra», III, 3, I), [Gṛhya-sūtras, p. 94; см. также: Auboyer, p. 130; Amita Pai; J. Gonda, 1980, p. 154—157].

Но и в Средней Азии сохранились отзвуки таких представлений. Мы имеем в виду прежде всего сведения, собранные этнографами на Памире. В жилище памирца столбы, на которых держится перекрытие, особенно центральный («царский») столб, наделялись особой благодатью — очевидно, в результате переноса на них свойств верхнего мира, куда по столбу возносились жертвенные приношения и молитвы [45]. Есть и несколько специфических моментов. На Памире «в богатых домах главный столб смазывают маслом, — пишет А. К. Писарчик. — Это считается богоугодным делом» [1970, с. 48].

В «Атхарваведе» построенное жилище стоит «кропя жиром» (III, 12, 1); произносится заклинание, чтобы маруты окропили его водой и жиром (III, 12, 4). Далее говорится о вселении в новое жилище:

> Внеси, о жена, этот полный кувшин —
> Поток жира, смешанный с амритой!
> Смажь амритой этих защитников!
> Да сохранит эту (хижину) то, что
> пожертвовано и исполнено!
> (AV, III, 12, 8), [Атхарваведа, с. 271—272].

Амрита — это божественный напиток бессмертия, приготовляемый из растения сома, «защитники» — вероятно, конструктивный каркас жилища (стойки, стропила). В распоряжении памирцев не было божественной амриты, и они довольствовались смазыванием центрального столба вторым ингредиентом — жиром.

«Для горных таджиков характерно очень почтительное отношение к главному столбу в доме — шасутум. К этому столбу каждый входящий в дом, если в нем нет людей, обращает свое приветствие; поэтому главный столб называют часто сутуми саломга» [Писарчик, 1970, с. 48; также 1958, с. 445]. Можно было бы думать, что центральный столб как бы символизирует хозяина дома, олицетворяя его. Однако такое объяснение не исчерпывает верований, связанных с центральным столбом, более того, противоречит тому, что «приветствует этот столб не только посторонний входящий, но и сам хозяин дома, причем, по записям М. С. Андреева 1925 г., в Арганикон (долина Обихингоу) он повторяет это приветствие каждый раз при входе в дом, даже после небольшой отлучки» [Писарчик, 1970, с. 48].

Почему же центральный столб памирского жилища рассматривается как живое существо, как подлинный хозяин дома?

Согласно «Атхарваведе», совершался поклон хозяину жилища, огню жилища и его Пуруше (AV, IX, 3, 12). «Пуруша» — одно из сложных и многофункциональных понятий индийской теологии, буквально «человек», «мужчина», антропоморфное существо, игравшее важную роль в древнеиндийской космологии, ибо из него, как космического гиганта, произошла вселенная (в процессе принесения богам и этого персонажа в жертву); позже он приобретает более отвлеченное значение в качестве космического универсума и вместе с тем конкретного элемента. Пуруша был тесно связан с концепцией мирового дерева [Топоров] [46].

В индийском зодчестве, в частности в храмовом, господствовала идея, что в виде жилища, храма и других сооружений, сделанных человеком, возрождается форма Пуруша (и в то же время — человеческого тела). Поэтому части храма отождествлялись с частями тела божества: дверь храма — рот, верхняя плоскость его перекрытия — плечи, выступы —

руки, стены — ноги, основания стен — ступни божества [Kramrisch, p. 41]. В центральной точке основания сооружения (вместе с тем это центр Земли) закладывался камень, на котором покоилась колонна, отдельные части которой символизируют землю, воздушное пространство и небеса [Gonda, S. 327—329; Елизаренкова, с. 383].

Представляется весьма вероятным, что центральный столб памирского жилища и Пуруша в его «архитектурной» ипостаси — явления изофункциональные: «антропоморфизация» центрального столба у памирцев ретроспективно восходит к представлениям об опорном столбе жилища, как воплощении Пуруша[47] или типологически однородного с ним персонажа. (Вместе с тем в индийских верованиях колонна отождествляется с ваджрой — дубиной Индры [Вертоградова, с. 294].)

Наряду с обменом идей и людей шел двусторонний поток товаров. Так, в Среднюю Азию попадало значительное число предметов, особенно предметов искусства, ювелирных изделий [Литвинский, 1964, с. 158—159; Пугаченкова, 1976а, с. 65—67] и т. д., она получала из Индии также сырье, в частности слоновую кость, сердолик и др. В свою очередь, из Средней Азии в Индию вывозились многие товары. Это не могло не оказать влияния на местное ремесленное производство как в Средней Азии, так и в Индии.

Данные о населении среднеазиатских городов кушанского времени более чем скудны. Разумеется, мы можем со значительной долей вероятия проецировать сведения о составе населения индийских городов на среднеазиатские, внося необходимые коррективы.

Нисийские документы не дают данных о рядовом населении тех «укрепленных селений» (парфянское diz), с которых, в частности, поступало вино в царские винохранилища, расположенные в крепости Михрдаткирт. Правитель укрепленного селения называется в нисийских документах д и з п а т и. Даже из материалов чрезвычайно специализированного нисийского архива[48] становится ясным, что в городах, особенно крупных, должно было проживать большое число представителей знати и духовенства, а также чиновников разветвленного административного аппарата. Могучий трехбашенный замок Топрак-калы и цитадель Бактр, роскошь расположенных здесь, а также в других городах дворцов ярко и недвусмысленно указывают на большое значение аристократической верхушки в жизни городов того времени.

Исключительное значение для данной проблемы будет иметь публикация топраккалинского архива, подготавливаемая В. А. Лившицем. Среди документов, по определению этого исследователя, — списки мужчин, входивших в состав больших семей (домовладений), а также имена рабов (или домашних слуг); хозяйственные документы — реестры поступлений и выдач [Гудкова, Лившиц, с. 13, 18].

Надписи из Кара-тепе[49] показывают, что в некоторых городах, где был распространен буддизм, буддийские монахи и должностные лица буддийской сангхи играли немаловажную роль. Не меньшими, а большими были, очевидно, роль и удельный вес священнослужителей зороастрийской религии.

В составе городского населения должно было быть много иноземцев. Так, в кушанских городах Индии проживало большое число выходцев из Бактрии. По подсчетам Я. Харматты, в найденных в Индии надписях на кхароштхи около 30% имен иранские, причем на первом месте — бактрийские имена [Harmatta, 1964, p. 387—388; ср. Лившиц, 1969, с. 64]. Бактриец (bāhlika) Urasaka, чиновник кушанской администрации из города Ṇoacha, в надписи из Таксилы сообщает о том, что он воздвиг там буддийское сооружение [Konow, p. 74—75, 77; Litvinsky, p. 13—14]. «Милинда-паньха» (V, 331), «Махабхарата» (II, 47, 15—31) и другие источники также сообщают о бактрийцах и жителях других частей Средней Азии, прибывших в Индию или проживающих там. О распространении там

согдийцев свидетельствует индийский лингвистический материал [Prakash, p. 234].

Нет никакого сомнения, что в городах Средней Азии кушанского времени дело обстояло точно так же. Не только буддийские миссионеры и пилигримы, но и (что гораздо важнее) купцы, представители кушанской администрации, военные, возможно и ремесленники из Индии, селились в среднеазиатских владениях кушан, проникали за пределы кушанского государства. Здесь (судя по находкам в Термезе) жили писцы, превосходно знающие северо-западный пракрит и в совершенстве владеющие письменностью кхароштхи. Были ли они индийцами или же прошедшими соответствующую выучку бактрийцами — никаких данных нет. Учитывая роль северо-западного пракрита в административной сфере кушанского государства и в жизни буддийских общин, кажется вероятным предположение, что среди писцов были, наряду с индусами, и представители местных народов. В Средней Азии, как и в Индии, параллельно использовался и санскрит, зафиксированный в письменности брахми [Воробьева-Десятовская, с. 118—120].

Города по-прежнему остаются политико-административными центрами, но, как указывалось, их роль средоточия ремесленно-экономической жизни значительно вырастает. Так, в Мерве в это время существовали медно-бронзовое, костерезное, оружейное, мукомольное, текстильное, керамическое и многие другие производства [см. Труды]. То же самое следует сказать о Термезе, Топрак-кале, Дальверзин-тепе и других городах Средней Азии I в. до н. э.—III в. н. э.

В Индии, по письменным источникам, разные группы населения, в том числе ремесленники, селились в городе в строго определенных районах. Жилище служило для ремесленников и мастерской [Цыганков, с. 33—37] [50]. В Таксиле вдоль улиц тянулись ряды помещений, нижние этажи которых, обращенные на улицу неглубокими верандами или платформами, были заняты мастерскими-лавками [Marshall J., 1951, I, p. 140—141, 157—158, 199]; то же самое известно о Бхите. Но и в Средней Азии мы видим аналогичную картину.

На внешних, обращенных к улицам, массивах Топрак-калы находились небольшие комплексы, состоящие из двух-трех помещений. Часть из этих помещений являлась жилищами ремесленников. Тесная связь жилых и ремесленных помещений прослеживается и в домах ремесленников в Мерве. В квартале мукомолов, застройка которого имела первоначально правильный характер (параллельно большой магистрали внутри самого квартала идут небольшие узкие улочки), каждое хозяйство владело 3—5 комнатами, причем одна из них была специально оборудована для помола зерна, но даже специально-производственные помещения обычно использовались и для бытовых нужд [Коцурис, Буряков].

Бытовые изделия найдены и в производственных помещениях другого ремесленного квартала в Мерве (металлическое, текстильное и костерезное производства, может быть, изготовление сложно-составных луков) [Усманова], ремесленно-керамического квартала Саксанохура [Мухитдинов; Литвинский, Мухитдинов].

В Индии в рассматриваемое время специализация ремесла была исключительно высока. Так, «Милинда-паньха» среди ремесленников, связанных с обработкой металла, помимо кузнецов упоминает ремесленников, делающих изделия из золота, серебра, из свинца, олова, меди, сплавов, железа, и даже пробирщика (по золоту) (Mil., V, 351), [Milinda Questions, I, p. 171—172; см. также Puri, 1965, p. 110—111; Adhya]. В «Махавасту» среди разных ремесленников перечисляются литейщики (олова), мастера, изготавливающие свинцовые изделия, меднолитейщики и т. д. (Mahāv., III, 113, 442—443), [Mahāvastu, III, p. 112, 444].

В «Дхармашастре» также содержатся многочисленные упоминания занятий и профессиональных объединений: raṅjaka — «красильщик»; rajaka — «прачка», carmakara — «скорняк», «кожевенник»; buruḍa — «де-

лающий изделия из бамбука»; kaivarta — «рыбак»; ayaskāra — «металлист», «кузнец»; kulāla — «гончар»; garmāvakartin — «закройщик», «разрезающий шкуры»; nirṇejaka — «стирающий одежду»; taḳsan (taḳsaka) — «плотник»; tāmrorajavin — «медник»; nāpita — «цирюльник»; lohakāra — «кузнец»; sūnika (saunika) — «мясник»; suvarṇakāra (sauvarnika, hemakāra) — «ювелир» и др. [Kane, p. 69—104].

Можно указать на такой факт: из эпоса известно название профессии māyūraka — «делающий различные предметы из перьев павлина» [51].

Существенно важно положение о ремеслах, связанных с производством оружия. В источниках сообщается не об «оружейниках» вообще, а о ремесленниках, делающих луки, и отдельно — о ремесленниках, изготовляющих тетиву (Mil., V, 331), [Milinda Questions, I, p. 172] [52].

В источниках этого периода упоминается (а иногда и перечисляется) большое число профессий. Так, «Махавасту» (III, 113, 442—443) упоминает 36 видов ремесленников [Mahāvastu, III, p. 111, 113, 443—444]. В «Милинда-паньхе» перечисляются 74 рода занятий, большинство которых были производительными. В джатаках встречаются названия 18 корпораций (Śreṇi) ремесленников и торговцев [53]. Это число, восемнадцать, является традиционным, но при сопоставлении различных источников число корпораций возрастает до тридцати. При этом в отличие от Западной Европы не делалось различия между объединениями ремесленников («цехами») и объединениями торговцев («гильдиями») [Auboyer, p. 102—103]. Вероятно, это находится в определенной связи с нерасчлененностью ремесла и розничной (в меньшей степени — оптовой) торговли.

Возможно, члены корпорации селились в одном и том же месте, например, имелась улица гравировщиков по слоновой кости (Jāt., I, 320; II, 197), селение ковровщиков, селение горшечников, селение ткачей, селение камнетесов [Geiger, p. 104]. В джатаках несколько раз упоминается vaḍḍhakigāma — «селение плотников»; в одном из них было пятьсот, в другом — тысяча плотников; во втором селении каждые пятьсот имели своего главу. Сообщается, что они заготавливали материал в лесу, а затем делали изделия, которые находили употребление для различных типов построек. Завершив эту работу, они вновь отправлялись в лес, дабы заготовить сырье [см. об этом Misra, p. 15].

Профессии были наследственными, и в палийских текстах, например, «Сын кузнеца» — синоним термина «кузнец». Об этом же свидетельствуют эпиграфические материалы. Ссылки на наследственность ремесла неоднократно встречаются в сочинениях Калидасы: «. . .каждый хвалит то ремесло, которым из поколения в поколение занимается его род, его каста» [Калидаса, 1973, с. 29; 1973а, с. 257]. Разумеется, были и исключения.

Структура этих корпораций, их статус, их роль в системе городской жизни и взаимоотношения с государством для кушанского времени освещены в источниках недостаточно. Суммируем вкратце скупые, но чрезвычайно любопытные сведения источников.

Во главе корпорации стояли старейшины. Известны термины, которые применялись для их обозначения: pramukha («глава»), mahattama («важнейший»), jyeṣṭhaka («старший»). По эпиграфическим данным, старейшина назывался śreṣṭhin — «лучший». Теоретически старейшиной мог стать лишь тот, кто достиг высочайшего профессионального мастерства. Старейшины имели личные печати со своим именем и титулом śreṣṭhin. Старейшине корпорации помогали исполнительные агенты и kayastha — секретарь. Старейшины устанавливали условия работы и размеры жалованья. В их функции входило согласование со старейшинами других цехов вопроса о повышении или понижении (согласно обстоятельствам) продажных цен. Надо полагать, что регламентировалось и производство. Регламентация распространялась и на семейную жизнь: «Винаяпитака» сообщает о двух дисциплинарных правилах, касающихся взаимоотношений членов корпораций со своими женами. Во многих случаях старейшина исполнял и функции банкира — он управлял денежными фондами местного

отделения корпорации; существовала коллективная ответственность за каждого его члена. Он также был главой охраны, имел специальный вооруженный отряд, занимавшийся охраной имущества и фондов цеха, сопровождавший караваны и т. д. Вероятно, корпорации имели специальные помещения, где находились их органы управления; обладали своим знаменем и церемониальными значками, которые несли во время празднеств.

Некоторые корпорации были чрезвычайно богаты, владели недвижимым имуществом, в том числе частями культовых комплексов. Так, например, мастера, работающие со слоновой костью, из Видиши (Бхилса, вблизи Бхопала) в I в. н. э. были в состоянии пожертвовать средства для сооружения торана ступы в Санчи — одного из величайших шедевров скульптуры древней Индии. Подобно этому, в V в. н. э. шелкоткачи из Дешапуры смогли на свои собственные средства воздвигнуть храм Солнца, а через тридцать пять лет оплатить необходимый ремонт. В надписи из Насика сообщается о корпорациях гончаров, торговцев маслом и водоносов, каждая из которых сделала большие денежные взносы.

Главы корпораций занимали высокое общественное положение, бывали сановниками царя. Характерно, что в «Законах Ману» (X, 116) при перечислении средств существования вторым (после «знания») названо «ремесло». Государственная власть поддерживала корпорации, охраняла их права и собственность. В письменных источниках содержатся предостережения правителям против нарушения обычаев, связанных со śreṇi, и наставления о желательности подтверждения существующего статуса этих объединений. Правителю рекомендовалось вмешиваться лишь в том случае, если обычаи и нормы функционирования śreṇi кем-либо нарушались.

В свою очередь, корпорации выполняли определенные публичные функции. Во время торжественных городских церемоний рядом со знатью и брахманами стояли ремесленники во главе с руководителями корпораций (Mahāv., III, 442), [Mahāvastu, III, p. 443]. В одной из басен «Панчатантры» рассказывается о том, что в городе Вардхамана возглавлял «царские и городские дела» купец Дантила, который «распределял наказания и награды». В басне он называется «начальником купцов» [«Панчатантра», с. 36, 39]. В другой басне повествуется о том, что в городе Пундхравардхана жили ткач и тележник, «которые достигли совершенства в своих ремеслах. Без конца тратили они заработанные ими деньги, носили дорогие одежды, мягкие и пестрые, душились камфорой, алоэ и мускусом. Три четверти дня они работали, а в последнюю четверть наряжались и гуляли вдвоем по площадям, храмам и другим местам» [там же, с. 61—62; ср. о ткаче-бедняке: там же, с. 173]. В «Гирлянде джатак» две джатаки посвящены главам корпораций (гильдий). В одной из них говорится: «Еще в состоянии бодхисатвы наш Владыка был главою гильдии (корпорации). Благодаря своей поразительно счастливой судьбе, а также необыкновенно успешной деятельности, он приобрел огромные богатства; непорочностью своей жизни и деятельности он снискал глубокое уважение народа, происходя к тому же из знатного рода, он сделал ум еще более ясным при помощи изучения многих наук и искусств. Его благородные качества снискали ему высокое уважение самого царя» [Арья Шура, с. 50] [54]. Даже с учетом жанра, отбрасывая превосходные степени и преувеличения, мы вместе с тем получаем весьма впечатляющую картину.

В джатаках имеется рассказ об одном брахмане, который зарабатывал себе на жизнь изготовлением повозок. В буддийских текстах говорится относительно gahapati («домохозяин»), что они занимались sippādhṭṭāna, т. е. искусствами и ремеслами [Misra, p. 6—7].

Из текста «Артхашастры» [XI, I, 4], по мнению ряда ученых, можно сделать вывод, что корпорации поставляли солдат — очевидно, во время военных действий; в ведение государственной власти поступали вооруженные отряды корпораций, в мирное время несшие охрану. Из источников

(в частности, из эпоса) следует, что корпорации рассматривались как одна из опор государственной власти [55].

Отметим, что и в сасанидском Иране имелись корпорации ремесленников [56].

Согласно Денкарту, каждое ремесло имело свой ряд (применен термин rastag, отсюда современное rāste) на базаре, например, цирюльники имели свое определенное место.

Общее обозначение ремесленника kirrōg. Глава ремесленников носил титул kirrōgbad. Может быть, синонимом его был hutuxšbad (согласно Масуди, «защитник тех, кто, подобно ремесленникам, крестьянам и купцам, работает руками»).

В среднеиранских источниках перечисляются ремесленники многих профессий, в частности портные, купцы, литейщики (черного металла), серебряных дел мастера, изготовители веревок, слесари нескольких видов, они же оружейники, гончары (несколько видов), плотники, сапожники (двух видов), кожевники, красильщики, пекари, строители (трех видов), живописцы, цирюльники, те, кто делал палатки, повара, золотолитейщики и ювелиры, изготовители седел и др. [Tafazzoli, p. 191—196].

Те скудные литературные и эпиграфические источники, которыми мы располагаем для Средней Азии, не сохранили данных относительно корпораций ремесленников. Однако их существование представляется нам вполне вероятным [ср. Пугаченкова, 1966, с. 130]. Помимо соображений стадиального порядка, типологического сходства с Индией и Ираном и среднеазиатско-ирано-индийских связей, мы исходим из следующего. Анализ технического и художественного уровня разнообразных отраслей среднеазиатского ремесленного производства показывает, что специализация в городском ремесле и строительном деле (включая архитектурно-художественное ремесло) достигла очень высокой степени. Трудно себе представить, чтобы, например, замечательные сложносоставные луки кушанского времени, процесс изготовления которых чрезвычайно труден и включает множество взаимосвязанных операций [Литвинский, 1966], мог изготовлять неспециализированный мастер-оружейник. То же самое можно сказать о большинстве видов ремесленной деятельности. Археологические наблюдения, кроме того, указывают, что в городах существовала довольно четкая локализация отдельных групп ремесленников, будь то керамисты, мукомолы или же кузнецы. Возможно, однако, что степень «оформленности» этих корпораций была в Средней Азии ниже, чем в Индии.

И еще. В «надписи Паламеда», написанной на бактрийском языке, последняя нижняя строка, содержащая имя Паламеда, была написана по-гречески. Указав на это, Я. Харматта приходит к заключению, что это самовольная приписка архитектора, желавшего подчеркнуть свою роль. Он приводит три аналогичных примера из надписей кхароштхи (кушанского времени) в Индии, где также, по его мнению, наблюдавшие за постройкой лица самовольно вставляли свои имена. Из этого делается чрезвычайно интересный вывод о росте социального самосознания представителей ремесленного и торгового сословия в кушанском государстве [Harmatta, 1964, p. 388—389].

Но, возможно, на самом деле такие упоминания проистекали из признанного высокого социального статуса архитектора. В надписи на реликварии Канишки сообщается имя строителя (или руководителя строительных работ) вихары Канишки Agiśala (вероятно, индийская передача греческого имени Agesilaos) [Marshall J., 1909, p. 1058; Spooner, p. 52—53; Konow, p. 135 sq.]. Индийские архитектурные трактаты различают sthapati — «архитектор» и sthāpaka — «архитектор-жрец». Второй ведал планированием и устройством религиозных сооружений, первый — всей совокупностью градостроительства и светской архитектуры. Sthapati, судя по эпическим произведениям, пользовался большим почетом. Герой призывает несколько мудрых sthapati, которые воздвигли дома для царских гостей. Sthapati также строили дома и в других случаях. Sthapati,

очевидно, помогали śilpin (Mahābh., 13, 107, 111; 14, 86, 11—16; 14, 86, 25), [Majumdar A. K., p. 114].

По другим источникам, наряду со sthapati важную роль играл sūtragrāhin — «руководитель проектировочных работ», а также takṣaka, который занимался заготовкой и обработкой строительных материалов. При постройке буддийских сооружений руководство осуществляет kammādhiṭṭhayaka, наблюдение со стороны буддийской общины осуществлял novakarmika [Misra, p. 11—12; 18—20].

Наука архитектуры (sthāpatya), согласно древнеиндийским представлениям, имеет четыре аспекта: традиционное учение (śāstra), практический опыт, знание и умение (karma), персональное интуитивное проникновение (prajñā) и благочестивое поведение и характер (śīva). Подлинный архитектор должен в совершенстве владеть этими четырьмя аспектами архитектурной науки. Особенно важно было знать положения Vāstu Śāstra; человек, объявивший себя архитектором, но на самом деле неосведомленный и невежественный, т. е. не знающий Vāstu Śāstra и не работающий над ее усвоением, но гордящийся своим невежеством или фальшивым знанием, самим царем должен быть предан смерти. Это вытекало из того, что в Индии любое архитектурно-строительное действие рассматривалось, подобно ведическим жертвоприношениям, как религиозный акт [Shukla D. N., p. 44—49] [57].

Аналогичное понимание задач и статуса архитектора, должно быть, существовало в Иране и Средней Азии.

В среднеиранских источниках имеется термин rāz — «строитель». Он встречается в таком контексте: «подобно строителю, который хочет выстроить дом. . .». Другой термин rāz-kir-rōg — «строитель, который строит дом», «архитектор» (kir-rōg — среднеперсидский термин, обозначающий «ремесленник»).

В одном источнике сообщается: Čēōn ka mard xānag kāmēd wirāstan mard se be wizīnēd kē ēk pad būm wirāstan, ēk pad dēwār āhixtan ud ēk pad āškōb kardan frahaxtagtar — «когда человек решает выстроить дом, он выбирает трех людей, один из которых лучше подготовлен кладке фундаментов, один возведению стен, один — сооружению крыши». Для последнего применен термин āškōb-kardān — букв. «делатель крыши»; такая специализация строителей, как это вытекает из имеющихся археологических материалов, существовала в древней и средневековой Средней Азии [58]. Во всяком случае, особые мастера делали сводчатые и купольные перекрытия.

Но, кроме того, был еще и nigārgar — «живописец». О нем говорится: «Живописец, который благодаря своему искусству делает картину из различных красок». Парфянский эквивалент этого термина zxrwb-zaxrōb, причем в соответствующем тексте говорится об «искусном живописце», который раскрашивает картину.

Плотник (durgar, поздняя форма — drūdgar) «делает дерево гладким и прямым». Среди специфических обязанностей «искусного плотника» — «изготовление. . . тахт'ов и дверей (dar) из дерева». Они создаются из дерева «в соответствии с волей плотника» [Tafazzoli, p. 193—196] [59].

Со строительством связана также профессия čarūgar — «работающий со строительным раствором» [Tafazzoli, p. 193]. В современном персидском языке čarū — специальный водостойкий раствор из смеси песка, извести и золы от сжигания деревьев. Этот раствор применялся для облицовки водоемов [Wulff, p. 113].

В одном среднеперсидском источнике говорится: «Созидание без созидателя, решение без решающего столь же мало возможны, как написание без пишущего и сооружение дома без архитектора и строителя» [Geiger B., S. 210].

Приведенные выше параллели (они далеко не исчерпали всего имеющегося материала) объясняются общим субстратом, одинаковыми внешними воздействиями, типологически сходной социально-экономической

ситуацией и взаимовлияниями; во многих случаях эти факторы образовывали сложное переплетение.

Мы сознательно исключили рассмотрение вопроса о кушанском городе как интегральной структуре социально-экономической и культурно-религиозной системы своего времени. Следует также добавить, что кушанский город, рассмотренный здесь в плане бинарных соотношений (Индия — Средняя Азия), на самом деле обнаруживает наличие сильных эллинистических и эллинистическо-римских традиций и элементов, выступает в единстве среднеазиатско-эллинистическо-римско-индийского синтеза [Литвинский, 1973а, с. 125].

Процессы урбанизации в кушанской Средней Азии обнаруживают близкий параллелизм с Ираном и Месопотамией парфянского времени. Как показали проведенные за последние десятилетия исследования, в парфянском государстве резко выросла сеть городов и крупных поселений, увеличилась их совокупная площадь. При всех различиях между парфянскими и кушанскими городами в отношении многих элементов городской структуры, функций города и городской организации можно наметить обширные зоны сходства. Глубинные социально-экономические процессы в огромном регионе — от Восточного Средиземноморья до Аральского моря и Бенгальского залива — вызвали к жизни резкое усиление урбанизации [60].

Таким образом, параллельное изучение города древней Средней Азии и соседних стран Востока позволяет приблизиться к пониманию роли города в социальной, экономической и культурной жизни, выявить общее и специфическое в истории города на разных территориях, проследить связи и взаимовлияния.

В заключение отметим, что кушанский город не был конечным пунктом развития среднеазиатской урбанизации. Позже появляются раннесредневековый и средневековый город феодальной социально-экономической формации. Вместе с тем раннесредневековый и средневековый город сохраняют немало «родимых пятен» более древних эпох. Проследить эту преемственность — важная исследовательская задача.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НАХОДКИ С ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ ТЕПАИ-ШАХ

Каталог 1
Керамика городища Тепаи-шах

Вся керамика городища Тепаи-шах условно разделена на три категории по ее предположительному функциональному назначению: столовая керамика, тарная и кухонная. Описание керамических комплексов первого и второго строительных периодов дается суммарное. В каждом конкретном случае отмечается наличие или отсутствие тех или иных типов сосудов, изменения деталей формы. Прежде чем перейти к описанию, необходимо остановиться на некоторых вопросах типологии.

При выделении типов бокалов мы следовали в основном классификации, разработанной А. М. Мандельштамом на основе большой коллекции сосудов из раскопок курганных могильников северной Бактрии [Мандельштам, 1966, с. 92—95; 1975, с. 44—48, 109—114]. Однако ряд моментов в этой классификации не кажется нам удовлетворительным. Определенное сомнение вызывает выделение типа Д, так называемых «рюмкообразных» бокалов [Мандельштам, 1966, с. 95]. Этот тип был выделен практически на основе двух сосудов из Тулхарского могильника, сохранившихся к тому же лишь во фрагментах. В классификации бокалов из Бабашовского могильника к этому типу отнесено уже довольно большое число сосудов [Мандельштам, 1975, с. 110—111], однако, как мы постараемся показать ниже, здесь объединены в один два явно разных типа.

Характеризуя тип Д, А. М. Мандельштам отмечает, что форма резервуара (она использована в качестве основы для выделения типов) в принципе повторяет форму «колоколовидных» бокалов, отличаясь лишь большей вытянутостью. Еще один характерный признак — профилировка полого стебля ножки посередине валиком [Мандельштам, 1966, с. 115]. Основываясь на этих двух признаках, А. М. Мандельштам относит часть бокалов из могильника Туп-хопа к «рюмкообразному» типу [там же, с. 155—156]. Однако анализ тупхопинской керамики, включая и материалы раскопок последних лет, показывает, что валик на стебле ножки отнюдь не обязательная принадлежность бокалов «рюмкообразного» (по А. М. Мандельштаму) типа. Встречаются, причем довольно часто, и гладкие стебли. Такой же признак, как «вытянутость», на наш взгляд, страдает излишней субъективностью и не может служить опорным для выделения типа. В данных бокалах мы имеем тот же двухчастный корпус, что и у бокалов «колоколовидного» типа: небольшую коническую или выпукло-коническую нижнюю часть и вытянутую верхнюю с довольно значительным прогибом стенок. Практически все детали формы «колоколовидных» и «рюмкообразных» бокалов совпадают. Представляется более правильным объединение подобных бокалов в один тип — «колоколовидных», возможно, с выделением в качестве варианта «вытянуто-колоколовидных».

Вместе с тем среди «рюмкообразных» (по А. М. Мандельштаму) бокалов из Бабашовского могильника имеется форма с довольно своеобразным профилем корпуса. Речь идет о бокалах с высоким, узким в нижней части резервуаром, стенки которого расходятся от стебля ножки без резкого уширения или перегиба, иными словами, отсутствует двухчастность корпуса. Прогиб стенок в верхней части корпуса, как правило, незначительный [Мандельштам, 1975, с. XXII, 1—3, 5—8]. Именно подобные сосуды представляется целесообразным выделить в «рюмкообразный» тип.

Столовая керамика

В данную категорию включены в основном тонкостенные, «парадные» сосуды, изготовленные из тщательно отмученной глины с минимальными добавками. Именно эта категория керамики наиболее подвержена эволюционным изменениям.

Бокалы. Предположительно выделено четыре типа.

Цилиндроконические (табл. XII, рис. 1—4). В первом периоде представлены лишь немногочисленными фрагментами ножек. Находки во втором периоде фрагментов с почти полным профилем позволяют восстановить форму этого

типа бокалов. Основными характерными чертами этой формы являются: 1) деление тулова на две части: верхнюю, цилиндрическую, и нижнюю, коническую; 2) сплошная усеченно-коническая ножка со слабовогнутым основанием. Толщина стенок резервуара 0,5—0,6 см, у основания увеличивается до 0,9 см. Переход от одной части тулова к другой представляет собой четко выраженный перегиб, дополнительно отмеченный снаружи желобком.

Сплошная усеченно-коническая ножка не имеет стебля; переход к ней всегда отмечен небольшим уступом. Профиль ножки обычно имеет несколько вогнутый контур, нижняя часть закруглена. Высота ножки колеблется в пределах 1,5—2,3 см, диаметр основания 4,0—5,0 см. Иногда верхняя часть ножки профилирована желобками.

Бокалы изготовлены на круге из хорошо отмученной глины красноватого цвета и, как правило, целиком покрыты плотным красно-коричневым ангобом. Иногда изнутри дно резервуара оставляется неангобированным. На некоторых экземплярах снаружи по корпусу имеется вертикальное полосчатое лощение.

Колоколовидные (табл. XII, рис. 5—14). Для первого периода наиболее многочисленный, судя по количеству фрагментов, тип бокалов. Хотя нет ни одного целого экземпляра, форма восстанавливается с достаточной степенью вероятности. Основная черта — двухчастный корпус, плавный, без резких переходов, перегиб стенок резервуара, и такой же плавный переход к стеблю ножки. В верхней части корпус, видимо, довольно широкий, имел несколько вогнутый контур с расширением у краев. Судя по сохранившимся фрагментам, имелись бокалы с широким и массивным резервуаром и более изящные с вытянутым корпусом. Толщина стенок резервуара не превышает, как правило, 0,5—0,6 см; у дна увеличивается до 0,7—0,8 см. Встречаются, однако, бокалы и с более массивными стенками толщиной 0,8—0,9 см, с уширением у дна до 1,0—1,1 см.

Ножки бокалов этого типа профилированные, на дисковидном основании. Выделяются две группы: 1) довольно короткая (около 3 см) ножка с массивным стеблем (диаметр самой узкой части стебля около 2,5 см); 2) высокая (5,0—5,5 см) ножка с более тонким и изящным стеблем (диаметр самой узкой части — 1,8—2,0 см).

Стебель ножки всегда оформлен валиком. Последний имеет, как правило, приостренный край, но встречается также валик с закругленным или прямым краем. Располагается валик обычно в нижней части стебля, ближе к дисковидному основанию, иногда образуя своеобразную «ступеньку». Как единичный случай, отмечено расположение валика посередине стебля ножки или смещение его в верхнюю часть стебля. Интересен случай сочетания двух валиков — одного в нижней части стебля, у основания, другого — в верхней части.

Стебель ножки, плавно расширяясь, переходит в гладкое дисковидное основание (у единичных экземпляров на верхней поверхности диска имеется желобок). Толщина диска основания колеблется в пределах 0,6—0,8 см; края диска обычно скруглены, но встречаются и приостренные либо вертикальные. Наиболее часто попадаются ножки с диаметром диска основания от 5,0 до 6,5 см, что может свидетельствовать об известной стандартизации, однако имеются и более крупные — до 7,7 см. Вместе с тем надо отметить, что ножки с диаметром основания менее 4,5 см появляются только во втором периоде. В одном случае зафиксирована интересная особенность: по нижней плоскости, вдоль края диска пущен небольшой плоский валик шириной около 0,5 см и высотой 0,2 см.

Все ножки бокалов этого типа полые внутри, причем, как правило, воронкообразное углубление занимает весь стебель ножки, утончая иногда дно резервуара до 0,4 см. В тех же случаях, когда ножка бокала высокая и узкая, полость занимает менее половины высоты стебля.

Для второго периода необходимо указать на резкое сокращение количества бокалов колоколовидного типа при полном сохранении всех деталей формы. Как признак, характерный для второго периода, можно, видимо, рассматривать и отмеченное выше появление бокалов с уменьшенным диаметром диска основания.

Все бокалы этого типа изготовлены на круге из красноватой, тонко отмученной глины высокого качества. Ангоб плотный, покрывает сосуды целиком, коричневого или красно-коричневого цвета. Как единичный случай (для первого периода) отмечено покрытие красноглиняного бокала ангобом серого цвета. Часто на внешней поверхности корпуса имеется полосчатое лощение, доходящее обычно до стебля ножки. Если для первого периода характерно и вертикальное и горизонтальное расположение полос лощения, то во втором периоде встречается только вертикальное расположение.

Колоколовидные с «подкосом» (табл. XII, рис. 15—19). Представляют собой вариант предыдущего типа. В нижней части резервуара резкий перегиб, отмеченный, как правило, острым ребром. Непосредственно над перегибом стенки резервуара сильно прогнуты, а затем резко расширяются кверху, загибаясь внутрь у краев. Ниже перегиба стенки резко сужаются на тонком стебле ножки, образуя своеобразный «подкос». Толщина стенок верхней части резервуара 0,5—0,6 см, к перегибу резко утолщаются до 0,9—1,2 см.

Для первого периода обнаружены только фрагменты нижних частей резервуара, однако по находкам целых экземпляров этого типа бокалов во втором периоде можно выявить все детали формы (табл. XII, рис. 18, 19). Прежде всего это большой диаметр верха бокала. Судя по целым экземплярам, диаметр сосуда составляет $^2/_3$ его высоты. Ножка профилированная, на дисковидном основании. Имеет некоторые отличия от ножек бокалов колоколовидных и рюмкообразных. Во-первых, при небольшой

высоте (2,0—2,5 см) и довольно тонком стебле (1,0—1,4 см) очень небольшой диаметр диска основания (3,5—4,0 см). Это типичный пример так называемой «неустойчивой» ножки. Валик на стебле приострен и смещен в верхнюю часть стебля. Сам диск толщиной 0,5—0,9 см профилирован желобком по боковой поверхности. В одном случае ножка сплошная, в другом — очень неглубокое воронкообразное углубление. Имеется и отмеченная для колоколовидных бокалов деталь: валик по краю нижней поверхности диска.

Бокалы формованы на круге из хорошо отмученной красноватой глины. Плотный красно-коричневый ангоб покрывает сосуды целиком. По внешней поверхности корпуса, до «подкоса» — вертикальное полосчатое лощение.

Рюмкообразные (табл. XII, рис. 20—24). Количество бокалов этого типа в первом и втором периодах примерно одинаково. Характеризуются отсутствием двухчастного деления корпуса, более изящной формой, которую придает им узкое и стройное тулово. Основная черта — равномерное расширение стенок резервуара. В верхней части узкого и высокого тулова — прогиб стенок и иногда довольно значительный отгиб приостренного края (диаметр по венчику около 14,0 см). Толщина стенок резервуара 0,4—0,6 см.

Ножка бокалов короткая (около 2,5 см), имеет либо тонкий (около 1,5 см), либо широкий (до 2,5 см) и массивный стебель. Приостренный валик расположен посередине или в верхней части стебля. Основание ножки дисковидное с закругленным краем, толщиной не более 0,5 см, диаметром 5,0—5,5 см. Ножка полая, причем здесь проявляется та же закономерность, что и у бокалов колоколовидного типа: при массивной и широкой ножке полость занимает практически весь стебель, при узкой — глубина воронкообразного углубления незначительна. Для этого типа также не характерно изменение каких-либо деталей формы во втором периоде.

Сосуды формованы на круге из глины красноватого цвета. Плотный ангоб коричневого или красно-коричневого цветов покрывает сосуд целиком. По внешней поверхности корпуса — полосчатое лощение. Для первого периода — горизонтальное и вертикальное расположение полос, для второго — только вертикальное.

Усеченно-конические (?). Кроме описанных форм бокалов в первом периоде встречен фрагмент нижней части резервуара бокала необычной формы, не укладывающийся ни в один из выделенных типов (табл. XII, рис. 25). Он украшен снаружи пояском орнамента из четырех близко расположенных желобков. По характеру перехода к ножке — в виде уступа, профилированного двумя широкими желобками, и уплощенному дну он может быть отнесен к выделяемому А. М. Мандельштамом типу бокалов с усеченно-коническим туловом. Судя по фрагменту, данный бокал массивный, покрыт ангобом красно-бурого цвета.

Миски (табл. XIII, рис. 1—9). Представлены одним типом с S-образно изогнутым профилем стенок. Различаются степенью отогнутости бортика: иногда этот отгиб значителен. Довольно стандартные по размерам: диаметр по венчику в пределах 18—20 см, однако имеются как экземпляры большего диаметра (до 24 см), так и меньшего (около 16 см). Венчики, как правило, скругленные и утолщенные, встречаются и подпрямоугольные в сечении. На некоторых экземплярах снаружи под венчиком имеется желобок, а при отгибе верхней части снаружи — острое ребро. Во втором периоде на отдельных экземплярах на внутренней поверхности отгиб бортика обозначается «уступом». Обычно изнутри по дну сосудов проходит желобок, образующий замкнутый круг диаметром 3,5—4,5 см. Во втором периоде появляются два концентрических круга. Интересно оформление дна у одного экземпляра — вписанный в круг процарапанный крест. Толщина стенок сосудов 0,5—0,8 см; ко дну обычно уширение до 1,0 см. Миски снабжены низким (0,6—1,0 см) дисковидным или усеченно-коническим слабовогнутым поддоном довольно стандартного диаметра — 6—7 см. Судя по сохранившемуся целому экземпляру, соотношение диаметра и высоты сосуда приближается к пропорции 2,5 : 1.

Преобладают красноглиняные миски, покрытые плотным ангобом коричневого и красно-коричневого оттенков (от бежевого до темно-кирпичного), однако имеются и сероглиняные миски, покрытые серым или черным ангобом. Встречается покрытие черным ангобом красноглиняных мисок. Ангоб покрывал целиком только внутреннюю поверхность, снаружи он имелся только в верхней части сосуда. Иногда внутри дно сосуда оставлялось неангобированным. На одном из сосудов первого периода изнутри по зеркалу имеются редкие полосы горизонтального лощения.

Чаши. Первый тип — с плавно изогнутыми стенками тулова, переходящими в вертикальный или слегка загнутый внутрь бортик (табл. XIII, рис. 10—16, 20—22). Различаются степенью изогнутости стенок: в некоторых случаях почти полусферическая форма тулова. Толщина стенок тулова 0,5—0,7 см, ко дну уширение до 0,8—0,9 см. Венчик, как правило, приострен или закруглен. Выделяются две группы: крупные, с диаметром по венчику 18—24 см, и с меньшим диаметром, 10—13 см. Часто снаружи бортик профилирован одним-двумя желобками, внутренняя поверхность сглаженная. Обычно имеется низкий, слабо выраженный, дисковидный поддон, иногда отделенный от тулова скругленным валиком (диаметр поддона 6—8 см). Изредка встречаются чаши без поддона с плоским, чуть вогнутым донцем. Судя по сохранившемуся целому экземпляру, соотношение диаметра и высоты сосуда близко к пропорции 2,5 : 1.

В основном чаши изготавливались на круге, но встречаются и лепные экземпляры. Тесто хорошо отмучено, в качестве отощителя использовался мелкий песок.

Изнутри и снаружи по бортику сосуды, как правило, покрывались плотным коричневым или красно-коричневым ангобом. Имеются отдельные экземпляры, покрытые ангобом серого или черного цвета.

Второй тип представлен глубокими чашами с округлым туловом и довольно высоким прямым бортиком на небольшом дисковидном поддоне, иногда слабо выраженном (табл. XIII, рис. 17—19, 21, 23, 29, 30). Лучше представлен в первом периоде (как по количеству экземпляров, так и по выразительности фрагментов). Бортик обычно вертикальный, четко отделен от тулова желобком или валиком (иногда валиков несколько, и они как бы «наползают» друг на друга). Часто бортик либо слабо отогнут наружу, либо наклонен внутрь. В последнем случае, когда бортик довольно высокий и не имеет четкого отделения от тулова, сосуд приобретает биконические очертания (табл. XIII, рис. 17). Венчик — приостренная изнутри закраина; снаружи часто оформлен желобками. Диаметр по венчику 10—15 см; максимальный диаметр тулова — 13—18 см; диаметр поддона 4,5—5,0 см; толщина стенок 0,4—0,6 см. У чаш второго периода бортик из-за незначительного прогиба в середине приобретает S-образный профиль.

Все чаши красноглиняные, покрыты плотным красно-коричневым ангобом (внутри обычно полосой по венчику). На отдельных экземплярах снаружи имеется вертикальное полосчатое лощение.

Кружки (табл. XIII, рис. 24). Представлены единичными экземплярами во втором периоде. Это красноглиняные тонкостенные сосуды со сферическим туловом, вертикальным, часто несколько отклоненным наружу невысоким (2,0—2,5 см) бортиком и С-образной ручкой. Последняя вверху крепится на переходе бортика в тулово, внизу — над максимальным расширением тулова. Венчик сосуда — приостренная снаружи и изнутри закраина. Максимальное расширение тулова обычно в нижней трети сосуда, где имеется довольно заметный перегиб. Переход бортика к тулову плавный. Диаметр венчика 9—10 см; диаметр тулова около 15 см; толщина стенок 0,3—0,5 см.

Снаружи сосуды целиком покрыты плотным коричневым ангобом; изнутри ангоб нанесен полосой по венчику. На отдельных экземплярах снаружи имеется вертикальное полосчатое лощение по бортику и верхней части тулова.

Курильницы (табл. XIII, рис. 25—28). Во фрагментах имеются в обоих периодах. Судя по целому экземпляру из первого периода, представляют собой полусферический резервуар на высокой полой ножке. Край резервуара горизонтально срезан, снаружи оформлен узким желобком. Глубина резервуара 5,0 см, диаметр 13,5 см. Массивная ножка (высотой около 8 см, диаметром 4 см) в верхней части снабжена приостренной шайбой-ребром. Дисковидное основание (диаметр 13,7 см) имеет следы подрезки ножом. Высота курильницы 13,2 см; снаружи и изнутри — покрытие серым ангобом.

Кроме того, встречены несколько фрагментов оснований подобных сосудов, снабженных тремя большими ножками. Имеется обломок четырехугольного ступенчатого основания также на ножках. Высота ножек 1,2—1,5 см; покрытие — красно-коричневым или красным ангобом.

Встречается и несколько огрубленный лепной вариант подобных сосудов (табл. XIII, рис. 31).

Тарная керамика

Данную категорию составляют крупные толстостенные сосуды, изготовленные, как правило, на гончарном круге.

Тагора. Для первого периода характерны два типа. Первый тип — тагора конической формы с прямыми стенками (табл. XIV, рис. 1—13). Преобладают крупные формы с диаметром по венчику от 35—45 см до 50 см, при толщине стенок 1,0—1,5 см; однако встречаются и меньшие по размерам — диаметр венчика 28—33 см, толщина стенок 0,7—0,8 см. Венчики подтреугольные в сечении либо манжетовидные шириной 2,8—3,0 см, профилированы снаружи желобками (от одного до трех). Верхний край их приострен или уплощен. Во втором периоде появляется особенность, которая характерна и для отдельных экземпляров первого периода, — загибание бортика и верхней части венчика внутрь, причем иногда до такой степени, что последний становится практически вертикальным. Для второго периода характерна и некоторая стандартизация диаметров — 40—45 см. Дно сосудов плоское либо очень низкий сплошной поддон.

Тагора красноглиняные, как правило, изнутри покрывались коричневым или красным ангобом, однако встречаются и неангобированные (крупные сосуды). Изредка ангобировалась только верхняя часть изнутри полосой по бортику. Для второго периода характерны экземпляры с наклонным полосчатым лощением по зеркалу.

Второй тип — тагора с S-образным профилем стенок (табл. XIV, рис. 14—17). Встречаются только в первом периоде. Стенки слабо изогнуты, отличия в степени отогнутости бортика. Диаметр по венчику 33—40 см. Соотношение диаметра и высоты сосуда 2 : 1. Толщина стенок 1,1—1,4 см, к дну уширение до 1,8 см. Венчик в сечении подтреугольный или клювовидный, профилирован снаружи одним-двумя желобками. Дно — низкий (около 2 см) сплошной поддон. Иногда на внутренней поверхности, в месте отгиба бортика — небольшой «уступ», по дну — кольцевой желобок. Часто зеркало в верхней части орнаментировано одним-тремя рядами волнистых

линий, отделенных друг от друга желобками. По краю бортика — нерегулярно расположенные ромбовидные или точечные вдавления. Изредка снаружи нижняя часть тулова украшалась желобками. Сосуды красноглиняные, как правило, зеркало у них покрыто коричневым либо красно-коричневым ангобом. Снаружи ангоб полосой по венчику. Как исключение встречаются неангобированные экземпляры.

Кувшины. Традиционно выделены два типа кувшинов: одноручные и двуручные.

Одноручные кувшины. Имеется ограниченное число экземпляров как в первом (табл. XV, рис. 1, 2), так и во втором (табл. XV, рис. 4) периодах. Высокий (до 2,5 см) вертикальный венчик сосуда имеет скругленную верхнюю площадку; изнутри, при переходе в узкое цилиндрическое горло, образует резкий уступ. Узкое (около 5,5 см) и высокое (до 7,5 см) горло также резко переходит в слабораздутое тулово. Диаметр сосудов по венчику 6,5—7,5 см. Реберчатая, уплощенная в сечении С-образная ручка вверху крепится к нижней части венчика, внизу — на плечиках, при переходе к тулову. Изредка венчик в нижней части украшается желобком. У сосудов второго периода венчик приобретает незначительный наклон внутрь.

Сосуды светлоглиняные, внешняя поверхность затиралась тряпкой и покрывалась желтоватым ангобом. Толщина стенок 0,5—0,8 см. Кувшины второго периода несколько больше по размерам.

Двуручные кувшины (табл. XV, рис. 3, 5—18). Преобладающая форма. В первом и во втором периодах имеются археологически целые экземпляры.

Сосуд первого периода — это крупный (диаметры: венчика — 13,6 см, горла — 12,6 см, тулова — 35 см, дна — 17,2 см; высоты: общая — 52 см, горла — 10,4 см; тулова — 23 см), толстостенный (2—2,5 см) кувшин на слабо выделенном поддоне (табл. XV, рис. 5). Венчик отогнут наружу, имеет вид приостренной книзу шайбы. Высокое вогнутое горло плавно переходит в покатые плечики (переход снаружи отмечен желобками). Массивное тулово яйцевидной формы, в верхней части украшено двумя желобками. Массивные петлевидные ручки, овальные в сечении, крепятся на плечиках. Сосуд светлоглиняный, снаружи покрыт плотным сероватым ангобом.

Кувшин второго периода (диаметры: венчика — 14 см, горла — 9,7 см, тулова — 32,4 см, дна — 17 см; высоты: общая — 46,5 см, горла — 8,2 см, тулова — 25,7 см) имеет отогнутый наружу плоский широкий венчик, профилированный желобком (табл. XV, рис. 16). Горло раструбообразное, расширяется книзу. При переходе к крутым плечикам изнутри — резкий перегиб. Снаружи переход оформлен желобками. Массивное тулово яйцевидной формы, плечики украшены двумя полосами волнистого орнамента, разделенными рядом подтреугольных вдавлений. Уплощенные в сечении петлеобразные «хвостатые» ручки крепятся на плечиках. Сосуд светлоглиняный, снаружи покрыт желтоватым ангобом.

Судя по другим фрагментам (табл. XV, рис. 13—15), аналогичные сосуды различались формой венчика. Имеются подтреугольные профилированные либо квадратные в сечении венчики.

Основную массу двуручных кувшинов (табл. XV, рис. 6—12) составляют сосуды несколько меньших размеров с диаметрами венчиков 10—13 см, горла — 8—11 см. Венчик обычно отогнут наружу, имеет вид приостренной или скругленной шайбы. Изредка встречаются венчики с уступчатой верхней площадкой. Горловина, как правило, цилиндрическая, с прогибом в нижней части, переход к покатым плечикам плавный. Для сосудов первого периода характерно наличие острого ребра в верхней части горла, иногда сразу под венчиком. Дно сосуда обычно невыделенное, изредка встречается сплошной дисковидный поддон. Петлеобразные реберчатые ручки, уплощенные в сечении, крепятся к середине или нижней части горла и на плечиках. Часто они имеют так называемый «хвост», или пальцевое вдавление у нижнего основания.

Орнаментация сосудов скудная — обычно это желобки по плечикам, как исключение встречается волнистый орнамент.

Сосуды светлоглиняные с желтоватым ангобом или красно-глиняные с ангобом красно-коричневых оттенков. Очень редко встречается серый или черный ангоб. Ангобное покрытие плотное, занимает всю наружную поверхность, изнутри — полосой по венчику и потеки по горлу. На одном из сосудов первого периода по горлу вертикальное полосчатое лощение. Подавляющее большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, однако встречаются единичные лепные экземпляры.

Горшки (табл. XV, рис. 19—23). Лучше представлены в комплексе керамики первого периода. Это широкогорлые, обычно толстостенные (толщина стенок 0,7—0,9 см) крупные сосуды с отогнутым наружу краем. Венчик в сечении подквадратный или подтреугольный, снаружи, а часто и по верхней плоской площадке профилирован одним-тремя желобками. Диаметр сосудов по венчику 13—15 или 20—21 см. Во втором периоде появляются горшки с большим диаметром — до 37 см. Венчик изгибается, становясь вертикальным. Горло высокое, раструбообразное, с уширением книзу, слабопрогнутое в середине, его диаметр обычно 12—13 или 17—19 см. У сосудов второго периода достигает 30 см. Венчик часто отделен от горла желобком. Во втором периоде появляется уступчатый переход к горлу (изнутри).

Переход к шаровидному либо яйцевидному тулову плавный, оформлен, как правило, желобками. Горло сосудов первого периода часто украшено полосами волнистого орнамента, иногда в верхней части имеется ребро. Горшки второго периода орнаментации лишены.

Все сосуды изготовлены на гончарном круге из тонкоотмученной розоватой глины. Наружная поверхность целиком покрывалась плотным красно-коричневым ангобом. Изнутри ангоб только полосой по венчику и потеками по горлу.

Хумы (табл. XVI, рис. 1—5, 7—17, 20—24). Это крупные, толстостенные сосуды для хранения, высотой 90—120 см. Диаметр сосудов по венчику 30—50 см. Тулово слабораздутое, по профилю приближается к цилиндрическому. Дно плоское либо выпуклое, изредка имеется слабо выраженный поддон. Диаметр дна 40—65 см. Венчики скругленные, изредка подтреугольные либо Г-образные в сечении. Можно выделить три типа: наклонные внутрь, вертикальные, отогнутые наружу. Внешняя поверхность обычно профилирована желобками. Иногда под венчиком, на шейке сосуда, имеется валик, часто рассеченный пальцевыми вдавлениями. Изредка венчик в нижней части орнаментирован овальными либо ромбическими вдавлениями. Стенки сосудов ко дну утолщаются. Часто в тех случаях, когда дно выпуклое, переход к нему снаружи отмечен уступом.

Хумчи (табл. XVI, рис. 6, 18, 19). Сосуды во многом аналогичные хумам, но меньших размеров. Высота обычно не превышает 60 см, диаметр по венчику 25—30 см. Иногда они снабжены двумя С-образными ручками, прикрепленными на плечиках.

Сосуды светлоглиняные либо красноглиняные, в тесте имеется примесь крупного песка. Внешняя поверхность заглажена, изредка покрыты белым либо желтоватым ангобом.

Широкогорлые двуручные сосуды (табл. XV, рис. 24—26). Это крупные (диаметр по венчику 20—22 см), толстостенные сосуды. Имеются единичные экземпляры как в первом, так и во втором периодах. Отогнутый наружу венчик обычно представляет собой скругленную шайбу или дает в сечении подтреугольный профиль. Слабо выделенное устье плавно переходит в раздутое, округлое тулово, по плечикам обычно украшенное поясками волнистого орнамента и подтреугольных вдавлений, разделенных желобками. Широкие петлеобразные ручки крепятся на плечиках. В сечении они уплощенные, по внешней поверхности — два ребра. Сосуды, как правило, красноглиняные, неангобированные.

Кухонная керамика

К этой категории отнесены в основном лепные сосуды, изготовленные из грубого теста с многочисленными включениями крупного песка, шамота, плохо обожженные, закопченные снаружи.

Котлы. Красноглиняные лепные сосуды сферической формы, изредка имеется подправка верха сосуда на гончарном круге. Можно выделить два типа. К первому типу относятся сферические сосуды с невыделенным, наклонным внутрь венчиком в виде приостренной или скругленной закраины (табл. XVII, рис. 1—6). Изредка встречается уплощенная верхняя площадка венчика, иногда снаружи по краю сосуда — два концентрических желобка. Дно выпуклое. Диаметр сосудов по венчику 9—12 см, встречаются и более крупные (до 22 см). Диаметр тулова 13—18 см, толщина стенок 0,6—0,9 см.

Сосуды второго типа отличаются наличием вертикального скругленного венчика, который иногда отделяется от тулова желобком-уступом (табл. XVII, рис. 7—10). Изредка венчик оформляется снаружи желобками. Диаметр сосудов по венчику 10—18 см, встречаются и крупнее (до 21 см). Высота венчика около 2 см, толщина стенок 0,7—0,8 см.

Ангобное покрытие на сосудах, как правило, отсутствует, очень редко встречается покрытие серым ангобом верхней части сосуда. В тесте много шамота, дутика, крупного песка.

Горшки. К ним отнесены также преимущественно лепные сосуды, у которых обычно верхняя часть подправлена на гончарном круге. Тулово часто асимметричное, грушевидной формы. Дно выпуклое или слабо уплощенное. Сосуды различаются в основном формой венчика.

Первый тип — это утолщенные, округлые или клювовидные в сечении венчики, невысокие, довольно сильно отогнутые наружу (табл. XVII, рис. 11—21). Второй тип — высокие (около 3 см), часто приостренные венчики (табл. XVII, рис. 22—31). Шейка этого типа сосудов низкая, плавно переходит в тулово. Встречается оформление плечиков полосой волнистого орнамента или насечек, изредка — желобками. У ряда экземпляров на плечиках имеются подковообразные налепные ручки в виде полуовальной лопасти с пальцевыми вдавлениями снизу (табл. XVII, рис. 38, 39).

Во втором периоде появляются новые типы венчиков: широкие плоские, профилированные снаружи (табл. XVII, рис. 33) и Т-образные в сечении (табл. XVII, рис. 32).

Диаметр сосудов по венчику, как правило, 17—22 см, изредка встречаются и большие (до 26 см). Толщина стенок 0,7—0,8 см.

Все сосуды красноглиняные, в тесте имеется значительная примесь дутика, шамота, крупного песка. Ангоб, как правило, отсутствует, изредка встречается плотное ангобирование белого, розового, серо-зеленого цветов.

Баночные сосуды (табл. XVII, рис. 34—37). Редкая форма. В первом периоде сосуды только лепные, во втором появляются изготовленные на гончарном круге. Стенки вертикальные, толщина 0,7—1,0 см. Венчик уплощенный либо округлый.

У сосудов второго периода в верхней части стенок — легкий прогиб и несколько концентрических желобков. Дно плоское. Диаметр по венчику 17—20 см. Сосуды красноглиняные, неангобированные, в тесте примесь шамота.

«Столик-подставка». В первом периоде встречен фрагмент круглого (диаметр около 30 см) лепного «столика» на ножках (сохранилась одна). Верхняя поверхность и края закопчены. Тесто грубое, с крупными примесями, кирпично-красного цвета. Толщина диска 3 см, высота ножек 4 см.

Крышки (табл. XVII, рис. 40—42). Как в первом, так и во втором периодах имеются крупные дисковидные керамические либо алебастровые крышки диаметром от 15 до 30 см. Небольшие экземпляры снабжены шишковидной ручкой и несколько закопчены с краев.

Керамика из «водостока»

При раскопках угловой северо-восточной башни и зачистке прилегающих к ней внешних стен центральной части городища был получен довольно значительный керамический комплекс. В основном он происходит из так называемого «водостока» у северной оборонительной стены (см. выше, гл. I, описание раскопов). Накопление комплекса происходило, видимо, длительное время, скорее всего, на протяжении всего периода жизни поселения. В силу этого, а также ввиду того, что некоторые формы керамики отсутствуют в материале других раскопов, представляется целесообразным дать отдельное описание комплекса.

Столовая керамика. Б о к а л ы представлены двумя типами. Имеется фрагмент нижней части ц и л и н д р о к о н и ч е с к о г о бокала на невысокой (с коротким стеблем) дисковидной, слабовогнутой ножке (табл. XVIII, рис. 1). Стенки конической части вверху имеют легкий выгиб. Переход к цилиндрической части (не сохранилась) отмечен валиком и узким желобком. Высота ножки 1,6 см, диаметр цилиндрической части 16 см, диаметр диска основания 5 см, диаметр стебля 3 см. Сосуд красноглиняный, покрыт плотным красно-коричневым ангобом снаружи и внутри.

Два других фрагмента принадлежат, видимо, бокалу к о л о к о л о в и д н о г о типа (табл. XVIII, рис. 2, 3). Это верхняя часть резервуара (диаметр по венчику 16 см) и фрагмент полой ножки на дисковидном ступенчатом основании (диаметр 7,5 см) с высоким узким (диаметр 2,4 см) стеблем.

М и с к и (табл. XVIII, рис. 4—7). Имеется много археологически целых сосудов. Представлены тем же типом, что и в основном комплексе, — с S-образным профилем стенок. Венчик — приостренная или скругленная закраина. Изгиб стенок обычно плавный, встречаются экземпляры с резким перегибом. Изнутри по дну — кольцевой желобок. Изредка желобками оформлен край мисок снаружи или переход к поддону. Последний дисковидный, сплошной либо конический, слабовогнутый (диаметр 3—4 см, до 7 см), иногда довольно высокий (до 1,5 см). Диаметр сосудов 15—17 см, высота 7—8 см (есть более высокие — до 10 см). Соотношение диаметра и высоты сосуда 2 : 1. Толщина стенок 0,5—0,6 см.

Все сосуды красноглиняные, изнутри покрыты плотным красно-коричневым ангобом. Снаружи ангоб — полосой по краю.

Ч а ш и (табл. XVIII, рис. 8—10). Представлены только первым типом с полусферическим резервуаром. В средней части резервуара обычно имеется довольно резкий перегиб, часто отмеченный снаружи и изнутри ребром. У некоторых экземпляров изгиб стенок плавный. Венчик — приостренная закраина. Так же как и у мисок, на дне часто имеется кольцевой желобок (иногда два), изредка его заменяет ребро. Высокий (1,0—1,5 см) дисковидный либо конический поддон (диаметр 3—3,3 см) четко отделен от тулова. Диаметр сосудов 17—19 см, высота 7,5—8,5 см. Соотношение диаметра и высоты 2 : 1. Толщина стенок 0,5—0,7 см. Сосуды красноглиняные, изнутри покрыты плотным красно-коричневым ангобом, снаружи покрывалась только верхняя часть сосуда.

Тарная керамика. Т а г о р а тех же типов, что и в керамике из раскопов на городище. Тип первый — конической формы с прямыми, слегка изогнутыми стенками (табл. XVIII, рис. 11, 12). Манжетовидный либо клиновидный венчик профилирован желобком. Диаметр по венчику 38—40 см. Сосуды светлоглиняные, неангобированные.

Тип второй — с S-образным профилем стенок (табл. XVIII, рис. 13, 14). Один из экземпляров орнаментирован: изнутри по краю — две полосы волнистого орнамента, отграниченные желобками. Сосуды красноглиняные, изнутри и снаружи покрыты плотным красно-коричневым ангобом.

Имеются несколько фрагментов о д н о р у ч н ы х к у в ш и н о в того же типа, что и в основном комплексе (табл. XVIII, рис. 15, 16). Венчик вертикальный (высота около 2 см) либо слабо отогнутый наружу, подтреугольный в сечении (диаметр 9,5—10 см). Горло цилиндрическое, слабовогнутое (диаметр 9—9,5 см, высота — 6,5—7,0 см). Переход к неширокому тулову (диаметр 20—22 см) плавный, снаружи оформлен валиком. Уплощенная в сечении С-образная ручка вверху крепится к венчику или под ним, внизу — на плечиках. Сосуды красноглиняные, неангобированные, внешняя поверхность заглажена.

Имеются несколько фрагментов венчиков и донец г о р ш к о в (табл. XVII, рис. 17—19). Приостренный, профилированный желобками венчик отогнут наружу, горловина высокая, слабовогнутая. Диаметр по венчику 22 см, диаметр горла 20 см.

Донца горшков снабжены тремя небольшими ножками (в основном комплексе этот тип отсутствует). Ножки сосцевидной формы высотой 0,5—2,0 см крепились по краю днища (диаметр 16—18 см). Сосуды красноглиняные, неангобированные, внешняя поверхность заглажена.

«К р а т е р ы» — данный тип отсутствует в керамике из помещений. Это широкогорлые сосуды с яйцевидным туловом на высоком поддоне, снабженные одной или двумя ручками (табл. XVIII, рис. 20, 21). Венчик отогнут наружу, в сечении подтреугольный либо квадратный. Обычно профилируется снаружи широким желобком. Высокая (6,0—6,5 см) раструбообразная горловина плавно переходит в покатые плечики. Переход оформлен валиком. Тулово резко суживается книзу. Высокий (до 6,5 см), полый, ступенчатый поддон изготавливался отдельно. Основание дисковидное, профилировано желобком (диаметр 14 см). Ручки двух типов: налепные петлевидные с горизонтальными отростками (две ручки, крепятся в верхней части тулова) либо С-образные, уплощенные в сечении (одна ручка, крепится в верхней части горла и на плечиках). Верхняя часть тулова и низ горла обильно орнаментированы. По горлу идет крупный овальный «елочный» штамп, по плечикам — полосы волнистого орнамента и овальных вдавлений, разделенные желобками. Диаметр сосудов по венчику 26—28 см, диаметр горла 23—24 см, диаметр тулова 25—27 см, высота сосуда около 30 см, толщина стенок 1,0—1,1 см.

Сосуды изготовлены на круге из хорошо отмученной глины, черепок в изломе кирпично-красного цвета. Покрытие плотным красно-коричневым ангобом — снаружи целиком, изнутри полосой по краю.

Кухонная керамика. Представлена единичными фрагментами лепного с подправкой верха на гончарном круге горшка (табл. XVIII, рис. 22). Венчик округлый в сечении, отогнут наружу. Очень короткая шейка плавно переходит в покатые плечики. Черепок в изломе красного цвета, снаружи закопчен. Диаметр по венчику 24 см, толщина стенок 0,6—0,7 см.

Из единичных форм керамики отметим целый м и н и а т ю р н ы й г о р ш о ч е к с короткой шейкой и шаровидным туловом (табл. XVIII, рис. 23). Скругленный венчик отогнут наружу, дно плоское. Диаметры: венчика 3,7 см, горла 3,3 см, тулова 6,2 см, дна 3,3 см. Высота 7,4 см. Сосудик красноглиняный, изготовлен на гончарном круге.

К а т а л о г 2
НАХОДКИ С ГОРОДИЩА ТЕПАИ-ШАХ

1. Микробаза из светлого мергелистого известняка (раск. 2, пом. Va[1], хозяйственная яма № 1), трехчастная: двухступенчатый прямоугольный плинт, на котором покоится вал. Высоты: общая около 90 мм; нижней ступени 32 мм; верхней ступени 19 мм; вала 38 мм. Примерный диаметр вала 100 мм. Углы и грани плинта почти полностью отбиты. Верхняя поверхность базы ровная, нижняя — с западиной в средней части, без следов гнезда.

2. Микробаза из светлого мергелистого известняка (подъем): двухступенчатый плинт, на нем высокий торовидный вал, диаметр которого превышает размеры плоскости верхней ступени плинта (табл. III, рис. 2). Над валом — полочка, боковая плоскость которой наклонная. На нижней плоскости постамента — глубокое, расширяющееся к основанию прямоугольное гнездо (27×35 мм, глубина 42 мм), на верхней плоскости полочки — круглое коническое гнездо (глубина 15 мм, диаметр 10 мм). Плоскости ступенек параллельны друг другу, на валу — следы точки, хорошо заметные также на верхней ступеньке. Высоты: общая 138 мм; нижней ступени 38 мм; верхней ступени 20 мм; вала 66 мм; полочки 16 мм. Длина ступени 145 мм, верхней — 120 мм. Диаметр вала 133 мм, полочки 91 мм.

3. Микробаза из светлого мергелистого известняка (подъем): в основании четырехугольный плинт, приближающийся к квадратному, на нем — полочка, образующая окружность и плавно переходящая в скоцию, и несколько выступающий за нее валик (табл. III, рис. 5а—б). В центре нижней плоскости плинта имеется квадратное гнездо (12×12 мм; глубина 25 мм). На верхней поверхности валика — углубление неправильной формы. Поверхность базы сильно разрушена вследствие выветривания. Высоты: общая 54 мм; плинта 22 мм; полочки 3 мм. Размеры основания 104×108 мм. Диаметры: полочки 102 мм; скоции 75 мм; валика 77 мм.

4. Микробаза из мергелистого известняка (подъем), двухчастная: приближающийся к квадрату плинт, на нем — образующий окружность вал (табл. III, рис. 4а—б). В центре нижней плоскости плинта имеется квадратное гнездо (16×16 мм; глубина 24 мм). Верхняя поверхность неровная, с некоторым западением в центре. Сохранность плохая. Высоты: общая 54 мм; плинта 25 мм; вала 29 мм. Размеры основания 108× ×110 мм, диаметр вала 94 мм.

5. Фрагмент микробазы из мергелистого известняка (подъем): двухчастный прямоугольный плинт со следами окружности (очевидно, вала) на верхней ступеньке (табл. III, рис. 3а—б). Нижняя поверхность ровная, без следов гнезда. Высоты: сохранившаяся общая 72 мм; нижней ступеньки плинта 40 мм; верхней 22 мм. Длина ступенек: нижней 157 мм; верхней 122 мм. Диаметр вала — около 95 мм.

6. Фрагменты глиняной и алебастровой скульптуры (раск. 2, пом. IIIа). Фрагмент глиняной скульптуры — очевидно, части торса (один крупный — 40×25 см),

куски складчатой одежды. Складки в основном изготовлены моделированием, частично — вырезанием. На крупном фрагменте (торсе?) они идут вертикально, с небольшим изгибом; на одной стороне фрагмента (у плеча?) направление складок меняется. Поверхность покрыта тонким слоем белого алебастрового грунта, на который наносилась красная краска. Кое-где сохранилась в виде небольших участков золотая фольга.

Имеются два фрагмента алебастровой скульптуры. Один небольшой (6×4 см), с рельефным украшением на поверхности (какая-то колоколовидная фигура). Алебастр серый, пористый. На внутренней поверхности — отпечатки грубой ткани.

Наибольший интерес представляет второй фрагмент — это правая (?) рука и часть плеча фигуры, выполненной, примерно, в треть натуральной величины (табл. XIX; XX, рис. 1). Одеяние высоко на руке оканчивается рельефным «обшлагом», находящимся около локтя. Рука согнута в локте, причем предплечье поднято вверх к плечу. В горизонтально поставленной кисти руки — пять цветов. Пятилепестковые рельефные цветки расположены на ладони и сжаты пальцами, причем один из них зажат между большим и указательным пальцами. Пальцы длинные и тонкие, искусно передан сложный изгиб. Указательный палец охватывает край цветка; чтобы показать это, скульптор «завел» его на большой палец; показаны даже лунки ногтей.

Запястье охвачено двумя браслетами. Нижний — круглый в сечении, гладкий; верхний также круглый, с четырьмя (сохранились три) шариками на поверхности. «Обшлаг» небрежный, с двумя глубокими желобками внутри, неглубокие желобки и на локте.

Рука была прикреплена с помощью палочки диаметром 12 мм (от нее осталось отверстие). В плечевую часть внутри (как видно в сколе) был вставлен кусок старой скульптуры, от которой сохранилась окраска в красный цвет и позолота.

Возможно, это был погрудный бюст, ибо нижняя часть фрагмента — плоская. Но нельзя исключить и изготовления по частям, возможно, это верхняя часть более крупной скульптуры. Судя по обработке рукава и «обшлага» с тыльной стороны, скульптура, возможно, предназначалась для кругового обзора. Высота фрагмента 120 мм, ширина 140 мм. Алебастр сероватый, низкого качества. Хотя скульптура выполнена довольно грубо, но отведенная к плечу рука с трепетно сжатыми пальцами и цветами, которые вот-вот должны быть брошены, сделана достаточно профессионально.

7. Фрагмент крупной каменной скульптуры (найден при расчистке фаса оборонительной стены). С одной стороны — вогнутая поверхность; перпендикулярно ей расположена другая поверхность с тремя валиками. Остальные поверхности сбиты (табл. XXI, рис. 3).

Первое впечатление, что это ступня, выполненная в две натуральные величины. Но это предположение вызывает много сложностей. Размеры фрагмента 25×13,4××10,5 см.

8. Статуэтка женская (раск. 1, пом. XII), терракотовая, в виде рельефа на пластинке (табл. IV, рис. 1; табл. XXII, рис. 3). Пластинка с обратной стороны выпуклая, с продольной изогнутостью (нижняя часть выступает вперед). На лицевой стороне изображение нагой женщины (голова отбита). Поза строго фронтальная, с руками, опущенными вниз, и ладонями, обращенными к зрителю. Тело хорошо моделировано: узкая талия, очень широкие бедра, выпуклости грудей, припухлость живота — все это передано смело и искусно. Длинные, слегка расставленные ноги моделированы значительно хуже, колено не ощущается, бедра непропорционально коротки. На ногах — неясно проработанная обувь.

Одно ожерелье охватывает шею, другое опускается ниже и проходит между грудей. Первое ожерелье состоит из двух параллельных полосок, пространство между которыми заполнено кружками. Второе представляет собой широкую гладкую внешнюю полоску, к которой с внутренней стороны примыкает узкая полоска с частым поперечным рифлением. На плечевой части рук изображены браслеты в виде примыкающих друг к другу прямоугольников, внутри которых — вписанные прямоугольники. На бедрах опояска в виде двух полосок, пространство между которыми заполнено квадратиками. В центре от нее свешивается листок, прикрывающий лобок. На руках над кистями — строенные косые рельефные полоски, возможно браслеты. На ногах, над ступнями, по-видимому, также массивные браслеты.

Нижняя часть пластины двумя вырезами сужена на ширину расставленных ступней ног. Основание пластины узкое, округло-выпуклое.

Статуэтка красноглиняная, покрыта красно-коричневым ангобом, целиком с лицевой стороны и частично с обратной. Штампована в форму без последующей подработки, что привело к появлению множества мелких дефектов, которые не были устранены. Вместе с тем это мастерское произведение, сделанное с большим художественным тактом. Лепка объема, проработка деталей (в частности, ладоней рук с выделенным большим пальцем) превосходны. Незначительная асимметричность «оживляет» это фронтальное изображение «длинноногой якши».

Размеры статуэтки: сохранившаяся высота 90 мм; ширина на уровне плеч 40 мм; ширина на уровне бедер 50 мм; ширина внизу 23 мм; максимальная толщина (живот) 17 мм; высота рельефа 6—9 мм.

9. Головка статуэтки (раск. 1, пом. XIV, пол), терракотовая (табл. XXI, рис. 2; табл. XXII, рис. 1). Персонаж в высокой тиаре. Очень вытянутый и мягкий овал лица. Припухлость щек почти не ощущается. Черты лица крупные. Овалы глаз, приостренные к одной, внешней стороне. Нос внизу разрушен, рот маленький, подбородок большой, массивный, но также мягко-округлый. Крутые брови сходятся на переносице.

На голове — высокая округло-коническая тиара. В основании ее — широкая, слабо рельефная гладкая полоса, в верхней ее части — еле заметные радиально-вертикальные штрихи. По бокам тиара опускается вниз, доходя до уха. Голова оттиснута в форму, *причем одна сторона (левая) глубже, другая мельче.* С левой стороны — «заусеницы», выступающие за границы углубления формы. Статуэтка красноглиняная, тщательно выполненная. Покрыта снаружи и частично с тыльной стороны ангобом. На тыльной стороне, посредине — продольный желобок от вдавливания глины в форму. Размеры: высота фрагмента (сохранилась от верха шеи и выше) 60 мм, ширина 35 мм.

10. Нижняя часть статуэтки сидящего персонажа (раск. 2, пом. 11а) терракотовая (табл. XXII, рис. 2). На пластинке глубоким рельефом оттиснута фигурка. На левом колене — сбитый выступ, может быть, рука, положенная на колено. Ноги широко расставлены. Низко опущенный волнистый подол верхнего платья почти достигает ступней. Складки между ногами идут косо, на ногах перпендикулярно. Между ногами, под подолом, ниспадают складки нижнего платья, доходящие до постамента. Сохранилась передняя часть правой ступни, сверху охваченная обшлагом. Внизу — отогнутый вперед выступ, на котором покоятся ноги. Основание плоское, но сделанное таким образом, что поставленная на него фигура отклоняется назад. Задняя сторона — выпуклая в поперечном сечении. Боковые грани (как и основание) срезаны ножом. Тесто темно-коричневое. Лицевая часть покрыта светло-серым ангобом. После обжига пластинка с лицевой стороны была покрашена оранжево-красной краской, причем в складках очень толстый слой. Размеры фрагмента: ширина 85 мм; высота 85 мм; толщина 23—25 мм; высота рельефа 15 мм.

11. Терракотовая головка (подъем). Лицо широкое, лоб высокий и широкий (табл. XXI, рис. 1). Глаза очень широкие и широко посаженные, без малейшего намека на монголоидность. Кончик носа оттянут вперед, благодаря чему создается впечатление «курносости». Очень маленький рот и массивный подбородок, головной убор (прическа?) охватывает лицо сверху и по бокам, внизу заходя вперед.

Штамп с подправкой; в частности, овалы глаз прочерчены острием. Работа небрежная. На обратной стороне — отпечатки пальцев, получившиеся при вдавливании глины в форму. Приподнявшиеся по ободку края были подрезаны ножом. Несмотря на определенный примитивизм, скульптурка не лишена психологической характеристики. Серая глина. Размеры: ширина 42 мм, высота фрагмента 47 мм.

12. Ручка сосуда с изображением человеческой фигуры (подъем), покрытие красно-коричневым ангобом. Сохранилась примерно половина ручки по высоте (нижняя половина). Ручка имела угловатые очертания, причем наружная поверхность ее вертикальной части была плоской. На ней штампом нанесено изображение рельефной человеческой фигуры. Нижняя ее часть сохранилась плохо. Вверху отбита выше рта. По-видимому, основанием фигурки являлись ее бедра (собственно ног нет). Правая рука согнута в локте, прижата к туловищу, а ладонь к плечу, левая вытянута вдоль туловища. На шее — браслет в виде гладкого валика. Подбородок округлый, массивный. Размеры: высота сохранившейся части фигурки 22 мм, ширина 11 мм.

13. Зернотерка (подъем). Нижняя поверхность грубо оббита, верхняя, рабочая, заглажена и имеет седловидное западение по середине длинной стороны. Максимальное понижение рабочей поверхности 70 мм, размеры 510×270 мм.

14. Фрагмент зернотерки (подъем). Нижняя поверхность грубо оббита. Максимальное понижение седловидного углубления по отношению к сохранившемуся краю 40 мм. Размеры 230×130 мм.

15. Фрагмент терки (подъем). Разбита примерно на две равные части, размеры сохранившейся части 290×200×90 мм. Оборотная сторона ровно оббита. В середине лицевой стороны рабочей части имеется чашевидное углубление (сохранилась половина), примерный диаметр которого 200 мм. Края углубления сглажены. Его максимальная глубина 20 мм, в центре незначительное повышение.

16. Оселок каменный (подъем), пластинчатый, правильной четырехугольной формы и хорошей огранки. У короткой стороны — сверленное с двух сторон отверстие, обломан по длине. Размеры 37×22—25×8 мм.

17. Сосуд каменный (подъем). Горизонтально отогнутый венчик небольшого каменного сосуда из серого сланца. На верхней поверхности — орнамент из входящих друг в друга уголков. Примерный диаметр сосуда 90 мм.

18. Шпилья бронзовые (подъем), круглые в сечении (фрагменты).

19. Крючок бронзовый (подъем), овальный в сечении (6,5×8 мм).

20. Оковка серебряная (подъем) какого-то объемного овального предмета, фрагмент (28×15 мм).

21. Серьга бронзовая (подъем), проволочная. Основание в виде грозди шариков: три шарика в одной горизонтальной плоскости, снизу прикреплен еще один шарик. Диаметры: проволоки — 1,8 мм, шариков — 2 мм.

22. Пряслице каменное (раск. 1, пом. V, яр. III; табл. XXIII, рис. 5). Изготовлено из прозрачной белой породы (жировик?), полусферическое. На плоской поверхности, вдоль окружности — низкий срез. На полусферической поверхности — широкий желобок, в верхней части, над плоской поверхностью — выпуклина. Размеры 35×15×5 мм², вес 19,6 г.

23. Пряслице каменное (раск. 1, пом. XIX, яр. III, табл. XXIII, рис. 11) из белого известняка, цилиндрическое, с непараллельными поверхностями. Отверстие посажено несимметрично. Размеры 31—33×11×4,5 мм, вес 16,2 г.

24. Пряслице каменное (раск. 2, пом. IIIа, яр. III; табл. XXIII, рис. 10), в виде экваториального сегмента. Размеры 25×9×6 мм, вес 6,85 г.

25. Пряслице каменное (подъем; табл. XXIII, рис. 1) из белого известняка, полусферическое с незначительно выпуклым основанием. На основании и на сферической поверхности ближе к каналу — концентрические кольцевые желобки. Канал просверлен трубкой с одной стороны. Размеры 44×27×7—8 мм, вес 54,2 г.

26. Пряслице каменное (раск. 2, пом. IIIа, яр. III; табл. XXIII, рис. 6), из прозрачной белой породы (жировик?). Полусферическое, на плоской поверхности вдоль окружности — низкий срез. Сферическая часть состоит из полуовала в основании, над ним — сложная скоция и валик, ограниченный сверху желобком. Вокруг отверстия — другой желобок, пересеченный пятью короткими штрихами. Размеры 33×13×5 мм, вес 17,1 г.

27. Пряслице керамическое (раск. 2, пом. VIIIа, яр. III; табл. XXIII, рис. 8), цилиндрическое, со слегка выпуклыми основаниями небрежной работы. Размеры 27—28×14×6 мм, вес 10,35 г.

28. Пряслице керамическое (раск. 2, пом. IIIа, яр. III; табл. XXIII, рис. 7), усеченно-коническое, с подкосом. Размеры 32×20×5,5 мм, вес 20,1 г.

29. Пряслице алебастровое (раск. 2, пом. Va, хозяйственная яма 1; табл. XXIII, рис. 4), лепное, неправильно-сфероконическое. Размеры 37—42×18—21× 8—9 мм, вес 17,4 г.

30. Пряслице алебастровое (раск. 1, пом. XII, яр. III; табл. XXIII, рис. 3), лепное, неправильно-цилиндрическое с одной стороны, усеченно-коническое — с другой. Размеры 25—32×23—25×8 мм, вес 21,65 г.

31. Пряслице керамическое (подъем; табл. XXIII, рис. 2), уплощенно-полусферическое, с незначительно выпуклым основанием. Поверхность оформлена желобками. Размеры 41×19×7 мм, вес 37,65 г.

32. Пряслице деревянное (раск. 1, пом. XII, яр. III; табл. XXIII, рис. 9), обуглившееся, сохранилась половина (вертикальный ствол). Имеет сфероконическую форму с вытянутым конусом. На верхней плоскости — вдавление, по окружности выступает закраинка. Канал уступчатый, внизу он с более широкой цилиндрической частью для упора (веретена). Переход к конической части уступчатый. Размеры 33—19×36×4—13 мм, вес 9,15 г.

33. Колокольчик золотой (подъем). Корпус прямоугольный в сечении, четырехугольно-пирамидальный с округлым верхом (табл. VII, рис. 3). Вверху — круглая обоймочка и над ней — овальная петля. Внизу корпуса — горизонтальный рельефный ободочек — основание. Размеры 12×9 мм, сечение 9×2 мм.

34. Бляшка бронзовая (раск. 1, пом. XI, яр. III), округло-коническая, с петелькой внутри (табл. VII, рис. 4). Размеры 20×7,5 мм.

35. Бусина каменная (подъем) из сверленого камня, неправильно-сферическая, сегментированная. Размеры 6,5×5 мм.

36. Бусина (подъем) из светлого камня, цилиндрическая. Размеры 5,5×4 мм.

37. Бусина (подъем) из светлого камня, цилиндрическая. Размеры 6×5 мм.

38. Бусина из египетского фаянса (раск. 1, пом. XII, яр. III), амфоровидная с отломанной головкой (табл. XXXIV, рис. 31). Внизу — четкий перехват, ниже которого — гладкая часть. Размеры 10×19 мм.

39. Бусина из египетской пасты (подъем), семидольчатая на базе сферической двусторонне-симметрично-сегментированной (табл. XXXIV, рис. 41). Особенность: поперечное рифление (на три части) каждой дольки. Глазурь зеленовато-голубая, там, где она сошла, — светло-коричневое тесто. Размеры 11×9×1 мм.

40. Бусина из египетской пасты (подъем) — дольчатая шестеренка на базе сферической с сегментированными у канала концами (табл. XXXIV, рис. 28). Тридцать долек — острых граней, не совсем симметричных: некоторые глубже, некоторые мельче и чаще. Хорошая глубокая глазурь. Тесто, по-видимому, белое. Размеры 12×11×3,5 мм.

41. Бусины (подъем) из желтого прозрачного стекла, дисковидные, односторонне-сегментированные перпендикулярно каналу (две штуки).

42. Заготовка для крупной каменной веретеновидной, уплощенной по длине бусины, сломанная по длине (подъем) (табл. XXXIV, рис. 29). Канал недосверлен, поверхность прекрасно полирована. Размеры 9×12×20 мм.

43. Бусина костяная цилиндрическая с уплощенными гранями (подъем). Размеры 5×12×0,6—0,8 мм.

44. Бусина стеклянная (подъем) (табл. XXXIV, рис. 40), зеленое непрозрачное стекло, эллиптическая, сегментированная с двух сторон. Размеры 6×8×1,5—2,0 мм.

45. Бусина (раск. 2, пом. XIа, яр. III) полусферическая из желтого прозрачного стекла. Полусферическая часть имеет вид рельефной розетки. Размеры 22×7 мм.

46. Бусина (подъем) из непрозрачного светлого стекла, кубическая, с нечеткими срезами на уголках. Размеры 7,5—8×7,5 мм.

47. Бусина (подъем) из зеленого непрозрачного стекла в виде экваториального сегмента (фрагмент). Размеры 8×5 мм.

48. Бусина (подъем) из непрозрачного стекла в виде неправильного сегментированного диска. Размеры 8×7 мм.

49. Бусина (рас. 1, пом. XXI, пол) цилиндрическая, из темного непрозрачного стекла, полосчатая (посередине — полоска белого стекла) (табл. XXXIV, рис. 39).

50. Раковина каури (подъем) со снятой спинкой (табл. XXXIV, рис. 30).

51. Разделитель перламутровый (подъем), плоский, с орнаментированной лицевой поверхностью и гладкой задней (табл. XXXIV, рис. 35). Боковые грани — прямые, верхняя и нижняя — округло-выпуклые. На последних — вертикальные насечки, имитирующие пальцы. Посредине лицевой поверхности — два узких горизонтальных желобка. Длина — 10, высота — 14, толщина — 0,4—0,6 мм.

52. Разделитель перламутровый (подъем) такого же типа, как № 51, но гладкий и короткий (табл. XXXIV, рис. 36). Соответствующие размеры 4×15×3×0,6—0,8 мм.

53. Разделитель из раковины (подъем) в виде узкого и длинного, сильно изогнутого сегмента (табл. XXXIV, рис. 27). На лицевой поверхности — три продольных (вертикальных) желобка. В торце, вверху, просверлены три отверстия. Нижний конец отломан. Длина — 55 мм; ширина внизу (у облома) — 17 мм.

54. Фрагмент стенки сосуда с оттиском печати и надписью (подъем, табл. XX, рис. 2). На венчике — оттиск, в поле — олень с подогнутыми задними ногами и повернутой назад головой. Рядом прочерченная до обжига надпись бактрийским курсивом (шесть знаков и штрих от седьмого) [3]. По заключению В. А. Лившица, это обрывок слова, уверенная реконструкция которого предложена быть не может [4].

55. *Обломок жженого кирпича толщиной 5 см (раск. 1, пом. XI, яр. II; табл. VII,* рис. 8). В штампованном овале (25—28 мм) очень смазанное и нечеткое изображение — фантастический крылатый зверь.

56. Кусок жженого кирпича, толщиной 3 см (подъем; табл. VII, рис. 9). В штампованном овале (18—25 мм) — изображение вправо скачущего козла. Объемное подтреугольное тело, высокая массивная шея, очень маленькая морда. Задние ноги подогнуты, передние вытянуты вперед.

57. Кусок жженого кирпича толщиной 3 см (раск. 1, пом. XV, пол; табл. VII, рис. 10). В вертикальном овале (22—19 мм) — не очень четкое изображение животного типа джейрана вправо с подогнутыми ногами и повернутой назад головой.

58. Фигурка коня (подъем) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 1).

59. Фигурка коня (подъем) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 5).

60. Фигурка коня (раск. 1, пом. XIII, яр. II) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 8).

61. Фигурка коня (раск. 1, пом. XIV, яр. II) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 6).

62. Фигурка коня (раск. 2, пом. IIIа, яр. II) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 2).

63. Фигурка коня (раск. 1, пом. XXI, пол) терракотовая, фрагментированная, покрыта зеленоватым ангобом. На крупе угловатыми насечками и резными линиями показана упряжь (?) (табл. XXIV, рис. 3).

64. Фигурка коня (раск. 2, пом. XIа, яр. III) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 4).

65. Фигурка коня (раск. 3, водосток) терракотовая, фрагментированная (табл. XXIV, рис. 7).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее: пом. — помещение; раск. — раскоп; яр. — ярус.

[2] Здесь и далее (№ 22—32): первый размер — диаметр, второй — высота (или длина), третий — диаметр канала.

[3] Упоминание [Лившиц, 1976, с. 163, примеч. 5].

[4] Личное сообщение.

Каталог 3
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ НЕКРОПОЛЯ ТЕПАИ-ШАХ И КЫЗЛАРКАЛИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Инвентарь из сооружения I

Находки внутри сооружения

1; 17; XXV, 2[1]. Чаша красноангобированная на низком поддоне (нижняя плоскость с полусферической выемкой), отделенном от корпуса желобком. Образующая корпуса — почти прямая. Бортик вертикальный, низкий, переход к бортику четкий, в виде излома, на поверхности бортика — горизонтальный желобок. Венчик — приостренно-скругленная закраина. Черепок в изломе кремовый, тесто тщательной отмучки. На закраине — следы изготовления на круге, в нижней половине (снаружи) и на ноже — следы точки острым инструментом. Чаша изнутри и снаружи по бортику покрыта красно-коричневым ангобом; бортик снаружи, кроме того, частично залощен. Размеры: Д. ножки 44 мм, Д. венчика 192 мм, В. ножки 8 мм, В. до излома 42 мм, В. общая 62 мм [2].

2; —; XXV, 1. Чаша глубокая, красноангобированная, с округлым корпусом и вертикальным бортиком. Венчик — приостренная изнутри закраина. По середине

бортика — острый валик, на переходе к тулову — желобок. Поддон выделенный, плоский, на нем — крестообразный знак. Тесто в изломе кремовое, почти без примесей. Чаша снаружи покрыта красным отслаивающимся ангобом, за исключением придонной части; он частично заходит и внутрь чаши. Размеры: Д. венчика 115 мм, Д. поддона 55 мм, В. 88 мм.

3; 60; XXV, 3. Кувшин двуручный, крупный, с вытянуто-яйцевидным туловом на выделенном, слегка выпуклом поддоне. Корпус плавно соединяется со слабовогнутым горлом. Венчик валиковый, слабовыступающий, с плоской верхней поверхностью. Овальные в сечении ручки прикреплены в нижней части горла и над широкой частью корпуса. Тесто желто-кремовое, с большой примесью мелкотолченого материала. Сосуд аспимметричен, верхняя половина корпуса, а внутри — нижняя часть горла покрыты коричневато-красным жидким ангобом. Размеры: В. поддона 8 мм, В. общая 285—300 мм, Д. дна 100 мм, Д. тулова 180 мм, Д. венчика 78 мм.

4; 47; XXV, 5. Поильник детский в виде миниатюрного сероглиняного кувшинчика. Высокий поддон специально не выделен. Корпус шаровидный, горло высокое, венчик в виде горизонтально выступающей шайбочки, на верхней поверхности которой желобок. Плоско-выпуклая в сечении ручка прикреплена верхним концом к горлу, нижним — у перегиба корпуса. Маленький носик прикреплен против (но не точно) ручки. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Размеры: В. общая 117 мм, Д. основания 37 мм, Д. тулова 80 мм, Д. горла 32 мм, Д. венчика 27 мм.

5; —; XXV, 4, 6, 7. Керамика фрагментированная: а) венчик красноангобированного кувшина. Д. 90 мм; б) венчик кухонного котла, тесто грубое, с мелкотолчеными включениями; в) фрагмент стенки сосуда с рядом штампованных изображений в виде «бантов», черепок в изломе кремовый, снаружи покрыт бурым ангобом; г) стенка красноангобированного сосуда (кувшина?) с петлеобразной ручкой, по центру ручки — желобок.

6; 43; XXVI, 3. Статуэтка. Стоящий обнаженный мужчина. Голова более крупная, чем корпус, непропорциональная. Руки опущены и прижаты к бедрам. Правая рука обращена ладонью к смотрящему, положение левой неясно. Ступни обломаны. Голова с явными чертами влияния буддийско-индийской иконографии. Черты лица индийские. Волосы гладкими прядями забраны наверх и собраны в узел — ушнишу. В ушах — серьги. Плечи широкие, талия узкая, ноги тонкие. На шее — гривна, ниже — ожерелье, на верхних частях рук — браслеты. Подчеркнуты мужские гениталии. Передняя и почти вся задняя часть статуэтки покрыта черным ангобом. Оттиск произведен на овальной пластинке (низ обломан) с перекосом в одну сторону. Обратная сторона имеет продольную и поперечную выпуклость. Размеры: Ш. пластинки 35 мм, Д. свыше 70 мм, В. головы 20 мм, Ш. в плечах 25 мм, Т. пластинки-образка 15 мм.

7; 36; XXVII, 9. Наконечник стрелы (железо). Черешок отломан. Сечение 8×8 мм, Д. фрагмента 62 мм.

8; 22; XXVII, 10. Черешок (?) наконечника стрелы (железо). Дл. 50 мм.

9; 23; XXVII, 11. Наконечник стрелы (железо). Черешок отломан. Сечение 8×8 мм, Дл. фрагмента 62 мм.

10; 34; —. Два неопределимых фрагмента изделий (железо).

11; 12; —. Пестик каменный (галька). В поперечном сечении подтреугольный, торцовые стенки отбиты. Дл. 120 мм, сечение 30×40 мм.

12; 71; XXVII, 7. Гвоздь (железо) с крупной шаровидной шляпкой, согнут под прямым углом. Дл. около 115 мм, Д. стержня 8 мм, Д. шляпки 10 мм.

13; 63; XXVII, 15. Гвоздь (железо) с плоско-выпуклой овальной несимметрично посаженной шляпкой. Дл. 32 мм, Д. стержня 8 мм, Д. шляпки 19—21 мм, В. шляпки 4 мм.

14; 53; XXVII, 12. Гвоздь (железо) с плоско-выпуклой округлой шляпкой. Дл. 25 мм, Д. стержня 5,5 мм, Д. шляпки 23 мм, В. шляпки 5 мм.

15; 45; XXVII, 14. Гвоздь (железо), концевая часть согнута. Фрагмент. Дл. 24 мм.

16; 41; XXVII, 8. Гвоздь (железо) с округлой шляпкой, изогнут под прямым углом. Дл. 47 мм, Д. шляпки 13 мм.

17; 38; XXVII, 16. Гвоздь (железо) с плоско-выпуклой шляпкой, согнут под прямым углом. Дл. 35 мм, Д. стержня 5,5 мм., Д. шляпки 17 мм, В. шляпки 7 мм.

18; 4; XXVII, 6. Гвоздь (железо) с круглой плоской шляпкой, согнут под прямым углом. Дл. 95 мм, Д. стержня 7 мм, Д. шляпки 23 мм.

19; 7; XXVII, 13. Гвоздь (железо) с овальной, несимметрично посаженной шляпкой, согнут под прямым углом. Дл. 52 мм.; Д. стержня 4 мм, Д. шляпки 13—17 мм.

20; 86; XXVIII, 8, 9. Пряжка (бронза). Обойма в виде сложенного вдвое прямоугольного листика, скрепленного с одной стороны заклепкой; с противоположной — сделан прямоугольный вырез и концы раздвинуты, так что образовались петли. Отдельно найден язычок в виде прямоугольного листика, один конец которого за уступом сделан в виде тонкого листика, другой (более массивный) загнут под прямым углом. Размеры обоймы 20×11 мм; язычка: Дл. 25 мм, Ш. 6 мм. По-видимому, это застежка, конец которой вставлялся в петлю.

21; 1а; XXVIII, 13. Зеркало (бронза) дисковидное, гладкое. На тыльной стороне вдоль края ударами квадратного долотца с отступом от края сделан очень низкий малозаметный бортик. Д. 108 мм, Т. 1 мм в центре, 2 мм по краю.

Под этим же номером — бронзовая скоба из тонкого листа. Дл. 15 мм, Ш. 11 мм, В. 3 мм.

22; 57; XXVIII, 12. Зеркало (бронза) фрагментированное, с рельефным ободком

вдоль края и с утолщением в центре (равномерная припухлость от ободка до центра). Д. 110 мм, Ш. ободка 13 мм, Т. ободка 12 мм, Т. зеркала у края 3 мм, Т. в центре 9 мм.

23; 9; XXXIII, 15. Серьга (золото) в виде проволочного кольца четырехугольно-скругленной формы, на нижней стороне — вертикально-поперечное ребро. На отходящий от кольца вниз тонкий штырек насажена сферическая жемчужина — бусина, штырь снизу расклепан. Д. 14 мм, В. 19 мм, Д. проволоки 1,6 мм, Д. бусины 3,9 мм.

24; 28; XXVIII, 7. Подвеска трехчастная (бронза). Верхняя часть имеет вид полукольца с запором. На вершине одной дуги был раздвоенный штырь (сохранилась одна половина) со сквозным отверстием. На вершине другой был, очевидно, приемник (разрушен). Средняя часть — трехгранная в поперечном сечении. Каждая грань — в виде шестиугольника, в который вписан другой, углубленный шестиугольник (для инкрустации?). Нижняя часть — собственно подвеска, состоящая из двух валиков и уплощенного шарика. Размеры: В. (от замка) 29 мм, В. средней части 11,5 мм, подвески (нижней части) — 8,5 мм, Ш. стороны средней части 10,5—11 мм.

25; 1; XXVIII, 3. Бубенчик (бронза) сферический с ушком на корпусе, внизу прорезь. В. 11 мм, В. корпуса 6,5 мм, Д. 6 мм.

26; 13; XXVIII, 10. Колокольчик (бронза) полусферический с пристренной вершиной. Петелька обломана. Внутри — ось, на которую подвешен язычок. Д. 17 мм, В. 12 мм.

27; 18; —. Ушко миниатюрное (бронза).

28; 10; XXVIII, 5. Серьга (бронза) проволочная с двумя утонеными разомкнутыми концами, форма полукруглая. Д. 14 мм. В. 11 мм. Д. проволоки 2 мм.

29; 20; XXVIII, 4. Серьга (бронза) проволочная с заходящими концами, в плане округлая. Д. серьги 12—13 мм, Д. проволоки 1,3 мм. Тут же ушко от бронзового бубенчика (?).

30; 37; XXVIII, 2. Серьга (серебро) миниатюрная, проволочная, с заходящими утонеными концами, в плане овальная. Сечение проволоки по сторонам — уплощенное, внутри и снаружи — выпуклое. Д. серьги 11—13 мм, Д. проволоки 3 мм.

31; 50; XXVIII, 1. Серьга (бронза) проволочная, овальная, сомкнутая. Д. кольца 16—21 мм, Д. проволоки 2 мм.

32; 70; XXVIII, 6. Перстень (бронза) с овальной площадкой, соединенной плавным переходом с плоско-выпуклым в поперечном сечении кольцом. В плане ветви кольца на некотором расстоянии от площадки имеют излом. На площадке — овальное гнездо для вставки. В его задней стенке — выемка в виде овала. Д. перстня 19 мм, Д. гнезда 6—9 мм.

33; 29; XXXIII, 14. Овальная плоско-выпуклая пластинка (стекло) с рисунком руки и венка. Задняя сторона шероховатая, утоняется к краю. На ней — изображение протянутой руки в одежде с обшлагом, в которой цветочный венок. Изображение выполнено черной «тушью», очень беспомощное. От руки отходят в две стороны (вверх и вниз) штрихи (уместные на более обширной композиции). В. 18 мм, Дл. фрагмента 17 мм (первоначально приблизительно — 20 мм). Т. 1,7 мм.

34; 19; XXVIII, 11. Браслет (бронза) проволочный со скользящим замком. Концы взаимно намотаны (в 4—5 витков), между ними — спаренная проволочка (длина около 7 мм). Д. 45 и 32 мм.

35; 3; XXVII, 1. Браслет (железо) проволочный, один конец утолщен, другой пристрен, фрагментирован. Д. толстого конца 6—7 мм.

36; 14; XXVII, 4. Браслет (железо) проволочный, фрагментированный. Д. проволоки 3 мм, Д. браслета 45 мм.

37; 39; XXVII, 5. Браслет (железо) проволочный, с пристроенными концами, округлый в сечении (Д. 3 мм), фрагментирован. Д. 50 мм.

38; 48; XXVII, 3. Браслет (железо) проволочный, с пристроенными концами, округлый в сечении (Д. 3 мм), фрагментирован. Д. 60 мм.

39; 59; XXVII, 3а. Браслет (железо) проволочный, с пристренными концами, поперечное сечение уплощенно-выпуклое (4×2,5 мм), фрагментирован. Д. около 55 мм.

40; 87; XXVII, 2. Браслет (железо) проволочный, пристренный к одному концу (половина). Д. 42 мм, Д. проволоки 4 мм.

41; 68; XXXIII, 19. Стержень цилиндрический, из красноватого непрозрачного стекла с продольной полоской зеленого цвета. У одного конца — охватывающее серебряное пластинчатое колечко, несомкнутое. Дл. 20 мм, Д. 4—4,5 мм, Ш. колечка 4 мм.

42; 69; XXXIII, 18. Стержень цилиндрический, из желтоватого непрозрачного стекла. По концам и в центре — охватывающие, несомкнутые серебряные пластинчатые колечки. Дл. 21,5 мм, Д. 5 мм, Ш. колечек 4 мм.

43; 51; XXXIII, 26. Кольцо (кость) широкое и плоское, имеющее на внешней поверхности, посередине, продольную линию и поперечные частые штрихи-насечки. С одной стороны нечто вроде щитка, в центре которого плоская, узкая ромбовидная фигура. Впереди — крупные насечки, имеющиеся и на боковых сторонах. Для натягивания лука (?). Д. 26—28 мм, Т. 5 мм, Дл. 5 мм.

44; 42; —. Половина стерженька для сурьмления. Первоначально был двустороннего типа с отверстием посредине. После того как был поломан посредине, просверлено другое отверстие. Особенность: рабочий конец уплощенный. Д. 18—19 мм, Дл. фрагмента 45 мм.

45; 35; XXXIII, 30. Бусина каменная (рубин?) четырехугольно-бипирамидальная, усеченная с двух сторон, основания пирамидок прямоугольные. Канал просверлен с двух сторон, отверстия коаксиальные. Дл. 12 мм, сечение 6×7 мм.

46; 21; XXXIII, 17. Бусина каменная (рубин?) четырехугольно-биппрамидальная, усеченная с двух сторон, основания пирамидок прямоугольные. Канал просверлен с двух сторон. Один конец обломан. Дл. 15 мм, сечение 6×8 мм.

47; 75; XXXIII, 5. Бусина из красно-коричневого сердолика, сферическая. Канал просверлен с одной стороны. У одного входного отверстия три отрезка линий: в центре — прямая белая, по сторонам от нее — черные полудуги. Полирована хорошо, но с плохой шлифовкой. Дл. 13 мм, Д. 14 мм.

48; 26; XXXIII, 25. Бусина каменная (сердолик), сферическая. С одной стороны — сверлина, из которой высверлен канал. Обработка поверхности небрежная. Дл. 13 мм, Д. 15 мм.

49; 82; XXXIII, 10. Бусина каменная, из темно-синего лазурита, пластинчатая, квадратная в продольном сечении. Все ребра фасетированы мелкой фасеткой. Дл. 19,5 мм, В. 18,5 мм, Т. 6 мм.

50; 76; XXXIII, 6. Бусина каменная, из темно-синего лазурита, пластинчатая, прямоугольная в продольном сечении, все ребра фасетированы мелкой фасеткой. Дл. 18 мм, В. 15 мм, Т. 6 мм.

51; 32; XXXIII, 28. Бусина каменная (мраморовидный оникс). Овальная, двусторонне-сегментированная параллельно каналу, т. е. овально-пластинчатая. Плоские поверхности очень гладкие, полировка хорошая. Дл. 15 мм, В. 13 мм, Т. 6 мм.

52; 31; XXXIII, 20. Бусина каменная, из белого мраморовидного камня, в виде короткой трубки, овальной в поперечном сечении. Дл. 7 мм, сечение 8—10 мм.

53; 67; XXXIII, 27. Бусина каменная (мрамор?), веретеновидная, с обломанными концами. Дл. свыше 23 мм, Д. 11—12 мм.

54; 72; XXXIII, 8. Подвеска каменная, из цветного камня (типа оникса) в виде неправильной усеченной треугольной пирамидки. Вверху сквозное отверстие, просверленное с одной стороны. Полоски камня — перпендикулярно вертикальной оси. В. 21 мм, сечение у основания 7×10 мм.

55; 61; XXXIII, 21. Бусина каменная, белая, бочонковидная, усеченная с двух сторон, *оба торца заняты сверлинами.* Дл. 7 мм, Д. 9 мм.

56; 78; XXXIII, 13. Бусина каменная, светло-серая, неправильно-кривогранной формы. Дл. 10 мм, Д. 11 мм.

57; 55; XXXIII, 29. Бусина из египетского фаянса, бочонковидная с бугорчатой поверхностью, покрыта зеленовато-голубой глазурью. Дл. 13 мм, Д. 12 мм.

58; 65; XXXIII, 31. Бусина-подвеска конусовидная, с перехватом в верхней части. Отдаленная имитация амфоры. Тесто кремово-желтое, голубая глазурь (египетский фаянс?). В. 17 мм, Д. макс. 13 мм, Д. вверху 11 мм.

59; 73; XXXIII, 7. Бусина мозаичная биконическая, двусторонне-сегментированная перпендикулярно оси. Бусина составлена из спрессованных кусочков, каждый из которых является глазчатым, например, с такой последовательностью: внутри — черное ядро, затем кольца — коричневое, желтое. Дл. 10 мм, Д. 11 мм.

60; 2; XXXIII, 23. Бусина стеклянная, пластинчатая, со слегка выпуклыми узкими продольными плоскостями. Стекло светлое, прозрачное. Дл. 10 мм, сечение 4×7 мм.

61; 25; XXXIII, 32. Бусина стеклянная коротко-бочонковидная, с двух сторон сегментированная перпендикулярно оси (фрагмент). Стекло зеленое непрозрачное. Д. 8 мм, Д. 10 мм.

62; 27; XXXIII, 1. Бусина стеклянная, синяя, сферическая, двусторонне-сегментированная, с нерегулярными (одиночными) глазками на поверхности. Дл. 12 мм, Д. 18 мм.

63; 30; —. Бусина стеклянная коротко-бочонковидная, сегментированная перпендикулярно каналу с двух сторон, торцовые грани непараллельные. Стекло коричневое, непрозрачное. Дл. 6—7 мм, Д. 12 мм.

64; 44; XXXIII, 16. Бусина из черного прозрачного стекла. Дл. 6 мм, сечение 6×7 мм.

65; 46; XXXIII, 22. Бусина стеклянная неправильной огранки и формы. Дл. 8 мм, сечение 7×9 мм.

66; 52; —. Бусина стеклянная коротко-бочонковидная, усеченная с двух сторон. Стекло зеленое, непрозрачное. Дл. 4 мм, Д. 6 мм.

67; 54; —. Бисер стеклянный в виде маленького прозрачного цилиндрика зеленоватого цвета. Дл. 2 мм, Д. 2—3 мм.

68; 74; XXXIII, 2. Бусина стеклянная коричневая, с толстым слоем иризации. Коротко-бочонковидная, двусторонне-сегментированная перпендикулярно каналу. Дл. 7 мм, Д. 14 мм.

69; 79; XXXIII, 12. Бусина из светло-зеленого непрозрачного стекла, пластинчатая, *с выпуклыми узкими продольными гранями.* Дл. 12 мм, *сечение* 11×6 мм.

70; 80; XXXIII, 11. Бусина коралловая, розовая, в виде неправильной трубочки. Торцовые срезы под углом к продольной оси. Дл. 10 мм, сечение 7×8 мм.

71; 83; XXXIII, 9. Бусина коралловая, розовая, в поперечном сечении близка к овалу (неправильная смято-цилиндрическая). Дл. 14 мм, сечение 12×15 мм.

72; 33; XXXIII, 24. Бусина перламутровая, неправильно-дисковидная, сегментированная с одной стороны. Дл. 7 мм, В. 8 мм, Т. 3 мм.

73; 77; XXXIII, 4. Бусина из раковины, бочонковидная, двусторонне-сегментированная перпендикулярно каналу. Канал сверлен из пропила на одном из торцов. Дл. 10 мм, Д. 15 мм.

74; 81; XXXIII, 3. Бусина из раковины в виде шарового сегмента, с каналом через вогнутые торцы.

75; 84; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 35).

76; 85; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 36).

77; 88; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 37).

78; 24; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 31).

79; 56; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 32).

80; 62; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 33).

81; 64; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 34).

Находки вне сооружения

82; —; XXV, 8. Чаша глубокая, фрагментированная. Бортик вертикальный отклонен наружу, тулово округлой формы с резким перегибом, на месте перехода к бортику — желобок. Венчик — округлая закраина. Поддон не сохранился. Тесто в изломе розовое, хорошо отмученное, почти без примесей. Снаружи чаша покрыта коричневатым ангобом, за исключением придонной части, частично он заходит внутрь. Д. венчика 100 мм.

83; —; XXV, 9. Чаша глубокая (фрагмент) с округлым корпусом (резкий перегиб) и вертикальным бортиком, наклоненным внутрь. Бортик несколько выпуклый. Венчик — округлая закраина, в нижней части бортика — три желобка. Дно отсутствует. Черепок в изломе кремово-желтый, тесто с мелкими примесями. Снаружи — красно-коричневый ангоб, местами переходящий в черный. Горловина ангобирована изнутри. Д. 130 мм.

84; —; XXV, 11, 12. Фрагменты венчиков чаш такого же типа.

85; —; XXV, 13. Чаша глубокая с цилиндроконическим корпусом, верхняя часть немного наклонена внутрь, в нижней ее части — два желобка. Перегиб скругленный, нижняя, коническая, часть имеет выпуклый профиль стенок. Венчик — скругленная закраина. Поддон широкий, вогнутый. Черепок кремового цвета. Снаружи — красно-коричневый ангоб, внешняя поверхность тщательно заглажена. В. 126 мм, Д. венчика 130 мм, Д. дна 56 мм.

86; —; XXV, 14. Верхняя часть идентичного сосуда. Д. венчика 120 мм.

87; —; XXV, 10. Верхняя часть глубокой чаши того же типа, что и № 83. Черепок в изломе серовато-кремовый, ангоб снаружи светло-коричневый. Д. 130 мм.

88; —; XXV, 15. Чаша с вертикальным бортиком с полусферическим резервуаром. Венчик плоско срезан сверху, оформлен желобком. Поддон низкий, четко выделенный, с заглубленной нижней поверхностью. На нижней части корпуса и на дне — следы точки на гончарном круге. Черепок кремовый, плотный. Внутри — светло-коричневый ангоб, заходящий наружу. Д. 200 мм, Д. дна 66 мм, В. 80 мм.

89; —; —. Светильник (фрагмент верхней части стенки) в виде маленькой чашечки. Венчик, прямое продолжение стенки, плоско срезан. В одном месте, близ венчика, изнутри вмятина (почти не выраженная снаружи), сильно закопченная. Д. 110 мм.

Инвентарь из сооружения II

Находки внутри сооружения

90; 92; 98; —. Бокал цилиндроконический. Верхняя половина корпуса слабо-округлая, незначительно отклонена внутрь. Закраина прямая, с двумя неглубокими желобками на внешней поверхности. Двумя другими желобками, одним более широким, другим (нижним) более узким, резко отделена от нижней, конической части, стенка которой имеет сложный профиль: вогнутая сверху и снизу и выпуклая в центре. Ножка низкая, отделена желобком. На нижней поверхности — впадина. Тесто кремовое, ангоб темно-коричневый (кроме ножки). Размеры: В. 112 мм, В. ножки 10 мм, В. до перегиба корпуса 70 мм, Д. ножки 38 мм, Д. корпуса 120 мм, Д. венчика 110 мм.

91; 93; XXIX, 1. Бокал цилиндроконический, аналогичен № 90 — точная копия по форме. Тесто кремовое, ангоб коричневый (более светлый, чем у № 90). Размеры: В. 116 мм, В. ножки 10 мм, В. до перегиба корпуса 70 мм, Д. ножки 36 мм, Д. корпуса 123 мм, Д. венчика 112 мм.

92; 100; XXIX, 2. Бокал цилиндроконический. Верхняя половина корпуса с незначительно выпуклой вертикальной стенкой и прямой закраиной с желобком на верхней поверхности. Двумя желобками — одним более широким, другим (нижним) более узким — резко отделена от нижней конической части, стенка которой слегка вогнута. Ножка коническая, отделена от корпуса желобком. На нижней поверхности — впадина. Тесто красное, ангоб красный снаружи и внутри. Размеры: В. 120 мм, В. ножки 15 мм, В. до перегиба 70 мм, Д. ножки 37 мм, Д. корпуса 125 мм, Д. венчика 120 мм.

93; 10; XXIX, 4. Нижняя часть гладкой (непрофилированной) ножки бокала. Стебель равномерно расширяется, на нижней поверхности внутри — глубокое округло-коническое углубление. Д. ножки 44—47 мм.

94; 16, 94; XXIX, 5. Чаша глубокая с округло-коническим туловом, слабовыраженными плечиками, переходящими в вертикальный, незначительно выпуклый бор-

тик, отделенный от корпуса широким желобком. Поддон невысокий, с небольшой приподнятостью вдоль края. Тесто кремовое, ангоб красно-коричневый снаружи (кроме нижней части корпуса), внутри полосой вдоль венчика. В нижней части корпуса снаружи — следы точки на круге. Размеры: В. 100 мм, В. ножки 5 мм, В. до перегиба корпуса 65 мм., Д. ножки 47 мм. Д. макс. 124 мм. Д. венчика 118 мм.

95; 80, 97, 104; XXIX, 3. Бокаловидный сосуд (глубокая чаша) с цилиндроконическим корпусом. Верхняя половина корпуса незначительно наклонена внутрь. Венчик — скругленная закраина. Переход к конической части скругленный. В нижней половине цилиндрической части, выше перегиба — два желобка. Поддон невысокий, с впадиной на нижней поверхности. Тесто желто-кремовое, снаружи верхняя половина корпуса и бортик полосой внутри покрыты черным ангобом. Размеры: В. 126 мм, В. ножки 7 мм, В. до перегиба корпуса 70 мм, Д. поддона 50 мм, Д. макс. 150 мм, Д. венчика 120 мм.

96; 95; XXIX, 6. Чаша глубокая (аналогична № 94). Корпус отделен желобком от широкого вертикального бортика, имеющего слабую выпуклость наружу. Поддон невысокий, с небольшой приподнятостью вдоль края на нижней поверхности. Тесто кремовое, снаружи весь корпус (за исключением ножки), а внутри полосой вдоль венчика покрыт красно-коричневым ангобом. Сосуд массивный. Размеры: В. 116 мм, В. ножки 7 мм, В. до перегиба корпуса 68 мм, Д. поддона 60 мм, Д. макс. 154 мм, Д. венчика 150 мм.

97; 108; XXIX, 7. Чаша с вертикальным высоким бортиком, отведенным незначительно наружу и в профиле почти прямым. Вверху — два желобка. Перегиб корпуса четкий, нижняя половина слегка выпуклая наружу. Венчик сверху плоский с узким желобком. Поверхность снаружи гладкая (тщательно заглаженная), в тесте примесь мелкотолченого материала. Размеры: Д. венчика 140 мм, В. бортика 35 мм.

98; 2; XXIX, 10. Тагора крупная, с двумя (?) ручками (сохранилась одна). Широкое открытое тулово на невыделенном несколько вогнутом поддоне. Узкий бортик отогнут строго горизонтально и по верхнему его краю — волнистая линия. Ручка небольшая, С-образная, верхним концом прикреплена к венчику, нижним к бортику. В поперечном сечении она дисковидная; внизу, у корня — ямка-углубление. Тесто коричневое, внутри и полосой сверху снаружи — красно-коричневый ангоб. Размеры: Д. венчика 270 мм, Д. дна 95 мм, В. 107 мм.

99; 103; XXIX, 8. Миска сложно-профилированная с низким корпусом, который после уступчатого перелома — очень пологий и широкий. Дно плоское, со впадиной в центре. Тесто кремово-коричневое, ангоб коричневый внутри и на верхней части корпуса снаружи. Миска толстая, массивная, грубой работы. Размеры: Д. дна 50 мм, Д. венчика 185 мм. В. 50 мм.

100; 56; XXIX, 9. Дно и нижняя часть стенки крупной миски на четко выделенном поддоне, нижняя поверхность которого незначительно вогнута. На зеркале, в центре, кольцевидная бороздка. Внутренняя поверхность покрыта красно-коричневым ангобом, тесто с незначительным количеством слюды. Размеры: Д. дна 80 мм.

101; 7; XXIX, 12. Кувшин двуручный с шаровидным туловом. Выступающий прямоугольный венчик с желобком по верху и по лицевой части. Горло высокое, суживающееся кверху. Ручки — С-образные, поставленные нижним основанием на верхнюю часть корпуса, верхним — на середину горла. В поперечном сечении ручки — с граненой наружной поверхностью, со скосами по краям и желобком по центру. Горло отделено от корпуса граненым валиком. Наружная поверхность горла и верхняя часть корпуса покрыта черно-коричневым ангобом. Здесь, в верхней части корпуса, — поясок, ограниченный вверху валиком от основания горла, внизу — желобком (он же граница ангоба) с вертикальными нарезными штрихами. Размеры: В. 237 мм, В. горла 70 мм, Д. дна 85 мм. Д. макс. 170 мм, Д. венчика 83 мм.

102; 1, 6, 17, 77; XXIX, 13. Кувшин двуручный, крупный, фрагментированный. Тулово яйцевидное с несколько выпуклым дном. Присутствует часть корпуса с одной ручкой. Стебель ручки в поперечном сечении двояковыпуклый с вертикальным валиком посередине и «хвостом» в основании. Размеры: В. до верха ручки 400 мм, Д. основания 200 мм, Д. тулова 290 мм.

103; 106; —. Фрагмент стенки кувшина средних размеров. Поверхность украшена желобками, ангоб красно-коричневый.

104; 54, 91; —. Фрагменты стенок крупного грубого кувшина. Черепок в изломе темно-желтый.

105; 55; XXIX, 14. Дно грубого толстостенного лепного кувшина (возможно, от № 104) с низким, слабо выделенным поддоном и плоским дном. Черепок в изломе желто-серый. Д. дна 150 мм.

106; 89; —. Фрагменты стенок грубого, среднего по размерам кувшина. Тесто с большим количеством мелкотолченого материала. Черепок в изломе темно-серый.

107; 28; —. Фрагмент стенки с ручкой широкогорлого двуручного кувшина с уступчатым переходом к горлу. Ангоб серо-желтый.

108; 8; —. Фрагмент стенки с ручкой широкогорлого двуручного кувшина. Покрытие темно-коричневым ангобом. Черепок тонкий, хорошего обжига, кремовый.

109; 15; XXIX, 15. Фрагмент плоского поддона и нижней половины корпуса широкогорлого кувшина. Тесто кремово-коричневое, хорошей отмучки. Д. 140 мм.

110; 113; —. Фрагмент стенки кувшина средних размеров — обломок бракованного экземпляра с оплавленными при обжиге стенками.

111; 62; —. Фрагмент дна крупного сосуда типа хумчи. Ручная лепка. Черепок в изломе желтый. Д. 300 мм.

112; 107; —. Дно и стенка хумчи. Д. дна 280 мм.

113; 20, 83, 84; XXIX, 16. Фрагменты верхней части хумчи. Переход от корпуса к шейке уступчатый. Шейка с резким изгибом и плавным переходом на венчик. Венчик массивный, в виде скругленного, выступающего наружу угла. На верхней половине — неглубокий желобок. В верхней части корпуса, под уступом, ряд крупных ямок. Под венчиком — сквозные дырки, проткнутые изнутри (Д. 10 мм). Тесто хорошей отмучки, черепок кремовый, снаружи желтый ангоб.

114; 74; —. Фрагмент дна и стенки хумчи. Д. дна 280 мм.

115; 34; —. Котел. Фрагмент венчика и стенки с горизонтальными, слабовыпуклыми плечиками, низкой шейкой. Верхняя поверхность венчика плоская, внутри — желобок. Черепок в изломе коричневый, тесто с большой примесью мелкотолченого материала, ручная лепка. Следы закопченности. Д. 180 мм.

116; 67; —. Фрагмент керамики.

117; 57; XXIX, 11. Фрагмент верхней части тагоры с прямыми раскинутыми стенками и подтреугольным желобчатым венчиком.

118; 18; —. Фрагмент стенки хума. Черепок в изломе кремово-желтого цвета.

119; 5; —. Фрагмент керамики.

120; 102; —. Фрагмент керамики.

121; 53; —. Фрагмент каменной зернотерки (возможно, терочника). Размеры: 80×55 мм.

122; 63; XXVI, 4. Идол алебастровый. На длинном, незначительно расширяющемся вниз, в поперечном сечении овальном стержне — круглый диск — голова. На лице четко выделены надбровные дуги, прямыми валиками круто расходящиеся от надпереносья вверх. Под ними, во впадинах, вытянуто-овальные глаза, посаженные широко под углом. Нос сбит, рот маленький, овальный. Лицо в целом очень широкое и уплощенное. Подбородок высокий, перепад между ним и стержнем значительный. Задняя поверхность стержня вогнутая. В. 90 мм, В. головы 44 мм, Ш. головы 52 мм, Ш. стержня 23—25 мм.

123; 61; XXX, 15. Пряжка (железо) бесщитковая, с круглой рамкой и подвижным язычком. Д. 19 мм.

124; 81; —. Фрагмент неопределимого изделия (железо).

125; 3; XXX, 8. Булавка (бронза) круглая в поперечном сечении. В верхней части иглы — шесть кольцевых желобков. Головка сфероконическая (сферическая часть внизу, конус вверху). В. общая 80 мм, В. головки 6 мм, Д. иглы вверху 3,5 мм, Д. головки 7 мм.

126; 46; XXX, 7. Булавка (бронза) фрагментированная, круглая в сечении. Навершие в виде полукольца. В. общая 90 мм, В. навершия 12 мм, Ш. навершия 15 мм.

127; 72; XXX, 9. Серьга (бронза) из двух наложенных друг на друга проволочек, каждая из которых в середине имеет резкое утолщение. Концы проволочек накручены друг на друга. Спаренные утолщения — это низ серьги (собственно это подвеска). Д. 20—24 мм, Д. проволоки вверху 2 мм, Д. внизу 4,5 мм.

128; подъем; XXX, 13. Серьга (бронза) проволочная, с приостренными концами, разомкнутая. Д. 14—15 мм, Д. проволоки 2 мм.

129; 31; XXX, 6. Серьга (бронза) проволочная, несомкнутая (со сведенными концами). Форма полуовальная. Д. 10—13 мм, Д. проволоки 1 мм.

130; 86; XXX, 3. Браслет (бронза) проволочный, разомкнутый. Плавно утолщенные концы сведены. Д. 40—44 мм, Д. проволоки 2,5 мм, Д. концов 6 мм.

131; 69; XXX, 2. Браслет (бронза) проволочный, разомкнутый. Утолщенные концы разведены. Д. 43—47 мм, Д. проволоки 4 мм, Д. концов 6 мм.

132; 23; XXX, 1. Браслет (бронза) узко-пластинчатый с заходящими концами. Пластинка плоско-выпуклая. Д. 50—55 мм, пластинка в сечении 3,5×2 мм.

133; 48; XXX, 20. Браслет (железо) проволочный, фрагментированный.

134; 25; XXX, 14. Кольцо (серебро) пластинчатое, сомкнутое, плоско-выпуклое, расширяющееся к одной стороне. Д. 27 мм, Ш. 4—7 мм.

135; 12; XXX, 5. Кольцо (бронза) пластинчатое, имеющее вид сомкнутых кружков. В каждом кружке — круглые гнезда, в которых белые пастовые вставки.

136; 42; XXX, 11. Перстень (серебро) узко-пластинчатый. Отдельно изготовленный круглый щиток имеет по краю валик-ободок, в центре — бугорок. Способ прикрепления площадки: концы кольца расклепаны, сведены, и к ним прикреплена площадка. Д. кольца 19 мм, В. кольца 2,4 мм, Д. площадки 11 мм.

137; 112; XXX, 17. Перстень (бронза) пластинчатый, с овальным щитком и пастовой вставкой. Д. кольца 14 мм, Д. вставки 6 мм, Дл. щитка 9 мм, Ш. щитка 8 мм.

138; 111; XXX, 10. Перстень (бронза) пластинчатый, с овальным щитком, фрагментированный. Размер щитка 12×18 мм.

139; 70; XXX, 12. Перстень (бронза) пластинчатый, с круглым, слегка выпуклым щитком. На узкой пластинчатой дужке кольца, на внешней поверхности вдоль одного края — спаренные узкие желобки, вдоль другого — один. Д. 18 мм, В. кольца 3 мм, Д. щитка 7—8 мм.

140; 49; —. Перстень (железо) фрагментированный, со вставкой — инкрустацией бронзовой пластинки (типа перстня, описанного под № 143).

141; 43; XXX, 19. Перстень (железо) фрагментированный, с круглым, отдельно прикрепленным щитком.

142; 41; —. Перстень (железо) фрагментированный, со вставкой — инкрустацией бронзовой пластинки (типа перстня, описанного под № 143).

143; 26; XXX, 16. Перстень (железо) из толстой пластинки (в задней стороне переходящей в проволоку), расширяющейся впереди, с небольшим уступом, переходящим в площадку. В гнезде — зеленовато-голубая вставка (тонкая бронзовая пластинка). Д. 21—22 мм, Д. инкрустации 5 мм.

144; 21; XXX, 18. Перстень (железо) проволочный, с овальным щитком с инкрустацией — овальной бронзовой вставкой. Размер щитка 11×5 мм.

145; 52; XXX, 4. Колокольчик (бронза) с коническо-округлым корпусом, сверху — пластинчатое навершие (по бокам прямое, наверху выпуклое), с отверстием. Язычок железный на бронзовой оси. В верхней части корпуса — отверстие. В. общая 30 мм, В. корпуса 24 мм, Д. внизу 22 мм.

146; 105; —. Предмет бронзовый (распался).

147; 45; —. Предмет железный (распался).

148; 14; —. Подвеска каменная (сердолик), вытянуто-каплевидная, огранка тщательная. В верхней части — отверстие, сверленное с одной стороны. В. 18 мм, Д. макс. 7—8 мм.

149; 29; XXXIV, 21. Бусина каменная (сердолик), сферическая. Канал просверлен с одной стороны. Дл. 10 мм, Д. 10 мм.

150; 47; XXXIV, 26. Бусина каменная, белая, сферическая, двусторонне-сегментированная. Просверлена с одной стороны. Дл. 10 мм, Д. 11 мм.

151; 60; XXXIV, 14. Подвеска из египетского фаянса, синевато-зеленая, фаллическая. Вверху ушко для подвешивания. В. 18 мм, Ш. 11 мм.

152; 87; XXXIV, 3. Подвеска из египетского фаянса, зеленовато-голубоватая, амфоровидная, с массивной головкой, состоящей из высокого валика и округло-конического стерженька с широким отверстием. Нижняя часть корпуса оканчивается перехватом, под которым гладкое основание. В. 30 мм, В. корпуса 22 мм, В. головки 8 мм, Д. макс. 10 мм.

153; 90; XXXIV, 2. Бусина из египетского фаянса, 17-дольчатая с четкими ребрами на базе сферической, двусторонне-сегментированной. Дл. 15 мм, Д. 17—18 мм.

154; 19; XXXIV, 5. Бусина фаянсовая, 19-желобчатая на базе сферической, двусторонне-сегментированной (за счет широкого канала). Желобки четкие, но неглубокие. Работа небрежная. Глазурь зеленовато-голубая. Дл. 16—18 мм, Д. 20 мм, Д. канала 7 мм.

155; 4; —. Бусина стеклянная (рассыпалась).

156; 9; XXXIV, 1. Бусина глазчатая, крупная, темно-синяя, поверхность покрыта часто посаженными белыми колечками. Дл. 18 мм, Д. 20 мм.

157; 22; XXXIV, 19. Низка бус (всего сохранилось 22 бусины и 3 бубенчика). 1) Бусина овалоидная из непрозрачного зеленоватого стекла с двумя охватывающими желобками по центру. Дл. 12 мм, Д. 5 мм. 2) 16 бусин в виде колечек и коротко-цилиндрические из непрозрачного темного стекла. Дл. 1—3 мм, Д. 4—5 мм. 3). Пять бусин трех- и четырехчастных из непрозрачного стекла. Дл. 8—9 мм, Д. 4—4,5 мм. 4) Три литых бубенчика (бронза), каждый с петелькой. В. 10—11 мм, Д. корпуса 8,5 мм.

158; 24; XXXIV, 23. Бусина стеклянная из зеленого непрозрачного стекла в виде овальной пластинки (широкие грани овальные, суживающиеся к концам). Д. 12 мм, сечение 7,5×10 мм.

159; 27; XXXIV, 13. Низка бус. Первоначально было 23, сохранилось 18: 1) Бусы из черного (одна синяя) непрозрачного стекла неправильно-многогранные (10—12-гранные), сочетающиеся с неправильными, округло-многогранными — 12 шт. Дл. 5—7 мм, Д. 5—6 мм. 2) Бусина коротко-цилиндрическая из белого непрозрачного стекла. Дл. 5 мм, Д. 6 мм. 3) Бусина грушевидная из зеленого непрозрачного стекла. Дл. 7 мм, Д. 7 мм. 4) Бусина овальная с концевыми перехватами, слабо выраженными. Дл. 7 мм, Д. 7 мм. 5) Бусы цилиндрические со слабовыпуклой боковой гранью с внутренним золочением — три штуки. Дл. 8—8,5 мм, Д. 8—8,5 мм. 6) Подвеска из египетского фаянса. Лицевая сторона в виде виноградной грозди, задняя — плоская; вверху — ушко. В. 21 мм, Ш. 11 мм, Т. 7 мм.

160; 30; XXXIV, 25. Бусина стеклянная овалоидная из темной, непрозрачной пасты. Дл. 8 мм, Д. 10,5 мм.

161; 32; XXXIV, 15. Две низки бус. В первой низке 14 бусин: 1) Бусина сферическая, сегментированная с одной стороны; из белой пасты. Дл. 9 мм, Д. 10 мм. 2) Бусы неправильно-цилиндрические из белой пасты. Одна крупная: Дл. 5—6 мм, Д. 8 мм; пять мелких: Дл. 2—5 мм, Д. 4—6 мм. 3) Бусина неправильно-дисковидная из коричневого непрозрачного стекла. Дл. 7 мм, Д. 8 мм, Т. 3 мм. 4) Бусы овальные, сегментированные с двух сторон, из синего непрозрачного стекла — три штуки. Дл. 5,5—6 мм, Д. 6—7,5 мм. 5) Бусина сердоликовая, веретеновидная (фрагмент), поперечное сечение овальное. Дл. фрагмента 21 мм, сечение 11×14 мм. 6) Бусина из белого стекла, овальная, двусторонне-сегментированная, пятижелобчатая, с мягкими желобками. Дл. 9 мм, Д. 8 мм. 7) Раковина каури с дырочкой в спинке.

Во второй низке было 27, сохранилось 25 экземпляров (в том числе четыре бубенчика): 1) Бусы коротко-цилиндрические и колечки из черного непрозрачного стекла 18 шт. Дл. 1—3 мм, Д. — 2—3,5 мм. 2) Бусина овально-вытянутая, двусторонне-сегментированная, из зеленоватого непрозрачного стекла. В середине — два опоясывающих желобка. Дл. 11 мм, Д. 5 мм. 3) Бусы трехчастно-сегментированные, каждая часть у одной бусины сферическая, у другой — цилиндрическая — две штуки. Дл. 7 мм,

Д. 3 мм. 4) Бубенчики (бронза) со сферическим корпусом, с прорезью и отлитой вместе с корпусом петелькой. В. общая 10—12 мм, Д. корпуса 7—8 мм.

162; 44; —. Фрагмент разрушенной стеклянной бусины из светлой пасты.

163; 50; XXXIV, 20. Бусина из непрозрачного стекла, овальная, двусторонне-сегментированная, одетая на железный стержень (браслет?). Дл. 8 мм, Д. 11 мм.

164; 51; XXXIV, 9. Низка из семи (сохранилось шесть) бусин: 1) Бусина сферическая, сегментированная с одной стороны (просверлена перед проведением канала), шлифовка слабая. Дл. 11 мм, Д. 7,5 мм. 2) Бусина дисковидная сегментированная перпендикулярно каналу с одной стороны, непрозрачное голубое стекло. Дл. 8 мм, Д. 9 мм. 3) Бусы из зеленоватого стекла в виде уточки. Фигурки изготовлены достаточно реалистично, с головкой и клювом — две штуки. Дл. 7 мм, В. 9 мм, Т. 5 мм. 4) Бусина из синего прозрачного стекла, цилиндрическая. Дл. 5,5 мм, Д. 6,5 — 7,5 мм. 5) Бусина бочонковидная двусторонне-усеченная, из белого непрозрачного стекла. Дл. 5 мм, Д. 6 мм.

165; 58; XXXIV, 11. Бусина из непрозрачного стекла с перехватами — валиками на концах и каннелированной продольными желобками (восьмижелобчатая) средней частью. Дл. 10,5 мм, Д. 6 мм.

166; 64; —. Бусы стеклянные (распались).

167; 66; XXXIV, 7. Низка из четырех бусин: 1) Бусина шестигугольная, призматическая, из светлого непрозрачного стекла. Дл. 15 мм, сечение 9×10 мм. 2) Бусы крупные бочонковидные, двусторонне-усеченные с внутренним золочением — две штуки. Дл. — 8 и 10 мм, Д. 12 мм. 3) Бусина овальная, двусторонне-сегментированная из светлого непрозрачного стекла. Дл. 6 мм, Д. 6 мм.

168; 69; —. Бусина из синего непрозрачного стекла, экваториально-сегментированная. Дл. 4,1 мм, Д. 4,8 мм.

169; 71; —. Бусы из темного, непрозрачного стекла в виде колечка — три экземпляра. Дл. 1,5 мм, Д. 5 мм.

170; 75а, XXXIV, 12. Низка бус стеклянных (было 14, сохранилось 9 шт.). Многочастные с внутренним золочением; одна четырехчастная, без выделенной шейки, на базе сферической двусторонне-сегментированной. Дл. 30 мм, Д. 10 мм.

171; 75; —. Бусина из непрозрачного, синего стекла, округло-кубическая. Дл. 3 мм, Д. 3 мм.

172; 76; XXXIV, 6. Низка бус (было 13, сохранилось 10 экземпляров) и золотая бляшка: 1) Бусы в виде колечек из непрозрачного стекла — восемь штук. Дл. 2 мм, Д. 4—5 мм. 2) Бусины сферические непрозрачные, двусторонне-сегментированные — две штуки. Дл. 5 мм, Д. 5 мм. 3) Бляшка золотая, нашивная, в виде плоской полой коробочки с выпуклым выступом в центре лицевой стороны, обведенным по кругу рельефным бортиком. Края гладкие, вертикальные. Два отверстия по диаметру лицевой стороны. Д. 8,5 мм, В. 3 мм.

173; 76а; XXXIV, 22. Бусина из непрозрачного голубого стекла, неправильно-цилиндрическая. Дл. 8 мм, Д. 7,5—8 мм.

174; 78; XXXIV, 8. Бусы из непрозрачного желтоватого стекла с перехватами на концах (катушковидные). Перехваты очень четкие, сами бусы овальные. Дл. 10—13 мм, Д. 4—6,5 мм, Д. концов 3,5—6,5 мм.

175; 101; XXXIV, 4. Бусина из синего непрозрачного стекла, трубчатая, несколько припухлая в середине, полосчатая (продольные зигзагообразные полоски). Дл. 28 мм, Д. 9 мм.

176; 39; XXXIV, 24. Бусина в виде квадратного брусочка с притупленными концами. По краю перпендикулярно каналу — штрихи. Такие же штрихи есть и в центре. Дл. фрагмента 10 мм, сечение 5,5×5,5 мм.

177; 59, XXXIV, 10. Подвеска из красного коралла, оформленная в виде головы животного. Отросток скупыми срезами превращен в голову с выступом-мордой. Глаз показан сквозным отверстием, вокруг которого желобок. Морда очень вытянута. Это, может быть, голова коня или джейрана, данная очень обобщенно. В. 12 мм, Дл. головы 9,5 мм.

178; 82; XXXIV, 17. Каури с отверстием в спинке.

179; 85; —. Каури с отверстием в спинке.

180; 110; XXXIV, 16. Каури с отверстием в спинке.

181; 109; —. Каури со снятой спинкой.

182; 88; XXXIV, 18. Каури со снятой спинкой.

183; 33; —. Каури со снятой спинкой.

184; 73; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 40).

185; 65; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 44).

186; 114; —. Монета (см. Приложение. II. Реестр, 48) из черепа № 12.

187; 35; —. Монета (см. Приложение II. Реестр. 40).

188; 40; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 44).

189; 36; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 41).

190; 37; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 42).

191; 13; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 39).

192; 11; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 38).

193; отвал; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 49).

194; 79; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 47).

194а; 38;—. Монета (см. Приложение II. Реестр, 43).

Находки вне сооружения

195; —; XXIX, 17. Миска с S-образным профилем стенок; венчик — округлая закраина. Тесто серо-кремовое, ангоб серо-желтый. Д. 100 мм.

196; —; XXIX, 18. Миска красноангобированная с S-образным, слабоизогнутым профилем стенок. Венчик — округлая закраина. Д. 200 мм.

197; —; XXIX, 19. Фрагмент венчика хума, подтреугольный в сечении, снаружи с насечками, шейка низкая. Тесто хорошей отмучки, коричнево-красное.

198; —; XXIX, 20. Фрагмент верхней части стенки и венчика горшка. Венчик округлый, отогнутый наружу, с острым внешним краем. Тесто кремовое. Снаружи серо-желтый ангоб. Д. 170 мм.

Инвентарь из сооружения III

199; 7; XXXI, 1. Чаша невысокая широкая, с низким вертикальным бортиком, по которому неглубокий, но четкий желобок. Переход от корпуса к бортику четкий, скругленный. Венчик — приостренная закраина. Поддон низкий, на нижней поверхности — небольшая выемка. Кремовое тесто хорошей отмучки, зеркало и верхняя часть внешней поверхности покрыты красно-коричневым ангобом. Д. вверху 190 мм, Д. поддона 42 мм, В. 70 мм, В. бортика 25 мм.

200; 2; XXXI, 2. Кувшин двуручный вытянутых пропорций. Высокий яйцевидный корпус с ребром в верхней половине небольшим уступом, с желобком, отделен от высокого, суживающегося в середине горла. Венчик в виде тесно прилегающего пояска, подквадратный в сечении, на внешней поверхности — широкий желобок. Невысокий поддон имеет слегка выпуклое дно. Высокие ручки опираются на максимальную выпуклость корпуса, прикреплены в верхней части горла. Стебель плоско-выпуклый, на внешней поверхности — трехгранный. В нижней части ручки, у корня, вдавление. Верхняя часть корпуса и ручек покрыты красно-коричневым ангобом. Цвет черепка в изломе — кремовый, по ангобу — вертикальное полосчатое лощение. Д. поддона 90 мм, Д. тулова 162 мм, Д. венчика 82 мм, В. общая 225 мм, В. до максимального расширения 100 мм, В. горла 106 мм.

201; 4; XXXI, 3. Кувшинчик двуручный (верхняя часть отсутствует). Корпус шаровидной формы, нижняя половина несет следы горизонтальной точки на круге (из-за этого — малозаметное ребро). Поддон низкий, с западиной внутри. Ручки — на верхней половине корпуса и нижней части горла, внутренняя поверхность плоская, наружная — в виде угла. Стебель отчленен резким перегибом. Поверхность сосуда затерта и покрыта коричневым ангобом (включая поддон). Д. поддона 48 мм, Д. тулова 130 мм, В. до максимального расширения 60 мм.

202; 6; —. Зеркало фрагментированное (бронза).

203; 5; —. Кольцо (бронза) пластинчатое, выпукло-вогнутое, фрагментированное.

204; 1; —. Бусина каменная (сердолик), полусферическая, односторонне-сегментированная с каналом из широкой сверлины. Дл. 7,7 мм, Д. 9 мм.

205; 3; —. Монета (см. Приложение II. Реестр, 50).

Инвентарь из сооружения IV

206; 1; XXXI, 4. Миска (фрагмент) красноглиняная, с S-образным профилем стенок. Венчик — округлая закраина. Внутренняя поверхность слегка заглажена. Зеркало полностью, стенка снаружи частично покрыты красно-коричневым ангобом, черепок в изломе темно-коричневый. Д. 190 мм.

207; 2; XXXI, 6. Миска фрагментированная, низкая, красноглиняная, с S-образным профилем стенок. Плоский широкий бортик горизонтально отогнут, снаружи — узкий желобок. В центре зеркала — кольцевая бороздка. Поддон низкий, слабо выделенный, на нижней поверхности — следы срезания. Зеркало тщательно заглажено, покрыто красно-коричневым ангобом. Черепок в изломе серовато-кремовый. Д. 150 мм.

208; 3; XXXI, 7. Миска фрагментированная, красноглиняная, с S-образным профилем стенок. Уплощенный бортик горизонтально отогнут, венчик имеет по тонкому желобку на верхней и боковой (наружной) поверхностях. Зеркало заглажено, ангоб полосой в верхней части. Черепок в изломе серовато-кремовый. Д. 150 мм.

209; 4; —. Фрагменты миски, аналогичной № 207. Д. 140 мм.

210; 5; XXXI, 5. Миска фрагментированная, красноглиняная, с S-образным профилем стенок. Венчик — скругленная закраина. Д. 180 мм.

211; 6; XXXI, 8, 10, 13, 14. Чаши с загнутым внутрь бортиком (фрагменты пяти чаш). Бортик загнут почти до вертикали, перегиб плавный, ребро отсутствует. Снаружи бортик обычно украшен двумя-четырьмя узкими горизонтальными желобками, его высота от 10 до 35 мм. Венчик округлый или округло-приостренный. Ангоб черный или красно-коричневый внутри, снаружи — полосой по краю. Д. 120—200 мм.

212; 7; XXXI, 11. Чаша низкая, с загнутым вертикальным бортиком и округло-уплощенным дном. Д. 120 мм.

213; 8; XXXI, 12. Фрагменты аналогичной чаши с загнутым вертикальным бортиком и округлым корпусом. Ангоб серовато-коричневый. Д. 110 мм.

214; 9; XXXI, 9. Фрагменты чаши, аналогичной № 211. Д. 210 мм.

215; 10—11; XXXI, 15. Фрагменты верхней части красноглиняной хумчи с подтреугольным в сечении венчиком.

216; 12; XXXI, 16. Фрагменты верхней части лепного котла сферической формы с двумя выступами в виде маленьких треугольных пластинок. Венчик приострен и загнут внутрь.

217; 13; —. Чашечка закрытой формы, по венчику — черная полоса.

218; 14; —. Дно крупного кувшина.

219; 15; XXXI, 17. Мисочка-плошка с отогнутым бортиком. Черепок в изломе коричневый, поверхность светло-серая. Д. 110 мм.

220; 16; XXVI, 1. Статуэтка — налеп, предназначенная для прикрепления к верхней части сосуда или ручке: фронтальное изображение головки женщины. Рельеф глубокий. Улыбающееся широкое и округлое лицо с четкими, определенными чертами. Спинка тонкого высокого носа составляет одну линию со лбом. Глаза в виде миндалевидных колечек. Брови, сходящиеся на переносице, имеют форму слабоизогнутых дуг. Подбородок широкий, квадратный. Рот большой, верхняя губа много больше нижней. От правой ноздри свисает вниз, заходя на губу, рельефная палочка (серьга?); возможно, она надета на горизонтальную палочку, проткнутую через носовую перегородку. На поднимающиеся над лбом и зачесанные назад гладкие пряди волос надет венец в виде гладкого ободка, над ним возвышаются в центре два трапециевидных зубца (уширением вверх). В центре каждой трапеции — кружковое углубление, в верхней части — поясок. От ободка отходят вниз гладкие «лепешечки», как бы прикрывающие уши. На полной шее — ожерелье, состоящее из гладкого жгута, над которым ряд мелких горошин. Ниже — верхняя одежда с подтреугольным вырезом и двумя отворотами. Техника: оттискивание в форму. Тесто красно-коричневое, ангоб коричневый. В. бюста 40 мм, Ш. внизу 29 мм, Ш. вверху 25 мм.

221; 17; VII, 7. Зеркало (бронза) миниатюрное с узким, чуть припухлым бортиком, фрагментированное. Д. 95 мм.

222; 18; XXVI, 2. Перстень (бронза) с треугольной в сечении дужкой (углом наружу), переходящей впереди в плоскую овальную площадку. На ней выгравирована в полный рост человеческая фигура, трактованная схематически, но объемно. В основании фигуры горизонтальный штрих. Левая нога — прямая, правая выдвинута вперед и согнута в колене. В правой руке, вытянутой вперед, предмет в виде полумесяца (рог изобилия? ритон?). Лицо обращено вправо. Показан длинный нос, полные губы, глаз. На голове — шапка, отороченная полоской внизу и с «помпоном» вверху. Сзади — крыло. Д. кольца 19—20 мм, размеры площадки 9—17 мм.

223; 19; VII, 6. Серьга (бронза) проволочная с несомкнутыми приостренными концами. Д. 15—18 мм, Д. проволоки 2,5 мм.

224; 20; —. Бусина каменная (сердолик), бишестиугольно-пирамидальная, с округлым переходом между пирамидками. Дл. 9 мм, сечение 10×11 мм.

225; 21; —. Каури со снятой спинкой.

Инвентарь кызларкалинских погребений

Погребение I

226; XXXII, 2[3]. Сосуд типа глубокой чаши с опрокинуто-колоколовидным корпусом, плоскодонный. Пропорции вытянутые, горловина невысокая, отмечена широким неглубоким желобком. Отогнутая наружу, она завершается утолщенным наружу венчиком. В нижней части сосуда имеются следы ремонта. Сосуд очень тщательной точки, из хорошего теста, красно-коричневого цвета; снаружи — покрытие светло-серым ангобом. Размеры: Д. дна 61 мм, Д. макс. 156 мм, Д. горловины 145 мм, В. до максимального расширения корпуса 60 мм, В. общая 94 мм.

227; XXXII, 1. Фрагмент верхней части кубковидного горшка, Д. горловины 80 мм.

228; —. Бляхи бронзо-золотые (четыре экземпляра, один во фрагментах). Бляхи нашивные, круглые в плане, в сечении выпукло-вогнутые. На бронзовую основу — тонкий, в 1 мм толщиной, плосковыпуклый листик — натягивалась значительно более тонкая золотая фольга, концы которой «заходили» на тыльную сторону. По тыльной стороне — тесно расположенные пунсонные углубления, которые на лицевой стороне являются выпуклыми точками. По краям — два сквозных отверстия. Д. 18—20 мм, Т. 30 мм.

229; —. Бусы бронзовые и серебряные. Разделение на бронзовые (свыше 800 шт.) и серебряные (около 60 шт.) достаточно условное, так как анализов не производилось. Серебряные бусы трех видов: короткие колечки с выпуклой гранью (Дл. 2,7 мм, Д. 4,5 мм); овальные, двусторонне-усеченные (Дл. 4,0, Д. 5,0 мм); биконические с четким ребром (Дл. 4,0, Д. 4,5 мм). Бронзовые бусины мелкие (Дл. 4.0—4,5, Д 5,0—6,0 мм) трех видов: цилиндрические; сферические сегментированные; овальные сегментированные. Крупные бронзовые бусины (6 шт.) литые, биконической формы, массивные (Дл. 10, Д. 13,5 мм).

230; —. Бусина сердоликовая. Колечко неправильной формы, похожее на неправильный диск, подшлифованное. С одной стороны — сверлина для отверстия. Дл. 2,5, Д. 6 мм.

231; —. Бусина сердоликовая. Шаровой сегмент (широкое колечко), с одного торца — сверлина. Подшлифовано. Дл. 4, Д. 7,5 мм.

232; —. Бусина лазуритовая. В виде пластины, в поперечном сечении (т. е. в торце) — плоско-выпуклой, шлифована. Дл. 13, сечение 4,5×9,0 мм.

233; —. Бусина из оникса (?). Овальная короткая, черного цвета. Поверхность полирована. С двух сторон — широкие сверлины. Дл. 10—11, Д. 8,5 мм.

234; —. Бусина из оникса (?). В виде трубки овального поперечного сечения. Поверхность шлифована, торцы непараллельны. Дл. 9,5, Д. 4,5—6,0 мм.

235; —. Бусина из белого жировика. Параллелепипед. С одного торца — широкая сверлина. Дл. 9,5, сечение 6,0×7,0 мм.

236; —. Бусина из белого жировика. Овальная короткая бусина, сверлина с обоих торцов. Дл. 9,0, сечение 7,0 мм.

237; —. Бусина из темной непрозрачной пасты, трубчатая. С одного торца — срез. Дл. 13,0, Д. 6,5 мм.

238; —. Бусина из темной непрозрачной пасты, цилиндрическая. С одного торца — срез. Дл. 8,0, Д. 6,0 мм.

239; —. Фрагмент аналогичной бусины, в изломе — зеленоватого цвета.

240; —. Бусина из непрозрачного зеленого стекла. Биконическая, короткая, с вогнутыми гранями, ребро очень четкое. Дл. 5,0, Д. 6,5 мм.

241; —. Бусина из непрозрачного зеленого стекла, пластинчатая, с поперечным сечением (торцом) в виде диска. Длинные грани слегка выпуклые. Дл. 10,0, сечение 4,0×1,0 мм.

Погребение 2

242; XXXII, 3. Сосуд типа глубокой чаши с опрокинуто-колоколовидным корпусом, стенка в верхней части резким двойным изгибом образует широкий и глубокий желобок-горловину. Начало отгиба образует четкое ребро, вверху стенка, образующая желобок, приобретает вид отвернутого наружу бортика с плоским верхом. Поддон четко выделенный, но невысокий, нижняя его поверхность вогнутая. Тесто — кремово-коричневое внутри, светло-серый ангоб снаружи. Размеры: Д. дна 60 мм, Д. корпуса макс. 170 мм, Д. горловины 179, В. поддона 9 мм, В. до желобка 73 мм, В. общая 93 мм.

243; XXXII, 4. Кубковидный горшок с почти шаровидным корпусом на низком, но четко выделенном поддоне (нижняя поверхность вогнутая). Корпус вверху переходит в резко отогнутую наружу низкую приостренную горловину. Тесто хорошего замеса, черепок в изломе коричневый. Поверхность снаружи серая, внутри — коричневая. Размеры: В. поддона 8 мм, В. до макс. расширения тулова 80 мм, В. общая 161 мм, Д. поддона 59 мм, Д. корпуса макс. 160 мм, Д. горловины 123 мм.

244; —. Нож бронзовый, фрагмент. Лезвийная часть очень короткая, конец округлый, спинка неровная. На лезвийной части — отгиб, образующий рукоять. Дл. фрагмента 50 мм, Дл. лезвия — 20 мм, Ш. лезвия — 19, Т. сечения 5 мм.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее номера указываются в следующей последовательности: номер по каталогу; номер находки на плане (рис. 11—14) и по полевой описи; номер таблицы и рисунка. На рис. 11—14 обозначены: арабской цифрой — номер находки (на рис. 11—13 — в кружке); римской — порядковый номер черепа.

[2] Здесь и далее: Д. — диаметр; В. — высота; Дл. — длина; Ш. — ширина; Т. — толщина.

[3] Здесь и далее указывается только номер по каталогу, номер таблицы и рисунка.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Е. В. Зеймаль

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ 1972 г. ИЗ ШААРТУЗСКОГО РАЙОНА.

Реестр.

Монеты, собранные в ходе полевых работ 1972 г. Южно-Таджикистанским отрядом Таджикской археологической экспедиции (начальник — Б. А. Литвинский), охватывают хронологический диапазон более чем в тысячу лет — с последней четверти III—начала II в. до н. э. и вплоть до конца VII—первой половины VIII в. н. э., но подавляющее большинство экземпляров приходится на кушанский и посткушанский периоды. Монетные находки неравномерно распределяются по археологическим памятникам Шаартузского района, на которых велись работы (городище Тепан-шах и его некрополь, тепе у сел. Новабад, Хишт-тепе, городище Тахти-Кувад, Ак-тепе II и Клыч Дувал в Бишкентской долине, Патта-тепе, Кызлар-кала и Хумдон-тепе) [1]. Наибольшее количество монет дал главный объект исследований отряда — городище Тепан-шах (17 экземпляров — находки на поверхности, 13 экземпляров — из раскопов 1 и 2) и его некрополь (20 экз.).

В приведенном ниже реестре монеты перечислены в последовательности, соответствующей месту и обстоятельствам находки. Для каждой монеты дано краткое определение и приведены технические данные — вес, диаметр и соотношение осей (в делениях часового циферблата: положение верхней точки лицевой стороны принято за XII часов и не обозначено, приведенная римская цифра — положение верхней точки оборотной стороны); в особой графе, когда это необходимо, отмечены индивидуальные отличительные особенности данного экземпляра.

В кратком комментарии, предпосланном реестру, монеты рассматриваются в хронологическом порядке, группами, независимо от места находки, но с отсылкой к номерам реестра. Прикладной характер данной публикации определяет основную задачу комментария — объективно оценить датировочные возможности каждой группы монет, представленной в находках 1972 г. Более подробно рассматривались те группы монет, историко-хронологическая интерпретация которых остается пока не установленной или спорной. При этом их датировка определялась с учетом существующих точек зрения и диапазона возможных хронологических колебаний (в частности, учитывались датировки, отражающие колебания начальной даты Канишки от начала II в. до 278 г.).

Халк греко-бактрийского царя Эвтидема (№ 1). Эта единственная собственно греко-бактрийская монета среди публикуемых находок принадлежит к наиболее массовой медной эмиссии царя Эвтидема I [2], правление которого относят к последней четверти III—первому десятилетию II в. до н. э. Поскольку этот халк был найден на поверхности, он не может быть использован в качестве датирующей находки [3].

Подражания оболам Эвкратида (№ 43, 46). В настоящее время известно более четырех десятков монет, относящихся к этой группе подражаний, неоднократно рассматривавшейся в литературе [4]. Видимо, прав был А. М. Мандельштам, относя начало их выпуска к последним десятилетиям II—середине I в. до н. э. [1966, с. 142], однако вопрос о дробной хронологической систематизации различных стадий чеканки подражаний оболам Эвкратида должен решаться заново — с учетом всех накопленных в настоящее время материалов. Здесь нет необходимости рассматривать все связанные с этим материалы, так как оболы № 43, 46 не датируют сооружение II некрополя Тепан-шах, где они были найдены [5].

Оболы кушанского владетеля «Герая» (№ 2, 3, 45, 48). Предположительная локализация места выпуска монет «Герая» к северу от Гиндукуша, предложенная более сорока лет назад [Зограф, с. 28 и сл.], может быть в настоящее время сужена и уточнена, поскольку подавляющее большинство надежно документированных находок монет «Герая» было сделано к северу от Амударьи (главным образом, в Южном Таджикистане) [6]. Историческая интерпретация «Герая» до самого недавнего времени прочно покоилась на гипотетическом допущении, что «Герай» является предком (дедом [Tarn, p. 340; Chirshman, p. 109], отцом [Толстов, 1948, с. 149—150; Дьяконов М. М., 1950, с. 174] или просто «предшественником» [Пугаченкова, 1966, с. 189]) основателя Кушанского царства и первого кушанского царя Куджулы Кадфиза. Но в последнее время в безраздельном господстве этой точки зрения наметилась брешь: предлагалось отождествить «Герая» с кушанским безымянным «царем царей, великим спасителем»

(«сотер мегас») [Macdowall and Wilson, p. 228—230], хорошо известным по медным монетам, или рассматривать «Герая» как одного из подчиненных кушанским царям (в период до воцарения Канишки I) владетелей [Зеймаль Е. В., 1978, с. 207], удел которого располагался в правобережье Амударьи. Наметилась и тенденция к «омоложению» «Герая» по сравнению с датировкой, предлагавшейся А. Н. Зографом (вторая четверть I в. до н. э.). Еще М. М. Дьяконов склонялся к отнесению «Герая» к I в. н. э. [1950, с. 175]. Отождествление «Герая» с «сотером мегасом», упоминавшееся выше, также подразумевает датировку «Герая» I в. н. э. Эти умозрительные попытки «омолодить» монеты «Герая» в последнее время стали подкрепляться и фактами, которые могли бы свидетельствовать в пользу такой передатировки [7]. Сейчас ясно, что датировка «Герая» серединой I в. до н. э. не может считаться твердо установленной и единственно возможной [8], что затрудняет использование его монет в качестве датирующих находок.

Безымянный «царь царей, великий спаситель» («сотер мегас») (№ 4—6, 27—29, 40; 80). Все восемь экземпляров принадлежат двум номиналам (средний и малый) монет «сотера мегаса» и представлены типами (л. ст. — всадник вправо с топориком в поднятой руке; об. ст. — бюст мужского божества вправо с дротиком в вытянутой правой руке и с нимбом из коротких лучей над головой), составляющими массовую группу в его чеканке.

Гипотеза М. Е. Массона о том, что монеты «сотера мегаса» были выпущены Куджулой Кадфизом [1950, с. 11—49], получила широкое распространение в советской археологической литературе [9], но не может считаться окончательно доказанной [10]. Лишь очень редкие типы монет «сотера мегаса» (с изображением на об. ст. стоящего «Зевса», как на подражаниях монетам Гелиокла), видимо, хронологически могут быть параллельны монетам Куджулы Кадфиза. Подавляющее же большинство монет «сотера мегаса» (и в том числе все экземпляры, представленные в находках 1972 г.) хронологически предшествуют монетам Вимы Кадфиза или параллельны им [Зеймаль Е. В., 1965, с. 7][11]. Их использование для археологических датировок возможно с учетом допустимых колебаний кушанских абсолютных дат: их выпуск должен датироваться от I в. н. э. (при НДК — около 100—110 г.) до последней четверти II в.—первой половины III в. (при НДК — 278 г.), а в обращении они могли оставаться и позже.

Вима Кадфиз (№ 7, 44). Оба экземпляра принадлежат к числу наиболее распространенных медных монет этого царя (стоящий царь перед алтарем влево/Виша-Шива перед быком) крупного номинала («медные тетрадрахмы»), широко представленных в находках по всей территории Кушанского царства. Северной границей массового распространения таких монет являются южные склоны Гиссарского хребта [12], хотя единичные экземпляры и проникали за этот рубеж (Аштский район Ленинабадской области [13], Хорог [14]). Допустимый диапазон колебаний абсолютных дат правления Вимы Кадфиза: от второй половины I в. (при НДК — 100—110 г.) до второй и третьей четверти III в. н. э. (при НДК — 279 г.). Для их датировочного использования в археологической практике необходимо учитывать соображения, справедливые и для монет кушанских царей из «династии Канишки» (см. ниже).

Монеты царей «династии Канишки»: Канишка I (№ 8, 35—37, 39, 41, 42, 78), Хувишка (№ 9, 49), Васудева (№ 10, 32, 33, 37). Все найденные экземпляры принадлежат к числу обычных для чеканки этих царей типов, распространенных по всему Кушанскому царству (в том числе — и в правобережье Амударьи). Относительная хронология каждого из этих царей разработана весьма детально и опирается на надписи, упоминающие этих царей и датированные по «эре Канишки». Абсолютные даты (при разных вариантах НДК [Зеймаль Е. В., 1968, с. 134—135]) могут иметь колебания в следующих пределах:

Царь	Даты по «эре Канишки»	Абсолютные даты при НДК	
		около 100 (110) г.	278 г.
Канишка I	1—23 гг.	101—123 (111—133) гг.	278—301 гг.
Хувишка	28—60 гг.	128—160 (138—170) гг.	306—338 гг.
Васудева	64—98 гг.	164—198 (174—208) гг.	342—376 гг.

Использование этих монет (как и монет «сотера мегаса» и Вимы Кадфиза) для археологических датировок, если они представлены единичными находками в слое, требует осторожности, поскольку кушанские медные монеты не знали принудительного изъятия из обращения и циркулировали значительно позднее времени их выпуска (и даже времени существования Кушанского царства). Только статистически представительные выборки кушанских медных монет, подкрепленные стратиграфическим распределением, могут давать надежные относительные даты [15].

Канишка III [16] (№ 11, 12, 38, 50, 52?, 70). Эпиграфические памятники, которые были бы бесспорно связаны с этим царем, неизвестны [17]. Но существует группа золотых кушанских монет с изображением на оборотной стороне сидящей богини Ардохш, на лицевой стороне которых ясно читается имя Канишки [18]; типологически эти монеты очень тесно примыкают к монетам Васудевы — их выпуск начинается на рубеже

первой и второй фаз в чеканке Васудевы, т. е. является хронологически параллельным монетам этого царя. Мне неизвестны медные монеты с изображением на оборотной стороне богини Ардохш, на которых имя царя читалось бы с уверенностью. Но в равной степени неизвестны и золотые монеты с Ардохш на оборотной стороне, на которых читалось бы имя Васудевы. Все это позволяет рассматривать медные монеты с изображением на оборотной стороне сидящей богини Ардохш как эмиссию, параллельную золотым монетам с именем Канишки (л. ст.) и изображением Ардохш (об. ст.), т. е. как медные монеты Канишки III. Только недоразумением можно объяснить явную ошибку в определении этих монет как монет «Васудевы II», устойчиво повторяемую в многочисленных публикациях Г. А. Пугаченковой [1966, с. 121; 1967, с. 85—87; 1971, с. 91, рис. 52; 1979, с. 152; Пугаченкова, Ртвеладзе, с. 106, 112, 113; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 180—181] и активно ею отстаиваемую [19]. В истории Кушанского царства так много недостоверного и спорного, что вряд ли стоит искусственно затемнять ее еще больше, отвергая вполне ясно написанную монетную легенду [20] или внося «разночтения» в определение монет там, где для этого нет никаких оснований [21].

В связи с неустановленностью точной хронологии монет Канишки III и примерной одновременностью этого кушанского царя с Васудевой монета Канишки III в археологическом слое имеет примерно такое же датировочное значение, как и монета Васудевы [22].

Подражания монетам Хувишки (№ 15, 16?, 18, 19?, 20?, 21?, 22, 23, 24?, 26, 30, 56?, 63??). Первые известные мне подражания монетам Хувишки были получены в ходе раскопок 1963—1965 гг. на Яванском городище (Гарав-кала) и разведок в Яванской долине [23]. Затем несколько экземпляров удалось выявить в среднеазиатских музеях; один экземпляр (без данных о происхождении) был недавно опубликован Р. Гёблем [Göbl, 1978, № 2652]. Публикуемые здесь подражания Хувишке и количественно, и по разнообразию типов превосходят то, что было ранее известно об этих монетах. Поэтому на них придется остановиться подробнее, чем на других группах.

Монетный кружок у них значительно тоньше, чем у монет собственно Хувишки. Диаметр кружка дает колебания от 19 до 22 мм (экз. № 15—22,4 мм), вес — от 0,83 до 3,59 г. Соотношение осей, если его можно определить, как правило XII (реже — XI или I).

Типы лицевой стороны восходят к таким весьма распространенным в медном чекане Хувишки композиционным схемам, как «царь на слоне» (№ 15, 16, 18, 23, 26), «царь на тахте» (№ 20, 22) и, возможно, «сидящий царь со скрещенными ногами» (№ 30, 56 — изображение сильно схематизировано, тахт не виден). Степень отдаления от прототипа и схематизация настолько велики, что композиционные схемы опознаются лишь на монетах сравнительно хорошей сохранности. На экземплярах № 19 и 24 — изображение на лицевой стороне вообще не удалось разобрать. На одной стороне экземпляра № 22 воспроизведена композиционная схема «царь на слоне», а на другой — «царь на тахте», т. е. у монеты как бы две лицевые стороны и ни одной оборотной.

Композиционная схема оборотной стороны у всех издаваемых экземпляров, видимо, одинаковая; восходит она, скорее всего, к изображениям бога Мифра на собственно кушанских монетах (т. е. на монетах-прототипах): стоящее мужское божество влево с вытянутой вперед на уровне плеча рукой. На одном экземпляре из Тепан-шах (№ 21) такая стоящая фигура изображена на обеих сторонах монеты (т. е. в данном случае у монеты как бы две оборотные стороны и ни одной лицевой). В целом степень схематизации настолько велика, что изображения уже близки к полной потере содержания и опознаются в ряде случаев только предположительно.

Эти имитации обладают всеми чисто внешними признаками «варварских подражаний» (стремление сохранить чисто внешнее сходство и полное отсутствие заботы о весовом содержании; быстрая потеря содержания легенды, но сохранение совершенно бессмысленного набора значков и закорючек, имитирующих ее расположение; стремительное отдаление от исходного образца изображений, приводящее к почти полному их «распаду»). Но в качестве прототипа использован не один какой-то тип монет Хувишки, а, судя по лицевой стороне, все три основные композиционные схемы лицевой стороны, известные для медных монет Хувишки.

Где осуществлялся выпуск этих монет? Мы располагаем находками из двух пунктов — Яванского городища и оазиса Тепан-шах, — между которыми пролегает значительное пространство, не давшее пока таких монет; не располагаем мы никакой информацией о находках подобных подражаний Хувишке в Северном Афганистане. Если выпускались три разновидности таких подражаний, то должна ли каждая из них иметь свой самостоятельный ареал обращения? Или решающее значение в данном случае имеет «унифицированный» тип оборотной стороны? Только накопление нового материала с надежными данными о происхождении монет даст возможность ответить на эти вопросы.

Еще сложнее ответить на вопрос, когда эти монеты выпускались. Теоретически возможны по крайней мере три варианта. Во-первых, их могли начать чеканить еще при жизни Хувишки, если допустить, что правобережье Амударьи отпало при этом царе от Кушанского царства. Во-вторых, их могли начать чеканить сразу после прекращения выпуска монет Хувишки (или после прекращения их притока в Трансоксиану), т. е. после воцарения Васудевы, параллельно с его чеканкой, что также подразумевает отпадение от Кушанского царства владений к северу от Амударьи с приходом

к власти Васудевы. И наконец, третья возможность — после падения Кушанского царства в правобережье Амударьи начинается выпуск сразу трех разновидностей подражаний кушанским монетам: монетам Хувишки, Васудевы, Канишки III; при этом каждый вид подражаний не имеет своего строго очерченного ареала, как это и характерно для медных имитаций медных монет. Таким образом, хронологическое и территориальное распределение подражаний монетам Хувишки оказываются тесно взаимосвязанными. Если бы удалось доказать, что подражания Васудеве, Канишке III и Хувишке имеют свои устойчивые ареалы обращения, можно было бы предполагать с большой долей вероятности одновременность выпуска этих трех групп подражаний кушанским монетам. Однако пока для такого предположения нет оснований.

Отсутствие среди нумизматических материалов из городища и некрополя Тепаи-шах кушано-сасанидских монет на первый взгляд позволяет предположить, что городище не доживает до массового проникновения сюда кушано-сасанидских монет (кушано-сасанидской «оккупации»). Но, во-первых, здесь же представлены и подражания монетам Васудевы и Канишки III, явно находившиеся в обращении одновременно с кушано-сасанидскими монетами [Давидович, 1979, с. 42—56, клады №№ 4—6], а возможно, и позднее. Во-вторых, находки подражаний Хувишке из Яванской долины позволяют предполагать и здесь одновременность обращения подражаний Хувишке и подражаний Васудеве; кушано-сасанидских монет в Яване не было найдено, но IV горизонт (сверху) на раскопе 2 дал оттиск штампа на керамическом сосуде, имеющий прямые кушано-сасанидские аналогии; кроме того, в Болдайском кладе, состоящем из подражаний Васудеве и кушано-сасанидских монет, младшими (т. е. датирующими выпадение клада) монетами являются весьма поздние типологические подражания монетам Васудевы (IV серия) (там же, клад № 6).

Таким образом, для сколько-нибудь уверенного (и даже предположительного) решения вопроса о месте и времени в ы п у с к а подражаний монетам Хувишки пока, мне кажется, просто недостаточно данных. Их одновременное о б р а щ е н и е с подражаниями Васудеве и Канишке III вряд ли может вызывать сомнения, особенно если учитывать значительное отдаление от исходного прототипа публикуемых здесь экземпляров из Тепаи-шах и их «изношенность» в обращении. Только так они могут быть использованы для практических целей датировки слоя.

Подражания монетам Васудевы (№ 13, 14, 34, 47, 71, 72, 79) и **Канишки III** (№ 25, 31). Вопрос о хронологической систематизации этих двух групп подражаний (с выделением последовательных стадий отдаления от прототипа) уже рассматривался сравнительно недавно (Давидович, 1979, с. 43—44) в связи с находками кладов позднекушанских монет из Южного Таджикистана. Новые материалы, появившиеся за это время [24], не вносят сколько-нибудь существенных изменений в общую картину. Среди рассматриваемых находок представлены бесспорные образцы второй (№ 13, 47, 79), третьей (№ 14) и пятой стадий (№ 71, 72) чеканки подражаний Васудеве; сохранность остальных экземпляров такова, что их уточненное определение невозможно. Даже при ранних вариантах кушанской хронологии большинство этих подражаний должно «заходить» в IV в. н. э.; при поздних кушанских абсолютных датах их невозможно датировать ранее конца IV—V в.

Кушано-сасанидские монеты представлены в находках медными монетами Пероза (? № 51), Варахрана I (№ 55), Варахрана II (№ 62) и двумя кушано-сасанидскими монетами (№ 65, 77?), которые нельзя определить более точно. Если следовать хронологической систематизации, предложенной В. Г. Лукониным [25], публикуемые монеты относятся к последней четверти IV—первой половине V в. Видимо, период их проникновения за Амударью (и, вероятно, обращения в районе ее правобережья) был довольно непродолжительным и лишь на каких-то этапах совпадает с выпуском и обращением подражаний монетам Васудевы.

Кобадианский чекан V—VI вв. (№ 64). Такое условное определение получила здесь медная монета, на лицевой стороне которой изображена голова правителя влево, в плоской шапочке, перевязанной лентой-диадемой; на оборотной стороне все поле монеты занимает тамга сложной конфигурации. К сожалению, найденная в 1972 г. монета обломана — от нее сохранилась примерно половина. Но в 1967 г. такая же целая монета была найдена на том же городище Тахти-Кувад [Зеймаль Е. В., 1978, т. 5/18] (но голова правителя обращена вправо). Третий известный мне экземпляр монет этой группы (голова правителя вправо) хранится в Государственном Эрмитаже (беспаспортный, из коллекции Е. А. Пахомова). Локализация этой группы как кобадианской основывается только на том, что из трех имеющихся экземпляров два происходят с городища Тахти-Кувад. Приблизительная датировка определяется скорее общим историко-нумизматическим контекстом, чем конкретными доводами, поскольку медная чеканка Северного Тохаристана V—VI вв. вообще пока почти не изучена.

Тохаристанская монета VII—VIII вв. с круглым отверстием (№ 69). Имеет на одной стороне круговую легенду, которую В. А. Лившиц рассматривает как эфталитскую курсивную, другая сторона — гладкая. Большое число таких монет найдено в разных пунктах Южного Таджикистана (Мунчак-тепе, Аджина-тепе, Кафыр-кала в Колхозабаде и др.); все вопросы, связанные с их датировкой и локализацией, будут рассмотрены в специальном исследовании о монетах раннесредневекового Северного Тохаристана, которое подготавливается к изданию.

Примечания

[1] Предварительный отчет об этих работах см. [Литвинский, 1976, с. 61—84], где приведены и краткие сведения о монетных находках.

[2] Халки Эвтидема I отличает от монет другого греко-бактрийского царя с теми же изображениями (л. ст. — голова Зевса вправо, об. ст. — скачущий конь вправо) и легендами — Эвтидема II (краткое правление или соправительство — 80-е или 70-е годы II в. до н. э.), помимо стилистических особенностей, легко опознаваемая техническая особенность — прямой гурт (у халков Эвтидема I — гурт скошенный).

[3] Есть основания полагать, что такие монеты (во всяком случае, к северу от Амударьи) оставались в обращении значительно позднее времени их выпуска. Ср. находку такой монеты во время раскопок на Каменном городище (Тахти-Сангин) в 1978 г. (неопубликованные материалы Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна), в слое, младшей датирующей монетой для которого является монета Канишки I. Совершенно неправомерно в книге о Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртveладзе и др.] использован для датировки такой же халк Эвтидема на городище Дальверзин-тепе: он был найден в дерновом слое холма ДТ-7 («верхний слой помещения 2». VI строительный период, уровень пола которого — «10—15 см от высшей точки холма»), но, когда рассматриваются материалы первого строительного периода («3,75 м от вершины холма»), оказывается, что «датировку керамики, а следовательно, и времени существования жилища уточняет монета Евтидема (230—200 гг. до н. э.)». В главе о керамике эта же монета (но уже названная «монетой Евкратида») «подтверждает» датировку периода Дальверзин-I III—II вв. до н. э. В итоговой главе «монета Евтидема из раскопок ДТ-7» «подтверждает» датировку наиболее ранних слоев всего городища концом III—II вв. до н. э. «Соответственно датируется и первый период в истории Дальверзинтепе» (Пугаченкова, Ртveладзе и др., с. 83, 146, 176). На длительность обращения этих халков косвенно указывают и выпускавшиеся к северу от Амударьи литые подражания-имитации таких монет (ср. [Кастальский, с. 347]).

[4] См. [Дьяконов М. М., 1950, с. 172—175 (где указана основная более ранняя литература); Мандельштам, 1966, с. 138—142; Зеймаль Е. В., 1975, с. 60; 1978, с. 201—202].

[5] Специальное исследование об этих подражаниях предполагается опубликовать в приложении к подготовленной Б. А. Литвинским и А. В. Седовым публикации, посвященной могильнику Туп-хона, для датировки которого подражания оболам Эвкратида имеют решающее значение.

[6] См. [Давидович, 1976, с. 56—78]. После появления этой работы стали известны еще одна тетрадрахма и два обола «Герая» (раскопки на Каменном городище (Тахти-Сангин) 1978 г. — «ботрос» № 3; неопубликованные материалы Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна); еще один обол «Герая» был найден во время раскопок в 1974 г. грунтового могильника «Иттифок» в Пархарском районе (неопубликованные материалы Х. Ю. Мухитдинова, с которыми он меня любезно познакомил).

[7] Имеются в виду совместные находки монет «Герая» с другими монетами («сотер мегас», Вима Кадфиз, Канишка I) в стратиграфически надежных условиях (Каменное городище, 1979 г., «ботрос» № 3). Предложенная Т. И. Зеймаль [1975, с. 267—269] передатировка городища Кей-Кобад-шах позволяет по-новому оценить и находку на этом памятнике обола «Герая» (в слое с монетами «сотера мегаса»).

[8] Следует напомнить, что в 1879 г., когда датировка «Герая» еще не зависела непосредственно от его исторической интерпретации (и от умозрительных общеисторических построений), для него была предложена датировка около 100 г. н. э. [Sallet, p. 398].

[9] Побочный отрицательный эффект принятия этого гипотетического отождествления, преодоленный только в самые последние годы, — обозначение в среднеазиатских публикациях монет «сотера мегаса» как монет Кадфиза I (без каких-либо пояснений), что создавало путаницу и искажало истинную картину.

[10] См. [Зеймаль Е. В., 1960, с. 116—122]. Но ср. [Пугаченкова, 1966а, с. 15—25]. Все аргументы против гипотезы М. Е. Массона объявляются в этой работе либо не заслуживающими доверия, либо — логически не безупречно — истолковываются в пользу отождествления «сотера мегаса» с Кадфизом I, как это «случилось» с данными о распределении кушанских монет по слоям и городищам в Таксиле (или со сведениями о совместных находках монет «сотера мегаса» с другими кушанскими монетами в правобережье Амударьи). Полное отсутствие в этой статье новых реальных данных, подтверждающих гипотезу М. Е. Массона (равно как и раздраженно-снисходительный тон статьи), к сожалению, не способствует продолжению дискуссии.

[11] Объективное изложение вопроса, учитывающее и другие возможные точки зрения [Гафуров, с. 149].

[12] Этот же естественный рубеж был, видимо, северной границей Кушанского царства, см. [Зеймаль Е. В., 1962, с. 144—145]. Эту точку зрения принимает (правда, без ссылок) и развивает в своей работе «К вопросу о северных границах государства «Великих кушан» М. Е. Массон [1968, с. 17—23]. Но ср. [Ставиский, 1977, с. 30—31, 39—41], для которого Гиссарский хребет — граница «кушанской Бактрии».

[13] См. [Негматов, Салтовская, с. 264]. Монета с просверленным отверстием использовалась как украшение.

[14] См. [Зеймаль Е. В., 1960, с. 116]. Неясно, в какой степени Западный Памир был подчинен кушанам.

[15] Методически спорными представляются поэтому подсчеты длительности жизни зданий, исчисляемые от старшей монеты в слое до младшей [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 86, 181, 183], и совершенно неприемлемыми, когда четыре монеты заведомо IV в. служат для датировки «полного прекращения керамического производства» в квартале гончаров в III—IV вв. (!?) [там же, с. 125].

[16] «Канишка II» упоминается в надписи из Ара, датированной 41 г. «эры Канишки». С ним может быть предположительно связана группа монет, обычно относимых к чеканке Канишки I (см. [Зеймаль Е. В., 1967, с. 68—74]).

[17] Попытки отнести часть надписей, датированных по «эре Канишки», ко второму веку этой же эры (с опущенными сотнями) предпринимали Й. Лёхайзен де Лёв и Дж. Розенфилд ([Rosenfield, p. 106, 267]; ср. [Зеймаль Е. В., 1968, с. 30—31]).

[18] Издавались в хороших воспроизведениях неоднократно. Теперь см. [Rosenfield, pl. 12, fig. 237, 241].

[19] В основе этого недоразумения, очевидно, ошибка у Ж. де Моргана [Morgan, p. 474, fig. 621], на которого ссылается Г. А. Пугаченкова [1966, с. 277, примеч. 238]. Его труд — это руководство по нумизматике (но не исследование!), оно готовилось к печати уже после смерти автора и не свободно и от других ошибок. Аргументы Г. А. Пугаченковой в пользу принадлежности этих монет «Васудеве II» сводятся, во-первых, к не всегда точному описанию различий между монетами Васудевы и Канишки III («военный костюм у одного, светский или жреческий у другого» [1967, с. 86]), во-вторых, к метрологическим доводам, исходящим из весьма спорного тезиса о том, что «денежное хозяйство Кушан при Васудеве I еще относительно устойчиво, при Васудеве же II (т. е. при Канишке III. — *Е. З.*) совершенно расшатано» [там же, с. 86].

[20] Вполне отчетливые изображения этих монет имеются во многих изданиях. В моем распоряжении были, кроме того, фотографии и слепки этих золотых монет, любезно присланные из Британского музея. Поэтому было очень странно узнать, что я связываю эти монеты с Канишкой III не самостоятельно, а «видимо, вслед за П. Гардднером, усматривавшим в трудно читаемой легенде имя Канишки», и что следует оставить «за специалистами спор о дешифровке легенды» [Пугаченкова, 1967, с. 86]. Каждый, кто обращается к исследованию нумизматического материала непосредственно, а не пользуется им «из вторых рук», в состоянии прочесть эту легенду на хорошо сохранившейся золотой монете.

[21] Авторитетное мнение Г. А. Пугаченковой приняли и другие авторы (в том числе и непосредственно работающие с монетами), повторяющие эту же ошибку [Ерназарова и др., с. 65; Ртвеладзе, 1978б, с. 227—231 и другие работы]. Мне уже приходилось писать об этом [Давидович, 1979, с. 46] и не хотелось бы возвращаться к этому вопросу в дальнейшем.

[22] Это полностью подтверждается многочисленными совместными находками монет Канишки III и Васудевы, в том числе в кладах [Ртвеладзе, 1978б, с. 231]; по данным Г. А. Пугаченковой [1967, с. 78], на Шор-тепе в одном слое («Гор. VI-б») были найдены монета Васудевы («Васудева I» — № 45) и монеты Канишки III («Васудева II» — № 47, 51, 52, 54). Неясно, на что опирается Г. А. Пугаченкова, говоря о резких метрологических различиях между Васудевой «I» и «II». Может быть, в качестве монет «Васудевы II» рассматривались подражания чеканке Канишки III?

[23] Материалы остаются неопубликованными.

[24] См., например, [Ртвеладзе, 1978б, с. 227—231], где издан клад монет Васудевы и Канишки III.

[25] См. [Луконин, 1967, с. 16—33; 1969, с. 124—151]. Там же приведена литература о других точках зрения.

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКОГО ОТРЯДА ТАЭ в 1972 г.
РЕЕСТР

№ п/п	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Особенности изображений легенд	Примечания
	Городище Тепаи-шах, находки на поверхности					
1	Греко-бактрийский царь Эвтидем, халк	5,60	21,0	X	Штемпель л. ст. смещен вниз и занимает кружок неполностью. Скошенный гурт	
2	Кушанский владетель «Герай», обол	0,51	12,1	XI	—	
3	То же	0,35	12,1	XII	Край монеты обломан	
4	Кушанский безымянный «царь царей, великий спаситель»	6,77	19,5	I	—	
5	То же	5,79	21,2	XII	Край монеты обломан	
6	То же, малый номинал	1,73	14,5	I	—	
7	Кушанский царь Вима Кадфиз, крупный номинал	15,81	27,9	XII	—	
8	Кушанский царь Каништка I	12,57	2,53	XII	На об. ст. — бог Михр (или бог Атеш)	
9	Кушанский царь Хувишка	13,61	26,3	XII	Л. ст. — царь на слоне вправо, об. ст. — бог Михр (?)	
10	Кушанский царь Васудева	7,51	24,9	XII	—	
11	Кушанский царь Каништка III	4,82	20,2	XII	—	
12	То же	5,57	18,9	XII	—	
13	Подражание монетам Васудевы, II серия	3,33	17,0	XII	—	
14	Подражание монетам Васудевы, III серия	2,72	17,1	XII	—	
15	Подражание монетам Хувишки	1,94	22,4	I	Л. ст. — царь на слоне вправо, об. ст. — стоящее мужское божество (Михр?)	
16	То же?	1,55	21,0	?	—	
17	Не определена	1,48	16,1	?	—	
	Городище Тепаи-шах, раскоп 1					
18	Подражание монетам Хувишки	2,75	21,9	XII	Л. ст. — царь на слоне, об. ст. — стоящее мужское божество (как № 15, но схематичнее)	Помещение III, завал над полом
19	Подражание монетам Хувишки (?)	0,83	19,8	?	Изображения плохо различимы	То же
20	Подражание монетам Хувишки (?)	2,75	19,4	XII	Изображение царя на слоне или царя на тахте (л. ст.) сильно схематизировано	То же
21	Подражание монетам Хувишки (?)	0,86	20,1	XII	По фактуре — как подражания монетам Хувишки, но на л. и об. ст. изображения стоящей фигуры (и рядом *на одной из сторон* — тамга)	То же
22	Подражание монетам Хувишки	2,57	20,5	XII	Л. ст. — царь на слоне, об. ст. — царь, сидящий на тахте (оба изображения очень схематичны)	То же

Продолжение

№ п/п	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Особенности изображений легенд	Примечания
23	Подражание монетам Хувишки	1,57	21,6	XII?	Л. ст. — сильно схематизированное изображение царя на слоне или на тахте, об. ст. — стоящая фигура	Помещение III, пол у поперечной стенки
24	Подражание монетам Хувишки (?)	3,33	20,5	XII	Л. ст. — царь на тахте (?), об. ст. — стоящая фигура	Помещение III, пол
25	Подражание монетам Канишки III	4,49	17,7	XII	Л. ст. — обе руки опущены вниз	Помещение V—VII, завал над полом
26	Подражание монетам Хувишки	3,59	21,0	XII	Л. ст. — царь на слоне	Помещение XIX, завал над полом
	Городище Тепаи-шах, раскоп 2					
27	Кушанский безымянный «царь царей, великий спаситель»	4,86	19,5	XII	Поверхность коррозирована	Западная стена, на поверхности земли
28	То же	6,99	21,5	XI	Л. ст. — различима крупная серьга, тамга на л. и об. ст. не видна	Помещение III-А, пол у основания базы
29	То же	6,52	20,5	XII	Тамга на л. и об. ст. неразличима, наконечник дротика (л. ст.) — за пределами монетного кружка	Помещение IV-А, завал над полом
30	Подражание монетам Хувишки	2,42	19,3	III	Л. ст. — изображение сидящей фигуры (тахт не виден), об. ст. — стоящее божество влево (Мах?)	То же
	Некрополь, сооружение I					
31	Подражание монетам Канишки III	6,69	21,2	XII	На л. ст. — левая рука поднята вверх	(№ 24)*
32	Кушанский царь Васудева	9,35	25,3	XII	Удлиненные пропорции фигур на л. и об. ст.	(№ 56)
33	То же	7,73	23,1	XI	Край монеты обломан	(№ 62)
34	Подражание монетам Васудевы	5,96	19,1	XII	Детали изображения неразличимы	(№ 64)
35	Кушанский царь Канишка I	15,15	26,2	XII	На л. и об. ст. остатки легенды, на об. ст. — стоящее божество (Михр?)	(№ 84)
36	Кушанский царь Канишка I	15,26	26,3	XII	На об. ст. — обращенная вправо богиня Нана	(№ 85)
37	То же	16,83	25,7	XII	На об. ст. — бог Атеш влево	В отвале (№ 88)
	Некрополь, сооружение II					
38	Кушанский царь Канишка III	7,70	21,8	XII	На л. ст. различим нимб у головы царя, на об. ст. — «коврик» под ногами богини Ардохш и рог изобилия у левого плеча	(№ 11)
39	Кушанский царь Канишка I	15,87	26,6	XII	На об. ст. — бегущий влево бог Вад	(№ 13)
40	Кушанский безымянный «царь царей, великий спаситель»	7,50	21,5	?	Монета сильно коррозирована и расслаивается; на л. ст. — только следы изображения	(№ 35)

Продолжение

№ п/п	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Особенности изображений легенд	Примечания
41	Кушанский царь Канишка I	7,51	21,9	XI	На об. ст. — бог Михр влево (различима легенда MIOPO)	(№ 36). Монета чеканена штемпелями, близкими к тем, которые употреблялись для чеканки золотых динаров. Относится к числу наиболее ранних медных монет Канишки I (но после монет с греческой легендой)
42	То же	13,92	25,0	XII	На об. ст. — стоящее мужское божество	(№ 37)
43	Подражание оболам Эвкратида	0,23	10,2	V (?)	Монета плохого серебра (с желтоватым оттенком)	(№ 38)
44	Кушанский царь Вима Кадфиз	15,41	25,8	XII	Изображение на об. ст. значительно меньше изображений, обычных для этого номинала	(№ 40)
45	Кушанский владетель «Герай», обол	0,36 серебро	12,0	I	Легенда на об. ст. сохранилась неполностью	(№ 65)
46	Подражание оболам Эвкратида	0,49 серебро	11,7	XII	Легенда и изображения — с небольшими искажениями	(№ 73)
47	Подражание монетам Васудевы	6,71	20,0	XII?	На об. ст. хорошо видны остатки ободка из крупных точек	(№ 79)
48	Кушанский владетель «Герай», обол	0,47	11,8	XII	Легенда (об. ст.) сохранилась неполностью	(№ 114)
49	Кушанский царь Хувишка	14,58	24,8	XII	Л. ст. — царь на слоне, об. ст. — стоящее божество влево и следы легенды (MAO)	Из отвала
	Некрополь, сооружение III					
50	Кушанский царь Канишка III	6,19	21,7	XII	На об. ст. различим трон, на котором сидит Ардохш, но «коврик» и рог изобилия не видны	(№ 3)
	Новобад, осень 1972					
51	Кушано-сасанидский владетель Пероз (?)	0,77	13,2	XII?	Монета плохой сохранности, различим силуэт головы на л. ст.	
	Хишт-тепе, 1972 г., находки на поверхности					
52	Кушанский царь Канишка III или подражание его монетам	5,10	18,1	I?	Различимы только нечеткие контуры фигур	
53	Не определена	0,48	14,1	?	Тонкий кружок, поверхность сильно корродирована	
54	Не определена	0,90	13,2	?	(Возможно, сасанидо-кушанская?)	
55	Кушано-сасанидский владетель Варахран I	1,01	17,0	XII	Л. ст. — правитель, стоящий перед алтарем вправо (в короне?), об. ст. — «Шива» перед быком	

Продолжение

№ п/п	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Особенности изображений легенд	Примечания
56	Подражание монетам Хувишки (?)	2,61	20,0	I?	На л. ст. — сидящая фигура (?), на об. ст. — стоящее божество (?)	
57	Не определена	0,89	13,4	?	(Возможно, сасанидо-кушанская)	
58	То же	0,36	13,4	?	(Возможно, сасанидо-кушанская)	
59	То же	1,31	13,5	?	На об. ст. — Ахура Мазда, поднимающийся из алтаря (видны только очертания) (сасанидо-кушанская монета)	
60	То же	1,04	13,7	?	Монета плохой сохранности	
61	То же	0,43	13,0	?	Монета плохой сохранности	
	Хишт-Тепе, 1972 г., шурф					
62	Кушано-сасанидский владетель Варахран II	0,72	13,0	XII?	На л. ст. — закрученные вниз рога короны; об. ст. затерта	I ярус
63	Подражание монетам Хувишки (??)	2,14	20,3	—	Сильно коррозирована, края кружка обломаны	Низ IV яруса
	Тахти-Кувад, 1972 г., находки на поверхности					
64	Кобадианский чекан конца V—VI в.	0,73	17,0	XII	Голова правителя в диадеме влево, на об. ст. — тамга (1/3 обломана)	
65	Сасанидо-кушанская монета (??)	0,81	13,1	—	По-видимому, очертания фигуры над алтарем огня (об. ст.)	
66	Не определена	0,46	12,3	—	Затерта и коррозирована, край обломан	
67	То же	0,52	13,2	—	Плохой сохранности, край обломан	
68	То же	0,37	11,3	—	Сильно коррозирована	
69	Тохаристанская монета VII—VIII вв. с круглым отверстием	1,79	19,1	—	Круговая легенда эфталитским курсивным письмом (?); об. ст. — гладкая	
	Ак-Тепе II, 1972 г., находки на поверхности					
70	Кушанский царь Канишка III	5,93	21,2	XII	Л. ст. — стоящий (перед алтарем) царь; левой рукой опирается на копье. Об. ст. — сидящая богиня Ардохш с рогом изобилия	
71	Подражание монетам Васудевы	0,46	13,0	XII	Очень тонкий кружок. Состояние изображений — V серия (?)	
72	То же	0,53	12,8	?	То же	
73	Кушанский царь Васудева	4,13	22,2	?	Об. ст. — плохой сохранности	
74	Не определена	0,92	13,2	—	Сильно коррозирована	
75	То же	(фрагменты монеты)				
	Клыч-Дувал, 1972 г., находки на поверхности					
76	То же	1,43	16,3	—	Сильно коррозирована	
77	Сасанидо-кушанская?	0,43	12,5	?	То же	

Продолжение

№ п/п	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Особенности изображений легенд	Примечания
	Патта-Тепе, 1972 г., находка на поверхности					
78	Кушанский царь Канишка I	15,41	26,1	XII	На об. ст. — бегущий влево бог Вад	
	Кызлар-Кала, 1972 г.					
79	Подражание монетам Васудевы, II серия	5,13	19,2	XI	—	Коридор у обводной стены, завал над сводом
	Хумдон (Хурадон?)-Тепе, 1972 г., находка на поверхности					
80	Безымянный кушанский «царь царей, великий спаситель»	6,99	20,3	III	Легенда неразличима, изображение на л. и особенно на об. ст. слегка «варваризованное»	

* В скобках дается номер находки на плане (рис. 11—14) и по полевой описи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] В административном отношении в 1972 г., когда проводились наши археологические работы, весь Кобадианский оазис входил в Шаартузский район. В настоящее время из него выделен Кобадианский район, раскопанные памятники находятся на его территории.

[2] Приходилось слышать и другое название — Хушдор-мулло.

[3] Об экспедиции см. [Мушкетов, с. 376—378; Семенов, с. 471—479; Маслова, с. 132—138].

[4] См. [Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., с. 43, прим. 3; Лунин, с. 227]. Псевдоним Н. А. Маева — Ф. Жуков.

[5] См. [Беленицкий, 1950, с. 146; 1950а; Дьяконов М. М., 1950, с. 183—184; 1953; Забелина; Мандельштам, Певзнер и др.].

[6] См. [Мандельштам 1966, 1968, 1975].

[7] Его описание и анализ см. ниже (глава I, раздел 3).

[8] Характеристику их см. [Литвинский, 1977].

Глава I

[1] Аналогичное явление наблюдается на левобережье и собственно Кобадианского оазиса (см. [Дьяконов М. М., 1953, с. 258—264]).

[2] Об этом см. [Дьяконов М. М., 1953, с. 258].

[3] Работами на раскопах в разное время руководили Е. В. Антонова, А. Абдуллаев, И. Н. Медведская, Х. Ю. Мухитдинов, Д. С. Раевский.

[4] Некоторые расхождения в описании раскопов в данном издании и в отчете в АРТ (см. [Литвинский, 1976, с. 62—73]) объясняются тем, что после первой публикации на месте раскопок были проведены дополнительные зачистки.

[5] За репер была взята самая высокая точка на юго-восточной стене центральной части городища.

[6] Некоторое понижение уровня материкового грунта в этой части городища соответствует общему естественному рельефу холма.

[7] Термин «городище» условный. Планировочная схема позволяет определять Тепан-шах скорее как замок или форт — центр небольшого оазиса с группировавшимися вокруг поселениями и культовыми сооружениями (подробнее см. гл. I, раздел 4).

[8] См. об этом [Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971 , с. 70—71].

[9] Так, по санскритской версии, см. [Majumdar N. C., p. 30—33; Hargreaves, p. 4—6; Foucher, 1900, p. 77]. Палийскую версию см. [Rhys Davids T. W., p. 82—114]. По палийской версии, Сумедха преподнес восемь пригоршней цветов, а четыреста тысяч архатов поднесли благовония и гирлянды, то же самое сделали дэвы и люди (там же, p. 97).

[10] См. [Foucher, 1905, p. 273 et seq; Ingholt, p. 101; Ackerman, p. 58—59, pl. VIII, a].

[11] О культе Дипанкары в современном Непале см. [The Image, pl. 137].

[12] Помимо указанных выше примеров, см. рельеф из Свата [Faccena, 1962, p. 17—18, pl. XLIII—XLVI].

[13] О пожертвовании принцем «в пользу Будд» наряду с прочими богатствами также разнообразных цветов сообщается в одном хотано-сакском тексте [Bailey, 1962, p. 19—20].

[14] О приношении верующими цветов к буддийским святыням см. [Минаев, с. 73—96].

[15] Установления на этот предмет, содержащиеся в «Винайе» масангхиков, см. [Gernet, p. 161].

[16] Это, собственно, полуфигуры (до пояса). См. [Le Coq, Taf. 30; 31, b; 36].

[17] Благодаря любезности Л. И. Альбаума мы имели возможность ознакомиться со всей коллекцией фаязтепинской скульптуры.

[18] См. об этом [Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 93—94].

[19] Работы группы под руководством В. В. Радлиловского.

[20] Работы отряда под руководством А. Д. Бабаева.

[21] Об эволюции этого типа в матхурской коропластике см. [Joshi and Margabandhu, pl. V—VII].

[22] См. об этом [Пугаченкова, 1979, с. 157].

[23] В одном случае мы выдвинули гипотезу об индианизации парфянского статуарного прототипа, причем иконографическая переработка могла происходить как на территории Индии (Гандхара?), так и в Бактрии [Литвинский, 1978, с. 96].

[24] Третий период Амаравати иногда относят ко второй половине II—началу III в. н. э. [см. Barret; Seckel].

[25] Следует оговориться, что авторы книги не являются приверженцами ни одного из вариантов НДК. Нам кажется, что до сего времени справедливо содержащееся в книге Б. Г. Гафурова замечание о том, что «имеющихся сейчас материалов все еще недостаточно даже для принципиального решения вопроса о предпочтительности той или иной хронологической схемы, можно подобрать доводы и разработать вполне логичные доказательства для любой схемы, в которой начало правления Канишки будет отнесено к любому году, начиная от второй половины I в. н. э. и до второй половины III в. н. э.» (с. 146—147). Это замечание, относящееся в основном к письменным и нумизматическим источникам, безусловно верно, когда речь идет и об источниках археологических. Последние, видимо, пока не в состоянии полноправно участвовать в решении проблемы кушанской абсолютной хронологии [подробно об этом см. Зеймаль Е. В., 1968, с. 53—56].

[26] См., например, [Вайнберг, Кругликова, с. 172—182 (раскоп 2 — вместе с монетой Канишки; раскоп 5 — вместе с монетой Васудевы и сасанидо-кушанской; раскоп СП — вместе с сасанидо-кушанскими и кушано-сасанидскими монетами)]; [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 52 (раскоп ДТ-6, на полу помещения 10 — вместе с монетой Канишки)]. Подробный перечень можно было бы легко продолжить.

[27] О подражаниях монетам Васудевы и Канишки III и выделении серий этих подражаний см. [Давидович, 1979, с. 42—57 (классификация Е. В. Зеймаля)].

[28] Нельзя не сказать несколько слов о методе датировки памятника, на наш взгляд курьезном — по умозрительно вычисленной «продолжительности существования глинобитных построек», — неожиданно завоевавшем в последнее время популярность [см. Массон В. М., 1977, с. 139; Пидаев, 1978, с. 93]. Возможно, срок в 50 лет, отведенный современными исследователями для слоев и построек на неолитических памятниках, мало что меняет в их датировке [Массон В. М., 1971, с. 59—60], но, когда речь идет о датировке кушанских поселений (как относительной, так и абсолютной), получается парадоксальная картина. К чему споры о какой-то кушанской хронологии, о «дате Канишки», коль скоро мы имеем, предположим, на памятнике 10 строительных горизонтов и более или менее точно знаем дату верхнего? Элементарный арифметический подсчет — и проблема датировки любого слоя кушанского памятника решена! (См., например, подобную датировку нижнего горизонта Мирзакул-тепе [Пидаев, 1978, с. 93].)

[29] В отношении керамики мы безоговорочно следуем положению о допустимости привлечения только территориально (и, естественно, хронологически) близких аналогий (об этом см. [Мандельштам, 1966, с. 137]).

[30] Так, например, она была широко использована при определении абсолютных дат балхской схемы; см. [Gardin].

[31] Необходимо отметить, что сейчас мы находимся в несравненно лучшем положении, нежели М. М. Дьяконов. Имеется достаточно представительный, точно датированный комплекс керамики греко-бактрийского времени из раскопок Ай-Ханум. Именно на основе сравнения с этим комплексом мы и можем сейчас выделять аналогичные комплексы к северу от Амударьи и судить о правильности датировки слоев, предложенной нашими предшественниками.

[32] Материалы раскопок ЮТАЭ, широко проводимых в Кобадиане с 1972 г. по настоящее время, подтверждают нерасчленимость стратиграфически единого комплекса керамики Кобадиан II—IV.

[33] Безусловная зависимость даты слоев Халчаяна от схемы М. М. Дьяконова была уже отмечена исследователями [см. Мандельштам, 1975, с. 125—126]; отмечалось также, что в публикации Халчаяна «гипотетическая интерпретация материала (в том числе и датировочная) заменяет собой (или подчиняет себе) объективную информацию о находках, комплексах, последовательности слоев и т. п.» [Зеймаль Е. В., 1968, с. 9].

[34] О хронологической схеме кушанских терракот, предложенной Г. А. Пугаченковой, и о возможности датировки по ним археологических слоев см. ниже.

[35] См., например, прекрасное воспроизведение тетрадрахм в статье Е. А. Давидович [1976, т. I—III].

[36] Чрезвычайно интересен отмеченный уже исследователями [см. Давидович, 1976, примеч. 2; Hackin, p. 11] факт большого сходства скульптурных изображений Халчаяна и монет «Герая» с некоторыми скульптурами Хадды. Кроме того, что это совсем иная историко-культурная область, это еще и не ранее III в. н. э.!

[37] См. неполную сводку находок монет «Герая» к северу от Амударьи [Ставиский, 1977, с. 241—242].

[38] Выступление А. И. Вощининой на Душанбинской конференции; см. [ЦАКЭ, II, с. 384].

[39] См., например, [Macdowall and Wilson]: «Гераї»-«безымянный царь»; [Зеймаль Е. В., 1978]; «Гераї» — Санаб» — кушанский наместник в Трансоксиане. Сводку предложенных нумизматических дат см. [Давидович, 1976, с. 71—72; 1979, с. 29—32].

[40] Дата слоя неверна, см. выше.

[41] Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль предложили датировать Халчаянский дворец довольно неопределенно «началом н. э.», см. [1971, с. 107, примеч. 142]. Такой знаток древнего искусства Центральной Азии, как Б. Роуленд, писал, что сходство «монетного Герая» со скульптурой Халчаяна еще ничего не доказывает, указывая и на аналогичные изображения в Хадде. Для скульптуры Халчаяна (а следовательно, и для самого дворца) им предлагалась дата в пределах I или начала II в. н. э. [Rowland, 1970, S. 48]. Д. Шлюмберже не исключал возможности датировать дворец Халчаяна I в. н. э. [Schlumberger D, S. 54], именно эта дата представляется предпочтительной и Г. Азарпай [Azarpay G., 1981, p. 84].

[42] Раскопки ЮТАЭ с 1976 г.

[43] См., например, [Зеймаль Т. И., 1969а, с. 4—5].

[44] См., например, [Пугаченкова, 1976б, с. 40].

[45] Ср., в частности [Пугаченкова, 1967, с. 74 и сл.], где отмечается факт совместной находки «варварского Гелиокла» с монетой «сотера мегаса», по словам Г. А. Пугаченковой, «как бы выпавших из одного кошелька».

[46] Подробное изложение разработанной схемы см. [Зеймаль Т. И., 1969].

[47] Хранится в фондах Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.

[48] Кроме заметки в сборнике трудов Душанбинской кушанской конференции имеется еще и большая статья в сборнике «Материальная культура Таджикистана» [Зеймаль Т. И., 1971а]. Она посвящена выделению в Северной Бактрии комплекса керамики V—III вв. до н. э., что непосредственно связано с вопросом датировки нижних слоев Халчаяна и Дальверзин-тепе.

[49] Для Кобадиана см. [Седов, 1977; 1978; 1979; 1979а].

[50] См. [«Chaqalaq Tepe»; Кругликова, Пугаченкова, с. 48—60; 91—103; Пидаев, 1978, с. 50—81; Завьялов, с. 141—154; Завьялов, Осипов, с. 51—58; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 156—159].

[51] См. [Дьяконов М. М., 1953, рис. 20, 22, 24; табл. XII, 15—131; Мандельштам и Певзнер, рис. 6, 11].

[52] «Сосуд в виде большого бокала»

[53] Раскопки ЮТАЭ в 1978—1979 гг. Пользуемся случаем выразить благодарность А. М. Мандельштаму за любезно предоставленную возможность ознакомиться с частью рисунков керамики из раскопок Хан-Газы 1958—1959 гг.

[54] См. [Кругликова, Пугаченкова, с. 25—35, рис. 16, 18—28; Кругликова, Сарианиди, 1971; Пугаченкова, 1979а, с. 63—94, рис. 13—15].

[55] О том, что они не были одновременными, как будто бы свидетельствует отсутствие совместных находок. В двух имеющихся кладах позднекушанских и кушано-сасанидских монет из Южного Таджикистана присутствуют лишь подражания монетам Васудевы [Давидович, 1979, с. 47—56, клады № 5 и 6]. При раскопках поселения Ак-те пе II в Бишкентской долине вместе с большим количеством сасанидо-кушанской меди найдены подражания монетам Васудевы и Канишки III, но также отсутствуют подражания монетам Хувишки. Как будто бы аналогичная картина и в коллекциях монет из Дильберджина [Вайнберг, Кругликова, с. 172—182] и Жига-тепе [Пугаченкова, 1979а, с. 81]. Кроме того, кушано-сасанидские (или сасанидо-кушанские) монеты нигде не встречаются в том археологическом «контексте», в котором найдены подражания монетам Хувишки (в данном случае — комплекс керамики тепаншахского типа). Данное предположение, однако, не исключает того, что время обращения обеих групп монет могло частично совпадать.

[56] В связи с этим, видимо, необходимо пересмотреть предложенные датировки Мирзакул-тепе, Айртама, Саксанохура и ряда других памятников. Датировка V и VI стратиграфических горизонтов Яванского городища, видимо, также нуждается в уточнении.

[57] Описание некрополя и проведенных на нем раскопок см. [Литвинский, 1976, с. 76—84; 1977а].

[58] Подробное описание инвентаря из этого и других сооружений см. Приложение I. Каталог 3. Там же объясняются цифры на рис. 11—14. Взаиморасположение предметов погребального инвентаря и костей в этом и других сооружениях детально не описываются, так как оно полностью отражено на планах.

[59] См. [Кругликова, 1977, с. 86—87, рис. 1]. И. Т. Кругликова привела сводку находок аналогичных идольчиков в Северном Причерноморье [там же, с. 88—90].

[60] См. [Давидович, Литвинский, с. 54—55, 56—59, 62, рис. 24—26; Литвинский, 1961, с. 71—72; Левина, 1968; 1971, с. 61—64; Брыкина, Мартынова, с. 550; Исаков, с. 565—566 и др.].

[61] Имеется информация о проведенных Музеем Синьцзян-Уйгурского автономного района раскопках в могильнике Астана, где в погребении № 301 (середина VII в. н. э.) были найдены раздвоенные внизу глиняные статуэтки со схематически нанесенным рельефным носом, а также ртом и глазами [Музей, с. 21, рис. 2].

[62] Сводку см. [Maenchen-Helfen, p. 286—296].

[63] Археологические материалы в этой работе не использованы.

[64] В изданном Ф. В. Томасом раннесредневековом тибетском документе из Восточного Туркестана сообщается об изготовлении после смерти чучела из соломы, которое «кормят», а затем выбрасывают и, вероятно, сжигают [Thomas, p. 480].

[65] Характерно, что у тепаншахского идола широкое и уплощенное лицо.

[66] См. [Jordan, S. 70, Taf. 85, h; Heinrich, S. 31—32, Taf. 30 w—14976; w—15131; Lenzen, S. 31. Taf, 40, c]. Такие идольчики найдены и в Ниппуре, но ноги там не раздвинуты, а сведены [Knudstad, pl. 7, B, C].

[67] У этих статуэток лицо в высшей степени схематическое, нижний же конец раздвоен в виде вилки.

[68] Раскопки Б. А. Литвинского.

[69] Раскопки А. В. Седова.

[70] Раскопки Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль. Фонды Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, КП 546/722.

[71] Полевой шифр $\frac{\text{Я-63}}{\text{II, кв. 13—16}}$

[72] Они происходят из шака-парфянского города на Сиркапе. Имеется также золотая булавка с головкой в виде колеса [Marshall J., 1951, 2, p. 633; 3, pl. 191, 100].

[73] Ср., впрочем, бронзовую подвеску из Сиркапа [там же, 2, p. 581; 3, pl. 192, g].

[74] См., например, [Stein A., pl. 39, 5—12; Wetzel, Schmidt, Malwitz, S. 43, Taf. 41, 5, 10].

[75] См., например, [Schroeder, S. 63—65, 425—428].

[76] О новых находках в Бактрии см. [Ртвеладзе, 1977, с. 237, рис. 1, 3].

[77] О бусах этого типа см. [Литвинский, 1973, с. 137—138, 140—143].

[78] Например, в Сиркапе такая стеклянная бусина встречена в слое над постройками и должна быть отнесена ко времени позже II в. н. э. (см. [Ghosh A., 1948, p. 72, 75; pl. 10, 32. Ср. Dani, 1965—1966, p. 123]).

[79] Перечень находок [Rydh Mahal, p. 168].

[80] Материалы раскопок ЮТАЭ в 1976—1978 гг.; хранятся в фондах Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.

[81] См., например, [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., рис. 110, 1—3, 6].

[82] См., например, [Chaqalaq Tepe, fig. 24, 34].

[83] В этих обстоятельствах обесцениваются и горизонтально-стратиграфические наблюдения.

[84] Раскопки под руководством Б. А. Литвинского в 1960—1961, 1969 и 1971 гг.

[85] Ср.: Приложение II. Е. В. З е й м а л ь. Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района.

[86] Детальное изложение и анализ этих систем см. [Зеймаль Е. В., 1968; см. также Гафуров, с. 142—147].

[87] В качестве репера была взята наиболее высокая точка в середине западной стены помещения II.

[88] См., например, [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 33—62].

[89] См. [Якубов, 1975, с. 199—200, 205—208, рис. 2; 1977, с. 149—150; 1979, рис. 32].

[90] Материалы раскопок ЮТАЭ на городище Катта-Джелаир в 1979 г.

[91] См. [Пугаченкова, 1973а, с. 205—215; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 115—125; Мухитдинов].

[92] См., например, [Пугаченкова, 1973а, рис. 1, 3, 4, 7—9].

[93] Раскопки ЮТАЭ в 1978 г.

[94] См., например, [Kushan, pl. 20, 1—8].

[95] Материалы раскопок ЮТАЭ. Предварительное сообщение см. [Седов, 1978; 1979].

[96] Коллекция обнаруженной керамики подготавливается в настоящее время к публикации А. Абдуллаевым.

[97] Информация о раскопках содержится в отчете Т. И. Зеймаль о работах 1979 г. на Уштур-мулло.

[98] Предмет хранится в Сурхандарьинском музее. Наше внимание на него обратил Л. И. Альбаум.

[99] Работы Бишкентского отряда (начальник отряда — В. С. Соловьев) Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1980 г.

[100] Прекрасный обзор находок см. [Francfort, 1979a, p. 9—72] (каталог, включающий 97 туалетных дисков). См. также [Dar] (каталог включает 123 туалетных диска).

[101] Об этих дисках см. также [Marshall J., 1960a, p. 17—19].

[102] См. также [Dobbins, p. 285—286; Taddei, 1962, p. 296, fig. 22—23].

[103] Иную оценку см. [College].

[104] О другом туалетном диске из Удергама см. [Taddei, 1962, p. 296, pl. 22].

[105] См. особенно [Fussman, p. 89, 92; Fussman et M. Le Berre, p. 101; The Archaeology, p. 263—267; Kyoto, fig. 1, 31].

[106] См. особенно [Fussman; Kuwayama, p. 58—68, fig. 1—3; Francfort, 1979, p. 35—36].

[107] Об этой традиции см. [Пугаченкова, 1979а, с. 73—74].

[108] В Хорезме в кушанскую эпоху также распространяются мелкие квадратные и прямоугольные укрепления (до этого времени они не имели широкого распространения) [Неразик, 1966, с. 10; Хожаниязов, с. 50].

[1] Об этом же см. [Литвинский, 1977а, с. 208].

[2] Речь идет, цитируем слова Г. А. Пугаченковой, о «некоторых каменных постройках Хатры (по предположению В. Андрэ — мавзолеев), хотя никаких останков или иных примет погребения в них не обнаружено» [там же, с. 201].

[3] Детальная характеристика и исследование всей совокупности парфянских материалов дана Б. А. Литвинским в другой работе.

[4] О погребальных сооружениях в Сузах см. [Chirshman, 1949, p. 196—198; 1950, p. 236; 1951, p. 70—73; 1951a; 1952, p. 12—14, fig. 13—19; 1954. См. также Vanden Berghe, p. 82].

[5] См. [Вязьмитина, 1949, с. 154—155; 1951, с. 153—158, p. 7—9.] См. также [Пугаченкова, 1953, с. 166, рис. 1; 1958, с. 60—61, 68—69; Крашенинникова]. Раскопки 1949 г. освещены лишь хроникально; см. [Массон М. Е., 1953, с. 205].

[6] При этом графический материал весьма противоречив (ср. [Пугаченкова, 1953, рис. 1, и Крашенинникова, план на с. 17]).

[7] С монетой произошла какая-то путаница. Говорится о монете Орода I, но приводятся даты 56—37 гг. до н. э. [Пугаченкова, 1953, с. 166, примеч. 1] или 57—38/37 гг. до н. э. [Крашенинникова, с. 123], которые могут относиться лишь к Ороду II, а не к Ороду I, который правил около 80—78 гг. до н. э.

[8] См. [Ершов; Котеленко, Десятчиков; Массон М. Е., 1969, с. 9; Обельченко, Сусенкова].

[9] См. [Toll, p. 140—150]; тут же обзор таких сооружений в других областях со ссылками на публикации; см., в частности, [Bell, p. 35—38, pl. 20, 22].

[10] О классификации, хронологии и происхождении этих гробниц см. [Will, 1949].

[11] Впрочем, и в восточноримской погребальной архитектуре «роль региональной и местной традиций была решающей» [Will, 1966, col. 298].

[12] Постамент должен был изолировать или хотя бы отдалить собственно погребальные камеры от земли, что соответствует зороастрийским представлениям. В этом отношении интересен следующий факт: внутренность дахмы у парсов обязательно должна быть значительно приподнята над землей. Кроме того, парсами применялись и магические меры: на стоящие у ограды дахмы четыре кола наматывался шнур из нитей (хлопчатобумажных и золотых). От малейшего ветерка они развевались, и это должно было означать, что дахма не покоится на земле, а парит в воздухе [Spiegel; ср. Persian rivayats, p. 103].

[13] Ценные соображения по этому поводу в контексте погребального обряда, см. [Рапопорт, 1971, с. 35—37]. Детальный анализ см. [Onians]. В. Я. Пропп, обобщая этнографические данные, писал: «Череп разрисовывался, украшался, и его сохраняли в доме. Этот череп или эта голова, конечно, представляли собой умершего. Имея власть над его головой, имели власть над всем его существом. Этот умерший вынужден был помогать живым» [Пропп, с. 136].

[14] Анализ текстов, относящихся к воскрешению покойников и обновлению мира см. [Bailey, 1943, p. 91—93; Zaehner, p. 317; Molé, p. 113—120; Boyce, p. 235—236, 337].

[15] Такой же интерпретации придерживаются и некоторые другие ученые; см. [Göbl, p. 46].

[16] См. об этом [Литвинский, 1968, с. 49—50, 100—108].

[17] Публикацию и глубокий анализ гандхарских материалов см. [Taddei, 1979, p. 395—406, pl. I—VII].

[18] Речь идет о живописи на стене помещения в Тепан Шатор (которое, вероятно, являлось криптой для медитации), где среди учеников Будды изображен человеческий скелет; см. [Taddei, 1976, p. 405—408].

[19] Ссылки на источники см. [Taddei, 1979].

[20] Так как такие склепы встречаются в Туп-хоне и некоторых других могильниках кушанского времени в Южном Таджикистане, вопрос о типологии и хронологии этих склепов мы намереваемся детально рассмотреть в связи с публикацией этих могильников.

[21] См. [Ehrich, p. 546—547, tab. 1 on p. 550—551; Starr, II, pl. 35c]. В одном из погребений у шейных позвонков — серебряная монета Шапура I (240 — ок. 272 гг.).

[22] См. [Ehrich, p. 547—548; Starr, II, pl. 36, A; 37, A, B, C]. Наружный размер склепа 215×115 см.

[23] См. [Haller, S. 32—37, 96—97, Abb. 20—23, 130]. Таким образом, следует отвергнуть предположение О. Рейтера о том, что двускатная кровля парфянских склепов — заимствование идеи греческого саркофага [Reuther, 1926, S. 254].

[24] См. [Толстов, 1962, с. 201—204; Рапопорт, 1971, с. 46—50, p. 12; Лелеков; см. также Лоховиц; Трудновская].

[25] См. [Scerrato, p. 13, 16, fig. 11, 27, 31—32]. Впрочем, сводчатые перекрытия известны и в Персеполе [там же, p. 16, n. 15].

[26] Маг Сфендидат выступает как самозванец в Бактрии (Ctes., fr. 13) [Пьянков 1975, с. 95], жители соседней Арианы, согласно Диодору (1, 94, 2), следовали установлениям Задрауста, который утверждал, что свои законы он получил от Доброго божества (см. об этом [Gnoli, p. 136—146]); при описании походов Александра Македонского упоминается Спитамитр (Curt, 8, 4, 19—20), вторая часть имени которого содержит имя божества Митры и др.

Мы не касаемся в высшей степени дискуссионного вопроса о родине зороастризма.

Недавно эта сложнейшая проблема была внимательно рассмотрена известным итальянским исследователем Г. Ньоли. Его заключение мы позволим себе процитировать: «Во всяком случае, мы должны считать, что самым северным регионом, на территории которого развертывалась деятельность Зороастра, были Бактрия и Арея, самым южным — Дрангиана и Арахозия, но отнюдь не Хорезм и по существу не Согдиана» [Gnoli, p. 227; о древнебактрийском царстве см. p. 91—95].

[27] Об Онесикрите, его жизни и сочинении см. [Strasburger, Sp. 460—467].

[28] Уместно в этой связи напомнить, что, комментируя определение одним из специалистов по античности Онесикрита как Erzschwindler («архиплут»), Х. Штрассбургер сказал: «Так легко отделаться от Онесикрита нельзя» [Strasburger, Sp. 467].

[29] О нем см. [Бартольд, 1966; 1966а; Иностранцев, 1907; 1907а; 1909; Борисов; Ставиский, 1952; Ставиский, Большаков, Мончадская; Рапопорт, 1971 и др.].

[30] См. [Zend-Avesta, p. 73—64]. Рубрикация здесь иная — VI, 5, 49—50.

[31] На одном оссуарии из Ток-калы встречено его обозначение — tpnkwk (букв. «ящичек») [Лившиц, 1970, с. 249]; сами же наусы в хорезмийском назывались prwrtyk — фравартик [Гудкова, Лившиц, с. 14].

[32] См. [Ртвеладзе, 1978а, с. 113]; [Grenet] (текст доклада, который любезно был прислан Ф. Гренэ Б. А. Литвинскому).

[33] Упоминается в статьях Г. А. Пугаченковой.

[34] П. Бернар категорически возражает против того, что в Дальверзинском наусе имело место захоронение очищенных от тканей костей. По его мнению, гораздо легче объяснить весь погребальный комплекс Дальверзина обычаем периодической очистки камер от костей погребенных ранее покойников с последующим захоронением новых покойников (трупоположение). Часть костей при этом сдвигалась и оставлялась, как и отдельные предметы погребального инвентаря. Такое же объяснение, хотя и в более осторожной форме, П. Бернар предлагает для тепаншахских наусов [Bernard, 1980, p. 337—339]. Это объяснение П. Бернара нам представляется малоубедительным для Дальверзина и совершенно невероятным для Тепан-шах.

[35] Но отдельные находки оссуариев в Южном Таджикистане известны (ср. [Ртвеладзе, 1978а, с. 113—114].

[36] Этот тип захоронения встречается в Бактрии и позже, например на Ак-тепе II и в погребении под руинами буддийского храма ДТ-I; о последнем: [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., с. 208—209].

[37] В другом тексте «Большого Бундахишна» кости, кровеносные сосуды, жилы, кровь, выделения и мясо покойника смешиваются с землей, а волосы — с деревьями и растениями и хранятся там до воскрешения мертвых, и лишь тогда, по требованию бога, они оживают (Gignoux, 1968, p. 222—223).

[38] См., например, [Ставиский, Большаков, Мончадская, с. 89—90].

[39] См. [Boyce, 1979, p. 157—158] (текст приводится по уточненному переводу М. Бойс, любезно сообщенному автору в письме от 19 октября 1979 г.). См. также [Persian rivayats, p. 104—105]. Мнение М. Бойс, что в приведенном тексте имеется в виду дахма-башня, не вытекает, как нам кажется, из его содержания.

[40] Этимологический ряд, построенный В. Хеннингом, где исходным пунктом служит древнеиранское* ast-dāna, приводит к заключению, что в среднеиранскую эпоху производные этого термина означали аналогично среднеперсидскому astōdān — «оссуарий» (так считают В. Хеннинг [Henning, 1945, p. 479] и следующий ему Г. Виденгрен [Widengren, S. 326]). Семантическое развитие могло привести к появлению, наряду со значением «ящик для хранения костей», и значения «помещение, где хранятся кости».

[41] Значительную роль в распространении и утверждении в советской археологической литературе этой точки зрения сыграли цитировавшиеся выше работы Б. Я. Ставиского, содержащие одностороннее изложение и трактовку зороастрийского погребального обряда. Однако Б. Я. Ставиский, бесспорно, не был в этом оригинален — так, Х. Нюберг писал: «Нельзя быть зороастрийцем и одновременно хоронить своих покойников в земле» [Nüberg, S. 363]. Это связано с концепцией Х. Нюберга об отношении к зороастризму Ахеменидов.

[42] Ф. Жинью цитирует материалы диссертации Р. Бушарла, посвященной археологическим памятникам сасанидского периода в Юго-Западном Иране. Сделав полный обзор погребальных сооружений, Р. Бушарла пришел к выводу, что вопреки ожиданиям они далеки от того, чтобы можно было считать их «зороастрийскими» и соответствующими предписаниям «Видевдата». Он прямо указывает, что не может увязать археологические памятники и тексты. Религиозные предписания об обращении с трупом детальны, хотя не однозначны, но они не включают точных данных об устройстве погребальных сооружений. Лишь небольшое число сооружений могло служить оссуариями. Он также указывает на разнообразие форм погребальных сооружений [Gignoux, 1979, p. 69—70].

[43] Находки этих категорий предметов известны и в наусах Хорезма [Ягодин, Ходжайов, с. 111—114], в Согде [Ставиский, Большаков, Мончадская, с. 80—85] и др.

[44] См. об этом [Рапопорт, 1971, с. 30—35; Литвинский, 1972, с. 118—120; Литвинский, 1981, с. 110—111; там же литература вопроса].

[45] Наше понимание религиозной ситуации и местных особенностей зороастризма в Бактрии и Согде в кушанское время полностью совпадает с характеристикой, имеющейся в вышедшей под нашей редакцией книге [Гафуров, с. 166—169]. К изложенному там сейчас следует добавить, что в среде бактрийского населения получили опреде-

ленное распространение эллинско-римские, египетские и ближневосточные верования и культы, а также (наряду с буддизмом) и шиваизм.

[46] Значительно больше можно получить, анализируя весь комплекс археологических материалов и наблюдений. Наиболее полной является интересная (хотя, на наш взгляд, в ряде пунктов спорная) работа Г. А. Пугаченковой [Пугаченкова, 1974а].

Глава III

[1] См. [Кошеленко, 1966; Литвинский, Зеймаль Т. И., 1968; Воробьева, Рапопорт, Трудновская; Тургунов, 1968; Пугаченкова, 1969; 1971; 1973, 1976б; 1979; Ставиский, 1969; 1972; 1974, Воронина; Кузьмина, 1974; 1976; Луконин, 1977; Мешкерис; Литвинский, Пичикян].

[2] О последнем см. [Литвинский, 1979].

[3] См. [Вишневская; Вайнберг]. Материалы двух памятников, раскопанных в предыдущие годы, были изданы в монографиях [Кой-Крылган-кала; Воробьева].

[4] См. статьи С. К. Кабанова, Н. Б. Немцовой, М. И. Филановича, В. А. Шишкина и Г. В. Шишкиной в сб. [Афрасиаб, I, II].

[5] См. [Зеймаль Т. И., 1971а; Пидаев, 1973; 1974; Абдуллаев; Заппаров, Ртвеладзе] и др.

[6] См. [Беляева, Хакимов; Сагдуллаев, Хакимов].

[7] Об этом см. [Дьяконов И. М., с. 13].

[8] См. [Из истории; Древняя Бактрия, 1974; Бактрийские древности; Древняя Бактрия, 1976]. О раскопках кушанских памятников на юге Таджикистана см. [Литвинский, 1973б, с. 13—20; 1976].

[9] См. [Пугаченкова, 1974; 1975; 1976а; Пугаченкова, Тургунов, 1973].

[10] См. [Рапопорт, 1968; Неразик, 1973; 1976] (о подготовленной полной публикации см. выше).

[11] См. [Сулейманов и др., 1975; 1976. См. также Кабанов, 1977].

[12] См. [Грек, Пчелина, Ставиский; Буддийские пещеры; Буддийский культовый центр; Новые находки]. Сборники, в которых отражены материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе, вышли под общей редакцией Б. Я. Ставиского.

[13] Об их обнаружении и исследовании см. [Литвинский, 1977].

[14] Детальное изложение истории Средней Азии этого периода см. [Ставиский, 1963; Гафуров, с. 128—194]. В книге [Ставиский, 1977, с. 42—95] содержится, хотя и не вполне адекватная, но все же полезная (особенно в части описаний) сводка сведений из литературы о бактрийско-кушанских поселениях.

[15] Речь идет об общей тенденции; в конкретных случаях ситуация порой складывается иначе.

[16] См. о сельских поселениях [Шилпико; Неразик, 1976; Пидаев, 1978]; об ирригации [Адрианов; Зеймаль Т. И., 1971; Мухамеджанов]; о сельском хозяйстве в целом [Массон В. М., 1971а].

[17] См. также [Ртвеладзе, 1974, с. 74—85]. Впрочем, В. М. Массон предлагает считать все поселения площадью менее 4 га сельскими, а выше 5 га — городскими [1976, с. 8—9]. Представляется, что в этом сложном вопросе еще не сказано последнее слово; во всяком случае, размер площади не может являться единственным критерием.

[18] Еще крупнее Термез — порядка 500 га [Ртвеладзе, 1974, с. 83]. Однако, как нам любезно сообщил Л. И. Альбаум, детально изучивший городище древнего Термеза, на самом деле площадь кушанского города значительно меньше указанной цифры.

[19] Общие обзоры древнеиндийских городов [Pigott; Ray; Puri, 1966; Chosh A., 1973]. Литература о раскопках отдельных городов приведена в упомянувшихся выше статьях [Dani, Khan и Ghosh A., 1975], а также в книге [Schlingloff, 1970]. Сопоставление письменных и иконографических материалов [Auboyer, Enault, p. 13—15, 41—51].

При освещении специальных индологических вопросов, связанных с индийским городом, мы консультировались с В. В. Вертоградовой, которой приносим глубокую благодарность за ее ценные замечания и указания.

[20] См. [Milinda Questions]. Специально о сведениях источника по городу и архитектуре см. [Coomaraswamy, p. 213 sq.; Sharma, p. 32—33].

[21] Специальный анализ архитектурно-планировочных данных см. [Schlingloff, 1967, S. 62 ff; Цыганков; Stein O].

[22] Специально сведения о городе см. [Cock].

[23] См. [Stein O.; Acharya; Shukla D. N.; Shukla L. K.].

[24] Ср. [Законы Ману, VII, 69—74], (Rām., I, 5, 7), а также описания в джайнском каноне [Jaina Sutras, I, p. 252—253; Schlingloff, 1970, S. 7].

[25] См. [Ghosh M.] (на это издание наше внимание обратил И. Д. Серебряков).

[26] Благодаря любезности И. Д. Серебрякова мы имели возможность ознакомиться с его рукописным переводом этого сочинения. Кроме того, мы консультировались с английским переводом в издании [Ghosh M.]. Цитаты из «Падатадитака» даются в основном в переводе И. Д. Серебрякова. «Падатадитака» датируется по-разному, но, возможно, справедливо мнение некоторых авторитетных современных английских и индийских ученых, относящих ее к началу V в. н. э. Так же обстоит дело с датировкой «Убхаябхисарика» (см. об этом [Ghosh M., p. XXII—XXXII]).

[27] Ср. [Ghosh M.], p. 114—115, 119, 123, 153. Особо интересно упоминание жителя Балха врача Харишчандра из племени Kaṅkayana [Ghosh M., p. 123].

[28] У М. Гхоша иначе [Ghosh M., p. 136 (§ 36)].

[29] Следует учитывать, однако, что в этом источнике содержатся сведения, относящиеся к различным эпохам, вплоть до средневековья.

[30] Канонические и литературные тексты по этому вопросу см. [Felliozat, p. 251—255].

Вместе с тем приходится учитывать определенную особенность описаний городов в индийских источниках. Эти описания во многом состоят из набора стандартных стереотипных характеристик, превратившихся в клише, и полных преувеличений [см. об этом Ghosh A., 1973, p. 49—50]. Тем не менее в целом они восходят к реалиям.

[31] Тогда же Самарканд делился на четыре части — даха [Писарчик, 1974, с. 13; Сухарева, 1976а, с. 133].

[32] Общий обзор см. [Puri, 1966].

[33] См. [Marshall, 1951, I, p. 112 et sq., 139 et sq.; 1960, p. 60 et sq.; Ghosh, 1948, p. 41 et sq.; Wheeler, 1948, p. 112—117; см. также Pigott, p. 22—31].

[34] Основания построек города относятся к периоду Маурья, но значительная часть сохранившихся на «Главной улице» и «Улице бастиона» построек была возведена и существовала в I в. до н. э.—III в. н. э. [Marshall J., 1915, pl. XIII]. Именно в это время в городе была сетка параллельных улиц. Здания, сооруженные в посткушанское время, имели иные планировочные осн. Так, в центре города находится объект 50 — храм гуптского времени; в северо-западной части города располагаются объекты 43 и 45 — жилые кварталы V в. н. э., — все они ориентированы под углом к направлению упомянутых выше улиц [там же, p. 40, 43].

[35] В «Панчатантре» [I, 4, 133] говорится о «глухих городских закоулках».

[36] См. [Дьяконов М. М., 1953, с. 260—261, 275—278; 1956, с. 57—66; Мандельштам, 1954; Мандельштам и Певзнер, с. 291—310; см. также Кузьмина, Певзнер].

[37] См. [Толстов, 1948а, с. 119 и сл; 1962, с. 209 и сл; Рапопорт 1968; Неразик, 1969; 1975, 1977; 1973; Nerazik und Rapoport]. Сопоставление Топрак-калы с описанием в «Милинда-паньха» см. [Лавров, с. 24].

[38] О Гипподаме и о происхождении связываемой с его именем системы строго прямоугольной планировки перекрещивающихся магистралей и улиц см. [Всеобщая история, с. 193—197, 204, 272, 277; Gerkan, 1924, S. 42 ff; 1959; 1959a, S. 280; Fyfe, p. 167—197; Wycherley, p. 14, 17, 19, 25—27, 30, 34, 78, 130, 194; Martin, p. 15—16, 103—106, 274].

[39] См. [Laufray, p. 20—21; Kreisis, p. 47—49; Gullini, 1967; Drerup, S. 99; Саркисян, с. 62; Тирацян, с. 170—173].

[40] Прекрасными сводками могут служить [Laufray, p. 7—26; Kreisis, p. 53—58] (там же указания на публикации и литературу).

[41] Для Индии можно предполагать, что традиция правильных прямоугольных схем городов харапской цивилизации, пройдя ряд промежуточных этапов [Allchin, p. 252], могла просуществовать до времени Ашоки [Wheeler, 1959, p. 134].

[42] Иранские представления о разделении мира на четыре части, восходящие к индоиранским, для рассматриваемого времени засвидетельствованы в манихейских источниках III в. н. э., в «Письме Тансара» и др. [The Letter, p. 63, n. 2] (примеч. В. Б. Хеннинга).

[43] «Падатадитака» (§ 52) сообщает об украшении квартала куртизанок «передвижным святилищем из Северной Бактрии», см. [Ghosh M., p. 131].

[44] Раскопки А. Д. Бабаева (материал не опубликован).

[45] Это прямо соответствует той ретроспекции, которую предложил М. Элиаде, согласно которой после космического катаклизма, приведшего к отделению небес от земли, некоторые благочестивые люди все еще могут восходить на небеса, пользуясь священной веревкой, деревом (столбом), скалкой [Elliade, S. 227—232].

[46] Следует добавить, что дом, жилище в индийских представлениях — архитектурная реализация мирового дерева. При этом сам дом сопоставляется с деревом в целом, колонны — с его стволом (стволами), дверные косяки — с ветвями и т. д. Главные колонны называются именами божеств: Brahmakānta, Viṣnukānta, Rudrakānta, Śivakānta, Skandakānta [Shukla D. N., p. 310—312].

[47] Кстати, согласно «Ригведе», при принесении в жертву первозданного Пуруши он превратился в масло («из этой жертвы, полностью принесенной, было собрано расплавленное жертвенное масло»), из которого возникли разные части мироздания (RV, X, 90, 8—10). Это делает еще более ясным исходную мотивацию смазывания центрального столба маслом. О некоторых, связанных с этим сюжетом верованиях памирцев см. [Литвинский, 1975]. Вместе с тем эти жертвы одновременно воспринимались как адресованные Vāstoṣpati — божеству домовладения [Gonda, 1965, p. 128; Gonda, 1980, p. 155—156].

[48] См. [Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Литвинц; Дьяконов И. М., Литвинц, 1960; 1960а; 1966; Corpus, I, II].

[49] См. их публикации в сборниках [Грек, Пчелина, Ставиский; Буддийские пещеры; Буддийский культовый центр; Новые находки (статьи В. В. Вертоградовой, Т. В. Грек, В. А. Литвинца, В. Г. Луконина, Я. Харматты и Х. Хумбаха)].

[50] О различных группах ремесленников по «Артхашастре» см. [Ritschl, Schetelich, S. 144—221].

[51] См. [Majumdar A. K., p. 108; на p. 109 — список профессий, встречающихся в «Махабхарате» и «Рамаяне»].

[52] О терминологии оружия и доспехов в «Махабхарате» и «Рамаяне» см. [Majumdar A. K., p. 166—168].

[53] Об этом числе сообщает и «Махавасту» (Mahāv., III). Термин «śreṇi» встречается уже в ведической литературе, имея общее значение «группа». Во времена Каутильи этот термин уже имел специфическое значение — «корпорация», «гильдия» [Kane, p. 66].

[54] Следует, правда, иметь в виду, что термин śreṣṭhin может наряду с «главой корпорации» обозначать также «богатый человек», «банкир», «хранитель казны» [там же, с. 329—330].

[55] См. [Rhys Davids C. F., p. 862—867; Fick, p. 275—280; Kane p. 66—69; Puri, 1965, p. 106—107; Adhya, p. 82—88; Upadhyaya, p. 268—269; Chakraborti, p. 315—328; Auboyer, p. 102—105]. В V—VII вв. происходит дальнейшее развитие корпораций. Юридические документы того времени свидетельствуют, что у корпораций существовали письменные уставы; корпорации должны были иметь собственное помещение для собраний членов. Порядок организации новых корпораций, функции, статус и управление освещены в источниках очень детально; см. [Chakraborti, p. 328—337].

[56] См. [Пигулевская, 1946, с. 228—229; 1956, с. 222 и сл.; Тревер, 1967].

[57] О других индийских терминах для обозначения «руководителя строительных работ», «архитектора» см. [Lüders].

[58] В одном согдийском документе с горы Муг некоему лицу было уплачено 100 драхм «за (возведение) крыши» [Лившиц, 1962, с. 182—183].

[59] Естественно, на практике были случаи, когда одно лицо совмещало несколько профессий. В надписях в здании V в Хатре сообщается о некоем Bar-nanai, сыне Vahbush, который был и архитектором, и каменщиком, и скульптором [Safar, p. 8].

[60] Разумеется, в каждой области и социально-экономический базис, и городская жизнь имели ярко выраженную специфику, кроме того, действовали локальные процессы и факторы. Например, как отметил Э. В. Ртвеладзе [1978, с. 114], в Средней Азии определенную роль могло сыграть массовое переселение и оседание кочевого населения, приход других групп населения.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Абдуллаев. — А. Абдуллаев. Отчет о раскопках Тамошотепа в 1972 г. — АРТ. Вып. XII (1972 год). Душ., 1976.

Абрамзон. — С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. — Сб. «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946.

Адрианов. — Б. В. Адрианов. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.

Акишев, Кушаев. — К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.—А., 1963.

Алексеева, 1975. — Е. М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 1. М., 1975 (САИ—Г1—12).

Алексеева, 1978. — Е. М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. М., 1978 (САИ—Г1—12).

Альбаум, 1960. — Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.

Альбаум, 1974. — Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе. — Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.

Альбаум, 1976. — Л. И. Альбаум. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. — Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976 (далее Бактрийские древности).

Ам. Марц. — Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1. Киев, 1906.

Анакидзе и др. — А. М. Анакидзе и др. Мцхета. Итоги археологических исследований, 1. Тб., 1958.

Артхашастра. — Артхашастра, или Наука политики. Пер. подготовил В. П. Кальянов. М.—Л., 1959.

Арья Шура. — Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказание о подвигах бодисаттвы. Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М., 1962.

Атхарваведа. — Атхарваведа. Избранное. Пер., комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.

Афрасиаб. — Афрасиаб. Сб. статей. Вып. 1. Таш., 1969; Вып. 2. Таш., 1973.

Бабанская. — Т. Г. Бабанская. Беркаринский могильник. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». Т. 1. А.-А., 1956.

Бактрийские древности. — Бактрийские древности. Л., 1976.

Бартольд, 1966. — В. В. Бартольд. Еще о самаркандских оссуариях. — Сочинения. Т. 4. М., 1966.

Бартольд, 1966а. — В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. — Сочинения. Т. 4. М., 1966.

Беленицкий, 1950. — А. М. Беленицкий. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. — МИА. № 15, 1950.

Беленицкий, 1950а. — А. М. Беленицкий. Мавзолей у сел. Саят. — МИА, № 15. 1950.

Беленицкий, Бентович, Большаков. — А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1975.

Беляева, Хакимов. — Т. В. Беляева, З. А. Хакимов. Древнебактрийские памятники Миршаде. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.

Большаков и Негматов. — О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА. № 66, 1958.

Бонгард-Левин. — Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.

Борисов. — А. Я. Борисов. О значении слова «наус». — ТОВЭ. Т. 3, 1940.

Брыкина. — Г. А. Брыкина. Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н. э. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Брыкина, Мартынова. — Г. А. Брыкина, И. Н. Мартынова. Раскопки усадьбы Кайрагач. — АО-71, 1972.

Буддийские пещеры. — Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.

Буддийский культовый центр. — Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

Вайнберг. — Б. И. Вайнберг. Новые памятники кушайской культуры в Северной Туркмении. — АО-74, 1975.
Вайнберг, Кругликова. — Б. И. Вайнберг, И. Т. Кругликова. Монетные находки из раскопок Дильберджина. — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Вертоградова. — В. В. Вертоградова. Архитектура. — Культура древней Индии. М., 1975.
Вишневская. — О. И. Вишневская. Раскопки на городище Кюзели-гыр. — АО-71, 1972.
Воробьева. — М. Г. Воробьева. Дингильдже, усадьба I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
Воробьева, Рапопорт, Трудновская. — М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Памятники искусства. — Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.
Воробьева-Десятовская. — М. А. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхароштхи из Термеза. — ВДИ. 1974, № 1.
Воронина. — В. Л. Воронина. Эллинистический орден на территории Таджикистана. — «Архитектурное наследство». Вып. 20. М., 1972.
Всеобщая история. — Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Кн. 1. Архитектура Древней Греции. Под общей ред. В. Д. Блаватского и др. М., 1949.
Вязьмитина, 1949. — М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Ниса. — ТЮТАКЭ. Т. 1, 1949.
Вязьмитина, 1951. — М. И. Вязьмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. — ТЮТАКЭ. Т. 2, 1951 (1953).
Ганевская, Заславская. — Э. В. Ганевская, Ф. А. Заславская. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе. — Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
Гафуров. — Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Отв. ред. Б. А. Литвинский. М., 1972.
Геродот. — Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
Грек, Пчелина, Ставиский. — Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина. Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
Гринцер. — П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
Гудкова. — А. В. Гудкова. Ток-кала. Таш., 1964.
Гудкова, Лившиц. — А. В. Гудкова, В. А. Лившиц. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры». — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». 1967, № 1 (27).
Давидович, 1956. — Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. — АРТ. Вып. 3 (1955), 1956.
Давидович, 1976. — Е. А. Давидович. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая». — ВДИ. 1976, № 4.
Давидович, 1979. — Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
Давидович, Литвинский. — Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад (ТАН ТаджССР. Т. 25), 1955.
Древняя Бактрия, 1974. — Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
Древняя Бактрия, 1976. — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Дьяконов И. М. — И. М. Дьяконов. Проблемы города Вавилонии II тыс. до н. э. — Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ер., 1969.
Дьяконов И. М., Лившиц, 1960. — И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Из материалов парфянской канцелярии «Старой Нисы». — Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь И. А. Орбели. М.—Л., 1960.
Дьяконов И. М., Лившиц, 1960а. — И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. — ВДИ. 1960, № 2.
Дьяконов И. М., Лившиц, 1966. — И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Находки документов в Старой Нисе. — «Переднеазиатский сборник». Т. 2. М., 1966.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц. — И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из Древней Нисы. — ТЮТАКЭ. Вып. 2, 1951.
Дьяконов М. М., 1950. — М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. — МИА, № 15, 1950.
Дьяконов М. М., 1953. — М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). — МИА. № 37, 1953.
Дьяконов М. М., 1956. — М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956.
Елизаренкова. — Т. Я. Елизаренкова. Комментарий. — В кн.: Атхарваведа. Избранное. М., 1976.
Ерназарова и др. — Т. С. Ерназарова, Б. Д. Кочнев, Э. В. Ртве-

ладзе, М. Н. Федоров. Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969—1972 годах. — ОНУ. 1978, № 3.
Ершов. — С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР». Т. 5. Аш., 1959.
Жуков. — Ф. Жуков. Верхнее течение Аму-Дарьи. — «Туркестанские ведомости», 18.III.1880.
Забелина. — Н. П. Забелина. Раскопки на городище Калан-мир. — МИА. № 37, 1953.
Завьялов. — В. А. Завьялов. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. — СА. № 3, 1979.
Завьялов, Осипов. — В. А. Завьялов, В. И. Осипов. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. — Бактрийские древности. Л., 1976.
Заднепровский. — Ю. А. Заднепровский. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии. — УСА. Вып. 3. Л., 1975.
Заднепровский, Массон. — Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон. Новые материалы по археологии Таджикистана. — ВДИ. 1955, № 1.
Законы Ману. — Законы Ману. Пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М., 1960.
Заппаров, Ртвеладзе. — Ш. Х. Заппаров, Э. В. Ртвеладзе. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I. — Бактрийские древности. Л., 1976.
Зеймаль Е. В., 1960. — Е. В. Зеймаль. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. — ИООН АН ТаджССР. Вып. 1 (22), 1960.
Зеймаль Е. В., 1962. — Е. В. Зеймаль. Клад римских денариев из Таджикистана. — «Нумизматика и эпиграфика». Вып. 3, 1962.
Зеймаль Е. В., 1965. — Е. В. Зеймаль. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. дис. Л., 1965.
Зеймаль Е. В., 1967. — Е. В. Зеймаль. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже. — Нумизматика. Т. 3. Л., 1967 («Труды Государственного Эрмитажа». Т. 9).
Зеймаль Е. В., 1968. — Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
Зеймаль Е. В., 1975. — Е. В. Зеймаль. «Варварские подражания» как исторический источник. — СГЭ. Вып. 10, 1975.
Зеймаль Е. В., 1978. — Е. В. Зеймаль. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. — Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
Зеймаль Е. В., 1979. — Е. В. Зеймаль. Клад медных позднекушанских монет. — Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
Зеймаль Е. В. — Е. В. Зеймаль. Раскопки в окрестностях Шахринау. — Архив Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.
Зеймаль Т. И., 1969. — Т. И. Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины). Канд. дис. Л., 1969 (архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1927 (текст), 1928 (альбом)).
Зеймаль Т. И., 1969а. — Т. И. Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины). Л., 1969. (Автореф. канд. дис.).
Зеймаль Т. И., 1971. — Т. И. Зеймаль. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. СНВ. Вып. 10. М., 1971.
Зеймаль Т. И., 1971а. — Т. И. Зеймаль. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — МКТ. Вып. 2. Душ., 1971.
Зеймаль Т. И., 1975. — Т. И. Зеймаль. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане. — ЦАКЭ. Т. 2. М., 1975.
Зеймаль Т. И. — Т. И. Зеймаль. Буддийский комплекс Уштурмулло. — Архив Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.
Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В. — Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада. — ИООН АН ТаджССР. Вып. 1 (28), 1962.
Зеймаль Т. И., Седов. — Т. И. Зеймаль, А. В. Седов. Комплексы кушано-сасанидского времени в Южном Таджикистане. — Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Таш., 1979.
Зограф. — А. Н. Зограф. Монеты «Герая». Таш., 1937.
Из истории. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
Иностранцев, 1907. — К. (А.) Иностранцев. Туркестанские оссуарии и астоданы. — ЗВОРАО. Т. 17. СПб., 1907.
Иностранцев, 1907а. — К. А. Иностранцев. К изучению оссуариев. — ЗВОРАО. Т. 18. СПб., 1907.
Иностранцев, 1909. — К. (А.) Иностранцев. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках. — ЖМНП. Н. С. Ч. 20, 1909, март.
Иностранцев, 1909а. — К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
Исаков — А. И. Исаков. Работа Касаторошского отряда — АО-75, 1976.

Кабанов, 1952. — С. К. Кабанов. Археологические работы 1947 года в Каршинском оазисе. — «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана». Т. 2. Таш., 1952.
Кабанов, 1953. — С. К. Кабанов. Нахшеб в III—VIII веках в свете археологических данных. Автореф. канд. дис. Таш., 1953.
Кабанов, 1956. — С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — ВДИ. 1956, № 2.
Кабанов, 1977. — С. К. Кабанов. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Таш., 1977.
Калидаса, 1973. — Калидаса. Малявика и Агнимитра. — В кн.: Калидаса. Избранное. Пер. С. Липкина. М., 1973.
Калидаса, 1973а. — Калидаса. Шакунтала. — В кн.: Калидаса. Избранное. Пер. С. Липкина. М., 1973.
Кастальский. — Б. Н. Кастальский. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема. — ВДИ. 1940, № 3—4.
Кияткина. — Т. П. Кияткина. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душ., 1976.
Козловский, Некрасова. — В. А. Козловский, Е. Г. Некрасова. Стратиграфический шурф на цитадели Старого Термеза. — Бактрийские древности. Л., 1976.
Кой-Крылган-Кала. — Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. М., 1967.
Коцурис, Буряков. — К. Коцурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-кала. — ТЮТАКЭ. Т. 2, 1963.
Кошеленко, 1966. — Г. А. Кошеленко. О западных влияниях в терракоте Маргианы. — Культура античного мира. М., 1966.
Кошеленко, 1977. — Г. А. Кошеленко. Родина парфян. М., 1977.
Кошеленко, Десятчиков. — Г. А. Кошеленко, Ю. М. Десятчиков. Раскопки некрополя древнего Мерва. — АО-65, 1966.
Кошеленко, Пилипко. — Г. А. Кошеленко, В. Н. Пилипко. Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы. — Каракумские древности. Вып. 2. Аш., 1968.
Крашенинникова. — Н. И. Крашенинникова. Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы. — История и археология Средней Азии. Аш., 1978.
Кричная. — Н. А. Кричная. Историко-этнографическая основа преданий о «панах». — СЭ. 1980, № 1.
Кругликова, 1974. — И. Т. Кругликова. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. 1. М., 1974.
Кругликова, 1976. — И. Т. Кругликова. Настенные росписи Дильберджина. — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Кругликова, 1977. — И. Т. Кругликова. Идолы из Дильберджина. — История и культура античного мира. М., 1977.
Кругликова, Пугаченкова. — И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). Ч. 2. М., 1977.
Кругликова, Сарианиди, 1971. — И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. — СА. 1971, № 4.
Кругликова, Сарианиди, 1976. — И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции. — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Кузьмина, 1974. — Е. Е. Кузьмина. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра. — Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1974.
Кузьмина, 1976. — Е. Е. Кузьмина. Греческий курос в Бактрии. — КСИА. Вып. 147. М., 1976.
Кузьмина, Певзнер. — Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. — КСИИМК. Вып. 64, 1956.
Лавров. — В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века). М., 1950.
Левина, 1968. — Л. М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре. — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Левина, 1971. — Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.
Лелеков. — Л. А. Лелеков. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Лившиц, 1962. — [В. А. Лившиц]. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг. II).
Лившиц, 1969. — В. А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Каратепе. — Буддийские пещеры Кара-тепе. М., 1969.

Лившиц, 1970. — В. А. Лившиц. Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздахкана. — В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Таш., 1970.
Лившиц, 1976. — В. А. Лившиц. Надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. М., 1976.
Литвинский, 1954. — Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана. — КСИИМК. Вып. 55. М., 1954.
Литвинский, 1961. — Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. — АРТ. Вып. 6 (1958 г.), 1961.
Литвинский, 1964. — Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). — Индия в древности. М., 1964.
Литвинский, 1966. — Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке). — СА. 1966, № 4.
Литвинский, 1968. — Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душ., 1968.
Литвинский, 1972. — Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972 (Могильники Западной Ферганы. I).
Литвинский, 1973. — Б. А. Литвинский. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, III).
Литвинский, 1973а. — Б. А. Литвинский. Древний среднеазиатский город (Местные традиции и иноземные модели). — Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
Литвинский, 1973б. — Б. А. Литвинский. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы). — АРТ. Вып. 10 (1970 год). М., 1973.
Литвинский, 1975. — Б. А. Литвинский. Памирская космология (Опыт реконструкции). — СНВ. Вып. 16, 1975.
Литвинский, 1976. — Б. А. Литвинский. Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (памятники Шаартузского района). — АРТ. Вып. 12 (1972 год), 1976.
Литвинский, 1977. — Б. А. Литвинский. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967—1977 гг.). — ВДИ. 1977, № 4.
Литвинский, 1977а. — Б. А. Литвинский. Из области идеологии кушанской Бактрии (зороастрийские наусы на берегах Окса — Амударьи). — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae». T. 25. Fasc. 1—4. Budapest, 1977.
Литвинский, 1978. — Б. А. Литвинский. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978 (Могильники Западной Ферганы. IV).
Литвинский, 1979. — Б. А. Литвинский. Кушанский город Средней Азии и Индии (параллели). — НАА. 1979, № 3.
Литвинский. — Б. А. Литвинский. Семантика древних верований и обрядов памирцев (I). — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
Литвинский, Зеймаль Т. И., 1964. — Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. — АРТ. Вып. 9 (1961 год), 1964.
Литвинский, Зеймаль Т. И., 1968. — Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины. — ИООН. 1968, № 3.
Литвинский, Зеймаль Т. И., 1971. — Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-тепе. Живопись. Скульптура. Архитектура. М., 1971.
Литвинский, Мухитдинов. — Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). — СА. 1969, № 2.
Литвинский, Пичикян. — Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. Археологические открытия на юге Таджикистана. — ВАН. 1980, № 7.
Лоховиц — В. А. Лоховиц. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат. — МХЭ. Вып. 6, 1963.
Луконин, 1967. — В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ. Вып. 18. Л., 1967.
Луконин, 1969. — В. Г. Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
Луконин, 1977. — В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
Лунин. — Б. В. Лунин. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Таш., 1974.
Мандельштам, 1954. — А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. — «Доклады АН ТаджССР». Вып. 11 (АРТ—1). Сталинабад, 1954.
Мандельштам, 1966. — А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. — МИА. № 136, 1966.
Мандельштам, 1968. — А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА. № 145, 1968.
Мандельштам, 1975. — А. М. Мандельштам. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.

Мандельштам и Певзнер. — А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА. № 66, 1958.
Марущенко. — А. А. Марущенко. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского Государственного Института истории. — ТЮТАКЭ. Вып. 1, 1949.
Маслова. — О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 3. Таш., 1962.
Массон В. М., 1971. — В. М. Массон. Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики). — МИА. № 180, 1971.
Массон В. М., 1971а. — В. М. Массон. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху рабовладельческих отношений. — Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Аш., 1971.
Массон В. М., 1973. — В. М. Массон. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. — Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов. Л. 1973.
Массон В. М., 1974. — В. М. Массон. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — Древняя Бактрия. Л., 1974.
Массон В. М., 1976. — В. М. Массон. Кушанские поселения и кушанская археология (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.). — Бактрийские древности. Л., 1976.
Массон В. М., 1977. — В. М. Массон. Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии. — История и культура античного мира. М., 1977.
Массон В. М., 1978. — В. М. Массон. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана. — АО-77, 1978.
Массон М. Е., 1950. — М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя». — Археология Средней Азии. Н. С. Вып. 9. Гуманитарные науки. Кн. 3. Таш., 1950 (Труды САГУ).
Массон М. Е., 1953. — М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. — ТЮТАКЭ. Т. 5, 1953.
Массон М. Е., 1968. — М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «Великих кушан». — ОНУ. 1968, № 8.
Массон М. Е., 1969. — М. Е. Массон. От редактора. — ТЮТАКЭ. Т. 14, 1969.
Мешкерис. — В. А. Мешкерис. Коропластика Согда. Душ., 1977.
Минаев. — И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Ч. 1, СПб. 1878.
Мухамеджанов. — А. Р. Мухамеджанов. История орошения Бухарского оазиса. Таш., 1978.
Мухитдинов. — Х. М. Мухитдинов. Гончарный квартал городища Саксанохур. — ИООН, 1968, № 3 (53).
Мушкетов. — И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. 1. Ч. 1. Изд. 2-е. Пг., 1915.
Негматов, Салтовская. — Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане. — ЦАКЭ. Т. 2, 1975.
Некрасова. — Е. Г. Некрасова. Древняя керамика Шерабадского оазиса (По материалам шурфовок на мелких поселениях). — Бактрийские древности. Л., 1976.
Неразик, 1966. — Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М., 1966.
Неразик, 1969. — Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала. — АО-68, 1969.
Неразик, 1973. — Е. Е. Неразик. Проблемы исследования хорезмийских городов античного периода. — Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов. Л., 1973.
Неразик, 1975. — Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала. — АО-74, 1975.
Неразик, 1976. — Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. — ТХАЭЭ. Т. 9, 1976.
Неразик, 1977. — Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала. — КСИА. Вып. 132. М., 1977.
Новые находки. — Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.
Обельченко. — О. В. Обельченко. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.). — ТЮТАКЭ. Т. 14, 1969.
Панчатантра — Панчатантра. Пер. с санскр. М., 1958.
Периханян. — А. Г. Периханян. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ер., 1973.
Пигулевская, 1946. — Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946.
Пигулевская, 1956. — Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.
Пидаев, 1973. — Ш. Р. Пидаев. Открытие нового памятника I тыс. до н. э.— ОНУ. 1973, № 2.
Пидаев, 1974. — Ш. Р. Пидаев. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. — Древняя Бактрия. Л., 1974.

Пидаев, 1978. — Ш. Р. Пидаев. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Таш., 1978.
Пилипко. — В. Н. Пилипко. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Аш., 1975.
Пиотровский. — Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА. 1958, № 1.
Писарчик, 1958. — А. К. Писарчик. Жилище. — М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958.
Писарчик, 1970. — А. К. Писарчик. Жилище. — Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душ., 1970.
Писарчик, 1974. — А. К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда. Душ., 1974.
Пропп. — В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
Пташникова. — И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. — ТХАЭЭ. Т. 1, 1952.
Пугаченкова, 1945. — Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. — «Термезская археологическая экспедиция». Т. 2. Таш., 1945.
Пугаченкова, 1953. — Г. А. Пугаченкова. Храм и некрополь в парфянской Нисе. — ВДИ. 1953, № 3.
Пугаченкова, 1958. — Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — ТЮТАКЭ. Т. 6, 1958.
Пугаченкова, 1962. — Г. А. Пугаченкова. Коропластика древнего Мерва. — ТЮТАКЭ. Т. 11, 1962.
Пугаченкова, 1966. — Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966.
Пугаченкова, 1966а. — Г. А. Пугаченкова. К дискуссии о «Сотере Мегасе». — «Труды ТашГУ». Вып. 295, 1966.
Пугаченкова, 1967. — Г. А. Пугаченкова. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. — ВДИ. 1967, № 3.
Пугаченкова, 1969. — Г. А. Пугаченкова. Бактрийский и парфянский вклад в формирование гандхарской школы. — Искусство Индии. М., 1969.
Пугаченкова, 1971. — Г. А. Пугаченкова. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
Пугаченкова, 1971а. — Г. А. Пугаченкова. Новое в изучении Дальверзинтепе. — СА. 1971, № 4.
Пугаченкова, 1973. — Г. А. Пугаченкова. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ. 1973, № 1.
Пугаченкова, 1973а. — Г. А. Пугаченкова. Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане. — СА. 1973, № 2.
Пугаченкова, 1973б. — Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
Пугаченкова, 1974. — Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии в свете археологии. — ВДИ. 1974, № 3.
Пугаченкова, 1975. — Г. А. Пугаченкова. Из недавних открытий в Южном Узбекистане (К проблеме бактрийской городской культуры). — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974». М., 1974.
Пугаченкова, 1976. — Г. А. Пугаченкова. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Пугаченкова, 1976а. — Г. А. Пугаченкова. К открытию надписей кхароштхи на золотых предметах Дальверзинского клада. — ВДИ. 1976, № 1.
Пугаченкова, 1976б. — Г. А. Пугаченкова. Бактрийский жилой дом (К вопросу об архитектурной типологии). — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Пугаченкова, 1978. — Г. А. Пугаченкова. Квартал керамистов (ДТ-9). — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Пугаченкова, 1978а. — Г. А. Пугаченкова. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Л., 1978.
Пугаченкова, 1979. — Г. А. Пугаченкова. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.
Пугаченкова, 1979а. — Г. А. Пугаченкова. Жига-тепе (раскопки 1974 г.). — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.
Пугаченкова, 1981 — Г. А. Пугаченкова Храм бактрийской богини на Дальверзинтепе. — Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
Пугаченкова, Тургунов, 1973. — Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане. — ВАН. 1973, № 3.
Пугаченкова, Тургунов, 1978. — Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Буддийское святилище в загородной зоне. — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Пугаченкова, Ртвеладзе. — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе. Новые монетные находки из правобережной Бактрии. — ВДИ. 1971, № 4.

Пугаченкова, Ртвеладзе и др. — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Пьянков, 1968. — И. В. Пьянков. Ктесий о Зороастре. — МКТ. Вып. 1, 1968.
Пьянков, 1973. — И. В. Пьянков. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. — Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
Пьянков, 1975. — И. В. Пьянков. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душ., 1975.
Рапопорт, 1968. — Ю. А. Рапопорт. Раскопки на городище Топрак-кала. — АО-67, 1968.
Рапопорт, 1971. — Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
Рапопорт, 1981 — Ю. А. Рапопорт. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. — «Культура и искусство Древнего Хорезма». М., 1981.
Рапопорт и Трудновская. — Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала. — ТХЛЭЭ. Т. 2, 1958.
Рапопорт и Лапиров-Скобло — Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. — МХЭ. Вып. 6, 1963.
Ртвеладзе, 1974. — Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — Древняя Бактрия. Л., 1974.
Ртвеладзе, 1977. — Э. В. Ртвеладзе. Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии. — СА. 1977, № 2.
Ртвеладзе, 1978. — Э. В. Ртвеладзе. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии. — ВДИ, 1978, № 4.
Ртвеладзе, 1978а. — Э. В. Ртвеладзе. Дальверзинский наус. — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Ртвеладзе, 1978б. — Э. В. Ртвеладзе. Монетные находки на Дальверзинтепе. — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Сабиров. — К. С. Сабиров. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе. — «Бактрийские древности». Л., 1976.
Сагдулаев, Хакимов. — Т. Сагдулаев, З. Хакимов. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе. — Бактрийские древности. Л., 1976.
Сарианиди, 1977. — В. И. Сарианиди. Памятники монументальной архитектуры Бактрии. — СА. 1977, № 1.
Сарианиди, 1977а. — В. И. Сарианиди. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
Саркисян. — Г. Х. Саркисян. Тигранакерт. М., 1960.
Седов, 1977. — А. В. Седов. Работы в Шаартузском районе. — АО 76, 1977.
Седов, 1978. — А. В. Седов. Работы в Бешкентской долине. — АО-77, 1978.
Седов, 1979. — А. В. Седов. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. — Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
Седов, 1979а. — А. В. Седов. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине. — АО-78, 1979.
Семенов. — П. П. Семенов. История полувековой деятельности Имп. Русского Географического общества, 1845—1895. Ч. 2. СПб., 1896.
Ставиский, 1952. — Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда (Погребальный обряд и представления о загробной жизни). — «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР». Вып. 1. Археология. Сталинабад, 1952.
Ставиский, 1963. — Б. Я. Ставиский. Средняя Азия в кушанский период. — История таджикского народа. Т. 1. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
Ставиский, 1969. — Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг. — Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
Ставиский, 1972. — Б. Я. Ставиский. Капители древней Бактрии. — СА. 1972 № 2.
Ставиский, 1974. — Б. Я. Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период VI в. до н. э.—VIII в. н. э. М., 1974.
Ставиский, 1977. — Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Ставиский, Большаков, Мончадская. — Б. Я. Ставиский. О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. — МИА. № 37, 1953.
Страбон. — Страбон. География. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
Стрелков. — А. (С.) Стрелков. Доисламские памятники Древнего Термеза. — «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур», II. М., 1928.
Струве. — В. В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Сулейманов и др., 1975. — Р. Сулейманов, Р. Исамиддинов, К. Сабиров, Н. Нефедов. Раскопки на городище Ер-Курган. — АО-74, 1975.
Сулейманов и др., 1976. — Р. Сулейманов, М. Исхаков, М. Туребеков, Н. Нефедов. Раскопки на городище Ер-Курган. — АО-75, 1976.
Сусенкова. — Р. С. Сусенкова. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.). — ТЮТАКЭ. Т. 14, 1969.
Сухарева, 1958. — О. А. Сухарева. К истории Бухарского ханства. Таш., 1958.
Сухарева, 1966. — О. А. Сухарева. Бухара XIX—начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
Сухарева, 1976. — О. А. Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
Сухарева, 1976а. — О. А. Сухарева. Очерки по истории среднеазиатских городов. — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Сычева, 1970. — Н. С. Сычева. История изучения керамики Северной Бактрии кушанского времени. — СГМИНВ. Вып. 3, 1970.
Сычева, 1975. — Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе. — Новые находки на Каратепе в старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. М., 1975.
Тирацян. — Г. А. Тирацян. Города Армении эллинистического времени в свете археологических исследований. — ВДИ. 1979, № 2.
Токоева. — Н. Ф. Токоева. Поминальные и погребальные обряды осетин в XIX веке. — СЭ. 1957, № 1.
Толстов, 1948. — С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации М.—Л., 1948.
Толстов, 1948а. — С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов, 1962. — С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Топоров. — В. Н. Топоров. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». — «Ученые записки Тартуского государственного университета». Вып. 284. Тарту, 1971.
Тревер, 1950. — К. В. Тревер. Греко-бактрийское царство. — К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и М. Э. Воронец. История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., 1950.
Тревер, 1967. — К. В. Тревер. К вопросу о ремесленных корпорациях в сасанидском Иране. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. М., 1967.
Трудновская. — С. А. Трудновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. — МХЭ. Вып. 6, 1963.
Труды. — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. 11. Аш. 1962; Т. 12. Аш., 1963; Т. 14. Аш., 1969.
Тургунов, 1968. — Б. А. Тургунов. Приемы фортификации античного Чаганиана. — СА. 1969, № 1.
Тургунов, 1973. — Б. А. Тургунов. К изучению Айртама. — Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
Турсунов. — Н. С. Турсунов. Сложение и пути развития городского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. (Историко-этнографические очерки). Душ. 1976.
Усманова. — З. П. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. — ТЮТАКЭ. Т. 12, 1963.
Фрейденберг. — О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. М., 1978.
Харша. — Харша. Ратнавали, или жемчужное ожерелье. Пер. В. Потаповой. — Классическая драма Востока. Индия, Китай, Япония. М., 1976 (Библиотека всемирной литературы. Серия первая).
Хожаниязов — Г. Хожаниязов. История развития фортификации античного Хорезма. — СА. 1981, № 2.
Центральная Азия. — Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1—2. М., 1973, 1975.
Цыганков. — Ю. А. Цыганков. Древнеиндийский город (по данным Артхашастры). — КСИИА. Вып. 61. М., 1963.
Чехович. — О. Д. Чехович. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
Шишло. — Б. П. Шишло. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели. — Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
Шукуров. — Ш. М. Шукуров. О некоторых аспектах изображения человека в домонгольском Иране. — Советское искусствознание 77. Вып. 2. М., 1978.
Юркевич. — Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Бактрии. — СА, 1965, № 4.
Ягодин, Ходжайов. — В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Таш., 1970.
Якубов, 1975. — Ю. Якубов. Отчет Зеравшанского отряда за 1971 г. о раскопках дворцового комплекса Гардани Хисор в сел. Мадм. — АРТ. Вып. 11 (1971), 1975.
Якубов, 1977. — Ю. Якубов. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор. — АРТ. Вып. 13 (1973), 1977.
Якубов, 1979. — Ю. Якубов. Паргар в VII—VIII вв. н. э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). Душ., 1979.

Aalto. — P. Aalto. The Name of Tashkent. — CAJ. Vol. 21. № 3—4, 1977.
Abdur Rahman. — Abdur Rahman. Excavations at Damkot. — «Ancient Pakistan». Vol. IV (1968—1969). Peshawar, 1971.
Acharya. — P. K. Acharya. Villages and Towns in Ancient India. — «B. C. Law Volume». P. 2. Poona, 1946.
Ackerman. — H. Ch. Ackerman. Narrative Stone Reliefs from Gandhāra in the Victoria and Albert Museum in London. Roma, 1975. (IsMEO. «Reports and Memoirs». Vol. 17).
Adhya. — G. L. Adhya. Early Indian Economics. Studies in the Economic Life of Northern and Western India. C. 200 B. C. — 300 A. D., Bombay—Calcutta, 1966.
Allchin. — B. and R. Allchin. The Birth of Indian Civilization. India and Pakistan before 500 B. C., Penguin Books, 1968.
Andrae. — W. Andrae. Hatra, II. Lpz., 1912.
Andrae und Lenzen. — W. Andrae und H. Lenzen. Die Partherstadt Assur. Lpz., 1933 («Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Assur». 8).
The Archaeology. — The Archaeology of Afghanistan. Ed. by F. R. Allchin and N. Hammond. London—New York—San Francisco, 1979.
Auboyer. — J. Auboyer. Daily Life in Ancient India Approximately 200 B. C. to 700 A. D. L., 1965.
Auboyer, Enault. — J. Auboyer, J. F. Enault. La vie publique et privée dans L'Inde ancienne. Fasc. 1. L'architecture civile et religieuse. P., 1969.
Avesta. — Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Überzetzt von F. Wolff. Strassburg, 1910.
Azarpay — G. Azarpay. Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art. With contributions A. M. Belenitskii, B. I. Marshak and M. J. Dresden. Berkeley, Los Angeles, London. 1981.
Bachhofer. — L. Bachhofer. On Greeks and Śakas in India. — JAOS. Vol. 61, 1941.
Bailey, 1943. — H. W. Bailey. Zoroastrian Problems in Ninth-century Books. Ox., 1943.
Bailey, 1962. — H. W. Bailey. The Professions of prince Tcūṃ-ttehi. — Indological Studies in Honour of W. Norman Brown. New Haven, 1962.
Bailey, 1965. — H. W. Bailey. Višᵹ Saṃgrāma. — AM. N. S. Vol. 11. P. 2. L., 1965.
Bareau. — A. Bareau. Le construction et le culte des stūpa d'après les Vinayapitaka. — BEFEO. T. 50. Fasc. 2. P., 1962.
Barret. — D. Barret. Sculptures from Amaravati in the British Museum. L., 1954.
Bartholomae. — Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. B., 1961 (Nachdruck).
Barthoux. — J.-J. Barthoux. Les fouilles de Haḍḍa. III. Figures et figurines. P., 1930 (MDAFA, IV).
Bell. — G. L. Bell. Amurath to Amurath. Sec. ed. L., 1924.
Bernard, 1964. — P. Bernard. Les fouilles de Kohna Masdjid. — CRAIBL. 1964.
Bernard, 1969. — P. Bernard. Quetriéme campagne de fouilles á Aï-Khanoum (Bactriane). — CRAIBL. 1969.
Bernard, 1973. — P. Bernard. Campagne de fouilles á Äi Khanoum (Afghanistan). CRAIBL. 1973.
Bernard, 1980. — P. Bernard. Une nouvelle contribution soviétique à l'histoire des Kushans: la fouille de Dal'verzin-tépe (Uzbekistan). — BEFEO. T. 68, 1980.
Bernard, P. Garczinski, 1980. — P. Bernard, P. Garczinski, O. Guillaume, F. Grenet, N. Ghassouli, P. Leriche, J.-C. Liger, C. Rapin, A. Rougeulle, J. Thoraval, R. de Valence, S. Veuve. Campagne de fouille 1978 á Äi Khanoum (Afghanistan). — BEFEO. T. 68, 1980.
Le Berre et Schlumberger. — M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres. — MDAFA. T. 19. P., 1964.
Boyce, 1975. — M. Boyce. A History of Zoroastrianism. Vol. 1. Leiden—Köln, 1975 («Handbuch der Orientalistik». I, VIII. 1, 2, 2—A).
Boyce, 1979. — M. Boyce. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices. L., 1979.
Bussagli. — M. Bussagli. Die Malerei in Zentralasien. Genève, 1963.
Burlingame, 1969. — E. W. Burlingame. Buddhist legends. Transl. from the original pali text of the Dhammapada Commentary. P. 3. L., 1969 (Harvard Oriental series. 30) (reprint).
Carl, 1959. — J. Carl. Le Bazar de Begram (Chantier I) 1936. — MDAFA. T. 8, 1959.
Carl, 1959a. — J. Carl. Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépé. — MDAFA. T. 8, 1959.
Carl, 1959b. — J. Carl. Le fortin du Saka et le monastère du Guldara. — MDAFA. T. 8, 1959.
Cavallero, 1966. — M. Cavallero. The Excavation at Choche. (The Presumed Ctesiphon). Area 2. — «Mesopotamia». I. Torino, 1966.

Cavallero, 1967. — M. Cavallero. The Excavation at Choche. Area 2. — «Mesopotamia». II. Torino, 1967.
Chakraborti. — H. Chakraborti. Trade and Commerce of Ancient India (C. 200 B. C. — 650 A. D.). Calcutta, 1966.
Chandra. — Moti Chandra. Architectural Data in Jain Canonical Literature. — JBBRAS. № 26, 1951.
«Chaqalaq Tepe». — «Chaqalaq Tepe. Fortified Village in North Afghanistan excavated in 1964—1967». Ed. by prof. E. Mizuno. Kyoto University, 1970.
Clairmont. — Ch. W. Clairmont. The Glass Vessels. New Haven, 1963. («The Excavations at Dura-Europas». Final Report IV. Pt. 5).
Coarelli. — F. Coarelli. The Painted Cups of Begram and the Ambrosian Iliad. — EA. Vol. 13/4, 1962.
Cock. — J. K. de Cock. Eene oudindische stad volgens het Epos. Amsterdam, 1899.
Colledge. — M. A. R. Colledge. [Рец. на:] G.-P. Francfort. Les palettes du Ganhara. P., 1979. — BSOAS. Vol. 44. P. 1. 1981.
Coomaraswamy. — A. K. Coomaraswamy. Early Indian Architecture. I. Cities and city-gates. — EA. 2, 1930.
Le Coq — A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. I. Die Plastik. Graz, 1973 (Nachdruck).
Corpus. . . — «Corpus inscriptionum iranicarum. Part II: inscriptions of the Seleucid and Parthian periods of Eastern Iran and Central Asia. Vol. II: Parthian. Parthian economic documents from Nisa, ed. by I. M. Diakonoff and V. A. Livshits». Texts. 1. L., 1977.
Dalton, 1905. — O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. L., 1905.
Dalton, 1964. — O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. Ed. 3. L., 1964.
Dani, 1955—1956. — A. H. Dani. Shaikhan Dheri Excavation. — AP. Vol. 2, 1955—1956.
Dani, 1965—1966. — A. H. Dani. Shaikhan Dheri Excavation 1963 and 1964 seasons. — AP. Vol. 2, 1965—1966.
Dani, Khan. — A. Dani, F. Khan. Kushan Civilization in Pakistan. — ЦАЮ. 1, 1974.
Dar. — Salfur Rahman Dar. Toilet Trays from Gandhara and Beginning of Hellenism in Pakistan. — «Journal of Central Asia». Vol. 2. 1979, № 2.
Dikshit. — M. G. Dikshit. Some Beads from Koṇḍāpūr. Hyderabad, 1952. («Hyderabad Archaeological Series». № 16).
Dobbins. — K. W. Dobbins. Gandharan Art from Stratified Excavations. — EW. N. S. Vol. 23. 1973, № 3—4.
Drerup. — H. Drerup. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen, 1969.
Duchesne-Guillemin. — J. Duchesne-Guillemin. Fire in Iran and in Greece. — EW. N. S. Vol. 13, 1962, № 2—3.
Durman Tepe. — Durman Tepe and Lalma. Buddhist sites in Afghanistan surveyed in 1963—1965. Ed. by S. Mizuno, Kyoto University, 1968.
Ehrich. — R. W. Ehrich. The Later Cultures at Yorgan Tepa. — R. F. S. Starr. Nuzi. Vol. 1. Text. Cambridge, Mass., 1939.
Elliade. — M. Elliade. Spiritual thread, sūtratman, catena aurea. — «Paideuma». Bd 7. 1960, № 4—6.
Faccena, 1962. — D. Faccena. Sculpture from the sacred area of Butkara. I. Roma, 1962 (IsMEO. «Reports and Memoirs». Vol. 2, № 2).
Faccena, 1964. — D. Faccena. A Guide to the Excavations in Swat (Pakistan). 1956—1962. Roma, 1964.
Fa-Hsien. — Fa-Hsien. A record of the Buddhist countries. Peking, 1957.
Felliozat. — J. Felliozat. Gopura «porte de ville». — JA. Vol. 247. 2, 1959.
Fick. — R. Fick. The Social Organization in North-East India in Buddha's Time. Transl. by Shishirkumar Mitra. Calcutta, 1920.
Foucher, 1900. — A. Foucher. Études sur l'iconographie bouddhique de L'Inde. T. 1. P., 1900.
Foucher, 1905. — A. Foucher. L'art gréco-bouddhique de Gandhâra. T. 1. P., 1905.
Foucher, 1922. — A. Foucher. l'art gréco-bouddhique du Gandhâra. T. 2, P., 1922.
Fouilles — «Fouilles d'Aï Khanoum». Ed. by P. Bernard. P., 1973 (MDAFA. T. 21).
Francfort, 1979. — H. P. Francfort. Les fortifications en Asie Centrale de l'age du bronze a l'epoque Kouchane. P., 1979.
Francfort, 1979a. — H. P. Francfort. Les paletts du Gandhâra. P., 1979 (MDAFA. T. 23).
Fussman. — G. Fussman. Ruines de la vallée de Wardak. — «Arts Asiatiques». T. 30. P., 1974.
Fussman et Le Berre. — G. Fussman et M. Le Berre. Monuments bouddhiques de la région de Caboul. I. P., 1976 (MDAFA. T. 22).
Fyfe. — Th. Fyfe. Hellenistic architecture. Cambridge, 1936.
Gardin. — J.-C. Gardin. Céramiques de Bactres. P., 1957 (MDAFA. T. 15).
Gauilier, Jera-Bezard, Maillard. — S. Gauilier, R. Jera-Bezard, M. Maillard. Buddhism in Afghanistan and Central Asia. P. 1. Leiden, 1976.
Geiger B. — B. Geiger. Aus mittelpersischen Materialien. — «Archiv Orientalni». Vol. 10. Praha, 1938, № 1—2.
Geiger W. — W. Geiger. Culture of Ceylon in Mediaeval Times. Wiesbaden, 1960.

Geography. — The Geography of Strabo with an English Translation by H. L. Jones. Vol. 5. Cambridge — Loeb Classical Library. L., 1954.
Gerkan. 1924. — A. von Gerkan. Griechische Städteanlage. B.—Lpz., 1924.
Gerkan. 1959. — A. von Gerkan. Hippodamos. — A. von Gerkan. Vom antiker Architektur und Topographie. Stuttgart, 1959.
Gerkan. 1959a. — A. von Gerkan. Kolonialstädte der Antike. — A. von Gerkan. Vom antiker Architektur und Topographie. Stuttgart, 1959.
Gernet. — J. Gernet. Les aspects économiques du boudhisme dans la société chinoise du Ve au Xe siècle. P., 1956 («Publications de l'École Française d'Extrême-Orient». Vol. 39).
Ghirshman, 1946. — R. Ghirshman. Begram. Cairo, 1946 (MDAFA. T. 12).
Ghirshman, 1949. — R. Ghirshman. Campagne de fouilles a Suse en 1948—1949. — CRAIBL, 1949.
Ghirshman, 1950. — R. Ghirshman. Fouilles de Suse: campagne de 1949—1950. — CRAIBL. 1950.
Ghirshman, 1951. — R. Ghirshman. Fouilles de Suse. Campagne de 1940—1949. — L'Ame de L'Iran. P.. 1951.
Ghirshman, 1951a. — R. Ghirshman. Campagne de fouilles à Suse en 1950—1951. — CRAIBL. 1951.
Ghirshman, 1952. — R. Ghirshman. Cinq campagnes de fouilles à Suse (1946—1951). P., 1952 (Mission de Susiane. «Rapports préliminaires». 1).
Ghirshman, 1954. — R. Ghirshman. Iran from the Earliest Times to the Islamic conquest. Penguin Books, 1954.
Ghosh A., 1948. — A. Ghosh. Taxila (Sirkap), 1944—1945. — «Ancient India». № 4. New Delhi, 1948.
Ghosh A., 1973. — Ghosh A. The City in early historical India. Simla, 1973.
Ghosh A., 1975. — A. Ghosh. The Kushan Levels at Some Excavated Sites in North India. — ЦАКЭ. 2, 1975.
Ghosh M., — M. Ghosh. Glimpses of Sexual Life in Nanda-Maurya India. Calcutta, 1975.
Gignoux, 1968. — Ph. Gignoux. L'enfer et la paradis d'aprés les sources pehlevies. — JA. T. 256, 1968, № 2.
Gignoux, 1979. — Ph. Gignoux. «Corps osseux et âme osseuse»: essai sur la chamanisme dans l'Iran ancien. — JA. T. 267, 1979, № 1—2.
Gnoli. — G. Gnoli. Zoroaster's Time and Homeland. A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. Naples, 1980 (Istituto Universario Orientale Seminario di studi Asiatici. Series minor, 7).
Göbl, 1971. — R. Göbl. Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971.
Göbl, 1978. — R. Göbl. Antike Numismatik. Bd 2. München, 1978.
Gonda, 1960. — J. Gonda Die Religionen Indiens. I. Stuttgart, 1960.
Gonda, 1980. — J. Gonda. Vedic Ritual. The non-solemn rites. Leiden—Köln, 1980 («Handbuch d. Orientalistik». II, IV, 1).
Grihya-sûtras. — The Grihya-sûtras. Rules of Vedic domestic ceremonies. Transl. by H. Oldenberg. P. 1 (reprint). Delhi-Varanasi-Patna, 1964 (SBE. Vol. 29).
Gropp. — G. Gropp. Einige neuentdeckte Inschriften aus sasanidischer Zeit. — W. Hinz. Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969.
Grünwedel, 1920. — A. Grünwedel. Alt-Kutscha. B., 1920.
Gullini, 1962. — G. Gullini. Udergam. — IsMEO. «Reports and Memoirs». Vol. 1. Roma, 1962.
Gullini, 1967. — G. Gullini. Un contributo alla storia dell'urbanistia (Seleucia sul Tigri). — «Mesopotamia». 2. Torino, 1967.
Hackin. — J. Hackin. L'oeuvre de la Délégation archéologique Française en Afghanistan (1922—1933). I. Archéologie bouddhique. Tokyo, 1933.
Hallade. — M. Hallade. Gandharan Art of North India and the Graeco-Buddhist Tradition in India, Persia and Central Asia. N. Y., 1968.
Haller. — A. Haller. Die Gräber und Grüfte von Assur. B., 1954.
Hansman and Stronach. — J. Hansman and D. Stronach. Excavations at Shahr-i-Qûmis, 1971. — JRAS. 1974, № 1.
Hargreaves. — H. Hargreaves. The Buddha Story in Stone. 3rd ed. Calcutta, 1924.
Harmatta, 1960. — J. Harmatta. Cusanica. — AAH. Vol. 11, 1960.
Harmatta, 1964. — J. Harmatta. The Great Bactrian Inscriptions. — AAH. 12, 1964, № 3—4.
Härtel. — H. Härtel. Some Results of the Excavations at Sonkh. — «German Scholars on India. Contributions to Indian Studies». Vol. 2. Bombay, 1976.
Heinrich. — E. Heinrich. Sechster vorläufiger Bericht über die von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. B., 1935. (APAW. Philosophisch-Historische Klasse. Jahrgang 1935, № 2).
Henning, 1945. — W. B. Henning. Sogdian Tales. — BSOAS. Vol. 11. P. 3, 1945.
Henning, 1951. — W. B. Henning. Zoroaster: Politician or Witch-doctor? L., 1951.
Herzfeld. — E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Vol. 2. Princeton, 1947.
Hilprecht. — H. O. Hilprecht. Explorations in Bible Lands duri ng the 19th Century. Edinburg, 1903.
A History. — History of Technology. Ed. by Ch. Singer. a. o. Vol. 2. Ox., 1957.

Humbach. — H. Humbach. Bestattunsformen in Vidēvdāt. — «Zeitschrift vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Bd 77, 1961, № 1, 2.
The Image. — The image of Buddha. General ed. D. L. Snellgrove. P.—L., 1978.
Van Ingen. — W. van Ingen. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor-London, 1939.
Ingholt. — H. Ingholt. Gandhāran Art in Pakistan. N. Y., 1957.
Invernizzi. — A. Invernizzi. The Excavations at the Archives Building. — «Mesopotamia». Vol. 8—9. Torino, 1973—1974.
Jackson. — A. V. W. Jackson. Persia Past and Present. N. Y.—L., 1906.
Jaina Sutras. — Jaina Sutras. Transl. from Prakrit by H. Jacobi. Vol. 1—2. N. Y., 1968.
Jātaka. — «The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births». Transl. from the Pali by Various Hands the Editorship of E. B. Cowell. Vol. 1—6. Cambridge, 1897—1907.
Jordan. — J. Jordan. Uruk-Warka nach den Ausgrabungen durch die Deutschen Orient-Gesellschaft. Lpz., 1928.
Joshi and Margabandhu. — M. C. Joshi and C. Margabandhu. Some Terracotas from Excavations at Mathura. A Study. — JISOA. N. S. Vol. 8, 1976—1977.
Kammenhuber. — A. Kammenhuber. Totenvorschriften und «Hunde-Magie» in Vidēvdāt. — ZDMG. Bd 108. H. 2, 1958.
Kane. — P. V. Kane. History of Dharmaśāstra. Vol. 2. P. 1. Poona, 1941 («Government Oriental series». Class B. № 6).
Kangle. — R. P. Kangle. The Kauṭilīya Arthaśāstra. P. 2. An English Translation with Critical and Explanatory Notes. Sec. ed. Bombay, 1972.
Knudstad. — J. Knudstad. A Preliminary Report on the 1966—1967 Excavations at Nippur. — «Sumer». Vol. 24, № 1—2. Baghdad, 1968.
Konow. — S. Konow. Kharoshṭhī Inscriptions with the Excavation of those of Ašoka. Calcutta, 1929 (Corpus inscriptionum Indicarum. II, 1).
Kramrisch. — S. Kramrisch. The Temple as Puruṣa. — Studies in Indian Temple Architecture. Ed. by Pramod Chandra. New Delhi, 1975.
Kriesis. — A. Kriesis. Ancient Greek Town Building. — The Classical Pattern of Modern Western Civilization. Urbanism and the Town Planning. Copenhagen, 1958 («Proceedings of the Second International Congress of Classical Studies». Vol. 4).
Kurtz and Boardman. — D. C. Kurtz and J. Boardman. Greek Burial Customs. L., 1971.
Kushan. — «Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian seals in the British Museum». Ed. by A. D. H. Bivar. Vol. 102. P. 3. Pahlavi Inscriptions. Vol. 6: Seals and Coins. L., 1968.
Kuwayama. — Sh. Kuwayama. Kāpiśi Begrām III — renewing its dating. — «Orient». Vol. 10. Tokyo, 1974.
Kyoto. — «Kyoto University Archaeological Survey in Afghanistan». 1972. Kyoto University, 1974.
Lal. — B. B. Lal. Śiśupalgarh 1948: an Early Historical Fort in Eastern India. — AI. 5, 1949.
Laufray. — J. Laufray. L'urbanisme antique en Proche Orient. The Classical Pattern of Modern Western Civilization. Urbanism and the Town Planning. Copenhagen, 1958 («Proceedings of the Second International Congress of Classical Studies». Vol. 4).
Lenzen. — H. Lenzen. Die Grabungsergebnisse. — Elfter vorläufiger Bericht über von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen (APAW. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1940, № 3).
The Letter. — The Letter of Tansar. Transl. by M. Boyce. Roma, 1968 («Série Orientale Rome». Vol. 38).
Litvinsky. — B. A. Litvinsky. Outline History of Buddhism in Central Asia. M., 1968.
Loth. — A.-M. Loth. Les bijoux. P., 1972 («La vie publique et privée dans l'Inde ancienne II siècle avant J.-C.—VIIIe siècle environ». Fasc. 9, 1) (Publications du Musée Guimet. — Recherches et documents d'art et d'archéologique. T. 6).
Lüders. — H. Lüders. The Manikiala inscriptions. — JRAS. 1909.
Macdowall and Wilson. — D. W. Macdowall and N. G. Wilson. The References to the Kuṣānas in the Periplus and Further Numismatic Evidence for its Date. — NC. Vol. 10, Ser. 7, 1970.
Maenchen-Helfen. — O. Maenchen-Helfen. The World of the Huns. Berkeley—Los Angeles—London, 1973.
Mahāvastu. — The Mahāvastu. Vol. 3. Transl. by J. J. Jones. L., 1956.
Majumdar A. K. — A. K. Majumdar. Economic Background of the Epic Society. Calcutta, 1977.
Majumdar N. C. — N. C. Majumdar. A Guide to the Sculpture in the Indian Museum. P. 2. Delhi, 1937.
Mallowan. — M. E. L. Mallowan. Nimrud and its remains. Vol. 1. L., 1966.
Marshall F. — F. M. Marshall. Catalogue of the Finger Rings. Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum. L., 1907.
Marshall J., 1909. — J. Marshall. Notes on Archaeological Exploration in India 1908—1909. — JRAS. 1909.

Marshall J., 1911. — J. Marshall. Archaeological Exploration in India, 1909—1910. — JRAS. 1911.
Marshall J., 1915. — J. Marshall. Excavations at Bhīṭā. — ARASI, for 1911—1912, 1915.
Marshall J., 1951. — J. Marshall. Taxila. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.
Marshall J., 1960. — J. Marshall. A Guide to Taxila. Cambridge, 1960.
Marshall J., 1960a. — J. Marshall. The Buddhist Art of Gandhara. Cambridge, 1960.
Martin. — R. Martin. L'urbanisme dans le Gréce antique. P., 1956.
Meunié. — J. Meunié. Begram-Fouilles de 1938. — MDAFA. T. 8, 1959.
Milinda Questions. — Milinda Questions. Vol. 1—2. Transl. from the Pali by I. B. Horner. L., 1964.
Misra. — R. N. Misra. Ancient Artists and Art Activity. Simla, 1975.
Molé. — M. Molé. Culture, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. Le problème zoroastrien et le tradition mazdéene. P., 1963.
Morgan. — H. de Morgan. Manuel de numismatique Orientale de l'antiquite et du moyen age. T. 1. Fasc. 2. P., 1925—1936.
Mukhopadhyay. — S. K. Mukhopadhyay. Terrakotas from Bhītā. — «Artibus Asiae». Vol. 34, 1, 1972.
Negro Ponzi. — M. Negro Ponzi. Sasanian glassware from Tell Mahuz. — «Mesopotamia». Vol. 3—4. Torino, 1968—1969.
Nerazik und Rapoport. — E. E. Nerazik und J. A. Rapoport. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien. — «Das Altertum». Bd. 24, 1978, № 2.
Nöldeke. — Th. Nöldeke. Geschichte der Persen und Araber zur Zeit der Sasaniden Nachdruck. Leiden, 1973.
Nüberg. — H.-S. Nüberg. Die Religionen des Alten Iran. Lpz., 1938.
Oates. — D. and J. Oates. Nimrud 1957, the Hellenistic Settlement. — «Iraq». Vol. 20, 1958, № 2.
Onians. — R. B. Onians. The Origin of European Thought. Cambridge, 1954.
Payne-Gallway. — R. Payne-Gallway. A Summary of the History, Construction and Effects in Warfare of the Projectilethrowing Engines of the Ancients with a Treatise on the Structure, Power, Management of Turkic and other Oriental Bows of Mediaeval and Later Times. L., 1907.
Persian rivayats. — The Persian rivayats of Hormarzyar Framarz and others. Their version with introduction and notes E. B. Dhabhar. Bombay, 1932.
Pigott. — S. Pigott. Some Ancient Cities of India. Ox., 1945.
Prakash. — Buddha Prakash. Thākura. — CAJ. 3. 1958, № 3.
Puri, 1965. — B. N. Puri. India under the Kushāṇas. Bombay, 1965.
Puri, 1966. — B. N. Puri. Cities of Ancient India. Meerat, Delhi, Calcutta, 1966.
Ray. — A. Ray. Villages, Towns and Secular Buildings in Ancient India. Calcutta, 1964.
Reuther, 1926. — O. Reuther. Die Innenstadt von Babylon (Merkes). Textband, Tafelband. Lpz., 1926 («Ausgrabungen des Deutschen Orient-Gesellschaft in Babylon». 3).
Reuther, 1967. — O. Reuther. Parthian Architecture. — SPA. Vol. 1. Tehran—London—New York—Tokyo, 1967 (reprint).
Rhys Davids C. F. — C. F. Rhys Davids. Notes on Early Economic Conditions in Northern India. — JRAS. 1901.
Rhys Davids T. W. — T. W. Rhys Davids. Buddhist Birth-stories (Jataka tales). 2 ed. L.—N. Y., 1925.
Ricciardi. — R. V. Ricciardi. The Excavations at Choche. — «Mesopotamia». Vol. 3—4. Torino, 1968—1969.
Ritschl, Schetelich. — E. Ritschl, M. Schetelich. Studien zum Kauṭilīya Arthaśāstra. B., 1973 («Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orient», 9).
Robinson. — D. M. Robinson. Metal and Minor Miscellaneous Finds, an Original Contribution to Greek Life. Baltimore—London—Oxford, 1941 («Excavations at Olynthus». 10).
Rosenfield. — J. Rosenfield. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkley—Los Angeles, 1967.
Rostovtzeff. — M. Rostovtzeff. Dura-Europas and its Art. Ox., 1938.
Rowland, 1963. — B. Rowland. The Evolution of Buddha Image. N. Y., 1963.
Rowland, 1967. — B. Rowland. The Art and Architecture of India. Buddhist. Hindu. Jain. Ed. 3. Baltimore, 1967.
Rowland, 1970. — B. Rowland. Zentralasien. Baden-Baden, 1970.
Rowland, 1974. — B. Rowland. The Art of Central Asia. N. Y., 1974.
Rydh Mahal. — H. Rydh Mahal. The Swedish Archaeologiacal Expedition to India 1952—1954. Lund, 1959 («Acta Archaeologica Lundensia» Ser. 4, № 3).
Safar. — Fuad Safar. Inscriptions of Hatra. — «Sumer». Vol. 9, 1953, № 1.
Salihi. — Wathik al-Salihi. Hatra. Excavations in Group of Tombs. 1970—1971 preliminary report. — «Sumer». Vol. 28, 1972, № 1—2.
Sallet. — A. Sallet. Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien. — «Zeitschrift für Numismatik». Bd 6. B., 1879.
Scerrato. — U. Scerrato. Excavations at Dahan-i Chulaman (Sistan-Iran). First preliminary report (1962—1963). — EW. Vol. 16. 1966, № 1—2.

Schlingloff, 1967. — D. Schlingloff. Arthaśāstra Studien, II. Die Anlage einer Festung (durgavidhāna). — WZKSO. Bd 11, 1967.
Schlingloff, 1970. — D. Schlingloff. Die altindische Stadt. Eine vergleichende Untersuchung. Wiesbaden, 1970.
Schlumberger — D. Schlumberger. Der hellenisierte Orient. Baden—Baden. 1969.
Schroeder. — L. von Schroeder. Mysterium and Mimus in Rigveda. Amsterdam, 1974 (Neudruck).
Seckel. — D. Seckel. The Art of Buddhism. N. Y., 1964.
Shaked. — S. Shaked. The Notions mēnōg and gētīg in the Pahlavi Texts and Their Relations to Eschatology. — «Acta Orientalia». Vol. 33, 1971.
Sharma. — G. G. Sharma. Kuṣāṇa Architecture with Special Reference to Kauśāmbi (India). — Kuṣāṇa Studies, ed. G. R. Sharma. Allahabad, 1968.
Shukla D. N. — D. N. Shukla. Vāstu-Śāstra. Vol. 1. Chandigrarh, 1961.
Shukla L. K. — L. K. Shukla. A Study of Hindu Art and Architecture with Special Reference to Terminology. Varanasi, 1972 («The Chowkhamba Sanscrit Studies». Vol. 82).
Sivarāmamutri, 1934. — C. Sivarāmamutri. Citraśālā-Ancient Art Galleries. — «Triveni», 7. Madras, 1934.
Sivarāmamutri, 1955. — C. Sivaramamutri. Sanscrit Literature and Art, Mirrors of India Culture. — MASI. № 73, 1955.
Spiegel. — F. Spiegel. Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen. Bd 2. Lpz., 1859.
Spooner. — D. B. Spooner. Excavations at Shah-jī dhērī. — ARASI, for 1908—1909, 1912.
Starr. — R. F. S. Starr. Nuzi. Vol. 1. Text; Vol. 2. Plates and plans. Cambridge, Mass., 1937.
Stein A. — A. Stein. An Archaeological Tour in the Ancient Persis. — «Iraq». Vol. 3. P. 2, L., 1936.
Stein O. — O. Stein. Arthaśāstra und Śilpaśāstra. — AO. 7, 1935, № 3; 8, 1936, № 1, 2; 10, 1938, № 1—2.
Strasburger. — H. Strasburger. Onesikrites. — RE, HLbd. Stuttgart, 1939.
Survey. — A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Ed. by A. U. Pope. Vol. 7. Tehran—London—New York—Tokyo, 1967 (reprint).
Taddei, 1962. — M. Taddei. An Ekamukhalinga from N. W. F. P. and Some Iconography and Style. — EW. Vol. 13, 1962, № 4.
Taddei, 1966. — M. Taddei. A problematical Toilet-Tray from Uḍergām. — EW. Vol. 16, 1966, № 1—2.
Taddei, 1979. — M. Taddei. The Story of the Buddha and the Scull-Tapper. A Note in Gandharan Iconography. — Annali Istituto Orientale di Napoli. Vol. 39. Fasc. 3 (Nuova Serie. Vol. 29), Napoli, 1979.
Tafazzoli. — A. Tafazzoli. A List of Trades and Crafts in the Sasanian Period. AMI. N. F. Bd 7 (1974), 1975.
Tarn. — W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Ed. 2. Cambridge, 1951.
The Questions. — The Questions of King Milinda. Transl. by T. W. Rhys Davids. Ox., 1890, 1894 (SBE. Vol. 25, 26).
Toll. — N. Toll. The Necropolis. New Haven. 1946 (The Excavations at Dura Europas. Preliminary Report on the Ninth Season of Work 1933—1936. Ed. by M. I. Rostovtzeff, A. R. Bellinger, F. E. Brown and C. R. Welles. P. 2).
Toumchouq. — Toumchouq. Planches. . . Édité sous la direction de L. Hambis. P., 1961 (Mission Paul Pelliot. 1).
Tarzi, 1976. — Z. Tarzi. Hadda à lumiere des trois dernières campagnes de fouilles de Tapa-é-Shotor (1974—1976). — CRAIBL. 1976.
Upadhyaya. — Bh. S. Upadhyaya. India in Kālidāsa. Allahabad, 1947.
Vanden Berghe. — L. Vanden Berghe. Archéologie de L'Iran Ancien. Leiden, 1959.
Vinaya. — Vinaya texts transl. from the Pāli by T. W. Rhys Davids and H. Oldenburg. P. 3. Ox., 1885 (SBE. Vol. 20).
Waddel. — L. Waddel. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Sec. ed. Cambridge, 1958 (reprint).
Wetzel, Schmidt, Mallwitz. — F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallwitz. Das Babylon der Spätzeit. B., 1957 (62 Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient Gesellschaft) («Ausgrabungen der Deutschen Orient Gesellschaft in Babylon». 8).
Wheeler, 1948. — M. Wheeler. Flames over Persepolis. N. Y., 1948.
Wheeler, 1959. — M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka. N. Y., 1959.
Wheeler, 1962. — M. Wheeler. Chārsada. A Metropolis of the North-West Frontier Ox., 1962.
Widengren. — G. Widengren. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.
Will, 1949. — E. E. Will. Le tour funéraire de Palmyre. — «Syria». T. 26, 1949, № 1—2.
Will, 1966. — E. Will. Roman Art of the Eastern empire. — «Encyclopaedia of world art». Vol. 12. New York—Toronto—London, 1966 (reprint).
Wulff. — H. E. Wullf. The traditional Crafts of Persia. Cambridge, Mass. and London, 1966.

Wycherley. — R. E. Wycherley. How the Greeks built cities. L., 1949. Yazdani. — G. Y a z d a n i. Adjanta. Vol. 4. Plates. London—New York—**Bombay,** 1946. Zaehner. — R. C. Zaehner. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. L., **1961.** Zend-Avesta. — The Zend-Avesta. P. 1. Transi, by Darmesteter. Delhi—Varanasi—Patha, 1947 (SBE. Vol. 4) (reprint).

На восточных языках

Музей — «Музей провинции Гуйчжоу. Раскопки ханьоких могил в окрестностях уездов Цинчжень и Пинба провинции Гуйчжоу». — «Kaogu Xuebao», 1959, № 1 (на кит. яз. с рус. резюме).

wJo tj^Cwui *гЛ^-кл* £>l£*e ^ ^UJijlS. Ji^j^T >*£ям*л* — «Proceedings of the **III**rd Animal Symposium ou Archaeological Research in Iran». Tehran, 1975 __ «Proceedings of the IVth Annual Symposium on Archaeological Research in Iran». Tehran, 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— «Археологические открытия». М.
АРТ	— «Археологические работы в Таджикистане». Душ.
ВАН	— «Вестник Академии наук СССР». М.
ВДИ	— «Вестник древней истории». М.
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб., ПГ.
ИООН	— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР». Душ.
ИРКСА	— «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». СПб.
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.—Л.
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
ЛО ИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР». М.—Л.
МКТ	— «Материальная культура Таджикистана». Душ.
МХЭ	— «Материалы Хорезмской экспедиции». М.
МЮТАКЭ	— «Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». М.—Л.
НАА	— «Народы Азии и Африки». М.
НС	— Новая серия.
ОНУ	— «Общественные науки в Узбекистане». Таш.
СА	— «Советская археология». М.
САИ	— «Свод археологических источников». М.—Л.
СГМИНВ	— «Сообщения Государственного музея искусств народов Востока». М.
СГЭ	— «Сообщения Государственного Эрмитажа». Л.
СНВ	— «Страны и народы Востока». Л.
СЭ	— «Советская этнография». М.—Л., М.
ТОВЭ	— «Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа». Л.
ТАН ТаджССР	— «Труды Академии наук Таджикской ССР». Сталинабад, Душанбе.
ТСАГУ	— «Труды Среднеазиатского государственного университета». Таш.
«Труды ТашГУ»	— «Труды Ташкентского государственного университета». Таш.
ТЮТАКЭ	— «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Аш.
ТХАЭЭ	— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». М.
УСА	— «Успехи среднеазиатской археологии». Л.
ЦАКЭ	— «Центральная Азия в кушанскую эпоху». М.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.—Л.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЮТАЭ	— Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция.
AAH	— «Acta Antique Hungarica». Budapest.
AI	— «Ancient India». Delhi.
AM	— «Asia Major». L. (Lpz.).
AMI	— «Archaeologische Mitteilungen aus Iran». B.
AO	— «Archiv Orientálni». Praha.
AOH	— «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae». Budapest.
AP	— «Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshawar». Peshawar.
APAW	— «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». B.
BEFEO	— «Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient». P.
BSOAS	— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». L.
CAJ	— «Central Asiatic Journal». The Hague—Wiesbaden.
CRAIBL	— «Comptes rendus des séances de l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres». P.
EA	— «Eastern Art». Philadelphia.
EW	— «East and West». Roma.

HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies». Cambridge, Mass.
IsMEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.
JA — «Journal asiatique». P.
JAOS — «Journal of the American Oriental Society». New York—New Haven.
JBBRAS — «Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society».
JISOA — «Journal of the Indian Society of Oriental Art».
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
MASI — «Mémoirs of the Archeological Survey of India». New Delhi.
MDAFA — «Mémoirs de la Délégation archéologique française en Afghanistan». P.
MRDTB — «Mémoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library)». Tokyo.
NC — «Numismatic Chronicle». L.
RE — «Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft». Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. B.
SBE — «Sacred Books of the East». Ox.
SPA — «A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present» Ed. A. U. Pope (reprint). Tehran—London—New York—Tokyo.
WZKSO — «Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens». Wien.
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig—Wiesbaden.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Аджанта 124
Аджина-тепе 164
Ай-Ханум 23, 26, 30, 33, 34, 64, 68, 78, 84, 86, 90, 100, 104, 106, 108, 111, 173
Айвадж 4
Айртам 26, 37, 70, 174
Айртамский могильник 59
Ак-тепе I 37, 38
Ак-тепе II 38, 54, 59, 70, 74, 161, 170, 174, 177
Аккурган 36, 59, 74
Аллахабад 126
Алтын-10 118
Амаравати 25, 173
Ампр-бобо 7
Амударья, р. 3, 4, 5, 7, 62, 71, 75, 81, 161, 162, 163, 164, 165, 173
Анатолия 97
Антиохия на Оронте 57
Аральское море 137
Арахозия 177
Арханикон 130
Арея 177
Ариана 176
Аруктауский могильник 59
Астана, могильник 174
Афганистан 52, 57, 82, 120
Афраспаб 120
Африка 53
Аштский район 162
Ашур 89, 90, 93, 95, 100, 103, 104
Аяз-кала III 71

Бабашовский могильник 54, 55, 138
Бабиш-Мулло 89, 104
Баг Гай 82
Бай-тепе 83
Байсун 3
Бактрийское царство 107
Бактрия 6, 25, 26, 51, 54, 55, 61, 77, 78, 82, 86, 89, 98, 99, 106, 107, 111, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 123, 131, 138, 165, 173, 175, 176, 177
Бактры 82, 131, см. также Балх
Бала-Хисар 79
Бальджуан 3
Балх 123, 178, см. также Бактры
Бандыхан 86, 89
Барат-тепе 26
Беграм 55, 57, 64, 78, 82, 128
Безымянное городище 26, 76, 77, 78
Бенгальский залив 137
Бишапур 113
Бише-Зард 92
Бишкентская долина 4, 26, 28, 34, 37, 59, 70, 74, 161, 174
Богуз 92
Богарак 26
Бухара 3, 4, 125
Бхархут 25
Бхилса 134
Бхир Маунд 126
Бхита 51, 124, 126, 127, 132
Бхопал 134

Вавилон 58, 102, 103
Вайшали 127
Вардхамана 134
Варка 54
Вахш, р. 3, 4, 5, 28, 34
Вахшская долина 36
Верблюжья горка 3, 4, см. также Уштур-мулло
Видиши 134
Вичп 126
Ворух, могильник 52, 54
Восточное Средиземноморье 57, 97, 137
Восточный Туркестан 22, 52, 174

Ганг, р. 121
Гандхара 22, 78, 79, 82, 173
Гарав-кала 163, см. также Яванское городище
Гардани Хисор 65
Гарры-Кяриз 119
Гела 115
Гиндукуш 161
Гиссарская долина 26, 34, 120
Гиссарский край 3
Гиссарский хребет 162, 165
Греко-Бактрия 122
Гяур-кала 64

Дальверзин-тепе 23, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 52, 56, 60, 70, 71, 74, 77, 84, 86, 88, 89, 90, 98, 106, 111, 114, 116, 119, 120, 121, 125, 129, 132, 165, 174, 177
Дамкот 55
Дарахша-тепе 38
Дешапура 134
Джанбас-кала 57
Джин-тепе 25
Джукар 78
Дильберджин 36, 37, 52, 55, 59, 119, 174
Дрангиана 177
Древний Восток 128
Дура-Европос 57, 92, 95, 96, 97, 102, 103
Дурман-тепе 55, 58

Евразия 117
Евфрат 92
Египет 56, 77
Емши-тепа 37
Ер-Курган 119, 120
Жига-тепе 37, 82, 174

Западная Европа 133
Западная Парфия 58
Зар-тепе 23, 36, 55, 82, 119, 120, 121, 125

Илан-тепе 26
Инд, р. 25
Индия 23, 58, 77, 78, 117, 122, 123, 125, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 137, 173, 179
Иран 36, 82, 90, 91, 97, 98, 107, 112, 113, 114, 117, 125, 135, 136, 137, 177
Иранское нагорье 107
Истахр 98, 113
Исфахан 112

Йезд 112
Йорган-тепе 102, 103

Кабул 82
Кайрагач 52
Калаи-мир 29
Калаишодмон 24
Калалыгыр 64
Камарин 115
Каменное городище 4, 28, 34, 165
Каписа 55, 82
Кара-тепе 23, 37, 74, 119, 131
Карабагтепа 29, 128
Карли 25
Катта-Джелаир 175
Кафирниган, р. 3, 4, 5, 7, 37, 38
Кафыр-кала 164
Качча Кот 126
Кашкадарья, р. 120
Кей-Кобад-шах 26, 29, 33, 36, 38, 65, 120, 128, 165
Керман 112
Кизыл 99
Китай 122
Клыч-Дувал 38, 161, 170
Кобадиан 7, 28, 29, 30, 36, 37, 38, 173, 174
Кобадианский оазис 3, 4, 38, 59, 76, 172
Кобадианский район 172
Кой-Крылган-кала 55, 57, 104, 105
Колхапур 127
Колхозабад 164
Кондапур 58
Ктесифон 100, 103
Куджала-кум 7
Куль-тепе 26
Кулябская область 26
Кутлуг-тепе 118
Кухна-кала 128
Кухна-Масджид 82
Кушанское царство 121, 162, 163, 164, 165
Кызыл-тепе 118
Кызлар-кала 5, 7, 79, 80, 81, 161, 171
Кюзели-Гыр 89

Лагман 3
Ленинабадская область 162

Мансур-депе 104
Мараканда 117, см. также Самарканд
Маргиана 25
Матхура 25
Мерв 91, 97, 125, 132
Месопотамия 57, 77, 82, 90, 97, 100, 104, 106, 108, 118, 137
Миран 22, 128
Мирзакул-тепе 21, 37, 173, 174
Миршадейский оазис 118
Михрдаткирт 131
Москва 4
Муг 180
Мунчак-тепе 38, 164
Мцхета 56

Нагарджунаконда 25
Насика 134
Нахри-Калон, канал 7
Непал 172
Нешабах 92
Нимруд 102, 103, 104
Ниппур 90, 98, 175
Ниса 91
Нишапур 125
Новабад 161
Новая Ниса 91

Обихингоу, р. 130
Олинф 115

Пальмира 89, 92, 95, 96, 97
Памир 130, 165
Парфянское царство 120
Пархарский район 26, 165
Пасаргады 97
Пасха, о-в 53
Патта-тепе 70, 161, 171
Пенджаб 121
Пенджикент 71
Персия 107
Пешавар 121
Пешаварская долина 121
Приаралье 104, 106
Причерноморье 52
Пяндж, р. 3, 26

Раджагриха 127
Римская империя 56

Сака 122
Саксанохур 37, 70, 119, 132, 174
Самарканд 117, 179, см. также Мараканда
Самбхар 127
Санчи 25, 134
Сват 78, 172
Северный Афганистан 5, 28, 163
Северная Бактрия 23, 27, 28, 29, 32, 34, 36, 70, 71, 77, 83, 174
Северная Греция 90
Северная Индия 6, 117, 120, 121, 126
Северное Причерноморье 57, 58, 117, 174
Северный Тохаристан 164
Северо-Западная Индия 56, 77, 78
Селевкия на Тигре 54, 100, 103
Сиалкот 122
Сибирь 52
Синд 78
Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР 174
Сирия 97
Сиркан 24, 55, 77, 82, 126, 175
Сирсух 82, 126
Систан 106
Сисупалгарха 127
Скифия 117
Согд 111, 118, 177
Сонкх 24
Средиземноморье 25, 89
Средняя Азия 3, 5, 6, 23, 24, 28, 31, 34, 52, 53, 54, 58, 64, 81, 82, 98, 99, 100, 104, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 178, 180
Средний Восток 82

Старый Термез 37
Сузы 91, 98, 114, 176
Султан-кала 91
Султана Санджара мавзолей 91
Сурх Котал 78, 128
Сурхандарьинская область 3, 23, 26, 57, 83, 86, 120
Сурхандарья, р. 29, 32, 33, 37, 74
Сырдарья, р. 52

Тагискен, могильник 104
Таджикистан 29, 61, 78, 119
Таджикская ССР 3
Таксила 23, 56, 77, 78, 126, 129, 131, 132, 165
Тахти-Кувад 3, 161, 164, 170
Тахти-Сангин 116, 119, 165, см. также Каменное городище
Ташкент 3, 125, 129
Тепаи Шатор 176
Тепаи-шах 5, 6, 7, 21, 23, 26, 27, 28, 34, 36, 37, 50, 52, 53, 59, 60, 62, 68, 79, 81, 82, 83, 84, 86, 97, 98, 104, 105, 106, 110, 111, 114, 115, 116, 138, 145, 149, 161, 163, 164, 167, 168, 177
Термез 3, 26, 119, 120, 132, 178
Тешикташ, хребет 5
Ток-кала 177
Топрак-кала 64, 119, 121, 125, 128, 131, 132, 179
Тохаристан 27, 70, 71
Трансоксиана 163, 173
Тулхарский могильник 29, 31, 34, 54, 58, 59, 68, 138
Тумшук 23
Туп-хона, могильник 28, 29, 34, 54, 61, 111, 138, 165, 176
Туркестан 3
Туркестанский край 3
Турция 56

Удергам 79, 128, 175
Узбекская ССР 26
Ур 104
Уштур-мулло 3, 5, 7, 71, 75, 76, 175, см. также Хушдор-мулло и Верблюжья горка

Фарс 92
Фаяз-тепе 23, 98, 100, 119
Фергана 52, 99, 117

Хадда 23, 99, 174
Халибие 92
Халчаян 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 119, 128, 173, 174
Хан-Газа 37, 174
Ханакатепе 128
Хатра 77, 89, 90, 93, 95, 97, 176, 180
Хатын-Рабат 26, 51, 70
Херсонес 59
Хирман-тепе 5, 7, 62, 65, 68, 70, 75, 81, 98, 100
Хишт-тепе 5, 7, 59, 60, 71, 74, 75, 81, 83, 161, 169, 170
Ходзо, см. также Дальверзин-тепе 32
Хорезм 30, 64, 89, 111, 115, 117, 118, 119, 175, 177
Хорог 162
Хотан 23
Хульбук 104
Хумдон-тепе 161, 171
Хушдор-мулло 172, см. также Уштур-мулло

Центральная Азия 5, 22, 82, 89, 99, 100, 117, 174

Чакалак-тепе 36, 55, 57, 74
Чарсада 79, 126
Чильучорчашма 38
Чимгалыш-тепе 37
Чим-курган 24, 34, 129
Чингиз-тепе 4
Чирик-Рабат 89, 104

Шаартузский район 5, 6, 161, 172
Шах, оазис 3, 5, 6, 7, 81, 83
Шахри-Бану 52
Шахри-Кумис 98
Шахринау 120
Шахринауское городище 120
Шейхан-дхери 126
Шираз 112
Шодмон-кала 59
Шор-тепе 166
Шорчук 23
Шур-тепе 38
Шурчи 26

Эклида 112

Южный Таджикистан 3, 5, 24, 26, 28, 36, 76, 120, 161, 164, 174, 176, 177
Южная Туркмения 90, 91, 98, 120
Южный Узбекистан 5, 28

Яван 37, 77, 78
Яванское городище 21, 36, 37, 55, 74, 76, 163, 174
Яванская долина 163, 164
Ялангтуш-тепе 57

Aśmaka 129
Kaliṅganara 127
Kusumapura 122
Ṇoacha 131
Puṣkalavati 129
Sāgala 122
Vichi 126

SUMMARY

On the lower Kafirnigan, in the south-western part of the Tajik SSR, lies ancient Kobadian. Part of it is the small Shah oasis, located somewhat apart east of the confluence of the Kafirnigan and the Amu-Darya, where the skerry Ushtur-Mullo (Camel's Hill) dominates the scene. More than 100 years ago Russian travellers and explorers noticed ruins of ancient settlements here. In 1972 an archaeological expedition led by B. A. Litvinsky made a detailed survey of the ancient monuments of this microoasis. The basis of the present monograph is formed by the complete publication of the materials of excavations performed on the fortified settlements of Tepai-shah — the ancient centre of the oasis — and of its necropolis.

Chapter One written by B. A. Litvinsky and A. V. Sedow. Three large excavation sectors have made it possible to disclose the stratigraphy of the settlement's central part and its general layout. The researchers have disclosed the presence of two main construction periods, which were found to go into a fairly limited chronological range. The protrusion of a fluvial terrace above the flood—plain chosen for the settlement's central part was originally levelled the removed earth forming something like a rampart around the area. The defence walls, just as the round corner towers, were monolithic, apparently with battle platforms stretching on top. Central to the layout was a rectangular yard. The buildings surrounded it skirting the walls. The premises unearthed in Excavation Sector One had an economic designation whereas Excavation Sector Two was found to contain depositories and dwellings. In size and interior was identified Premise 3a. Fragments of a Buddhist-like sculpture discovered in its isolated north-eastern section suggest the presence of a small domestic shrine.

A catalogue of finds discovered in Tepai-shah and a detailed outline of a pottery collection are listed in Appendix One. An all-round analysis of a number of objects of material culture (predominantly, ware and coins) has made it possible to date central fortified part of Tepai-shah to the 2nd-mid-4th centuries A. D. In a section devoted to dating A. V. Sedov analyses a number of basic chronological scale suggestions for Kushan monuments of northern Bactria—Tokharistan (Kobadian 1—5, Khalchayan, Dalverzin-tepe, Yavan'site). The principal objections are raised by the dating of the Khalchayan strata as suggested by G. A. Pugachenkova. It appears that the analysis of the published excavation data does not suggest that the Khalchayan palace antedated the 1st-2nd centuries A. D. In considering the «Kobadian column» of M. M. Dyakonov the authors adhere to a suggestion of T. I. Zeimal for integrating the stages of Kabadian 2—4 into one stage. The excavation data on Tepai-shah and other Kushan monuments of Kobadian oasis conform her hypothesis.

350 m west of the settlement's central part stands the necropolis. Four burial structures known as nauses have been unearthed on its territory. Two have been found to be in a good state of preservation. Structure One represents a onechamber building with an entrance facing the north and a portal. The internal rectangular (3, 16 by 4, 8 m) premise had a tall (0, 42 m) and wide (0,95—1,0m) sufa stretching along all its walls. In the premise, on the floor and on the sufa surface were performed burials of crania and bones cleaned of the soft tissues with an abundance of accompanying paraphernalia (pot-

tery, decorations, coins, etc.). Building Two had a more complex layout. Erected on a pakhsa stylobate, it formed two rows of opposite symmetrical square chambers (2,1—2,2 by 2,1—2,3 m) linked by a corridor 1,65—1,7 m wide. The entrance to the building, with its walls on two sides, was located in the northern wall and led to the corridor. In the chambers (two southern ones have survived only partially) and the corridor was performed the burial of crania and bones. At times parts of dead bodies must have been laid as well (bones of legs and pelvis, spinal column and bones of arms, which lay in the anatomical order, have been cleaned). More than 50 crania have been discovered. The partial state of preservation of the building suggests their greater number. The burial paraphernalia are represented by pottery, decorations, coins, etc. (a catalogue of the finds of the objects unearthed from the nauses is listed in Appendix One). A detailed analysis of the objects of material culture has led to the assumption that the necropolis functioned from the end of the 1st century B. C. to the 4th—5th century A. D.

Other monuments of the Shah oasis go back to various historical periods. Close to the early mediaeval fortified settlement of Kyzlar-Kala were unearthed two burial grounds of the Bronze Age (one double, with an amazing wealth of accompanying paraphernalia). In the Khirman-tepe group of monuments were explored remnants of an Achaemenian settlement. Other discoveries made here were a small Kushan estate and a kiln (synchronous to Tepai-shah) and a press—house dating from the early Middle Ages (on Patatepe). South of Tepai-shah, directly on the Amu—Darya bank, were explored the settlement of Khisht-tepe, whose lower strata go back to the Kushan period, and a small vihara Ushtur—mullo, built in the first half of the 1st millennium A. D.

The study of the archaeological monuments has suggested that the flowering of the oasis culminated in the Kushan period, when it increased its population and number of settlements. That was when (apparently, not before the 2nd century A. D.) the Kushan settlement in the Khirman-tepe group and the fortified part of Tepai-shah were built and Khisht-tepe was in existence. In the same period on a high place not far from the Amu-Darya bank the vihara was put up. Judging by the contibuing functioning of the necropolis, Bactrian variant of Zoroastrianism remained the religion of the greater part of the population.

C h a p t e r T w o, written by B. A. Litvinsky, looks at some problems of Bactrian—Kushan burial beliefs and rites. Its first part, with the necropolis of Tepai-shah as an example, represents an endeavour to explore the genesis and semantics of the Bactrian burial rite in nauses. There is a brief outline of similar buildings of the previous period (Ai-Khanum) and synchronous to those of Tepai—shah (Dalverzin-tepe and Bandykhan). The author discusses standpoints on the problem of genesis of Bactrian burial structures traceable to archaelogical writings. According to one (P. Bernard), the determining influence on the rise development of Bactrian surface tombs was exercised by similar buildings of Parthian architects. In this context the author makes a detailed study of the entire multiform Parthian material. The outline follows the types: one-storeyed surface tombs (Nippur, Susa, Nysa, Merv, Fars), surface tower tombs with loculi giving out on the facades (Dura-Europos, Baghouz, Palmyra), twostoreyed surface tombs (Assur, Hatra). A comparison of Bactrian and Parthian customs and buildings discloses correspondences and parallels at different levels: in burial buildings, including in their architecture, specific forms of the burial rite and individual important details. Indicative is this respect is the comparison of the brick sepulchres-sarcophagi of Bactria (Ai-Khanum, Toop-khona) and Parthia (Ctesiphan, Yorgan-tepe, Dura-Europos, Babylon, Nimrud, Assur, Seleucia on the Tigris). This comparison has made it possible to suggest that the placing of dead bodies in under-surface brick sepulchres-sarcophagi may have been borrowed by the Bactrian Greeks from Mesopotamia, following which it took on in Bactria and exhibited some local transformation. On the

other hand, the cross—shaped composition and layout of Tepai-shah Building Two has an ancient Central Asian genesis (Chirik-Rabat, Babish-mulla II, Tagisken, Koy-Krylgan-kala, Mansur-depe). Thus, the study has disclosed an organic relationship between the East—Parthian and Bactrian—Kushan burial architecture. At the same time, Kushan-Bactrian architecture was fed by several sources, both Bactrian and, apparently, all-Central-Asian evolving, by synthesis and internal evolution, several types of burial structure.

The second part of the chapter surveys Zoroastrianism in Bactria (in the context of the study of the burial rite). There is a detailed analysis of the well—known statement of Onesicritus about the Zoroastrian burial rite performed in Bactra as cited by Strabo (XI, II, 3). In the light of this statement and some other evidence the author discusses details of the burial methods adopted by the Zoroastrians. An analysis of the possibilities of interpreting the term uzdāna makes it entirely obvious that this Avestan term, which survived even in the first millennium A. D., can be applied to the Tepai-shah, Dalverzin and other Bactrian tombs. It follows that such structures were nauses which in turn reveals the existence in Kushan-period Bactria of the Zoroastrian burial rite with a preliminary exposure of the dead bodies. At the same time, an analysis of Avesta shows that the Zoroastrians also practise other burial methods. Thus, a Bactrian Zoroastrian rite included several types of burial, among them one with a preliminary exposure of the dead bodies (in the uzdāna structures and outside them, in khums, ossuaries, etc.), inhumation with various types of tomb structure, etc. The author develops the concept that the Bactrian Zoroastrians of the Kushan period, alongside burial of pre-cleaned bones in nauses, widely practised various forms of inhumation. An analysis of Kushan-period monuments as well as of written and iconographic materials suggests that a significant proportion of the Bactrian population of the Kushan kingdom professed the local variety of Zoroastrian religion, with an intense current of pre—Zoroastrian Iranian beliefs. Furthermore, a substantial role was played by Buddhism. Christianity and Manichaeism had also become widespread by the end of the Kushan period.

Chapter Three, also wholly authored by B. A. Litvinsky, touches on some problems of the evolution of the town in the Central Asia and Northern India of the Kushan period. Drawing on wide-ranging archaeological (Central Asian and India) and written (Milindapañha, Arthaśāstra, etc.) source materials, the author analyses various aspects of the urbanistic civilization of the vast Kushan kingdom, which united many areas of Central Asia, Afghanistan and Northern India. The Central-Asian—Indian parallels are explained by the presence of a common substratum, identical external influences, a typologically similar socio-economic situation and interinfluences. In many instances these factors formed a complex web. Processes of urbanization in Kushan Central Asia also reveal close parallelism with the Iran and Mesopotamia of the Parthian period. A parallel study of the town of ancient Central Asia and neighbouring Eastern countries furnishes a deeper insight into the social and cultural role of the town making it possible to disclose the general and the specific in the history of the town on different territories and trace their relationships and interinfluences.

The book is concluded by two appendices. Appendix One contains catalogues of the finds discovered in the fortified settlement and necropolis of Tepai-shah. Appendix Two represents a register of the coins discovered in the Shaartuz District of the Tajik SSR (ancient Kobadian) in 1972, written by E. V. Zeimal. A text which introduces the register constitutes an endeavour to offer an objective appraisal of the potential for dating the Kushan and post-Kushan coins which are discovered in the strata of archaeological monuments.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

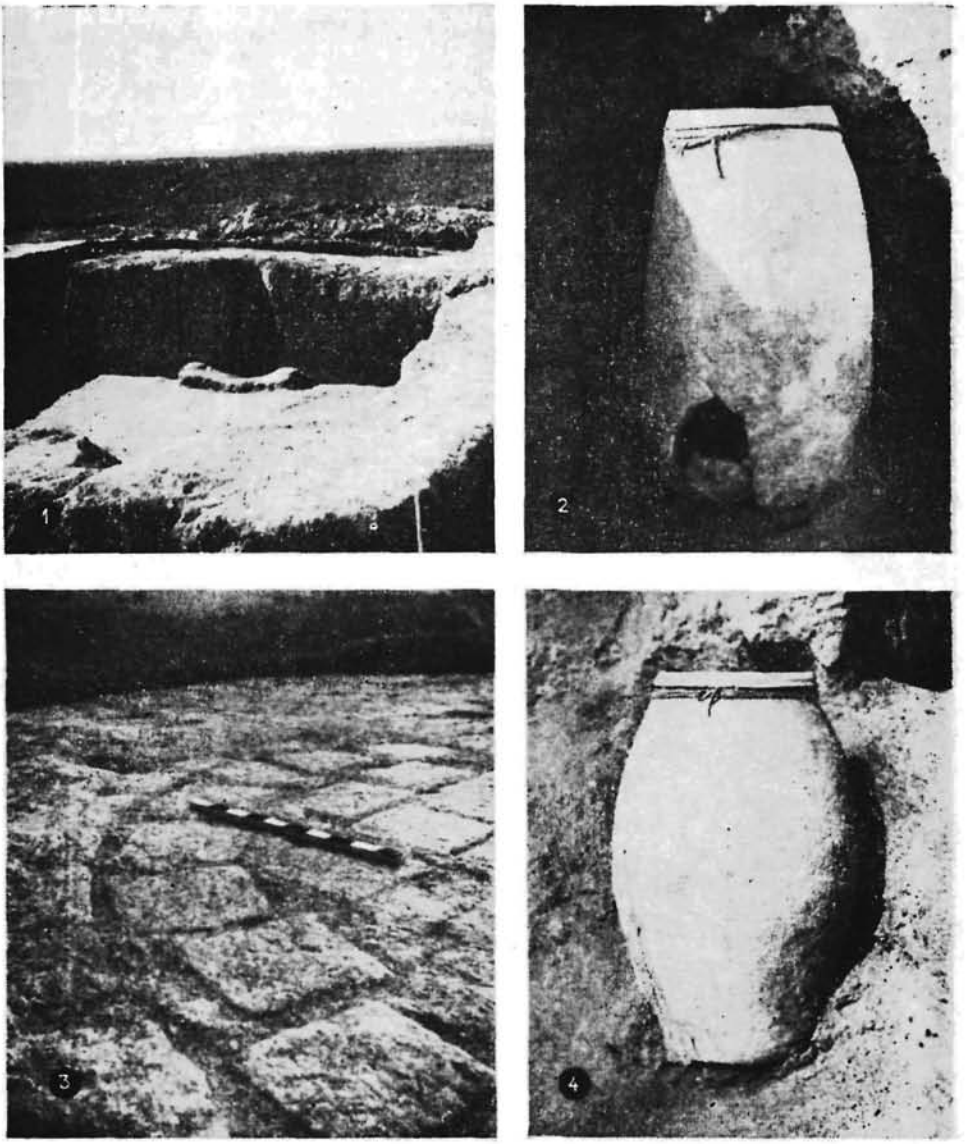

Табл. I. Памятники оазиса Шах:

1 — усадьба Хирман-тепе, очаг в помещении II; *2, 4* — городище Тепаи-шах, хумы из помещения I (раскоп 1); *3* — городище Тепаи-шах, кладка массива угловой башни.

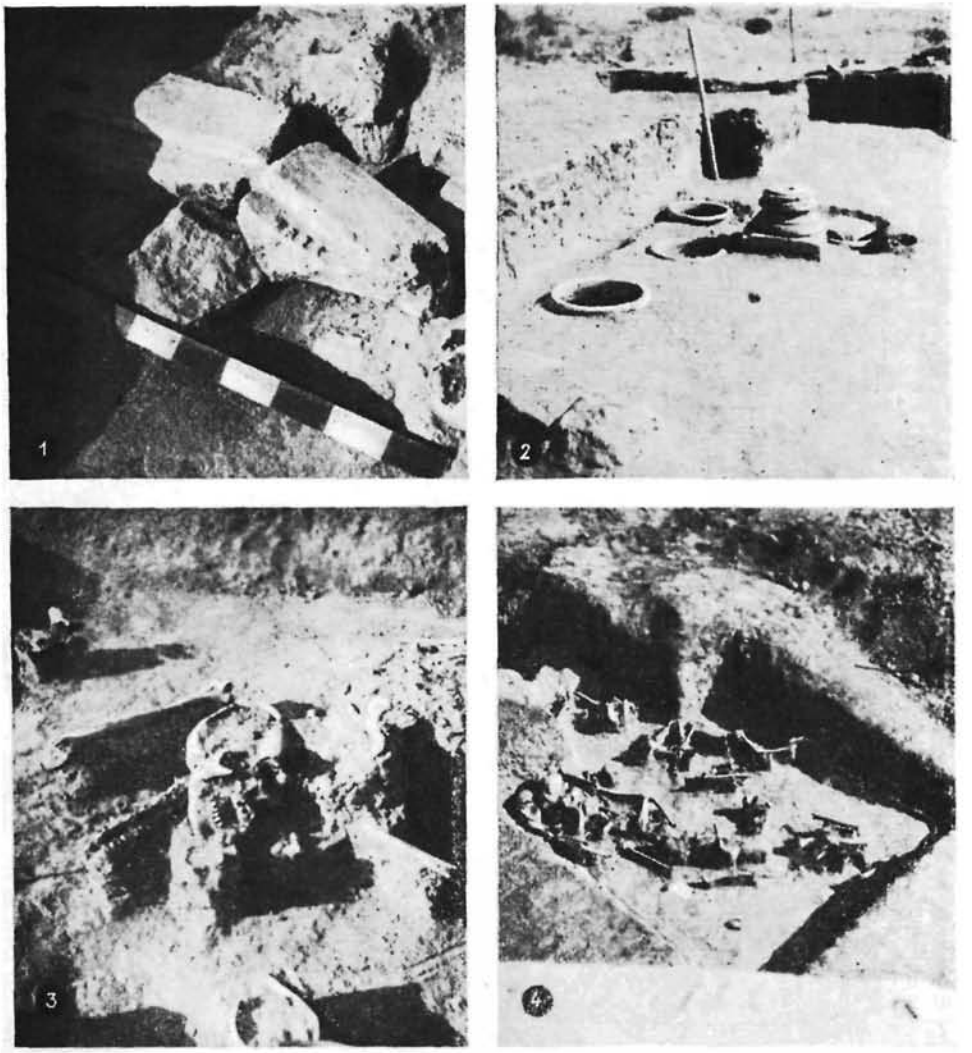

Табл. II. Тепаи-шах:

1 — некрополь, сооружение I, каменный порог; *2* — городище, раскоп 2, часть помещения IIIа; *3*, *4* — некрополь, сооружение II, захоронения в камере II.

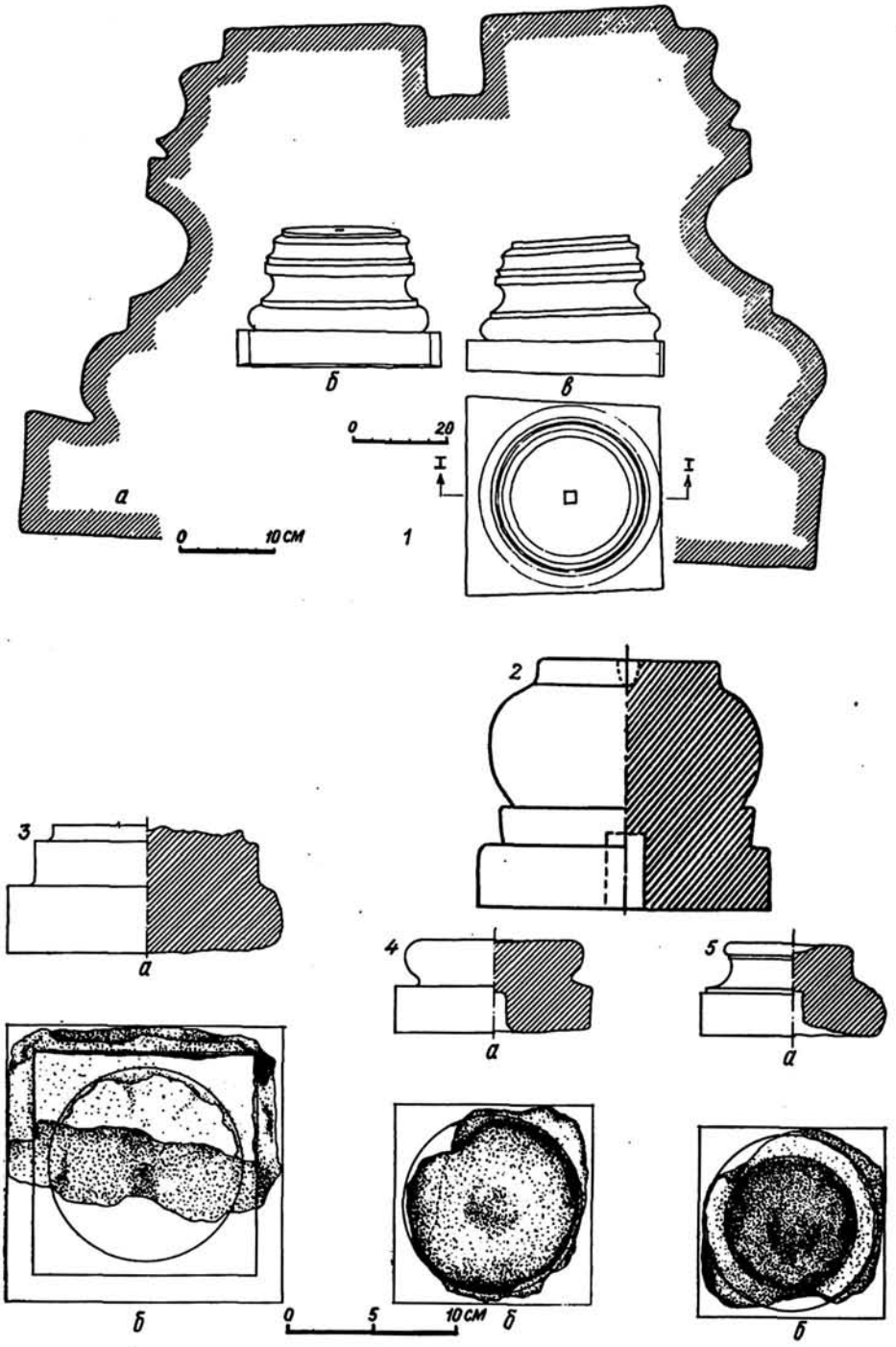

Табл. III. Городище Тепаи-шах:

1а—в — база колонны из помещения IIIа (раскоп 2); *2—5* — микробазы.

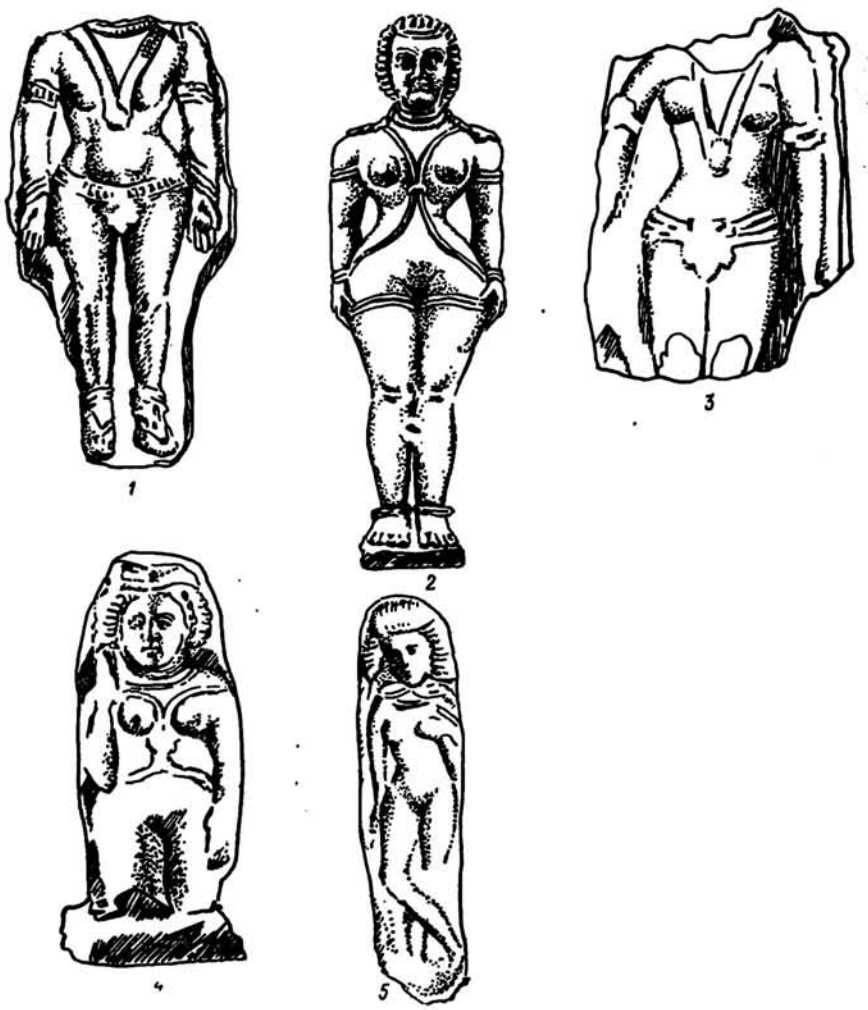

Табл. IV. Терракоты с изображением женского божества:

1 — городище Тепаи-шах, раскоп 1, помещение XII; *2* — Сиркап; *3* — Зар-тепе; *4* — Джин-депе; *5* — Гяур-кала.

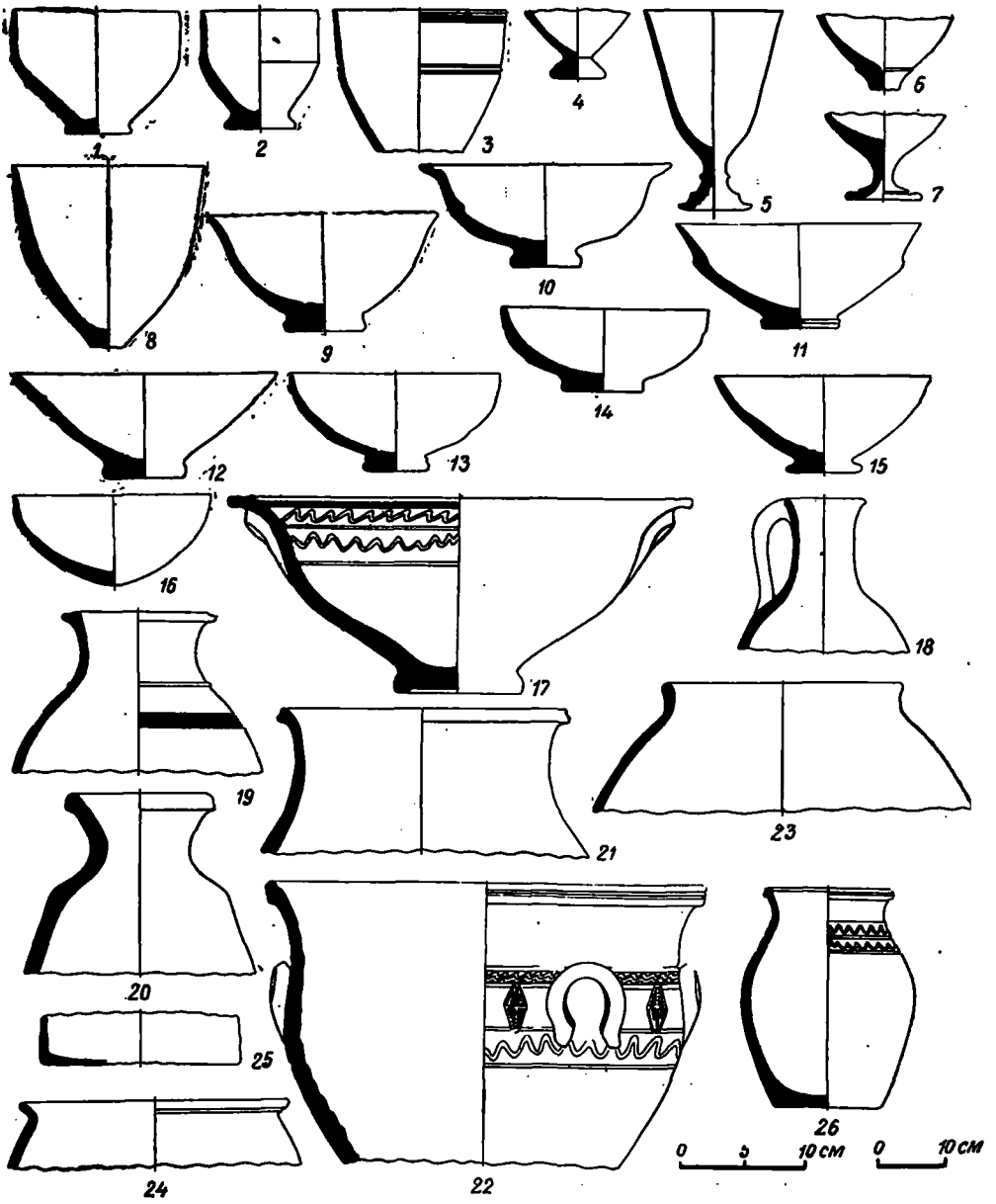

Табл. V. Усадьба Хирман-тепе. Керамика:

1—8 — бокалы; *9—12* — миски; *13—16* — чаши; *17* — тагора; *18—20* — кувшины; *21* — горшки; *22* — «кратеры»; *23—24* — кухонная керамика; *26* — хумча с детским захоронением.

Табл. VI. Поселение Хишт-тепе. Находки:
1 — фрагмент каменной скульптуры; *2* — терракота.

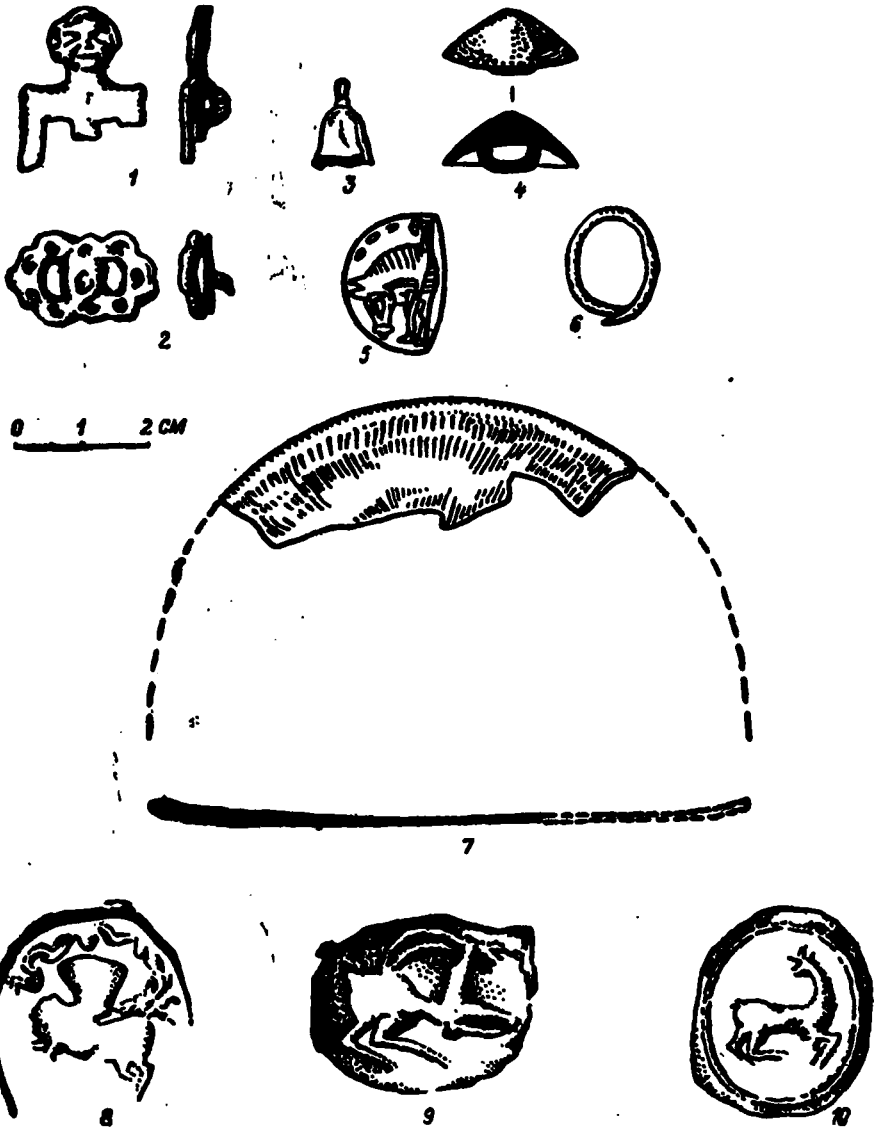

Табл. VII. «Мелкие» находки и оттиски на жженых кирпичах:

1, 2, 5 — поселение Хишт-тепе; *3, 4, 8—10* — городище Тепаи-шах; *6—7* — некрополь Тепаи-шах, сооружение IV.

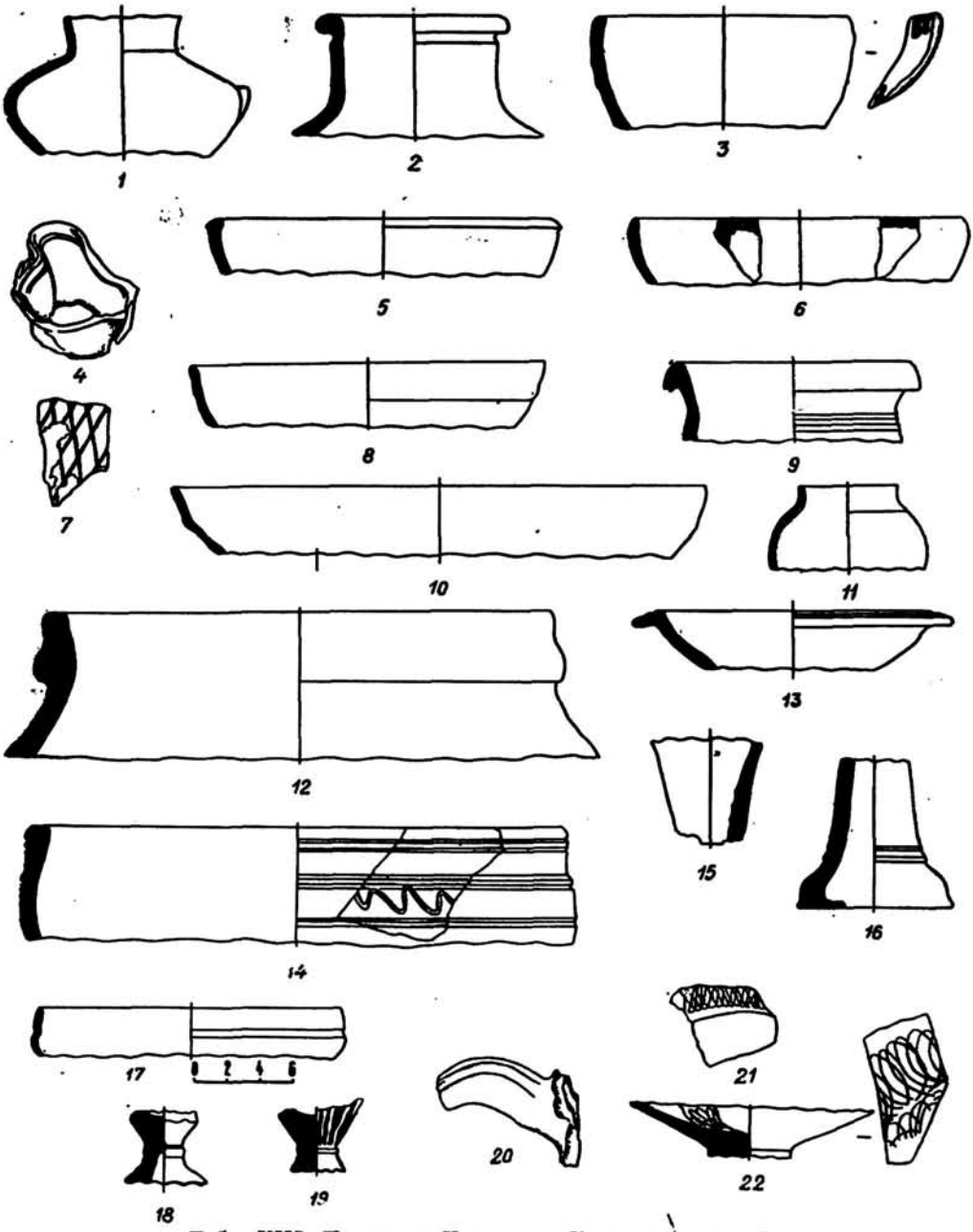

Табл. VIII. Поселение Хишт-тепе. Керамика из шурфа:

1—8 — I и II ярусы; *10, 12, 13, 15* — III и IV ярусы; *9, 11, 14, 16—22* — V и начало VI ярусов.

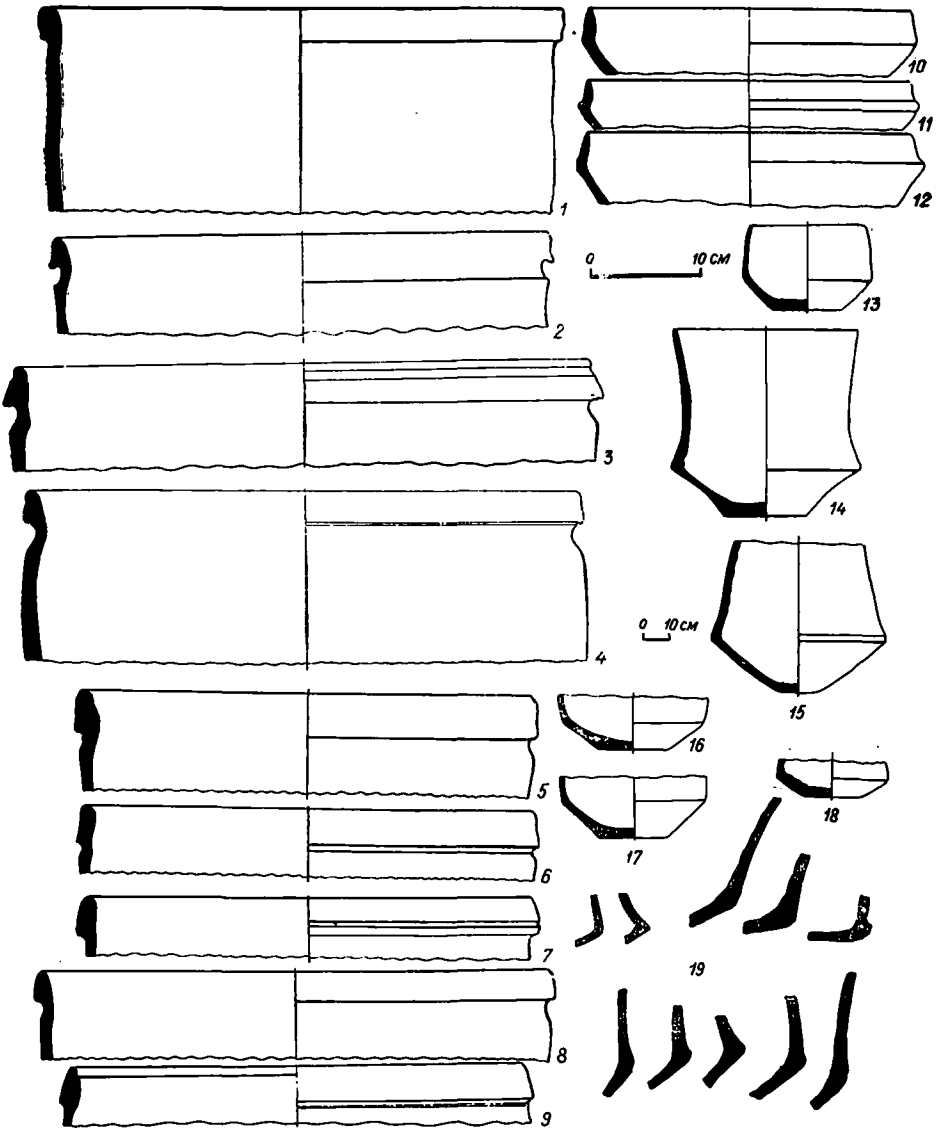

Табл. IX. Поселение ахеменидского времени:

1—19 — керамика.

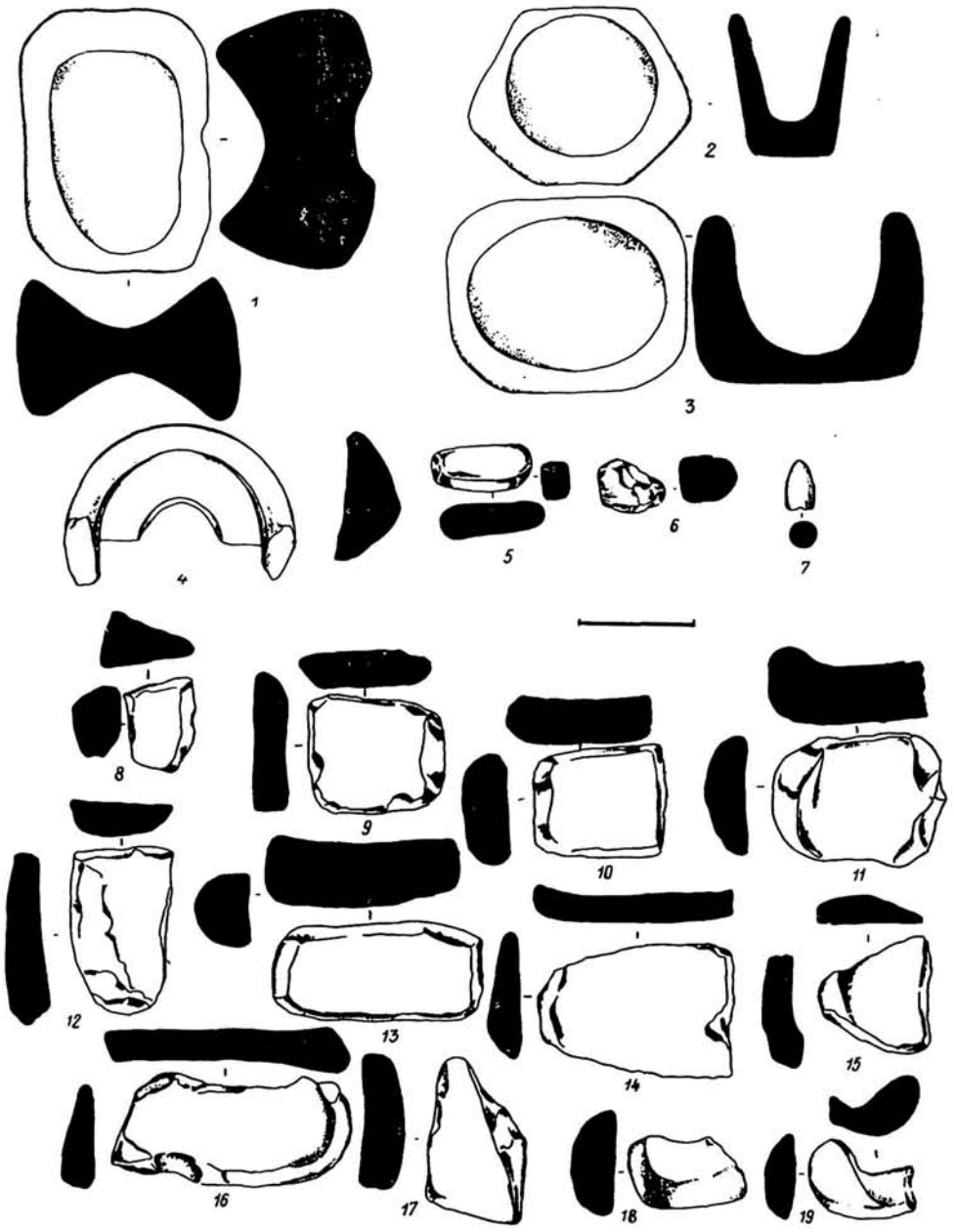

Табл. X. Поселение ахеменидского времени:

1—4 — ступки; *5—7* — пестики и курганы; *8—19* — зернотерки (все — камень).

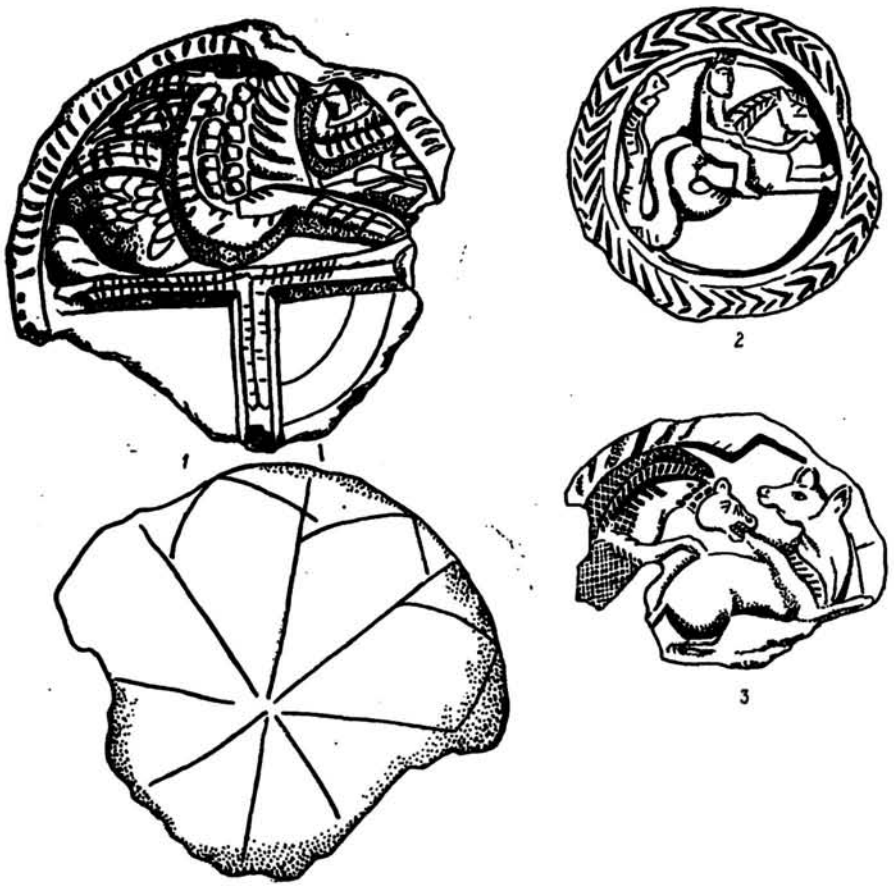

Табл. XI. «Туалетные» диски:

1 — поселение Безымянное; *2* — Яванское городище; *3* — Уштур-мулло.

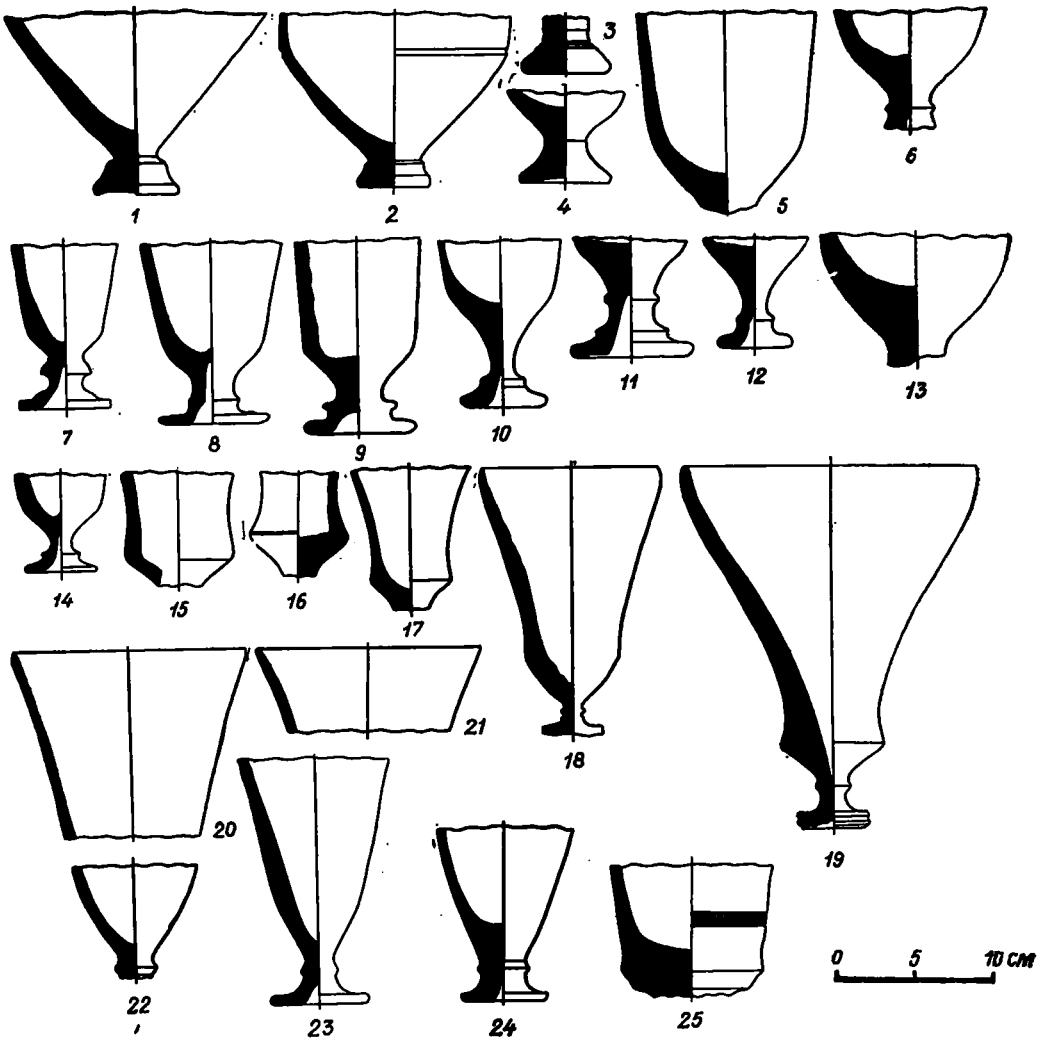

Табл. XII. Керамика городища Тепан-шах:

бокалы. Первый период — *4—12*, *15—17*, *20—22*; второй период — *1—3*, *13*, *14*, *18*, *19*, *23*, *24*.

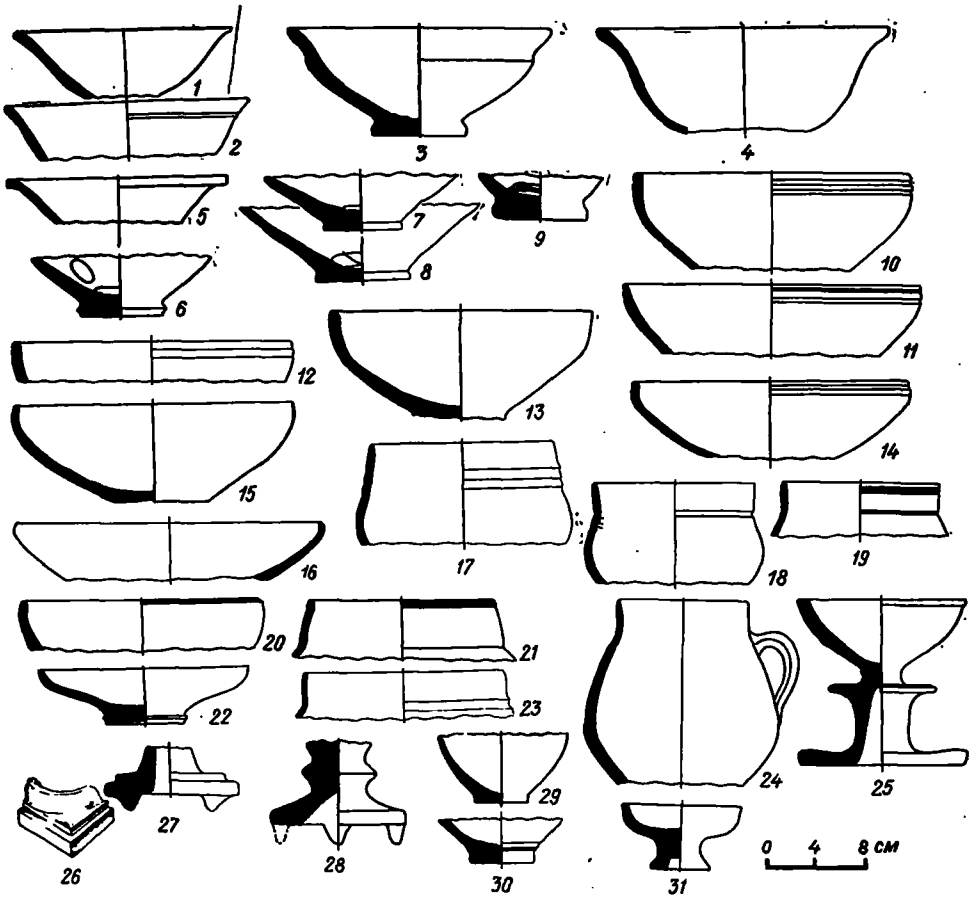

Табл. XIII. Керамика городища Тепаи-шах:

миски, чаши, кружки, курильницы. Первый период — *1—4, 7—13, 19—21, 24, 25, 27—29*; второй период — *5, 6, 14—18, 22, 23, 26, 30, 31.*

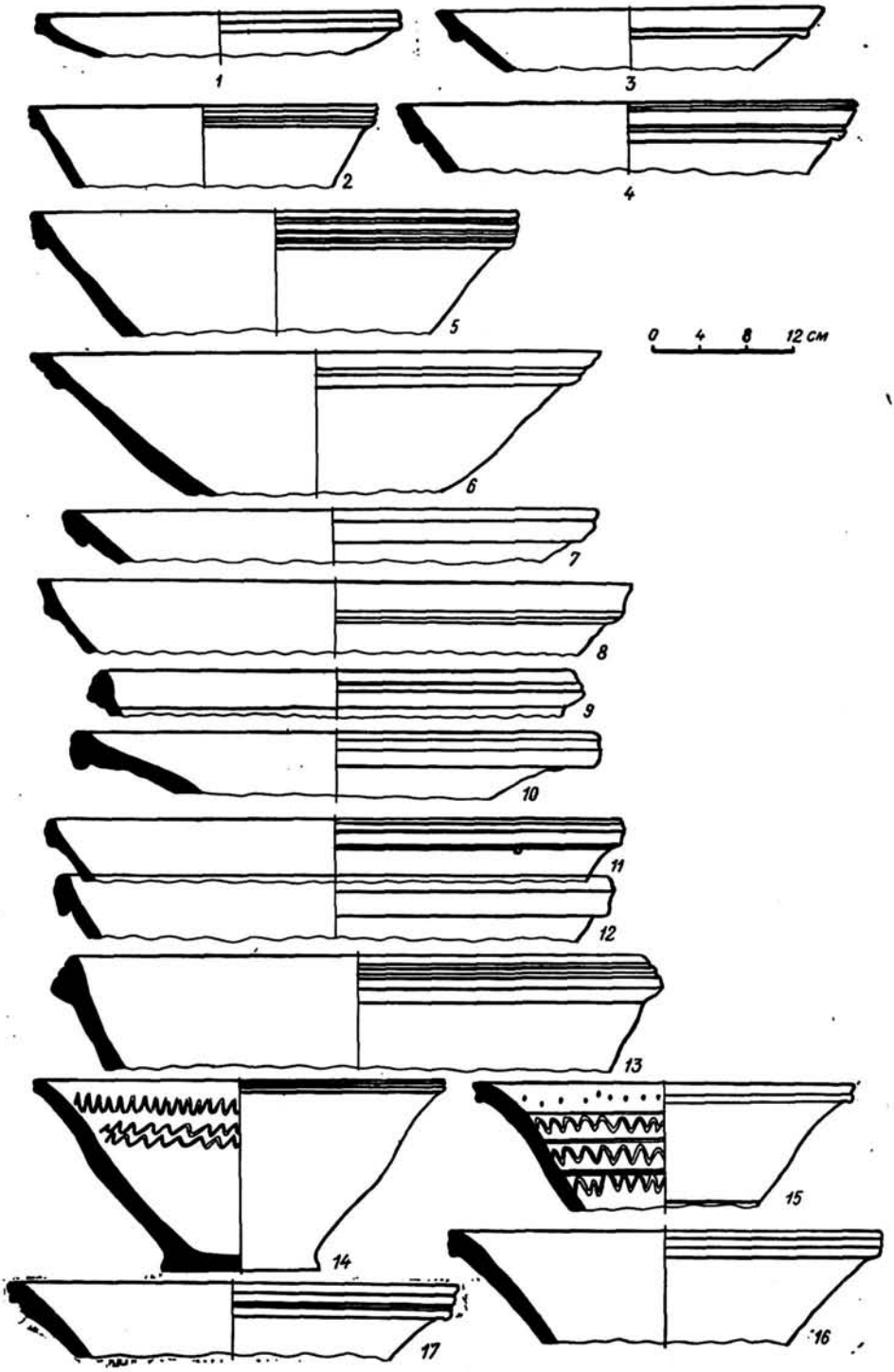

Табл. XIV. Керамика городища Тепаи-шах:
тагора. Первый период — *1—8*, *14—17*; второй период — *9—13*.

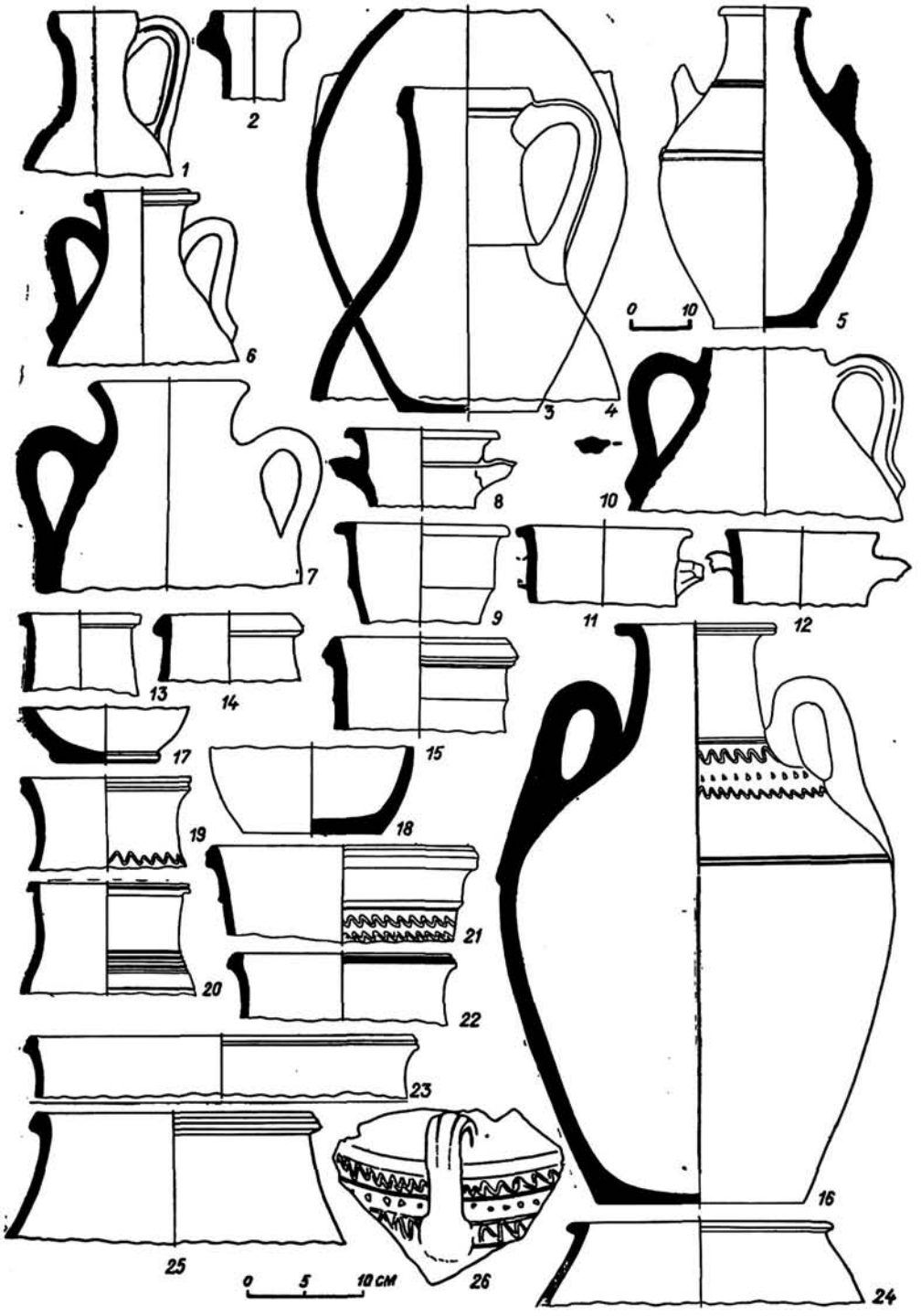

Табл. XV. Керамика городища Тепаи-шах:

кувшины, горшки, широкогорлые сосуды. Первый период — *1, 2, 5—9, 19—21, 24*; второй период — *3, 4, 10—18, 22, 23, 25, 26*.

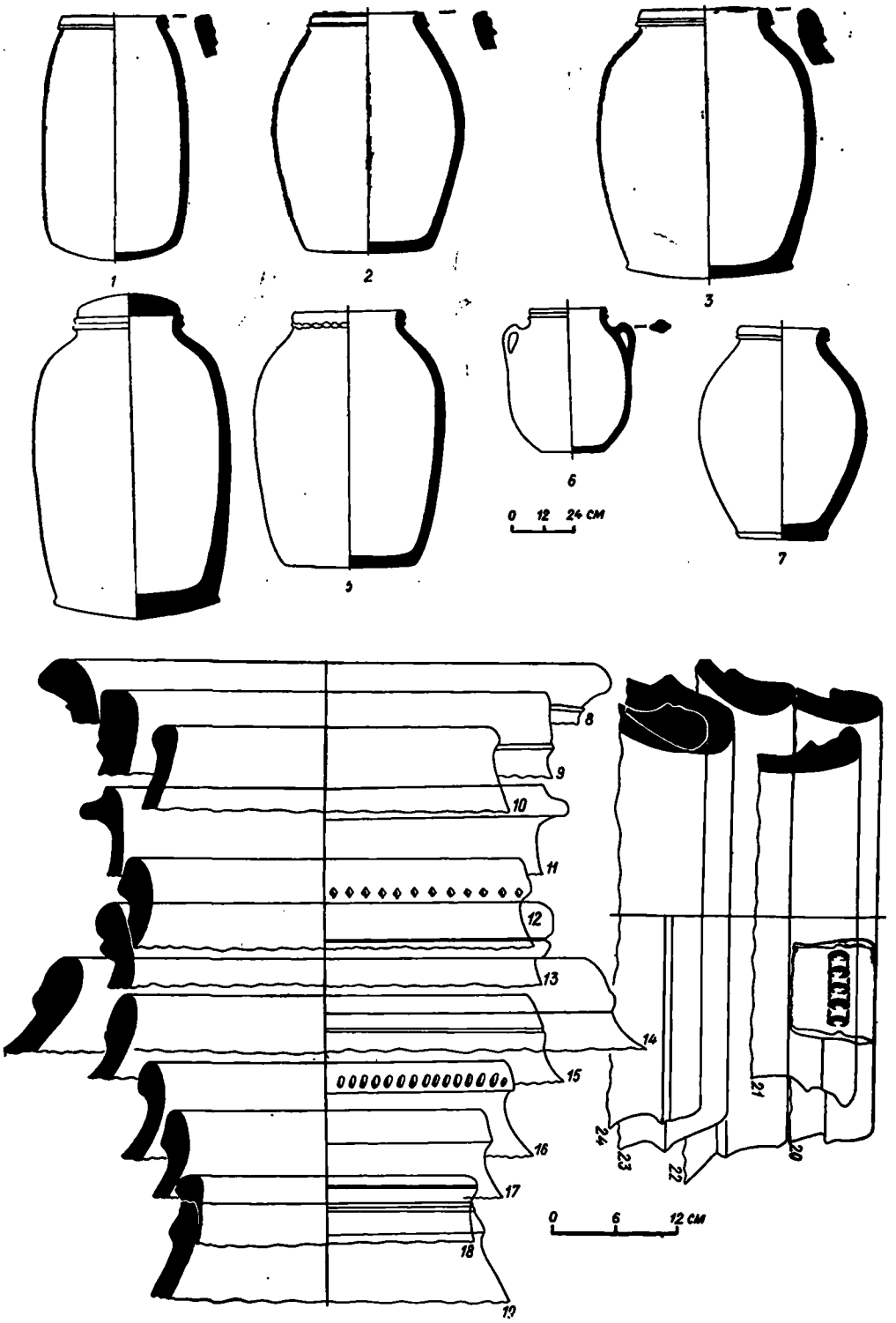

Табл. XVI. Керамика городища Тепаи-шах:

хумы и хумчи: *1—7* — целые сосуды; *8—24* — венчики сосудов.

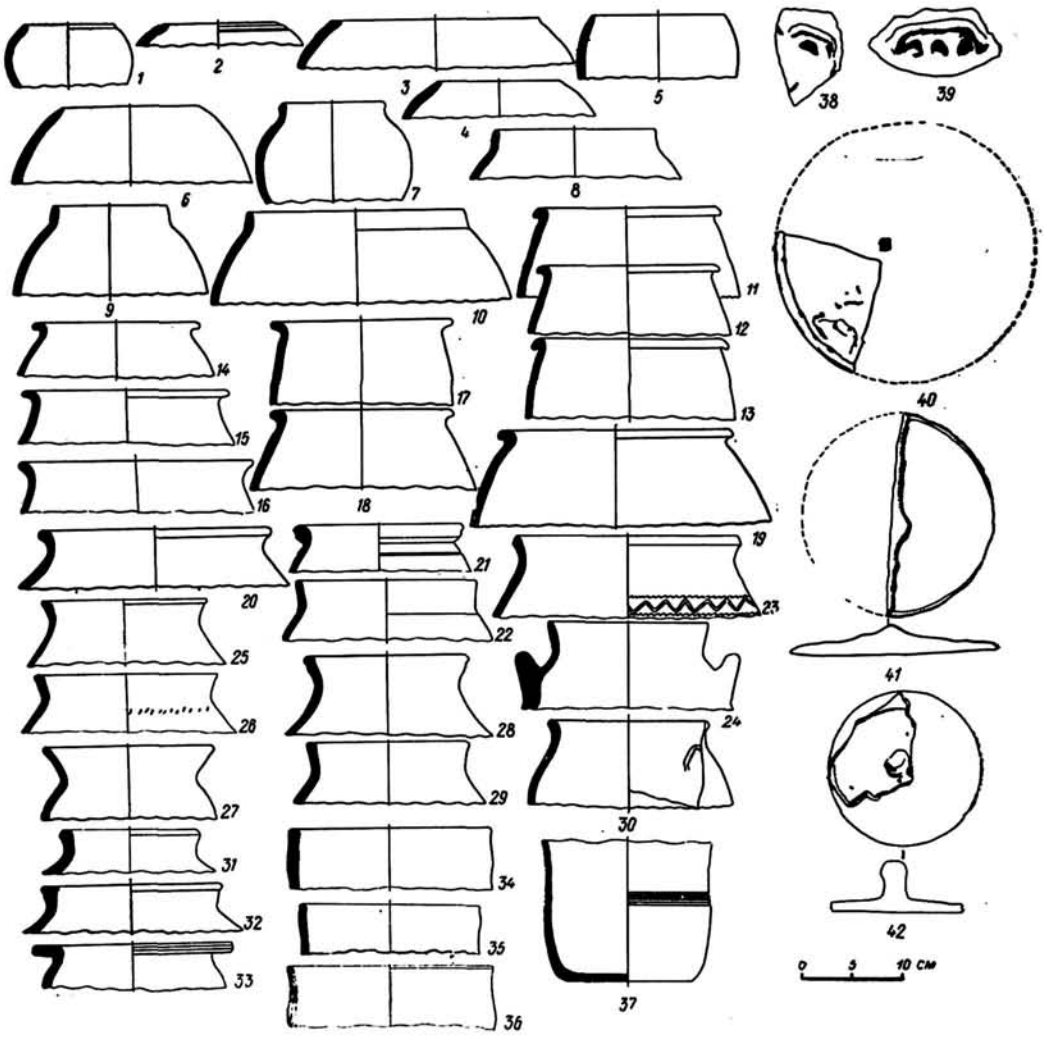

Табл. XVII. Керамика городища Тепаи-шах:

кухонная керамика. Первый период — *1—4, 7, 8, 11—16, 21—26, 34, 35, 40—42*; второй период — *5, 6, 9, 10, 17—20, 27—33, 36—39*.

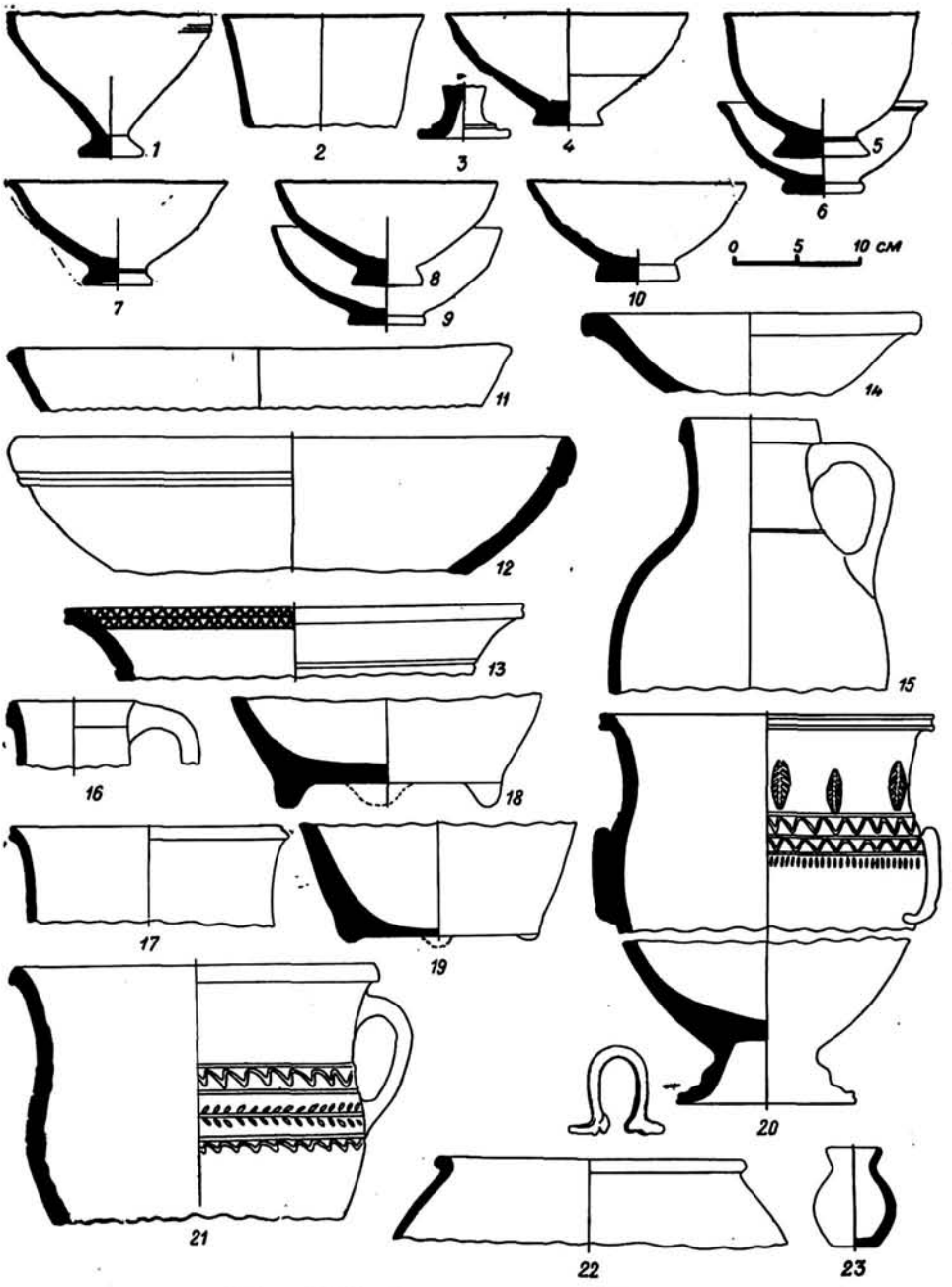

Табл. XVIII. Керамика городища Тепаи-шах:

комплекс из «водостока»: *1—3* — бокалы; *4—7* — миски; *8—10* — чаши; *11—14* — тагора; *15, 16* — кувшины; *17—19* — горшки; *20, 21* — «кратеры»; *22* — кухонная керамика; *23* — миниатюрный сосуд.

Табл. XIX. Городище Тепаи-шах. Фрагмент алебастровой скульптуры.

Табл. XX. Городище Тепаи-шах, находки:

1 — фрагмент алебастровой скульптуры; *2* — венчик хума с надписью.

Табл. XXI. Городище Тепаи-шах, мелкая пластика и фрагменты скульптуры:
1 — подъем; 2 — раскоп I, пом. XIV, пол; 3 — вне городища, при раскопке внешнего фаса стены

Табл. XXII. Городище Тепаи-шах, находки:

1—3 — терракоты.

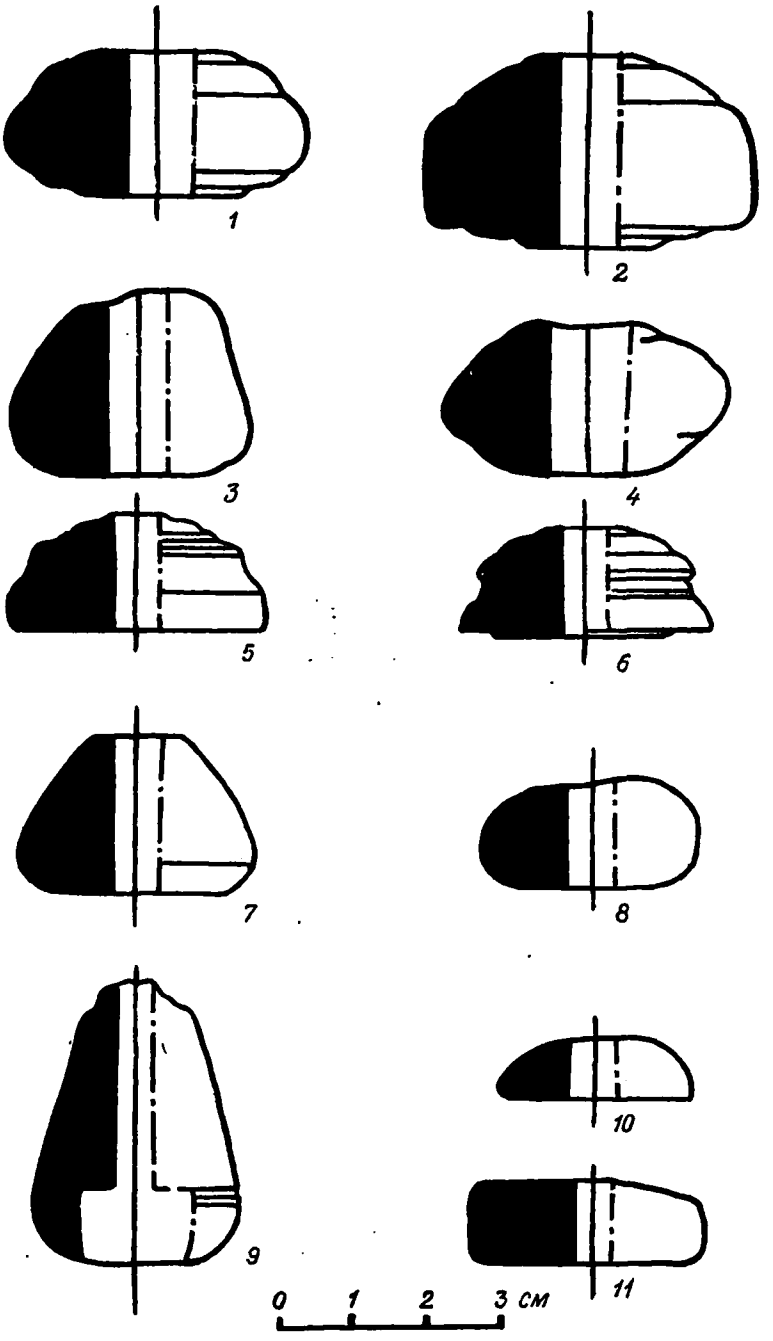

Табл. XXIII. Городище Тепаи-шах, находки:

1—11 — пряслица.

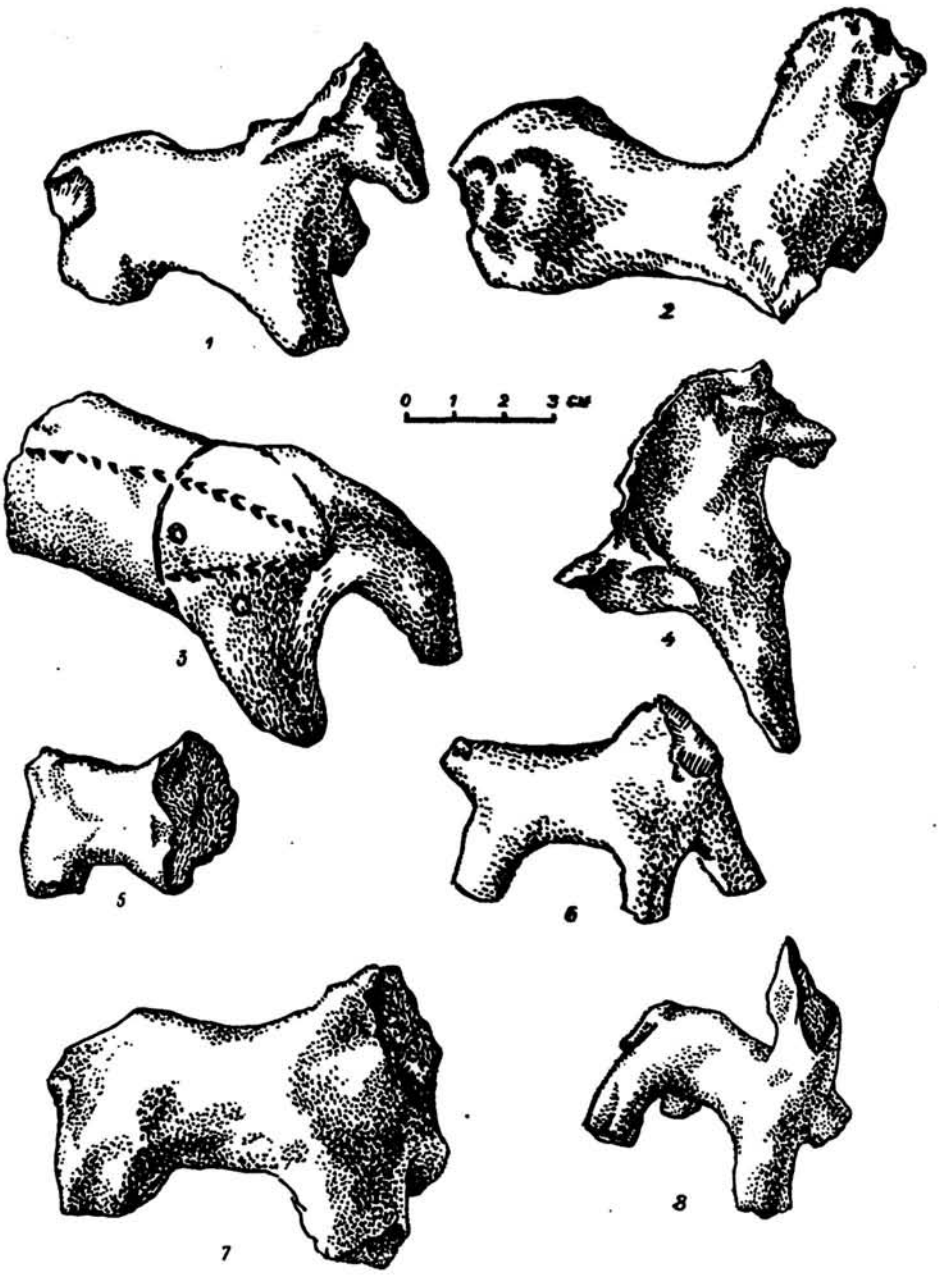

Табл. XXIV. Городище Тепан-шах, терракотовые фигурки животных:
1, 5 — подъем; *2—4, 6—8* — из раскопов.

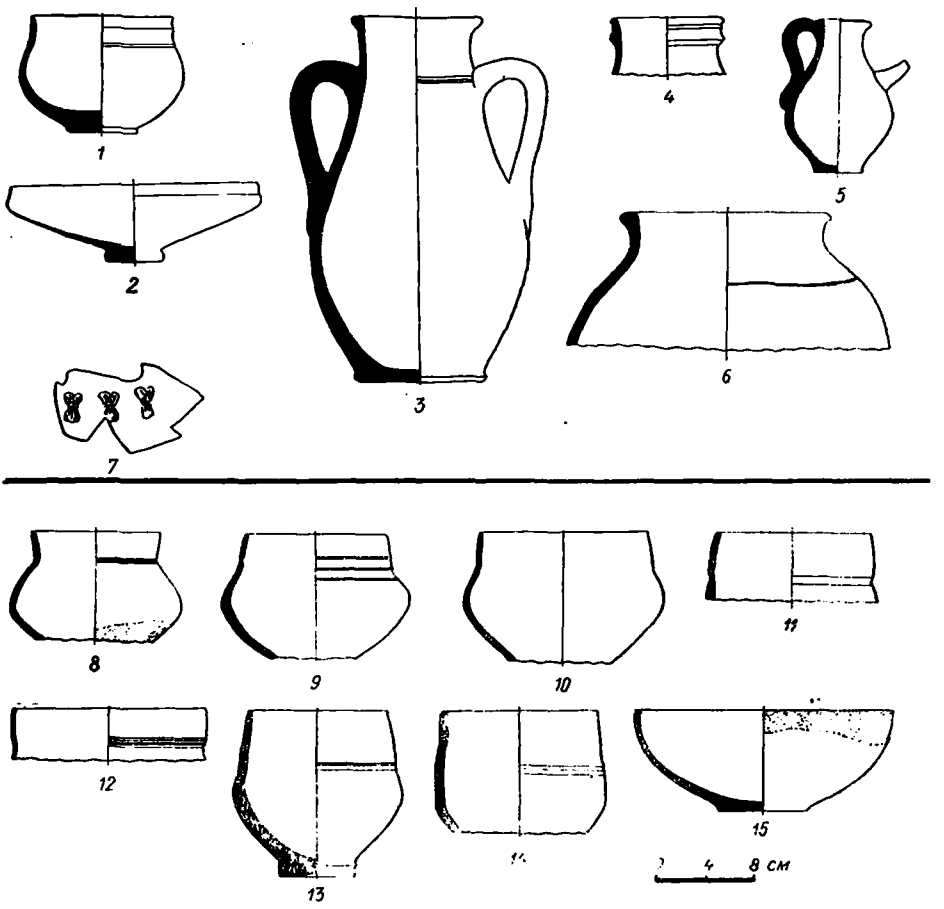

Табл. XXV. Некрополь Тепан-шах, керамика:

1—7 — из сооружения I; *8—15* — вне сооружения I.

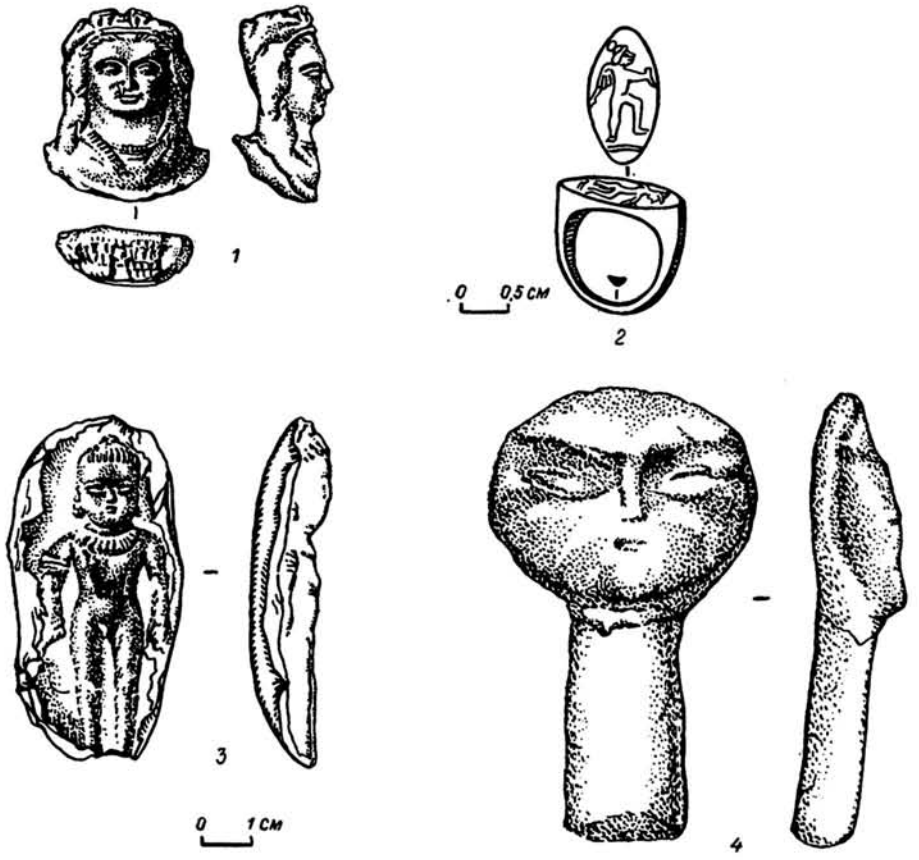

Табл. XXVI. Некрополь Тепаи-шах, находки:

1, 2 — из сооружения IV; *3* — из сооружения I; *4* — из сооружения II.

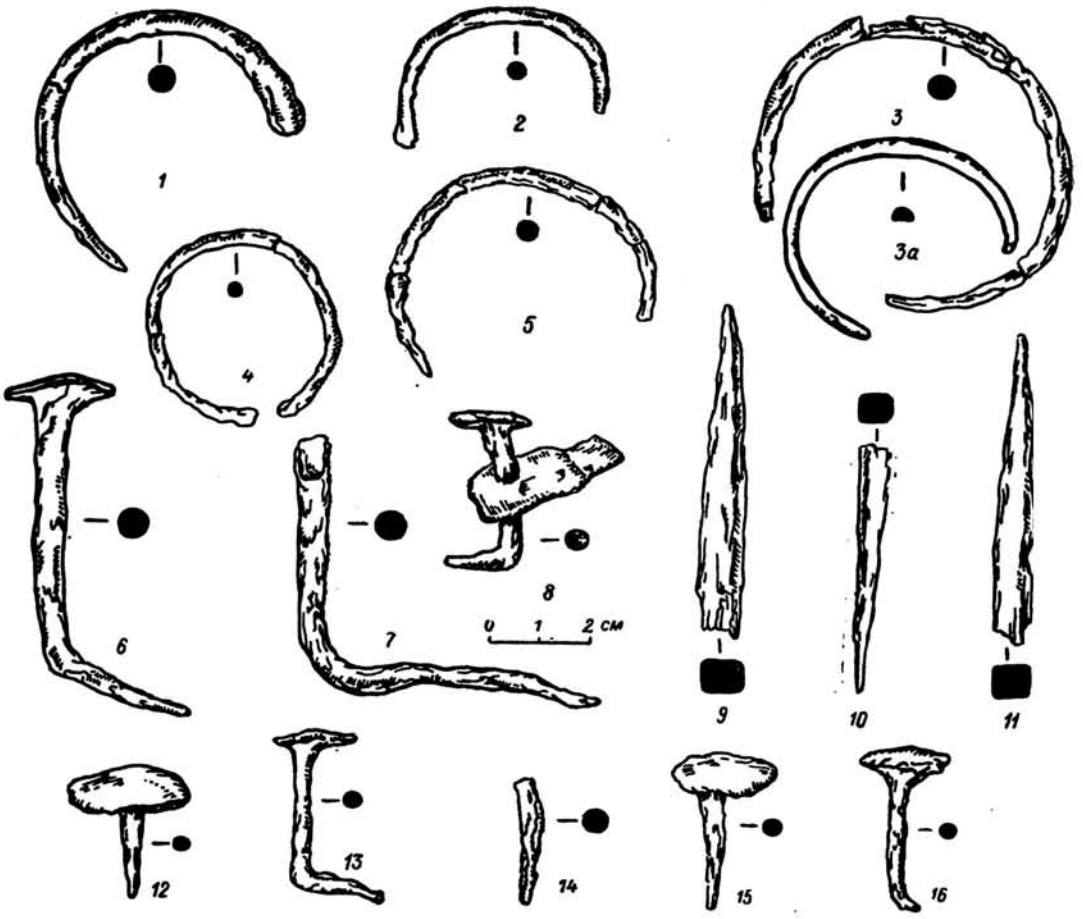

Табл. XXVII. Некрополь Тепаи-шах:

1—16 — находки из сооружения I.

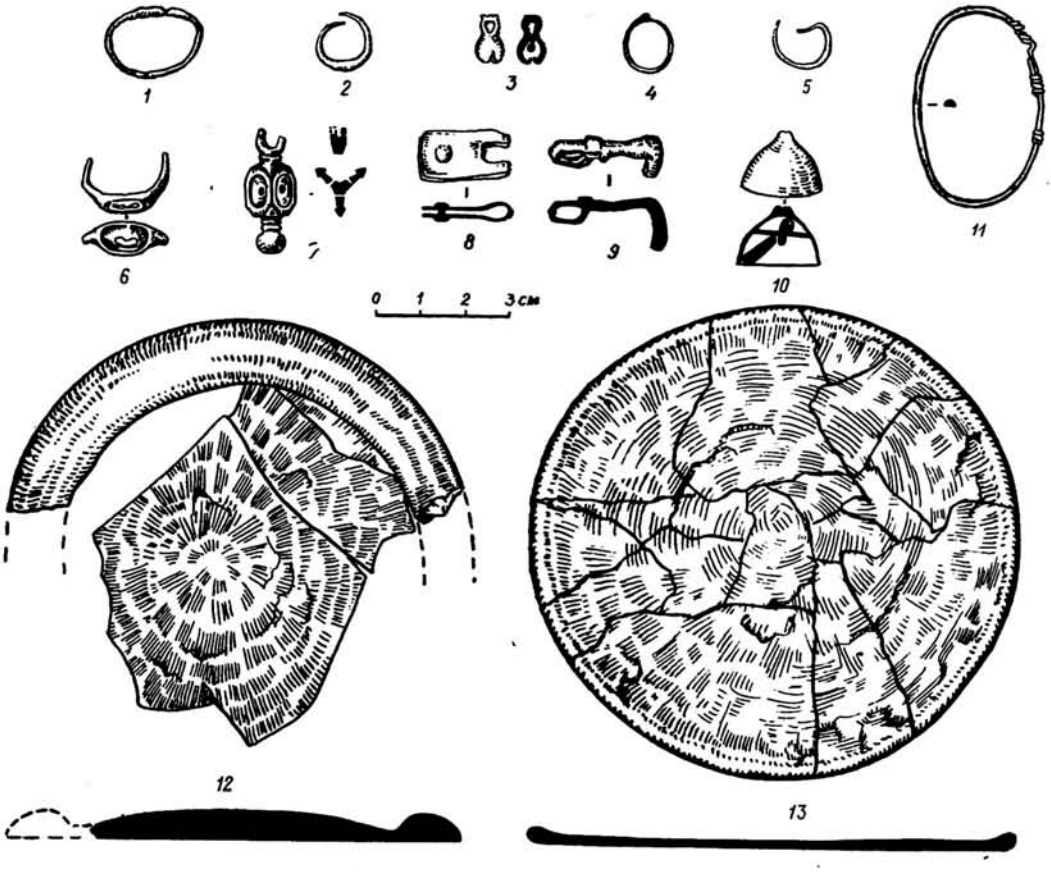

Табл. XXVIII. Некрополь Тепан-шах:

1—13 — находки из сооружения 1.

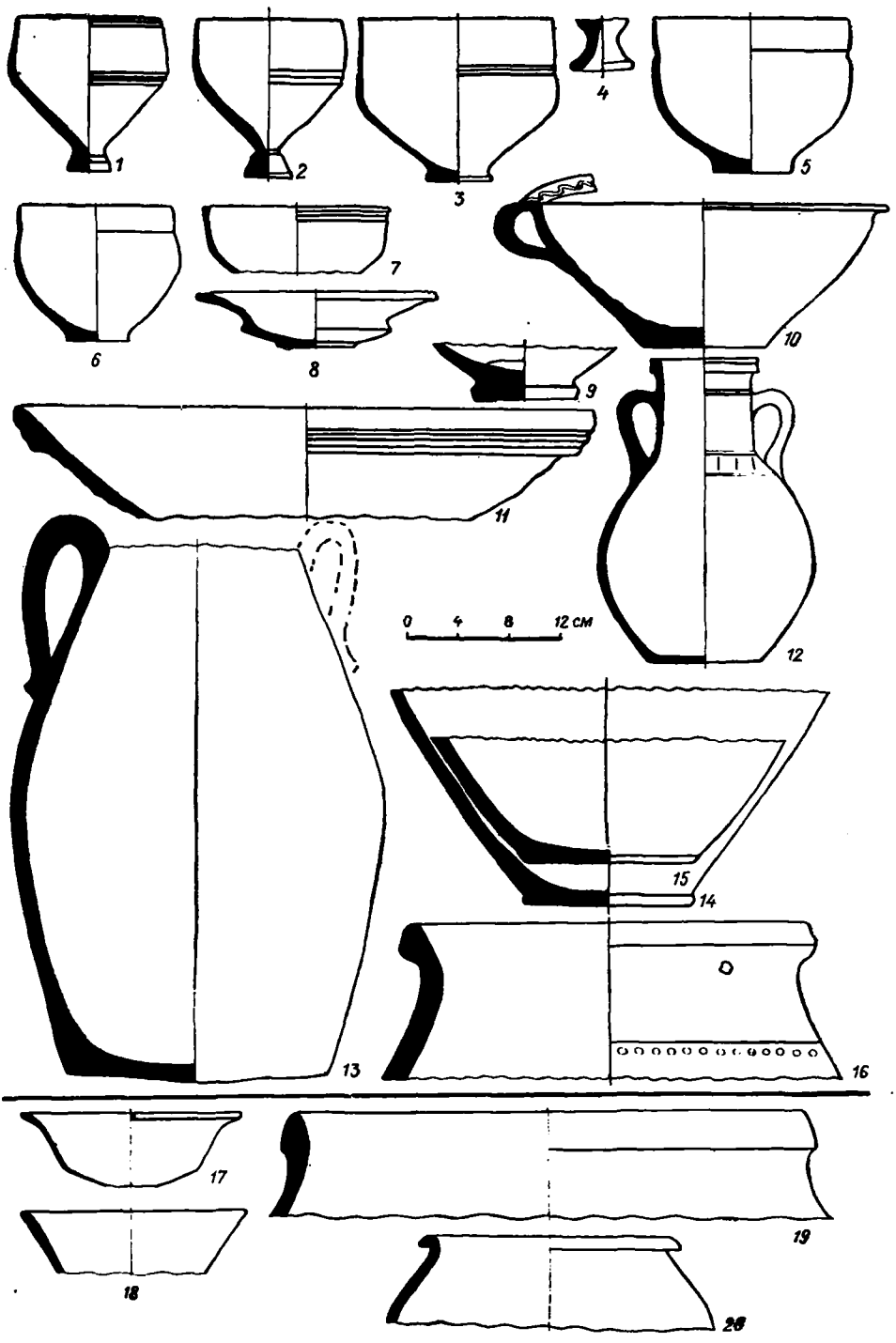

Табл. XXIX. Некрополь Тепаи-шах:

1—16 — керамика из сооружения II; *17—20* — вне сооружения II.

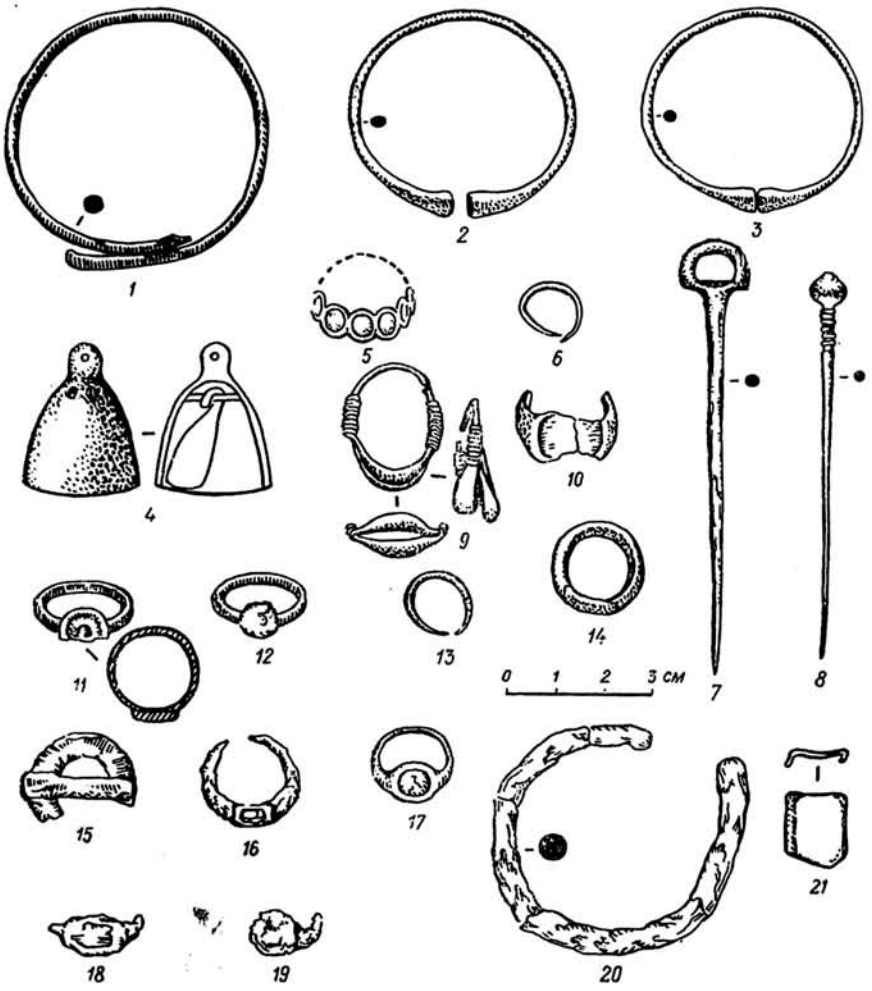

Табл. XXX. Некрополь Тепан-шах:

1—22 — находки из сооружения II.

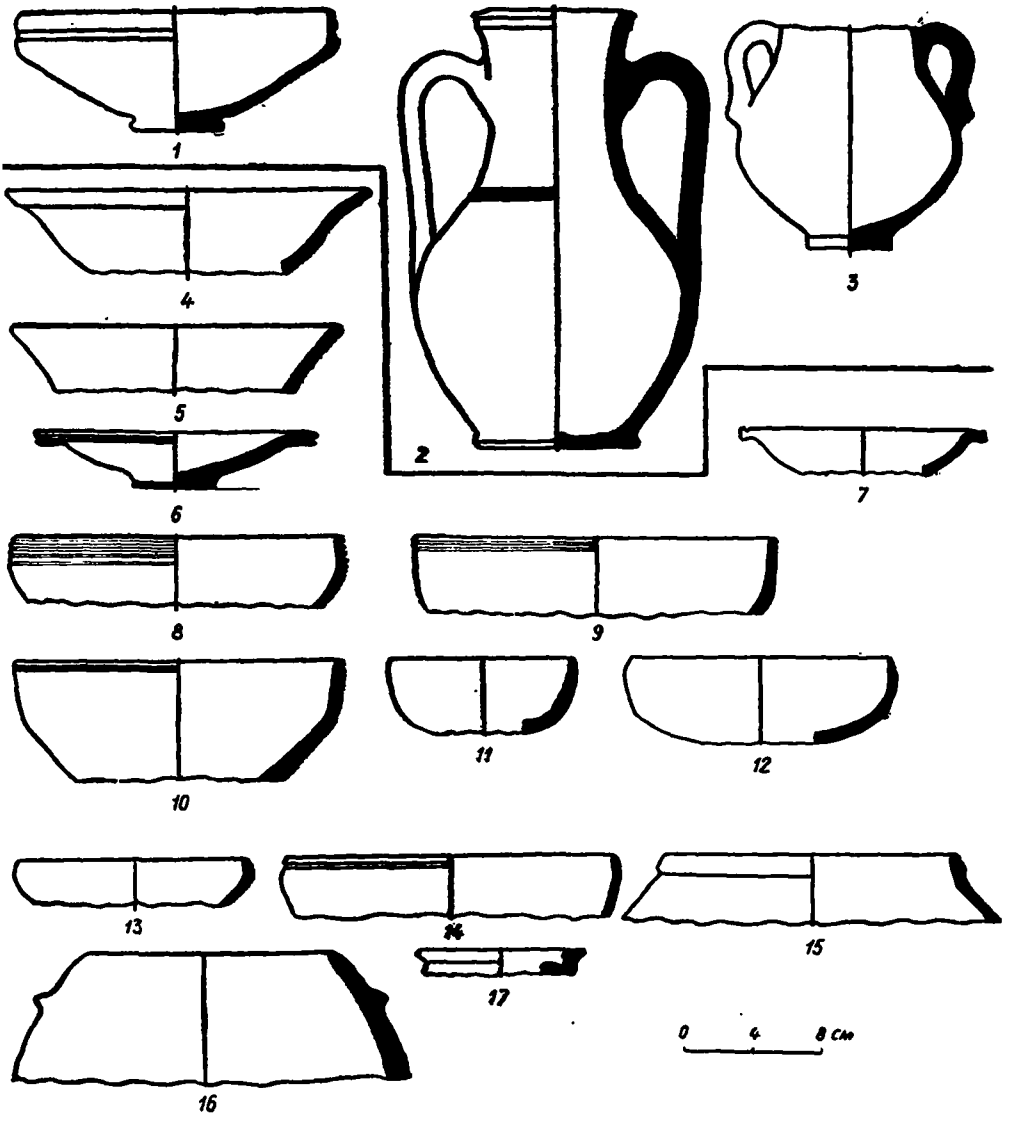

Табл. XXXI. Некрополь Тепан-шах: *1—3* — керамика из сооружения III; *4—17* — из сооружения IV

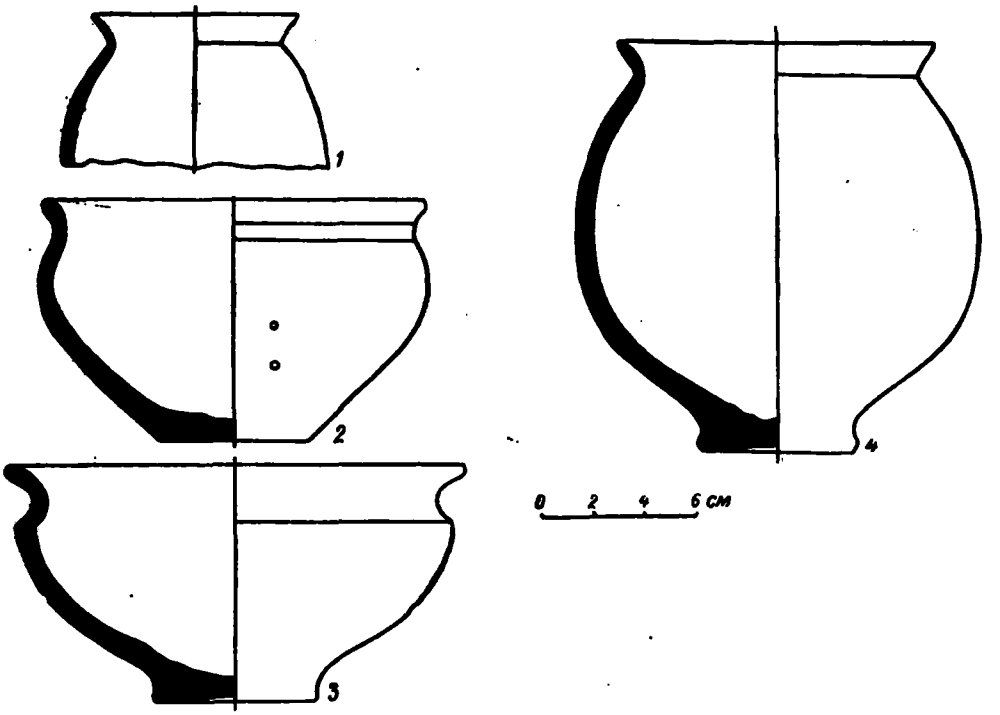

Табл. XXXII. Кызларкалинские погребения, керамика:
1, 2 — из погребения 1; *3, 4* — из погребения 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Археологические памятники оазиса Шах 7

1. Городище Тепан-шах 7
   а. Описание раскопов 8
   б. О фрагментах скульптуры и терракотах с городища Тепан-шах . . . 22
   в. Датировка Тепан-шах и некоторые вопросы хронологии кушанских памятников Северной Бактрии—Тохаристана 27
2. Некрополь Тепан-шах 38
   а. Раскопки 38
   б. Историко-культурные и хронологические соображения 51
3. Другие памятники оазиса Шах 62
   а. Усадьба Хирман-тепе 62
   б. Обжигательная печь 68
   в. Винодавильня на Патта-тепе 70
   г. Поселение Хишт-тепе 71
   д. *Поселение ахеменидского времени* 75
   е. Буддийское святилище Уштур-мулло 75
   ж. Городище Кызлар-кала 79
   з. Погребения около городища Кызлар-кала 80
4. Оазис Шах — этапы истории и черты культуры 81

Глава II. Некрополь Тепан-шах и проблемы бактрийско-кушанских погребальных верований и обрядности 84

1. Генезис и семантика бактрийско-кушанского обряда погребения в наусах. Парфянские параллели 84
   а. Наусы Ай-Ханум и Дальверзина 84
   б. Проблема генезиса бактрийских погребальных сооружений в литературе 89
   в. *Наземные гробницы в Парфии. Генезис отдельных типов парфянской и бактрийской погребальной архитектуры* 90
2. Зороастризм в Бактрии (в свете изучения погребального обряда) . . . 107

Глава III. Город в Средней Азии и Северной Индии кушанского времени (параллели) 117

Приложение I. Находки с городища и некрополя Тепан-шах 138

Каталог 1. Керамика городища Тепан-шах 138
Каталог 2. Находки с городища Тепан-шах 145
Каталог 3. Погребальный инвентарь некрополя Тепан-шах и кызларкалинских погребений 149

Приложение II. Е. В. Зеймаль. Монетные находки 1972 г. из Шаартуз-
ского района. Реестр 161
Примечания 172
Цитированные источники и литература 181
Список сокращений 197
Указатель географических названий и археологических памятников 199
Summary 202
Иллюстрации 205

Борис Анатольевич Литвинский,
Александр Всеволодович Седов

ТЕПАИ-ШАХ

(Культура и связи кушанской Бактрии)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Т. М. Швецова*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Н. Б. Ослегина*

ИБ № 14589

Сдано в набор 11.03.82. Подписано к печати 25.02.83
А-02148. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная № 2
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 21.0. Усл. кр.-отт. 21.95. Уч.-изд. л. 24.14
Тираж 2900 экз. Изд. № 5028. Зак. № 1241. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р. 90 к.

В книге рассказывается о результатах археологических исследований на юге Таджикистана. Публикуются изображения находок и детально описываются раскопанные памятники. Большое внимание уделяется историко-культурному истолкованию найденных памятников и раскрытию связей кушанской Бактрии с Индией, Парфией и эллинистическо-римским Средиземноморьем.

